ВЛАДИМИР
КОЛГАНОВ

Булгаков и «Маргарита»

или
ИСТОРИЯ НЕСЧАСТНОЙ ЛЮБВИ «МАСТЕРА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Из дневника Булгакова: «Около двух месяцев я уже живу в Обуховом переулке в двух шагах от квартиры К., с которой у меня связаны такие важные, такие прекрасные воспоминания моей юности…» Кто такая эта загадочная К., булгаковеды до сей поры не разгадали. Литературное расследование автора посвящено разгадке личности таинственной дамы, в которую был безнадежно влюблен М.А. Булгаков.

Помимо истории о несчастной любви известного писателя к очаровательной княгине, вниманию читателей представлен рассказ о жизни потомков главной героини. Исследование биографий некоторых персонажей приводит к неожиданным открытиям, которые снова возвращают нас назад, в 20-е и 30-е годы прошлого столетия, но не в Москву, что было бы логичнее, а на берега Сены, Темзы, на побережье Средиземноморья и в Берлин. Немало страниц посвящено судьбам русских аристократов на примере родственников княгини и ее многочисленных знакомых.

- Владимир Колганов
  -
  - От автора
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
- notes
  - 1

Владимир Колганов
Булгаков и «Маргарита», или История несчастной любви

Мы шли по кривому, скучному переулку безмолвно, я по одной стороне, а она по другой. И не было, вообразите, в переулке ни души. Я мучился, потому что мне показалось, что с нею необходимо говорить, и тревожился, что я не вымолвлю ни одного слова, а она уйдет, и я никогда ее более не увижу…

И, вообразите, внезапно заговорила она:

— нравятся ли вам мои цветы?

Я отчетливо помню, как прозвучал ее голос, низкий довольно-таки, но со срывами, и, как это ни глупо, показалось, что эхо ударило в переулке и отразилось от желтой грязной стены. Я быстро перешел на ее сторону и, подходя к ней, ответил:

— Нет.

Она поглядела на меня удивленно, а я вдруг, и совершенно неожиданно, понял, что я всю жизнь любил именно эту женщину! Вот так штука, а? Вы, конечно, скажете, сумасшедший?

М.А. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

От автора

Сразу признаюсь, что ожидал большего после выхода в свет первой моей книги — «Дом Маргариты. Московские тайны Михаила Булгакова». Смутило отсутствие реакции признанных булгаковедов. То ли дело в том, что из разряда классиков Булгакова вытеснили нынешние лауреаты громких премий, то ли оказался наглухо замурован вход в узкокорпоративную среду, именуемую российским литературоведением. Не знаю, в чем причина. Скорее всего, просто не нашли что возразить. Ну что ж, тогда есть смысл это исследование продолжить.

Итак, вашему вниманию предлагается продолжение истории о Булгакове и о княгине. Однако чтобы обойтись без ссылок на «Дом Маргариты», первую главу заимствовал оттуда практически один к одному. Разве что появились новые фотографии, да внесены кое-какие коррективы в текст. Особенно горжусь отреставрированной мной фотографией Юрия Михайловича и Киры Алексеевны, четы Козловских.

Помимо рассказа об истории несчастной любви писателя к очаровательной княгине, здесь вы узнаете о жизни потомков главной героини в эмиграции — в Европе и за океаном. Трудно было бы удержаться и не воспользоваться возможностью рассказать о судьбах русских аристократов на примере родственников княгини и ее многочисленных знакомых. Упомяну лишь самых известных из них — Солдатёнковы, князья Трубецкие, Хлебниковы. В круг событий, связанных с этими семействами, оказались вовлечены и Михалковы с Кончаловскими — им посвящена чуть ли не целая глава.

Исследование биографий некоторых персонажей приводит к неожиданным открытиям, которые снова возвращают нас назад, в 20-е и 30-е годы прошлого столетия, но не в Москву, что было бы логичнее, однако на берега Сены, Темзы, на побережье Средиземного моря и в Берлин. Что поделаешь, не одному Булгакову в те времена досталось. Судьба некоторых эмигрантов настолько насыщена событиями загадочными и чрезвычайными, что стоило бы заняться ими всерьез. Некоторые из обнародованных мной фактов ранее были совершенно неизвестны. Что уж тут говорить, если пришлось просматривать списки русских нацистов, копаться в биографиях их немецких коллег и даже обращаться за информацией в МИД Германии. Жаль, что придется ограничиться анализом только тех материалов, которые так или иначе связаны с именем Булгакова. Да и то связь эта подчас может показаться надуманной и

эфемерной, однако, как нетрудно убедиться, уж очень многое в этом мире крутится вокруг имени замечательного русского писателя.

Было бы странно, если бы содержание книги свелось к изложению занимательных, загадочных историй. Стоило ли ради этого писать? По счастью, среди персонажей есть люди, пытавшиеся разгадать смысл грандиозных событий, свидетелями которых оказались. Различия в понимании либеральных идей, в отношении к русскому народу и противоречивая трактовка нравственных понятий, в частности обязательств мужчины перед женщиной, — все это позволило и мне высказать свое мнение по некоторым из волнующих общество проблем.

Ну а последняя глава оказалась совершенно необычной. В ней я попытался реконструировать события давних лет — обстоятельства недолгого знакомства Михаила Афанасьевича Булгакова и княгини Киры Алексеевны Козловской. Собственно, глава так и называется — «Фантазия на заданную тему». Если читателям понравится, придется историю продолжить — кто знает, может быть, получится роман.

Глава 1
Загадочная К

Из дневника Булгакова, декабрь 1924 года: «Около двух месяцев я уже живу в Обуховом переулке в двух шагах от квартиры К., с которой у меня связаны такие важные, такие прекрасные воспоминания моей юности и 16-й год и начало 17-го».

Кто такая эта загадочная К., булгаковеды до сей поры не разгадали. То ли сочли эту запись недостаточно важной для понимания личности писателя, то ли, попытавшись разобраться, что к чему, так и не уразумели, при чем тут К. и какое отношение может она иметь к Булгакову. Тем интереснее попытаться решить эту «неразрешимую» загадку.

Первое, что приходит в голову, — отыскать в ближайшей округе, поблизости от Обухова (ныне Чистого) переулка, какую-нибудь К., а отыскав, попробовать обнаружить в ее жизни то общее, что могло бы связывать ее с Михаилом Афанасьевичем. Искать, анализировать, по крупицам собирая факты биографии, и так до тех пор, пока не убедишься, что все совсем не то, или не найдешь более подходящую кандидатуру на роль этой таинственной незнакомки.

Однако что общего может быть у Булгакова с какой-то дамой, кроме любовных отношений, — это при том, что речь идет о воспоминаниях «прекрасных»? Если среди возможных К. искать даму привлекательную, мы зайдем в тупик, поскольку маловероятно, что их портреты где-то сохранились. Во всяком случае, право переворошить семейные архивы мне не дано, да и поиски подобного рода могут изрядно затянуться. Так что остается лишь одно — надеяться на подсказку самого Булгакова. И вот заново перечитаны его рассказы, а память услужливо предлагает наиболее интересные отрывки из «Мастера и Маргариты» и «Дней Турбиных».

В первую очередь обращает на себя внимание странное пристрастие, даже, если позволено сказать, нездоровое влечение Булгакова к вокалу. Странное прежде всего потому, что, как оказалось, певческого дара был он начисто лишен. Но примечательно, что это влечение возникло у Булгакова еще в студенческие годы, в 1909–1911 годах. Вот его мысли на сей счет в пересказе современника:

«Вообразив, что у меня голос, я решил поставить его

по всем правилам вокального искусства. Сказано — сделано. Записался приходящим в консерваторию, толкаюсь по профессорам, извожу домашних бесконечными вокализами».

Честно скажу, не представляю, как можно этакое вообразить. Если нет голоса, значит, нет — тут никакие профессора и консерватории не помогут. Конечно, вызывает уважение настойчивость юного претендента на роль оперной звезды, однако должны же быть хоть какие-то основания для этого. Впрочем, Леонид Карум, муж Вари, сестры Булгакова, полагал, что «у него был недурной голос, бас». Однако это всего лишь мнение ближайшего родственника, лица как бы заинтересованного. Да Леонид Сергеевич своим шурином просто восторгался, видимо, белой завистью завидовал: «…высокого роста, широк в плечах, узок в талии. Фигура что надо, на ней прекрасно сидел бы фрак».

Но вот что после некоторых раздумий приходит в голову. А не было ли у Булгакова намерения использовать вокальное мастерство как способ покорить сердце любимой женщины? Читаем в заключительном акте «Дней Турбиных»:

«Шервинский. Слушаю-с! *(Снимает пальто, шляпу, калоши, очки, остается в великолепном фрачном костюме.)* Вот, поздравьте, только что с дебюта. Пел и принят.

Елена. Поздравляю вас…

Шервинский. Ну, пусть попробуют тронуть человека, у которого две полные октавы в голосе да еще две ноты наверху!.. Леночка? Можно объясниться?

Елена. Объяснитесь.

Шервинский. Лена! Вот все кончилось. Николка выздоравливает… Петлюру выгоняют… Я дебютировал… Теперь начинается новая жизнь. Больше томиться нам невозможно. Он не приедет. Его отрезали, Лена! Я не плохой, ей-богу!.. Я не плохой…

Елена. Ну хорошо! Скучно мне и одиноко. Тоскливо. Хорошо! Я согласна!

Шервинский. Ты победил, Галилеянин! Лена! *(Поет.)* И будешь ты царицей ми-и-и-ра…»

Увы, Булгакову, не имевшему в голосе даже полутора октав, такая удача и не снилась. Его удел — завидовать Шервинскому. Ну, разве что попытаться найти иные способы, чтобы покорять сердца прекрасных дам. Известно, что со временем ему это

удалось — трудно представить такое количество поклонниц, которые появились у автора «закатного» романа. Ну а тогда, скажем, в конце 1917 года? Что оставалось бесталанному? Осталась лишь тоска, угадываемая в строках, адресованных сестре Надежде:

> «В начале декабря я ездил в Москву по своим делам, с чем приехал, с тем и уехал. И вновь тяну лямку в Вязьме, вновь работаю в ненавистной мне атмосфере среди ненавистных людей…»

«И вновь…» Нет, совершенно непонятно, откуда такая безнадежность, можно сказать, крик израненной души. Нелады с работой — это еще не повод, чтобы все проклинать и видеть окружающее в черном цвете. В конце концов, самое главное для настоящего врача — это избавлять пациентов от страданий. Сознание выполненного долга — вот главная основа для спокойствия души. Разве что мысли и чувства Булгакова в те дни были заняты чем-то куда более важным.

Тема вокала, ну, в крайнем случае хорового пения возникает в произведениях Булгакова не раз — вспомним хотя бы «глухой, смягченный потолками и коврами, хорал», так возмутивший профессора Преображенского. Но нас интересуют не способ выражения и не последствия привязанности писателя к вокалу, а скрытая причина этого явления.

А что, если предположить, что тема вокала в произведениях Булгакова связана с воспоминаниями о К.? Что, если неудавшаяся попытка покорить сердце любимой женщины со временем превратилась в навязчивое желание пережить иллюзию торжества в своем воображении? Тогда логично допустить и следующее — причиной душевных мук Булгакова в то время, когда работал он врачом на Смоленщине и в Вязьме, была вовсе не мысль о заточении в захолустье. Причина не в «ненавистной атмосфере» и не в физических страданиях, ради избавления от которых он якобы прибегнул к помощи наркотиков. Куда естественнее его обращение к морфию как средству заглушить боль, вызванную разлукой с К., но что еще более существенно — вновь и вновь в своих грезах встретиться с любимой!

Читаем рассказ «Морфий» из «Записок юного врача»:

> «Как все просто, в сущности. Оперная певица сошлась с молодым врачом, пожила год и ушла… Но вот уже полмесяца, как я ни разу не возвращался мыслью к обманувшей меня женщине. Мотив из партии ее Амнерис покинул меня. Я очень горжусь этим. Я — мужчина… Так

что вот, — я вижу жутко освещенную рампу, из нее пышет разноцветная лента огней. Амнерис, колыша зеленым пером, поет…

Анна *(печально).* — Что тебя может вернуть к жизни? Может быть, эта твоя Амнерис — жена?

Я. — О нет. Успокойся. Спасибо морфию, он меня избавил от нее. Вместо нее — Морфий…»

«Вместо нее — Морфий». Теперь становится многое понятно, поскольку Булгаков объясняет это сам. От нас только требуется его «услышать», найти скрытый смысл в его словах, представив в образе Амнерис ту самую К. Влечение Булгакова к вокалу можно объяснить как попытку сблизиться таким образом с любимой, быть рядом с ней хотя бы в своем воображении, возможно, даже возродить то общее, что между ними было.

А вот отрывок из «Записок покойника»:

«Я приложил дуло к виску, неверным пальцем нашарил собачку. В это же время снизу послышались очень знакомые мне звуки, сипло заиграл оркестр, и тенор в граммофоне запел:

— Но мне бог возвратит ли все?!

„Батюшки! „Фауст“! — подумал я. — Ну, уж это, действительно, вовремя. Однако подожду выхода Мефистофеля. В последний раз. Больше никогда не услышу“.

Оркестр то пропадал под полом, то появлялся, но тенор кричал все громче:

— Проклинаю я жизнь, веру и все науки!

„Сейчас, сейчас, — думал я, — но как быстро он поет…“

Тенор крикнул отчаянно, затем грохнул оркестр.

Дрожащий палец лег на собачку, и в это мгновение грохот оглушил меня, сердце куда-то провалилось, мне показалось, что пламя вылетело из керосинки в потолок, я уронил револьвер.

Тут грохот повторился. Снизу донесся тяжелый басовый голос:

— Вот и я!»

Ну, здесь и комментировать нечего, коль скоро речь идет о самоубийстве. Вот если бы в дверь постучалась К. …

Итак, есть основания для того, чтобы искать в окрестностях Обухова переулка профессиональную певицу или хотя бы молодую женщину с нежным, волнующим сердце слушателя

колоратурным или же лирическим сопрано.

И вот что я нашел.

В начале прошлого века в собственном доме под № 3 по Обуховому переулку, рядом с усадьбой супруги обер-кригс-комиссара Анастасии Офросимовой, много раз упоминавшейся в мемуарах начала XIX века, проживала Ольга Арсеньевна Корещенко, купчиха. Ее сын — Арсений Корещенко, получивший свое имя в честь деда, довольно известный русский композитор, пианист и музыкальный критик, ученик Сергея Танеева по классу «фортепьяно» и Антона Аренского по композиции. Любопытно, что первые уроки музыки давала ему мать, ученица знаменитого Дюбюка.

Глава семейства Николай Корещенко в середине XIX века владел на Кузнецком Мосту чайным магазином под вывеской «Китай». В 1867 году на Всемирной выставке в Париже был популярен его трактир — русская кухня всем понравилась. Чтобы привлечь посетителей в трактир, купец, следуя европейскому обычаю, использовал в обслуге попеременно двух красавиц — девицы были в сарафанах и кокошниках. Из них Авдотья считалась самой привлекательной, особенно среди французов. Впрочем, девицы в сарафанах тут совершенно ни при чем.

Кого же мог навещать Булгаков в Обуховом переулке в годы юности или позднее, в 1916–1917 годах? Отца семейства к тому времени не стало. Ольга Арсеньевна ввиду преклонного возраста вряд ли уже могла чем-то привлечь внимание молодого человека. Можно предположить, что у нее была дочь, да и той небось было лет тридцать — сорок. Возможно, подобно брату, она была неравнодушна к музыке, и вот волшебные звуки ее голоса настолько очаровали Михаила, что… Это всего лишь догадка, но кто знает?

Дальнейшие поиски показали следующее: Корещенко Арсений поступил в Московскую консерваторию в 1884 году по классам «композиция» и «фортепьяно». Причем учился он одновременно и в консерватории, и в гимназии. А вот на следующий год в консерваторию поступила Корещенко Мария. И числилась она по классу… да, да, речь снова о вокале. Казалось бы, все сходится. Вполне можно представить себе, как Маша с Мишей музицировали и пели романсы на два голоса. Его подруга была старше приблизительно на двадцать лет. Ну, скажем, ей было около сорока, ему — примерно восемнадцать. Тогда-то все случилось…

Догадки догадками, но справедливость версии нужно доказать. Была ли эта Мария на самом деле дочерью Ольги Арсеньевны Корещенко или на худой конец хотя бы ее дальней

родственницей, жившей в 1916–1917 годах в том же доме? Увы, я вынужден признать, что дом на Обуховом был к тому времени снесен — семейство переехало в дом Павлова, что на Пречистенском бульваре. Однако поблизости от Обухова переулка жил второй сын Ольги Арсеньевны, врач, с женой Марией Васильевной. Ужель та самая Мария? Мария, Маргарита…

Смущает в этой версии одно — ко времени описываемых событий у Марии Васильевны была уже взрослая дочь, что никак не укладывается в рамки романтической истории знакомства с молодой дамой. Так, может быть, Михаил ухлестывал сразу за двумя? Сомнений нет, что будущий литератор был ходок, но… Но не до такой же степени!

Спешу вас успокоить — не все так плохо, как казалось, поскольку появилась новая, куда более занимательная версия знакомства Михаила Афанасьевича с К.

Итак, мы возвращаемся к загадочной записи из дневника Булгакова от 20–21 декабря 1924 года: «Около двух месяцев я уже живу в Обуховом переулке в двух шагах от квартиры К., с которой у меня связаны такие важные, такие прекрасные воспоминания моей юности и 16-й год и начало 17-го».

Автор капитального труда в серии ЖЗЛ известный писатель Алексей Варламов пишет по этому поводу так:

> «С чем связана эта запись, кто скрывается за буквой К., мы не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем, но отношения с ней были очень недолгим просветом в судьбе молодого доктора, а потом снова наступала „тьма египетская“…»

А что, если прекрасные воспоминания связаны не с К., а с неизвестной нам квартирой, в которой то ли проживала, то ли проживал К.? Ведь можно и так толковать слова Булгакова — будто он жил «в двух шагах от квартиры… с которой связаны такие важные…», далее по тексту.

В то самое время в доме № 8 по Обуховому переулку квартировал некто Михаил Кутании, врач, ассистент психиатрической клиники Императорского Московского университета. Сын действительного статского советника и предводителя уездного дворянства, он дожил до преклонных лет, несмотря на кадровые чистки и репрессии. Но речь тут о другом. В 20-х годах Кутании увлекался эвропатологией, изучением генетических корней гениальности и ее связи с психопатологией, опубликовав по этой теме ряд статей: «Бред и творчество», «Гений, слава и безумие». Примерно ту же тему затрагивает и

монография, написанная в послевоенные годы: «Синдром многописательства». Впрочем, анализ научных достижений основателя саратовской школы психиатрии — не наше дело. С другой стороны, эти понятия — гениальность, бред, слава и безумие — не они ли положены в основу истории Мастера в «закатном» романе Михаила Афанасьевича?

Однако мое внимание привлекла книга, изданная Кутаниным в далеком 1915 году: «Хронический кокаинизм. К вопросу о психозах отравления». Стоит припомнить, что Булгаков впервые принимал наркотик, тот самый кокаин, двумя годами ранее, в 1913 году. Как утверждала его жена, Татьяна Лаппа, она тоже пробовала, но ей не понравилось: «Я отвратительно себя чувствовала после этого. Не то чтобы возбуждение какое-то, а сонливость. И начиналась рвота. А он — прекрасно».

Вы спросите: при чем же здесь Кутании? А не был ли уже тогда его пациентом Михаил Булгаков? Или же совсем наоборот — прекрасные воспоминания были связаны с употреблением наркотика, а книга о хроническом кокаинизме была написана по результатам совместного научного исследования? Только представьте — один врач, точнее будущий врач, по имени Михаил, был чем-то вроде «подопытного кролика», участника научного эксперимента, другой же врач, тоже Михаил, внимательно наблюдал за тем, что с пациентом происходит. Типичный случай раздвоения личности с переходом заболевания в хроническую форму. А говорили, будто к морфию он пристрастился, чтобы избавиться от болей…

Впрочем, это не более чем домыслы, только и всего. С другой стороны, если верить мнению Варламова — что нам остается?

А между тем есть очень интересный вопрос, на который до сих пор не было дано четкого ответа. Кто мог подсказать Булгакову идею, положенную в основу повести «Собачье сердце»? Дядя-гинеколог, Николай Покровский, или другой дядя, педиатр, — да с какой, спрашивается, стати?! По мнению Татьяны Лаппа-Кисельгоф, Михаил Покровский и сам-то был немного не в себе. С таким же успехом это могла быть и «зубная врачиха, Зинушка», у которой Михаил Афанасьевич лечил зубы после переезда в Москву. Нет, все не так — подсказать мог только психиатр! Конечно, и сам Булгаков был врачом, но к психиатрии не имел никакого отношения. А между тем саратовское евгеническое общество, основанное в 1923 году, возглавлял тот самый Михаил Кутании.

Попробуем эту версию развить — если идею повести с евгеникой подсказал Булгакову психиатр Кутании, то не логично ли будет допустить, что он и стал прототипом профессора

Преображенского? А вот это вряд ли. Однако предположение, будто Михаил Кутании был тем таинственным К., по-прежнему остается в силе — логика и совпадение ряда обстоятельств не позволяют его начисто отбросить. И все же есть ощущение, что от дневниковой записи, сделанной в декабре 1924 года, исходит аромат прекрасной дамы. Разве не так?

Но прежде чем перейти к следующей версии, хотелось бы обратить внимание вот на что — на присутствие слова «важный» в той фразе из булгаковского дневника. Если бы речь шла о романтическом любовном свидании, автор вряд ли бы так написал. Сравните со словами из «Мастера и Маргариты»:

> «— За что это вы его благодарите? — заморгав, осведомился Бездомный.
>
> — За очень важное сведение, которое мне, как путешественнику, чрезвычайно интересно, — многозначительно подняв палец, пояснил заграничный чудак…»

Так что, если воспоминание связано не с чертом, а с прекрасной дамой, можно предположить, что она стала первой женщиной в жизни Михаила Афанасьевича. Причем первой исключительно в том смысле, что «очень важной». Если же незнакомка оказывается тут ни при чем, тогда возможен вариант и с психиатром. В конце концов, кому что нравится…

Известно, что среди знакомых Булгакова было несколько К. Конечно, Коморские и Крешковы, несмотря на присутствие в их инициалах буквы «к», тут явно ни при чем, поскольку жили они не на Пречистенке, а недалеко от Патриарших. Но вот приятель Булгакова художник Сергей Топленинов имел в виду совсем другую К., даже настойчиво прочил ее в Маргариты. Речь о его жене, Марии Кекушевой, дочери известного архитектора, перестроившего «Прагу» и вложившего немало сил в создание гостиницы «Метрополь» (вследствие того он закончил жизнь, как предполагают, в «желтом доме»). Какие были основания считать, что это и была та самая К. — да откуда же мне знать? Разве что адрес привлекает — до революции Кекушевы жили неподалеку от Обухова переулка, на Пречистенском бульваре.

Дом № 6 в Обуховом переулке

Была в жизни Булгакова и еще одна примечательная К. В доме Викентия Вересаева, где Михаил Афанасьевич нередко бывал, жила семья неких Дроздовских. Булгаков подружился с одной из дочерей главы семейства — звали ее Кира. Как мы увидим ниже, этот его выбор мог оказаться не случайным. Какое-то время они были неразлучны, вместе ходили по театрам. Булгакова даже прозвали «дневным мужем» Киры. А ведь зря! Думается, что употребление слова «муж» было бы в подобном случае совершенно неуместно. Впрочем, кто знает — быть может, несбывшееся желание быть рядом с К. Булгаков пытался реализовать с помощью юной Киры?

Итак, вашему вниманию предлагается третья моя догадка, самая главная. Речь пойдет о молодой даме, жившей «в двух шагах» от дома, где квартировал в 1924 году Михаил Булгаков, — на другой стороне Обухова переулка, чуть наискосок, в доходном доме под номером 6, построенном в 1913 году по заказу

наследников Надежды Филаретовны фон Мекк. С этим именем, как известно, тоже связана история нежных отношений — читайте биографию Петра Чайковского.

> «Я смотрю на замужество как на неизбежное зло, которого нельзя избежать, поэтому все, что остается, — это сделать удачный выбор».

Приведенная фраза из письма Надежды Филаретовны могла бы стать основой для интересного исследования. Однако наша цель в другом.

Начнем с того, что известно о молодой даме из дома на Обуховом более или менее достоверно.

Кира Алексеевна была дочерью действительного статского советника, камергера. Есть основания предполагать, что в пору своего знакомства с будущей женой, Еленой Карловной Герике, служил Алексей Сергеевич Блохин в звании поручика в Конно-гвардейском полку. Жили они в одном доме с тестем, там же вскоре родилась и Кира. В общем, все складывалось так же, как у других людей их круга.

Загадкой остается, каким образом никому не известный дворянин (правду сказать, из очень древнего рода), всего лишь штабс-ротмистр к сорока годам, через несколько лет получил звание камер-юнкера, а вслед за тем оказался в должности вице-губернатора. Пожалуй, объяснение состоит в том, что тесть Алексея Сергеевича, купец первой гильдии Карл Фридрихович Герике, был видным членом лютеранской общины Петербурга. Да и проживал он в доме, принадлежавшем лютеранской церкви, построенной в честь святых Павла и Петра. Там же размещалась и его контора. Если учесть влияние, которое имели немцы при дворе императрицы Александры Федоровны, да еще принять во внимание их засилье на высших государственных постах, стремительное продвижение по службе зятя влиятельного купца, немца по происхождению, не представляется столь уж невозможным.

Протекцию родственнику мог оказать и московский обер-полицмейстер Дмитрий Трепов, женатый на Софии, сестре Алексея Сергееевича Блохина. Устроил же он чиновником особых поручений в своем ведомстве другого ее брата, Николая. Однако залогом удачной карьеры будущего камергера несомненно стало положение в обществе его отца, богатого орловского помещика. А все началось с того, что на Сергея Владимировича Блохина свалилось счастье! Вот как это было.

Жил в Орловской гебернии Николай Васильевич Киреевский, отставной кавалергард, дальний родственник Василия

Жуковского, Льва Толстого и Тургенева. Что-то он там не поделил с начальством, сгоряча вышел в отставку и уединился в своем имении, в Шаблыкине, в окружении многочисленных гостей предаваясь праздности и любимому занятию — охоте. Вот какую не слишком лестную характеристику дал ему Толстой:

> «Он — ограниченный, честный, твердый человек, исключительно охотник. Из всех его рассказов три четверти принадлежат охоте…»

И вместе с тем в письме Фету Лев Николаевич весьма восторженно отзывался о хозяине:

> «А жалко, что вы не были у Киреевского. Расскажу вам, что это за прелесть — он сам и весь этот мир, который уже перешел в предание, а там действительность».

Свою страсть Николай Васильевич выразил в книге «Сорок лет постоянной охоты», изданной в 1856 году. Кое-кто после этого даже стал называть его писателем. Однако более известны были младшие братья помещика: Иван, публицист, видный теоретик славянофильства, и Петр, знаток и собиратель произведений русского народного творчества, переводчик с испанского и английского языков, также во многом разделявший взгляды славянофилов.

А вот какое описание сохранилось о Шаблыкине:

> «Село Шаблыкино и его приход расположены при большой Орлово-Трубчевской дороге, занимают ровную, немного прорезанную с востока и юго-запада оврагами, квадратную площадь, около 25 квадратных километров, орошаемую небольшою речкой Могом, тихо протекающей в илистых берегах. Климат и условия места очень благоприятны, местность сухая, в северо-восточной части покрыта лиственным лесом. Шаблыкинский приход получил свое название, как говорит предание, от фамилии помещика Шаблыкина, который лет 200 назад владел этой местностью, покрытой первобытными лесами».

Усадьбу Киреевского в Шаблыкине подробно описал известный краевед Михаил Пыляев:

> «Лет тридцать тому назад в богатом орловском

имении проживал по-царски богатый помещик Н. Киреевский, страсть которого к охоте, собакам и садовым беседкам доходила до смешного. Усадьба его издали представляла какой-то восточный заколдованный город, огромное его состояние позволяло ему вести широкую жизнь. Многие окрестные помещики составляли обычную свиту этого барина, сопровождая его на псовую охоту. Об обедах и подарках его говорили на целую губернию… Один из домов в его усадьбе был отделан как лучшая гостиница: здесь могли останавливаться более сотни приезжих, жить по неделям и даже не являться на глаза хозяина. Все желания, все прихоти гостей исполнялись в точности его дворецким. Барский дом был громадный. Главный корпус соединен был с каждой стороны длинными галереями с флигелями, отчего строение принимало огромные размеры. Большие залы в доме были в два света. По прихоти хозяина все украшения, как наружные, так и внутренние, представляли непривычному взгляду довольно странный вид. Начиная с решетки до флюгера на крыше дома все изображало одни принадлежности охоты. Из окон выглядывали медвежьи головы, в углу притаился пушной зверь, вместо ковров владелец набросал звериные шкуры. На стенах висели картины, изображавшие псовую охоту. Вся мебель была из оленьих и лосиных рогов, кабаньих голов, лошадиных ног и т. д. … Сад был прохладный, дремучий, разбитый на сорока десятинах; в нем были аллеи без клочка голубого неба — все зелень и тень. По главной аллее стояли статуи и памятники. В кущах дерев виднелись храмики с названиями, значение которых было приятно и понятно только одному владельцу. Они были построены во имя дружбы, истины, любви и терпения и т. д. Но особенно были великолепны беседки. Помещик имел к ним особенную слабость и не жалел десятки тысяч».

Это описание я привожу здесь не случайно, поскольку именно в Шаблыкине прошли юные годы Киры Алексеевны. Дело в том, что братья владельца имения умерли гораздо раньше его. Были у Киреевского дети или нет, мне точно неизвестно. Впрочем, проживали в соседнем, Малоархангельском уезде несколько Киреевских, по отчеству они были Николаевичи, но… Но с некоторых пор Николай Васильевич женщин на дух не выносил, даже въезд им в Шаблыкино был запрещен категорически. В чем

тут дело? Возможно, ему не повезло с женой — матерью тех самых Николаевичей. Достоверно известно лишь одно — перед смертью он отписал имение дальнему родственнику, деду Киры Алексеевны, жителю той же Орловской губернии, весьма достойному человеку, отставному подполковнику и статскому советнику Сергею Владимировичу Блохину.

Родственные связи Блохиных и Киреевских мне проследить не удалось. Можно лишь отметить, что и те и другие были в прежние века в родстве с Толстыми. История учит, что раз породнившиеся дворянские роды рано или поздно снова испытывают тягу друг к другу — примеров этому в родословных отыщется немало. Однако не станем больше гадать. Обратим внимание на доставшееся Сергею Владимировичу наследство:

> «В селе Шаблыкине в 1886 году было 114 дворов; число жителей: мужского пола — 685, женского — 730».

Толстой в имении больше не бывал, и все же можно было позавидовать новому хозяину. Правда, злые языки утверждают, что стараниями помещика со временем хозяйство стало приходить в упадок. Надо признать, ни он, ни его младшие братья никогда не отличались деловой хваткой. Один из братьев, мелкопоместный дворянин, знал толк в лошадях и позволял себе время от времени удовольствие служить стартером на бегах. Даже квартиру имел поблизости, там же, на Ходынке. Другой, наплодив незаконнорожденных детей от дочери дьячка, бросил все и сошелся с молоденькой крестьянкой — видимо, предвидя грядущие преобразования в отечестве, попытался раствориться в массах. И если бы не участие сестры, которая была замужем за богатым князем, жизнь братьев могла сложиться много хуже.

Сергею Владимировичу, в отличие от братьев, нежданно-негаданно повезло с наследством. Еще больше он выиграл, выдав замуж за будущего обер-полицмейстера свою красавицу дочь. Но, судя по всему, умения вести дела ему это не прибавило. По счастью, вскоре после женитьбы на подмогу отцу явился отставной штабс-ротмистр с супругой. Стал ли его приезд началом изменений к лучшему в хозяйстве, не смею утверждать. Ясно лишь то, что после смерти отца Алексей Сергеевич приобрел немалое влияние именно благодаря своему богатству. Отчасти именно этим можно объяснить его назначение на важный пост.

Увы, особого успеха на ниве вице-губернаторства Алексей Сергеевич не достиг — два года в одной губернии, затем год с небольшим в другой. То ли характер у него был трудный, то ли должность оказалась не по плечу. Но, перебравшись в Петербург, продолжил службу в Министерстве земледелия и

землеустройства, став его представителем в Крестьянском поземельном банке. При том имел уже звание камергера и чин действительного статского советника.

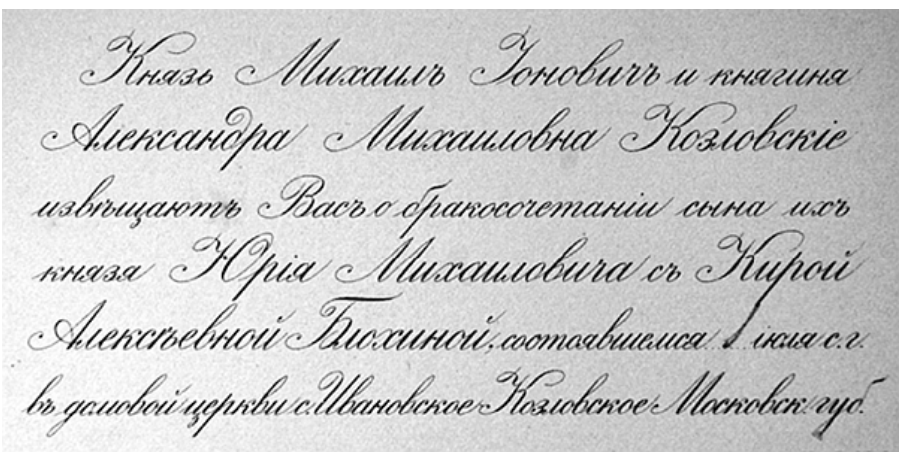
Тесть будущего камергера был потомственным купцом, с конца 20-х годов XIX века торговал мануфактурой, владел торговыми банями, алебастровым заводом и, судя по всему, немало жертвовал на дела церкви, что надо признать весьма разумной тратой капитала. Имея двоих сыновей и столько же дочерей на выданье, станешь использовать любые возможности, лишь бы обеспечить благополучие любимым детям. Старшей, Елене, в итоге удалось подыскать более или менее достойного жениха, а вот младшая так и засиделась в девках. Младшенькую из дочерей купца звали… Маргарита.

Фрагмент карты Орловской губернии, 1890 г.

Вот странное дело — стоило предположить знакомство Михаила Афанасьевича с Кирой Алексеевной, как тут же возникает это имя. И снова припоминаем «Фауста», несчастную, всеми отвергнутую Маргариту… И не забыть бы про немецкие корни Киры Алексеевны. А еще это явное пристрастие Булгакова к аристократизму. Тут и монокль в глазу, и поиски жены-аристократки — на смену заботливой Татьяне Лаппа явилась Белозерская. А за Любовью Белозерской следует Елена Нюренберг — хотя и не дворянских кровей, зато немецкая фамилия, да еще и родила двоих сыновей от генерала!

Не слишком ли много совпадений? Аристократы, Маргарита, «немчура»…

На самом деле совпадений еще больше, чем вы думаете. Начнем с того, что село Шаблыкино располагалось на Орловщине, в Карачевском уезде. Не сомневаюсь, что знатокам биографии Булгакова известно — предки писателя из тех мест. Покровские, Булгаковы и Турбины жили там испокон веков. В конце XIX века и в Карачевском, и в соседнем, Ливенском уезде — что ни священник, то либо Покровский, либо же Булгаков. Ну, может быть, и не совсем так, но близко к этому. Встречались Булгаковы и среди купцов, и среди дворян. Турбиных тоже было там немало. Словом, Кира Алексеевна с Булгаковым были в некотором роде земляки, и это обстоятельство, независимо от желания, их связывало, и никуда от этого не деться. Вряд ли их знакомство началось с перечисления памятных мест, но вот когда в разговоре возникло слово «Карачев» или же «Шаблыкино» — потом им оставалось только удивляться. Жить, пусть даже совсем недолгое время, в одном московском переулке и иметь чуть ли не общее родовое гнездо где-то неподалеку от Орла — это, несомненно, был указующий перст судьбы. Уверен, что Булгакову, писателю «мистическому», так и показалось.


Князь Михаилъ Іоновичъ и княгиня
Александра Михаиловна Козловскіе
извѣщаютъ Васъ о бракосочетаніи сына ихъ
князя Юрія Михаиловича съ Кирой
Алексѣевной Блохиной, состоявшемся 2 іюля с.г.
въ домовой церкви с. Шаблыкино Козловскаго Московск. губ.

Но мы отвлеклись. В двадцать пять лет Кира Алексеевна выходит замуж за представителя известного аристократического семейства. Говорят, что этот княжеский род насчитывал более двадцати колен! Видимо, немало послужили они во славу своего отечества.

Несмотря на героическое прошлое своих предков, князь Юрий Михайлович Козловский, муж Киры Алексеевны, особыми талантами не блистал. Говорят, что разбирался будто бы в делах театра, допускаю, что волочился за актрисами, и больше ничего. Отец его был кавалерист, уволился со службы в чине капитана, как водится, «по семейным обстоятельствам» — классическая

формулировка для тех, кому не удалась военная карьера. К слову сказать, из четырех братьев, служивших в лейб-гвардии Конном полку, дослужился до высокой должности лишь один, на исходе лет удостоившись чина генерал-майора и звания шталмейстера при Высочайшем Дворе. Отец же нашего князя женился на фрейлине из свиты государыни императрицы, дочери то ли литературоведа, то ли литератора. Основным занятием отставного кавалериста уже в более преклонные года стало членство в Обществе вспомоществования учащимся в средних учебных заведениях города Москвы. Числился он и членом Английского клуба, располагавшегося на Тверской. Словом, весьма достойное и образованное было семейство. С другой стороны, злые языки утверждают, что тот самый литератор, будучи либералом в юности, в зрелые года «ради чиновничьей карьеры» стал яростным врагом свободы прессы. Ему же приписывают авторство более чем непристойных стишков. Трудно представить, как все это в одном человеке сочеталось. Не исключено, что эта противоречивость отразилась на его потомках, в частности на муже Киры Алексеевны.

Усадьба Ивановское-Козловское в Клинском уезде

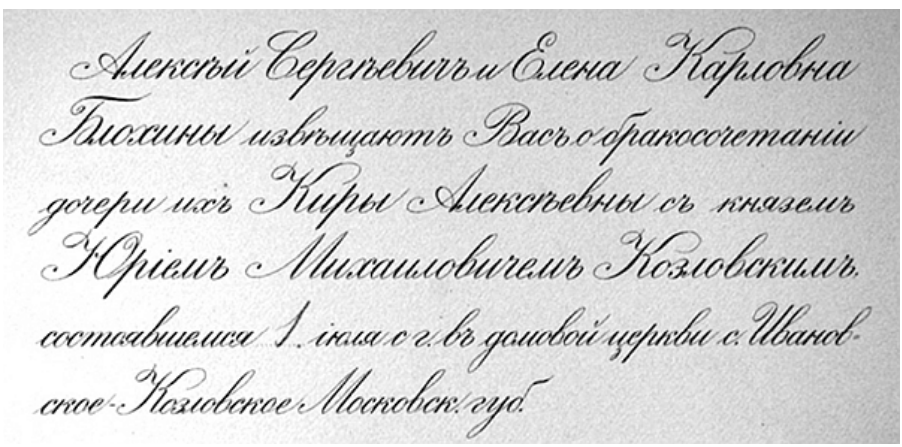
Впрочем, не без проблем протекала жизнь князей Козловских и в более ранние века, во времена Екатерины. Широкую известность получила троюродная прапрабабка Юрия Михайловича, княгиня Александра Владимировна Козловская, дочь генерал-поручика князя Долгорукова. Вот как описывал ее

внешность современник в 1799 году:

> «Она сорока лет от роду, громадных размеров по росту и тучности и похожа на одного из сфинксов, находимых среди гигантских памятников Египта».

Стоит ли удивляться, что ее муж, князь Яков Алексеевич, оказался в объятиях француженки-гувернантки и даже имел от нее четверых незаконнорожденных детей — они-то и стали основателями рода дворян Козловских, лишенных княжеского титула. А после этого становится вполне понятным происхождение длиннейшего перечня «гнусностей и неистовств», приписываемых отвергнутой супруге Якова Алексеевича. Вот только малая толика из них:

> «Не раз видали, как она велит раздевать мужчин и сечь их при себе розгами… сама бьет истязуемого по самым чувствительным частям тела либо зажженною свечой опаливает волосы…»


Алексѣй Сергѣевичъ и Елена Карловна
Глюхины извѣщаютъ Васъ о бракосочетаніи
дочери ихъ Киры Алексѣевны съ княземъ
Юріемъ Михаиловичемъ Козловскимъ,
состоявшемся 1 іюля с. г. въ домовой церкви с. Иванов-
ское-Козловское Московск. губ.

Не подкачал и двоюродный прапрадед Юрия Михайловича — за жестокое отношение к солдатам был отставлен от службы по решению суда и предан церковному покаянию.

Дед Юрия Михайловича то и дело оказывался в долгах как в шелках — на родовое имение в Одоевском уезде не раз накладывалось «запрещение». Надо полагать, немалые средства понадобились для того, чтобы помочь встать на ноги сыновьям, выбравшим военную карьеру. Но вот к моменту свадьбы внука финансовые проблемы были решены, удалось даже прикупить бывшее имение Меншиковых в Клинском уезде неподалеку от Первопрестольной, известное ныне как Ивановское-Козловское.

Венчались молодые за два года до войны 1914 года. Осталось только выяснить, при каких обстоятельствах состоялось знакомство Киры Алексеевны с будущим супругом.

Есть версия, основанная на известной поговорке — нет худа без добра. В апреле 1911 года умер дядя Юрия Михайловича, тот самый, что занимал высокую должность шталмейстера при дворе Их Императорских Величеств. Как полагается, все семейство отправилось из Москвы на похороны в Петербург. Не исключено, что именно в апреле Кира Алексеевна и познакомилась с будущим супругом. Как это могло быть?

В середине марта того же года в петербургской светской хронике сообщалось о репетициях любительского спектакля в домашнем театре графини Шуваловой на Фонтанке. Играть собирались комическую пьесу Михаила Загоскина «Урок матушкам», впервые поставленную московским Малым театром еще в 1836 году. Наиболее вероятно, что премьера спектакля состоялась в следующем месяце, в апреле. Приехавший на похороны дяди князь Юрий Михайлович несомненно обязан был посетить это представление. Как можно отказаться, если среди исполнителей упоминались княжна Голицына, баронесса и барон Мейендорфы, княжна и князь Оболенские! Участвовала в этом спектакле и некая мадемуазель Блохина. А между тем замечу, что в то время в Петербурге проживал только один Блохин, причисленный к столичной знати, — действительный статский советник, камергер, отец Киры Алексеевны.

Кстати, успех спектаклю и массовый интерес у публики гарантировало участие в нем барона Николая Врангеля, сыгравшего роль предводителя дворянства в этой пьесе. Брат последнего командующего Белой армией, признанный авторитет в области искусствоведения, один из соучредителей и секретарь Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. И в то же время — Кока Врангель, завсегдатай великосветских раутов, столичный денди. Вот как описывали его внешность современники: гладкие волосы с безукоризненным пробором, аккуратные усики, монокль в глазу… Не правда ли, напоминает известный портрет Булгакова с моноклем? «Как же о Коке Врангеле говорить без парадокса, когда он сам был парадокс?» — так писал о бароне князь Волконский. Пожалуй, и о Булгакове можно было так сказать.

Итак, Кира Алексеевна и Юрий Михайлович могли впервые встретиться в доме графини Шуваловой, после спектакля. В пользу этого предположения говорит то, что молодые поженились через год после этой поездки князя в Петербург. Впрочем, молодыми их было бы неловко называть — Кира немного

засиделась в девках, ну а мужу и вовсе было тридцать два.

После того как я увидел фотографию, уже невозможно было сомневаться в том, что это и есть та самая, таинственная К. Удивительно красивое лицо, нежный взгляд и странная грусть в глазах. Впрочем, снимок сделан был, когда уже шла война. Если коротко — в такую женщину просто невозможно было не влюбиться. Наверное, и я бы стоял под ее окнами, как Михаил Афанасьевич когда-то…

Княгиня Кира Алексеевна Козловская с мужем, 1914 г.

Перед войной у Киры Алексеевны родились две дочери. Но было это уже в Москве, поскольку сразу же после свадьбы она вместе с мужем поселилась поблизости от старого князя и княгини, в доме № 15 по Никитскому бульвару. Об этом адресе стоит рассказать подробнее.

Здесь долгое время проживала вдова статского советника, известного юриста Мария Павловна Дюгамель. Богатая помещица, образованная и глубоко религиозная женщина не скупилась жертвовать на дела православной церкви. Пришлось ей помогать и проповеднику ультрамонархических взглядов Иоанну Кронштадтскому, каковой в юности терпел немалую материальную нужду. Уже став настоятелем Андреевского собора в Кронштадте, Иоанн считал своим долгом в каждый свой приезд в Москву отобедать у Марии Павловны. Как утверждают современники, Иоанн придерживался рыбной диеты, особое предпочтение отдавая семге слабого посола. Из вин предпочитал херес, рекомендованный Елисеевым. В великопостные дни обед состоял исключительно из грибных блюд.

После смерти Марии Павловны земельным участком завладел известный архитектор Гребенщиков, а сам дом некоторое время пустовал — так было до тех пор, пока его не присмотрели для своей столовой вегетарианцы. В то время это увлечение только входило в моду, однако смысл объединения был гораздо глубже приверженности к овощной диете. Вот как восторженно приветствовал единомышленников один из новоявленных членов этого сообщества:

> «Я обыватель, я всего один год вегетарианец. Я стал вегетарианцем, когда познакомился с этой столовой, которая была на Никитском бульваре. Я пошел сюда, нашел здесь свет, нашел здесь идею, нашел здесь веру и благородное отношение к себе самому».

Надо признать, что четырнадцать комнат, из которых четыре комнаты весьма просторные, были сверх всякой нужды — любителей овощной диеты в Москве не так уж много оказалось, да и удаленность от оживленных улиц, в частности от Тверской, несколько смущала. И все же, заплатив за аренду дома на следующие восемь месяцев, вновь образованное Общество пропагандистов вегетарианства поселилось здесь.

Однако правы были противники этого решения — Никитский бульвар не предназначен для любителей здоровой пищи. Здесь место для прогулок и для интересных бесед. Словом, место для отдохновения души, а вовсе не для наполнения желудка. И через год общество вместе со столовой вынуждено было перебраться в Газетный переулок. Еще одной причиной переезда стало намерение хозяина сломать дом и построить на его месте здание более современное и вместительное. Думается, Гребенщиков слегка лукавил — скорее всего, вегетарианцы пытались и его отвратить от мясной диеты. Любитель хорошо поесть такого насилия в итоге не стерпел.

И снова дом пустовал, поскольку скоро сказка сказывается, а получить разрешение на строительство и подготовить проект не так-то просто — на это требуется время. И тут к Гребенщикову обратился муж Киры Алексеевны, это было вскоре после свадьбы. Вывеску вегетарианской столовой к этому времени, конечно, сняли. Думаю, что даже подновили фасад.

В доме на Никитском Кира Алексеевна прожила вместе с князем около двух лет. Здесь же родилась одна из двух дочерей — Марина. Но вскоре намерение Гребенщикова построить новый дом приблизилось к завершающей фазе, и князю пришлось подыскивать новое жилье. К этому времени в Обуховом переулке как раз был построен удобный во всех отношениях доходный дом,

и Кира Алексеевна вместе с мужем и дочерью перебралась туда.

Дом Гребенщикова на Никитском бульваре (№ 15, с колоннадой), 1912 г.

Догадывалась ли Кира Алексеевна, что дом на Никитском, то есть вновь отстроенный на этом месте дом, вскоре станет пристанищем «Зойкиной квартиры»? Конечно нет. А между тем именно здесь, на последнем этаже, к началу 20-х годов обосновался то ли салон интимных встреч, то ли явочная контора заговорщиков. Вот что писали об этом заведении в журнале «Огонек»:

> «У Никитских ворот, в большом красного кирпича доме на седьмом этаже посещали квартиру небезызвестной по тому времени содержательницы популярного среди преступного мира, литературной богемы, спекулянтов, растратчиков, контрреволюционеров специального салона для интимных встреч Зои Шатовой. Квартиру Зои Петровны Шатовой мог посетить не всякий. Она не для всех была открыта и доступна. Свои попадали в Зойкину квартиру конспиративно, по рекомендации, паролям, условным знакам. Для пьяных оргий, недвусмысленных и преступных встреч Зойкина квартира у Никитских ворот была удобна: на самом верхнем этаже большого дома, на

отдельной лестничной площадке, тремя стенами выходила во двор, так что шум был не слышен соседям. Враждебные советской власти элементы собирались сюда как в свою штаб-квартиру, в свое информационное бюро».

Не сомневаюсь, что в Москве было немало подобного рода «малин». Но это заведение было особенным. А дело в том, что содержала его жена потомственного дворянина, сноха покойного работника губернского министерства юстиции, присяжного поверенного, губернского секретаря, гласного городской думы, а также члена Общества спасения на водах под покровительством государыни императрицы. Казалось бы, можно удивляться, как в добропорядочной семье появилась столь мерзкая особа. Но не спешите с выводами. А спешить не стоит, потому что у присяжного поверенного был еще один сын, имевший намерение отправиться по стопам отца. Весной 1917 года перед ним, к тому времени уже получившим звание присяжного поверенного, забрезжили заманчивые перспективы. Сначала он товарищ губернского комиссара Временного правительства, чуть позже — комиссар, затем — председатель городской думы, а с января 1918-го — председатель губернской земской управы. Потрясает усердие, с которым дипломированный юрист взялся за поддержание в Тамбовской губернии порядка, все силы отдавая защите частной собственности:

3 мая 1917. Предупреждение всем волостным и сельским комитетам о незаконном вмешательстве в жизнь кооперативов.

4 мая 1917. Предписание о незаконности действий волостных и сельских комитетов, запрещающих рубку леса частным владельцам.

7 мая 1917. Предписание о невзимании волостных сборов с частновладельческих земель.

8 мая 1917. Предписание о неправомочных действиях волисполкома.

19 мая 1917. Телеграмма о недопущении захвата земли помещицы Астаповой.

20 мая 1917. Телеграмма об отмене постановления волостного комитета, воспрещающего землевладельцам продавать скот и инвентарь без разрешения комитета.

А между тем крестьяне недоумевали — как же так? За что, спрашивается, боролись? То есть зачем же совершали революцию, если каждый теперь остался при своем? И, не дождавшись

декрета о земле, стали самовольно захватывать помещичьи угодья.

Казалось бы, действия губкомиссара были вполне логичны, поскольку юрист Шатов точно так же, как и юрист Керенский, хотел, чтобы все было по закону. И не вина эсеров, что Временное правительство закон о земле так и не сподобилось принять. Увы, солдаты, недавние крестьяне, ждать больше не хотели. Сначала был Октябрь, а летом следующего года все закончилось и для нашего юриста. Причина до банальности проста — с 1907 года деверь Зои Петровны состоял в партии эсеров, более того, примыкал к ее правому крылу.

Тут-то и содержится разгадка. Скорее всего, после начавшихся арестов деверь от греха подальше перебрался в Москву, туда, где его не знали и где можно было рассчитывать на поддержку родственников. Не подлежит сомнению, что поклонник Керенского и противник большевизма продолжал борьбу. «Интимный» же салон его невестки Зои был удобной ширмой для конспиративной квартиры, где встречались заговорщики.

А вот и строки из пьесы Булгакова «Зойкина квартира»:

> *«Аметистов.* …Фу, черт тебя возьми! Отхлопать с Курского вокзала четыре версты с чемоданом — это тоже номер, я вам доложу… Позвольте представиться: кузен Зои Денисовны…
>
> *Зоя.* …Тебя же расстреляли в Баку, я читала!
>
> *Аметистов.* Пардон-пардон. Так что из этого? Если меня расстреляли в Баку, я, значит, уж и в Москву не могу приехать?..»

Итак, деверь «закамуфлирован» в пьесе под кузена, а в остальном все точно так же, как и было: поездом из губернского Тамбова на Курский вокзал и далее — Никитский бульвар, знакомая квартира. Но в 1921 году салон прикрыла ВЧК. Впрочем, спешу успокоить поклонников «Зойкиной квартиры» — для Зои Петровны все более или менее удачно завершилось. Во всяком случае, до середины 20-х годов жила она в своей квартире, по тому же адресу.

Есть мнение, что все эти рассуждения об эсерах и о семье потомственных юристов ни к чему, поскольку при создании пьесы «Зойкина квартира» Булгаков имел в виду вовсе не этот дом и, уж наверное, не сноху дворянина Зою Шатову. Но я по-прежнему остаюсь при своем мнении и верю в то, что это не последнее в нашем деле совпадение. И нет сомнений, что Булгаков в этом доме побывал, дабы реально оценить мизансцену пьесы. Опять

что-то вроде «скрещения судеб», пусть не во времени, но точно по указанному адресу, у Никитского бульвара.

О том, что было дальше, после переезда Киры Алексеевны в Обухов переулок, мы можем лишь догадываться. Единственное, что известно достоверно, — у Козловских родилась вторая дочь, Ирина. А с началом империалистической войны князь Юрий Михайлович записался вольноопределяющимся, решив пойти на фронт, защищать от бусурманов царя и любимое отечество. Но прежде чем перейти к описанию военных лет и неизбежно воцарившегося вслед за этим смутного и трагического времени, обратим внимание на занятия князя Юрия Михайловича.

Как и положено отпрыску древнейшего княжеского рода, Юрий Михайлович окончил Императорский лицей, тот, что был основан в Москве в память цесаревича Николая, старшего сына Александра П. Дети из знатных семей, окончившие это привилегированное учебное заведение, получали те же права, что и выпускники университета: при поступлении на государственную службу им присваивались чины 14 — 12-го классов — от коллежского регистратора до коллежского секретаря. Конечно, в Императорском Александровском лицее привилегий было больше — лицеисты с высокими баллами оканчивали лицей с чином 9-го класса, то есть надворными советниками. Однако и Александровский лицей, и Императорское училище правоведения, и Пажеский Его Величества корпус располагались вдалеке от дома, в Петербурге. Князь отрываться от семьи не захотел. Тем более что для представителя княжеского рода счастье вовсе не в чинах. Однако причина отказа юного князя от поступления в Александровский лицей, скорее всего, была в другом. В этом лицее с давних пор существовал обычай — при встрече лицеисты обменивались поцелуем, причем независимо от года выпуска эта обязанность оставалась с ними на всю жизнь. Сдается мне, что Юрий Михайлович рассудил так — лобызаться с кем попало ему, сиятельному князю, не пристало.

После окончания лицея князь числился на службе в дирекции Императорских театров, имея скромный чин коллежского регистратора, и в ранге чиновника для особых поручений не слишком обременял себя обязанностями по службе. Вот как описывает его участие в театральных делах тогдашний директор Императорских театров Владимир Теляковский — речь о последствиях скандала, учиненного Федором Шаляпиным, в результате чего пострадал главный хормейстер и один из капельмейстеров Большого театра Ульрих Авранек:

«Когда я приехал 9 октября в Москву, мне сообщили,

что капельмейстер Авранек так потрясен происшедшим с Шаляпиным инцидентом, что опасно заболел нервным расстройством. Я немедленно распорядился послать моего чиновника особых поручений князя Козловского узнать о состоянии здоровья Авранека, выразив ему мое самое горячее соболезнование по случаю постигшего его недуга. Авранек был выдающимся хормейстером (много лучшим, чем капельмейстер), и потому я его очень ценил и хотел это подчеркнуть. Козловский вернулся вскоре и сообщил мне, что, по-видимому, всякая опасность болезни Авранека миновала. Застал он его не в кровати, как мне говорили, а в кабинете. Он был очень тронут проявленным вниманием и просил меня сердечно благодарить».

Итак, в течение нескольких лет, вплоть до отъезда Владимира Теляковского в Петербург и назначения нового директора Московской конторы Императорских театров, князь там и служил. Но основной доход семье, видимо, приносили земельные владения в Клинском и в Одоевском уездах. На мой взгляд, этого для приличного существования должно было хватить. И вдруг, к немалому своему удивлению, выясняю, что сиятельный князь сотрудничал с торговым домом инженера Щапова, сыном текстильного магната и племянником известного библиофила Павла Щапова.

Конечно, для главы семейства на первом месте всегда забота о семье. Но есть, на мой взгляд, явное несоответствие между высоким титулом и занятием торговлей — потомственный аристократ как-то не сочетается с купчишкой. С другой стороны, не так все странно, если разобраться, — этот торговый дом занимался поставкой сельскохозяйственных машин. А связи депутата дворянских собраний двух уездов, с учетом влияния отца Киры Алексеевны на Орловщине, могли оказаться исключительно полезны для торговли. И вот, добывая деньги на прокорм семьи, наш дворянин взял на себя роль усердного посредника. Маловероятно, что в этом деле преуспел, но… Но всякий труд вызывает уважение. Впрочем, случилось это накануне войны и в любом случае очень недолго продолжалось.

А что вы скажете, если время для той таинственной записи в дневнике Булгакова выбрано было вовсе не случайно? В ночь с 20 на 21 декабря Михаил Булгаков сделал запись в дневнике, а накануне вечером милая К., Кира Алексеевна, сидя за праздничным столом в своей парижской квартире, отмечала день

рождения. Не исключено, впрочем, что было это вовсе не во Франции, а в Бельгии, но суть этого события в другом — тут важно время, а не место.

Можете говорить мне что угодно, но никогда я не поверю, будто это всего лишь стечение обстоятельств, простое совпадение. И неужели найдется человек, который станет утверждать, будто случайному знакомому сообщают дату своего рождения? Нет, что-то между ними было — что-то такое, о чем не забывают или хотя бы очень долгое время никак не удается… да просто невозможно, немыслимо забыть!

Итак, в доме № 6 по Обуховому переулку жила Кира Алексеевна. В соседнем доме в те же годы жил врач-психиатр Михаил Кутании, возможное участие которого в судьбе Булгакова мы выше обсуждали. А напротив, в крохотной комнатушке полуразвалившегося двухэтажного дома, в 1924 году ютился будущий создатель «закатного» романа и, сидя ночью над рукописью «Роковых яиц», заново переживал события конца 1916 года, когда чудесный случай свел его с княгиней. Как раз в конце 1916 года и чуть позже Булгаков ездил в Москву, пытаясь добиться освобождения от военной службы и тяжкой обязанности служить сельским врачом в уездном захолустье. Как же это было? Если учесть, что в том же Обуховом переулке на углу с Пречистенкой жили его дядья, врачи Николай и Михаил Покровские, и что именно у них он останавливался, приезжая иногда в Москву, то следует признать, что встреча с Кирой Алексеевной была вполне возможна. Тем более что в то время осталась она практически совсем одна — малые дети не в счет, муж на войне, свекор помер, а со свекровью они никогда не ладили. Очевидно, что молодая женщина отчаянно нуждалась в поддержке, в нежном друге, с которым можно было бы поговорить о наболевшем, посетовать на трудности военного времени да просто скоротать время — не вечно же заниматься хозяйством и детьми. И встреча с симпатичным молодым человеком, к тому же бойким на язык и способным хотя бы развлечь смешными рассказами милую женщину, — это было очень кстати. А если учесть, что ее муж, судя по всему, был не из тех, в кого можно до беспамятства влюбиться, то… Впрочем, о том, что между ними было, не берусь судить. Просто пока фактов слишком мало.

Но вот что странно — в дневнике сестры Михаила Афанасьевича есть запись о том, что в сентябре он вместе с женой приезжал по делам в Москву. А Варламов, перечисляя основные даты жизни Булгакова, пишет еще и это — «1916, декабрь — поездка в Москву». Опять декабрь. Ошибка или совпадение?

Шел 1914 год. Князь Юрий Михайлович отправился

добровольцем на войну. Судя по всему, в лейб-гвардии Конной артиллерии воевал неплохо, поскольку удостоился чина подпоручика. Не думаю, что его фамилия на это повлияла. Скорее, можно допустить, что даже пролил кровь на полях сражений, попал в госпиталь. Ведь именно летом 1916 года случился знаменитый Брусиловский прорыв, в начале которого особая роль принадлежала артиллерии — артподготовка длилась шесть часов! Однако какое наступление бывает без потерь? Только ранеными армия потеряла около четырехсот тысяч солдат и офицеров. И кстати, там, в прифронтовом госпитале в районе Каменец-Подольского или Черновцов, примерно в это время могла состояться случайная встреча доктора Булгакова с раненным на поле битвы князем. А тот, узнав, что врач собирается в Москву и даже жить будет на Пречистенке, передает с этой оказией письмо для своей жены. Вполне возможный вариант знакомства Булгакова с княгиней.

Тем временем Кира Алексеевна нянчила своих детей. Да кабы знать, что впереди война, потом революция и вновь война — так, может быть, и не рожала бы. Теперь же все, что оставалось, — это ждать весточки от мужа и молить Бога, чтобы невзгоды миновали и мужа, и детей. И вновь приходим к выводу, что своими переживаниями княгиня просто должна была с кем-то поделиться.

Увы, с соседями ей не повезло. Известный фабрикант дамского белья. Некий граф, вроде бы родом из Эстляндии. Наследник «железнодорожных королей», все занятия которого сводились к лазанию по горам и летом, и зимой. Кстати, еще до переезда Киры Алексеевны в этот дом наследник отличился — следуя на автомобиле, «сшиб с ног неизвестную женщину, переходившую через мостовую, и, выехав на тротуар, придавил мужчину, стоявшего у заграждения магазинного окна». Знай об этом Кира Алексеевна, вряд ли бы поселилась здесь. Однако, судя по всему, наследника простили — подобное не редкость и сейчас.

Своеобразна и поучительна история рода того самого графа, Баранова Александра Павловича. В середине XVI века один из его новгородских предков участвовал в войне с Ливонским орденом и после взятия города Дерпта (Юрьева-Ливонского, нынешнего Тарту) был пожалован государем поместьями в его окрестностях. Увы, через двадцать лет шведы захватили город, а вместе с ним и земли, принадлежавшие Баранову. Помещику ничего не оставалось, как стать шведским подданным, дабы не потерять обширные угодья. Но к 1710 году русским войскам вновь удалось завоевать и Эстляндию, и Лифляндию. Пришлось Барановым, теперь уже фон Баранговым, снова присягать на верность русскому царю. Возможно, это стало бы не последним

изменением гражданства, но в 1918 году жизнь графа и его сыновей трагически оборвалась.

Еще жил в этом доме архивист, составитель родословных для сиятельных особ и собиратель «смехотворных» басен. Были там судейский, доктор медицины — этих даже два. И вот один из них заслуживает того, чтобы о нем рассказать более подробно. При этом Кира Алексеевна должна возблагодарить судьбу, что избежала близкого знакомства с ним, и даже более того — предчувствие возможной встречи могло подтолкнуть семейство к скорому отъезду из Москвы в Европу.

Предмет нашего пристального изучения — некий приват-доцент Императорского Московского университета, статский советник, врач. Время тогда было трудное, поэтому пришлось подрабатывать — в Московской Синодальной типографии, в Иверском обществе сестер милосердия. Естественно, не наборщиком или медицинским братом, а врачом. Но как-то обошлось — в отличие от Булгакова, на фронт приват-доцента почему-то не послали.

Перенесемся на десять лет вперед. «Приват-доцент» к этому времени уже профессор, даже удостоился чести быть лечащим врачом такого светила медицины, как директор Института мозга Бехтерев. После внезапной смерти академика именно он назвал причину — «желудочное заболевание». Случилось это вскоре после того, как на вопрос о возможной болезни великого вождя Бехтерев будто бы имел неосторожность произнести страшное слово — «паранойя».

В 1929 году, в период «обострения классовой борьбы», возникло мнение о необходимости искоренения чуждого элемента в среде врачей. Чистка началась и в Московском университете. Характерна судьба известного терапевта Дмитрия Плетнева, лечившего Ленина и Крупскую. До революции он не скрывал, что родом из потомственных дворян. Но в середине 20-х годов ему пришлось подкорректировать свое происхождение. Увы, не помогло. Причина в том, что в 1925 году ректором 1-го Московского университета назначили Андрея Януарьевича Вышинского. И он, и Плетнев в прежние времена состояли в партии меньшевиков, при этом разделяя взгляды конституционных демократов. Однако в отличие от Вышинского, напялившего одеяние ортодоксального большевика, Плетнев не старался демонстрировать лояльность новому режиму. Более того, фактически самоустранился от участия в чистке, в результате чего был снят с должности заведующего клиникой при университете. На его место заступил — кто бы вы думали? — наш «приват-доцент».

А летом 1937 года в газете «Правда» появилась статья без подписи под заголовком «Профессор — насильник и садист». Речь в ней шла о том, что во время осмотра некой пациентки профессор Плетнев укусил ее за грудь, после чего несчастная дама «лишилась трудоспособности, став инвалидом в результате раны и тяжкого душевного потрясения». Позже в многотиражке Московского областного клинического института появилась заметка, в которой ставился вопрос: «Знаете ли вы учреждение в Москве, где нет и никогда не было портретов вождей?» И тут же был дан ответ: «Это 9-й корпус МОКИ профессора Плетнева». А уже через год Плетнев предстал перед судом. На этот раз Вышинский обвинял бывшего товарища по партии как соучастника убийства видных деятелей государства путем использования «вредительских методов лечения». Как вы, наверное, догадались, среди экспертов, подтвердивших виновность подсудимого, был и «приват-доцент». Речь на процессе шла, в частности, об «умерщвлении» Горького, Менжинского и Куйбышева, лечение которых, по мнению экспертов, «велось неправильно и преступно». Вот несколько отрывков из стенограммы заседания бухаринско-троцкистского процесса 9 марта 1938 года. Вопросы задает председательствующий на процессе, а отвечает на них профессор Бурмин, то есть наш «приват-доцент»:

«1. По умерщвлению А.М. Горького…

Вопрос. Допустимо ли вообще длительное, одновременное применение больших доз сердечных средств внутривенно, подкожно и внутрь, именно дигиталиса, дигалена (препараты наперстянки), строфантина и строфанта, а в частности, у тяжелобольного А.М. Горького, 68 лет, страдавшего вышеуказанным поражением внутренних органов?

Ответ. Абсолютно недопустимо.

Вопрос. Каковы могли быть последствия такого лечения у А.М. Горького при его последнем заболевании?

Ответ. Такой метод лечения вообще должен был привести к истощению сердечной мышцы, а в данном случае — мог обусловить смертельный исход.

Вопрос. Возможно ли допустить, чтобы врачи достаточной квалификации могли применить такой неправильный метод лечения без злого умысла?

Ответ. Этого допустить нельзя.

Вопрос. Можно ли на основании совокупности этих

данных считать установленным, что метод лечения А.М. Горького был заведомо вредительским, направленным к ускорению его смерти, с использованием для достижения этой преступной цели специальных познаний, которыми располагали обвиняемые Левин и Плетнев?

Ответ. Да, безусловно можно считать установленным.

2. По умерщвлению В.В. Куйбышева.

Вопрос. Допустимо ли было назначение больному В.В. Куйбышеву, страдавшему приступами грудной жабы и распространенным артериосклерозом, длительных приемов больших доз дигиталиса (наперстянки)?

Ответ. Нет, недопустимо…

Вопрос. Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения В.В. Куйбышева был заведомо вредительским, направленным к ускорению его смерти, с использованием для этого как специальных познаний, которыми располагали обвиняемые, так и метода умышленного оставления В.В. Куйбышева без медицинской помощи при очередном припадке грудной жабы?

Ответ. Да, безусловно можно считать установленным».

Трудно удержаться от несколько неожиданного вывода. Наверное, многим тут подумалось — вот какой жестокий и коварный был у нас режим. Но ведь режим сам по себе — ничто. В основе его — люди. Те самые, что в царское время не сумели сделать карьеру и потому записались в демократы, а изменилась обстановка — стали сводить счеты с бывшими коллегами и упорно лезли вверх и вверх. До тех пор, пока в кровь не расшибали голову. Но некоторым, вроде нашего «приват-доцента», повезло. А кто же надоумил его скрыть то, что отец был депутатом губернского дворянского собрания, брат — офицером царской армии? Осмелюсь предположить, что многие поступки в своей жизни «приват-доцент» совершал, следуя советам жены, многоопытной и мудрой Софьи Львовны. По счастью для Бурмина, до XX съезда КПСС он не дожил — вождь всех народов опередил его лишь на год.

Возблагодарим же Бога за то, что не пришлось Кире Алексеевне дождаться того времени, когда в отечестве взяли верх бывшие юристы-неудачники и алчные приват-доценты. Отметим и предусмотрительность князя Юрия Михайловича, благодаря чему

семейство перебралось в Европу.

Но мы опять изрядно отвлеклись. С другой стороны, надо же представлять, что могло случиться с Кирой Алексеевной, если бы она осталась. Тут в общем-то нет вопросов. Но вот что остается непонятным, это каким образом «прекрасные и важные» юношеские воспоминания Булгакова могли быть связаны с К. Ведь до 1913 года, если верить свидетельствам его родных, он выезжал из Киева лишь в Саратов, где жила его будущая первая жена. Тогда следует предположить, что впервые Булгаков встретился с Кирой Алексеевной в Киеве и было это до ее замужества. Кто знает, не нашлось ли у будущей княгини повода или причины, чтобы съездить в Киев в 1908–1909 годах. Возможно, и в те годы были в моде экскурсии «по памятным местам». Только при чем тут Киев? А дело в том, что на алебастровом заводе ее дяди использовалось сырье, добываемое на Украине. Хозяин завода мог время от времени наведываться на Украину, чтобы договориться о поставках. Вполне возможно, что в одну из таких поездок взял он с собой одну из дочерей, рассчитывая подобрать ей надежную пару среди обрусевших немцев, обосновавшихся в Киеве и связанных с производством стройматериалов, — нет более надежных гарантий в бизнесе, чем родственные связи! Не исключено, что вместе с ними поехала и Кира — хотя бы для того, чтобы посмотреть мать русских городов. Тогда-то и могла произойти ее встреча с юным Михаилом. Что ж, очень может быть, что так. Оставим это предположение на тот случай, если не найдем более приемлемого варианта.

А впрочем, что далеко ходить? Ведь предки Михаила Афанасьевича жили в Карачевском уезде, то есть там, где располагалось имение Блохиных. Известно, что вопрос о своем происхождении был для Николая и Михаила Булгаковых далеко не праздным, если не сказать — являлся исключительно болезненным. Особенно если учесть, что на Орловщине в 1870-х годах жил землевладелец, дворянин Михаил Михайлович Булгаков. Ну как тут удержаться от догадок — а вдруг? На этот счет ими проводились соответствующие изыскания. Логично предположить, что братья сочли необходимым посетить свою родину с тем, чтобы поставить точки над «i». Судя по всему, толком им узнать ничего не удалось, однако позитивным моментом этого вояжа могла стать встреча Михаила с Кирой там, в Карачевском уезде. Почему бы нет?

Честно скажу, я бы не возражал, чтобы такая встреча состоялась, но вот что вызывает некоторое сомнение. Варламов в своей книге, цитируя фразу из дневника Булгакова, пишет: «… прекрасные воспоминания моей юности и 16-й год и начало 17-

го». В изданных же в 2004 году дневниках Булгакова и Елены Сергеевны после слова «юности» вдруг обнаруживаю двоеточие. Но это же меняет смысл! Если так, то знакомство Михаила с Кирой Алексеевной однозначно связано с 1916 годом, и нечего фантазировать по поводу их возможной встречи в 1908–1909 годах. И все же остаюсь в недоумении: либо Варламов недоглядел, либо двоеточие в «Дневнике Мастера и Маргариты» возникло по вине уж очень грамотного редактора, либо даже в возрасте двадцати пяти лет Булгаков чувствовал себя не просто молодым, но юным! Ясно лишь, что разгадку в оригинале дневника Булгакова мы не найдем — сделанные ночью, часто второпях записи далеко не всегда соответствуют правилам стандартной пунктуации.

Есть в этом деле еще один неясный момент, пожалуй более существенный, нежели тот, что связан с местом первой встречи Булгакова с Кирой Алексеевной. Чуть выше речь об этом шла, но здесь объясним чуть подробнее. Благодаря откровениям Татьяны Лаппа-Кисельгоф и подвижничеству Леонида Паршина, самолично расшифровавшего тридцать часов разговоров с первой женой Михаила Афанасьевича, среди булгаковедов утвердилось мнение, будто увлечение морфием было вызвано у Булгакова лишь пребыванием в провинциальной глуши, где не было привычной жизни, где не с кем было пообщаться. «Очень, знаете, тоскливо было» — именно так выразилась Татьяна Лаппа. На мой взгляд, такое объяснение не выдерживает критики. Ну вот представьте себе — идет война, страна отдает все силы ради победы над германцем. Допустим, что Булгакову было на Россию наплевать и что заботило его лишь собственное благополучие. Пусть так. Но ведь в том сельском захолустье, где работал зауряд-врач Михаил Булгаков, была в то время тишь да гладь. А рядом — любящая, заботливая женщина. Что еще требуется для счастья? Работы много? Так на то и война. Нет, никаких серьезных причин, чтобы самолично «сесть на иглу», у него не было. Не было… если не считать разлуку с Кирой Алексеевной.

И все же следует признать, что столь привлекательная версия, призванная дать объяснение загадочной записи в дневнике, может рухнуть, если не найдется доказательств встречи Михаила с Кирой в 1908–1909 годах. Так, может быть, стоит возвратиться назад и вновь попробовать уверить и себя, и вас, будто таинственное К. расшифровывается как «Кутании»? А в самом деле, не мог ли этот московский специалист по наркомании снабжать Булгакова кокаином? Вроде бы явная нелепость, но вот что странно: Татьяна Лаппа-Кисельгоф вскользь говорит о том, что в феврале 1917 года они поехали в отпуск через Москву — «с

вокзала на вокзал». И будто бы даже не смогли навестить дядю, Николая Покровского. Ну а про то, что в марте возвращались тоже через Москву, Лаппа-Кисельгоф не упоминает вовсе. Однако та загадочная запись в дневнике однозначно указывает на то, что был Булгаков в Москве в конце 1916 и в начале 1917 года и заезжал не на минутку. Видимо, первой жене было что скрывать…

Итак, следует признать, что версия, связанная с психиатром, кое-что все же объясняет. Но вот что читаем в рассказе «Морфий» у Булгакова:

> «Власа отправили к Анне Кирилловне. Та ночью пришла ко мне и вынуждена была впрыснуть мне морфий».

Случайно ли в том рассказе возникло такое отчество спасительницы — Кирилловна? Все-таки есть что-то общее с незабвенной Кирой! А что, если К. имеет тройной смысл — Кира, Кутании, кокаин? Если же еще припомнить и ее фамилию да не забыть, что она была княгиней… Нет, поиски подобных совпадений ясности нам не прибавят.

А вот фрагмент из откровений Татьяны Лаппа-Кисельгоф (Т. К.), записанных Леонидом Паршиным (Л. П.) — о том, как чувствовал себя Булгаков после дозы морфия:

> *«Т. К.* Очень такое спокойное. Спокойное состояние. Не то чтобы сонное. Ничего подобного. Он даже пробовал писать в этом состоянии.
>
> *Л. П.* Вы не читали?
>
> *Т. К.* Нет, он мне не давал. Или скрывал, или думал, что я дура такая и в литературе ничего не понимаю. Знаю только, что женщина и змея какая-то там… Мы вот когда в отпуске были, в кино видели, там женщина что-то по канату ходила…»

«Женщина и змея какая-то там…» Не Киру ли имел в виду Булгаков — ту, что была так далеко от него, так недоступна, так желанна? Ту, что стала главной причиной его пагубного пристрастия к морфию и, возможно, кокаину. Поэтому и «змея»…

Еще один фрагмент из рассказов первой жены:

> *«Л. П.* Ездили куда-нибудь из Вязьмы?
>
> *Т. К.* …Только вот в Москву насчет демобилизации ездил… [из примечания Л. Паршина: в декабре]. У него там бумажник украли.
>
> *Л. П.* Много денег пропало?

Т. К. Четыреста рублей. Он зарплату получил. Приехал без копейки денег…»

«Насчет демобилизации ездил». Почему именно в декабре? А что, если пытался увидеться с Кирой Алексеевной и сделать ей подарок в день рождения — 20 декабря? Даже не просто в день рождения, а к юбилею, круглой дате! Вот потому-то и потратиться пришлось.

И кстати, какая может быть «демобилизация» в декабре 1917 года, если прежней власти нет, а новая еще никого мобилизовать так и не успела? Да, похоже, что Лаппа знала или догадывалась о существования К. Но какая женщина на ее месте в этом бы призналась?

А дальше — хорошо известные всем строки из рассказа «Морфий»:

> «Анна К. стала моей тайной женой. Иначе быть не могло никак. Мы заключены на необитаемый остров».

Да, да! Именно остров! Там, в наркотических грезах были только он и она. На смену ненавистной яви приходила иллюзия сбывшейся мечты.

Однако обманывать себя бесконечно невозможно. Рано или поздно приходит понимание того, что прошлое уж не вернуть. И даже морфий не поможет. По счастью, Булгакову удалось избавиться от морфинизма, но воспоминания о К. продолжали терзать душу, следуя за ним неотступно, словно какой-то рок, словно наказание за совершенную ошибку. Ведь можно было сделать все иначе, но…

И в завершение — еще несколько строк из этого рассказа:

> «Анна К. умерла в 1922 г. от сыпного тифа, на том же участке, где работала. Амнерис — первая жена Полякова — за границей. И не вернется».

В сущности, сам Булгаков предлагает нам выстроить этот ряд — К., Анна К., Анна Кирилловна и Кира Алексеевна. Стоит обратить внимание и на совпадение инициалов, если переставить «А» и «К». Да, видимо, еще сохранялась слабая надежда — вдруг прочитает и поймет.

Пожалуй, из приведенных выше строк следует сделать и такой вывод. К 1922 году воспоминания о Кире Алексеевне уже перестали тревожить Михаила Афанасьевича. Во всяком случае, он уже не так болезненно переживал разлуку. О том, что княгиня уехала в Европу, я уже писал. Вероятно, только в 1922 году

Булгаков обнаружил, что ее уж нет, что для него она, по сути, умерла. Неоспоримо лишь то, что Кира Алексеевна в Россию никогда не возвращалась.

Душевное состояние Булгакова в 1916–1917 годах и несколько позже, как мы убедились, объяснимо. Можно понять и его наивное желание стать певцом, появившееся в 1909 году, — использовать вокальное мастерство как способ покорить сердце любимой женщины. А что же Кира Алексеевна? Что было с ней в 1908–1909 годах? На этот вопрос ответить могли бы ее письма — те, что писала она своей подруге, смею думать, в то время самой близкой из всех, княжне Анжелике Михайловне Гирей. Увы, о том, что было в письмах Киры Алексеевны, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Но вот что написала ей княжна в ответ:

> «Милая моя Кира! Твое письмо меня очень и очень огорчило. Даже испугало. Таким унынием, отчаянием веет от него, что просто холодно на душе… Друг мой милый, не падай духом, возьми себя в руки и мужественно борись с горем, если таковое тебя гнетет. Жизнь мало к кому обращалась хорошей и светлой стороной, и поверь мне, у каждого есть свое горе, важно только не опускать крыльев. Тяжелее всего жить без надежды в будущее, а у тебя есть вера в то, что горе минует, значит, временные горести можно и должно перенести бодро. Малодушие и уныние есть грех, с которым нельзя не бороться, а в твои года, когда жизнь с ее горестями только начинается, негоже складывать оружие, хотя бы ради того, что в этом падении воли и духа очень меняется душа и все радости жизни пройдут мимо тебя и лучшие твои годы будут прожиты бесполезно, т. к. ни душа, ни ум, ни сердце не могут развиваться в том подавленном состоянии, в котором ты находишься…»

Можно представить себе, каким отчаянием и болью было проникнуто письмо Киры, если, прочитав его, подруга испугалась. Но как видим, даже она не знает, даже представить себе не может, в чем причина этого горя, этого страшного отчаяния. Если бы все было связано только с тем, что происходило в семье, не было бы никакого смысла скрывать. Нет, видимо, тут было что-то личное, сокровенное, о чем Кира не решалась рассказать даже самой близкой своей подруге, которая понимала ее, как никто другой:

«Они все не знают твоей души…»

Так пишет Анжелика. Но вот следует неожиданный вопрос:

«Почему ты надумала ехать в Москву? И будет ли тебе это приятно?»

А следом княжна приводит слова Алексея Сергеевича Блохина, обращенные к ней:

«Интересно было бы прочесть письма Киры к Вам, очевидно, она с Вами откровеннее и Вы ближе к правде».

А нам-то как было бы интересно! Прочесть для того только, чтобы понять. Увы, даже княжна не знает правды и только делает вывод, что «отец твой не особенно верит в то, что ты в Петербург последуешь».

Не в Петербург… А может быть, и не в Москву?

Вполне возможно, что угнетенное состояние Киры Алексеевны связано и с тем, что ей пришлось ухаживать за рано постаревшими родителями. Особенно плоха была ее мать, судя по всему страдавшая нервным расстройством. Об этом пишет брат Георгий:

«Поверь, хоть ты и сожалеешь о неисполнении твоих желаний, что ты тогда своими поступками внесла слишком большую тревогу в любящих тебя людей и то неподдельное огорчение нашего папы не имело бы границ, если бы ты ушла из семьи, т. к. я вижу и глубоко чувствую, что по временам папа выбивается из сил, дабы удовлетворить желания больной мамы… Понимая тебя всей душой, я все же должен признать нужным, что для нас (!) известные компромиссы со своими желаниями необходимы для устоя той же семьи и спокойствия окружающих, которое иногда бывает нужнее собственного… Я собственным опытом знаю, что все те жизненные вопросы и весь ход самостоятельного существования, которого ты так хотела, по временам становится так противен и тяжел, что и мужская сила не выдерживает…»

Брат лезет вон из кожи, пытаясь удержать Киру в семье, убедить в том, что нужно забыть о самой себе, ради блага семьи распроститься с надеждами на личное счастье. Каково было весьма привлекательной девушке в цветущем возрасте — ей шел двадцать второй год — сознавать, что радости бытия не для нее, что вынуждена она запереть себя в четырех стенах, ухаживая за родителями, а в это время жизнь в окружающем мире бьет ключом.

Но что же это были за «поступки»? Куда или к кому Кира собиралась уходить? Известно лишь, что в начале 1909 года она на некоторое время все же покинула дом. Причину узнаем из письма подруги Анжелики:

> «Твой отец был у нас и говорил мне, что ты поступила на курсы Боб.-П., очень рада, думаю, что тебе это даст удовлетворение, да и с практической стороны это хорошо, дает тебе права, которыми, Бог знает, может быть тебе и придется когда-нибудь воспользоваться. Вчера у нас был Федоров [местный помещик] и говорил, что видел тебя, что ты побледнела и похудела, что это значит?»

Речь тут идет о женских курсах новых языков, открытых М.М. Бобрищевой-Пушкиной в 1889 году в Санкт-Петербурге. Там же преподавалась и история западноевропейской литературы, а также «изящные рукоделия», в частности выжигание по дереву и рисование по фарфору. Пожалуй, с этим увлечением Киры Алексеевны все ясно. Наверняка знание «новых языков» пригодилось Кире Алексеевне в эмиграции, в Париже. А вот история литературы… Возможно, она тоже пыталась писать.

Но вот отчего Кира «похудела и побледнела»? Не исключено, что сказалось переутомление от учебы. Так ли это? Ответа в письмах мы не найдем, остается лишь высказывать догадки.

Итак, вполне логично допустить, что первая встреча Булгакова с Кирой Алексеевной состоялась в 1908 году. Однако продолжить знакомство было им не суждено. Сын священника и дочь камергера — да это даже обсуждать не стоит. Если же представить, что Кира Алексеевна рассказала о своей симпатии матери, достаточно просто догадаться о реакции — последовал нервный срыв. Увы, при тех обстоятельствах, когда общество жестко делилось на сословия, Булгакову было не на что надеяться. Ну, пусть не родовит, но был бы хоть богат! Надо совсем не любить свою дочь, чтобы разрешить ей встречаться с каким-то студентишкой с туманными жизненными перспективами. Примерно та же ситуация возникла позже, когда Булгаков ухаживал за Татьяной Лаппа. Но в этом случае он сумел добиться своего. Любовные неудачи не проходят даром.

Кира тяжело переживала вынужденный разрыв, однако в конце концов смирилась. Тяжкие душевные испытания выпали и на долю Михаила, но в отличие от своей любимой отказаться от нее он уже не смог. Возможно, что после той, последней встречи в 1917 году Булгаков всю оставшуюся жизнь искал именно Киру Алексеевну. Лишенный возможности быть вместе с ней, искал ее

в других встреченных им женщинах. Поэтому и от Лаппа ушел к аристократке Белозерской — а что, может быть, и в самом деле из князей? Потом Нюренберг-Шиловская своими изысканными манерами напомнила ему Киру Алексеевну. Однако речь дальше пойдет совсем не о перемене жен.

Надо признать, что характер той Маргариты, которую Мастер встретил в переулке неподалеку от Тверской, не имеет ничего общего с Еленой Сергеевной Нюренберг-Шиловской. Тоска, печаль, ощущение одиночества были совершенно несвойственны этой энергичной даме, пережившей всех своих мужей. Да и познакомилась она с Булгаковым в развеселой компании, то ли на празднование Пасхи, то ли на маскараде в квартире командарма Уборевича, который жил в том же доме, что и семья Евгения Шиловского. Дочь Уборевича в своих воспоминаниях пишет о Елене Сергеевне так:

> «Один эпизод я запомнила, так как он говорил о ее незаурядном характере уже в детстве. Олю учили музыке. Когда подошло время учить музыке Елену, родители привели к ней в комнату учительницу. Елена Сергеевна выпрыгнула в окно, и тогда родители оставили ее в покое».

Думается, что, создавая образ Маргариты, той, что шла по улице с букетиком желтых цветов, Булгаков видел перед собой совсем другую женщину — ту, которую он встретил однажды на Пречистенке, в Обуховом переулке.

> «Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. Она несла желтые цветы! Нехороший цвет. Она повернула с Тверской в переулок и тут обернулась. Ну, Тверскую вы знаете? По Тверской шли тысячи людей, но я вам ручаюсь, что увидела она меня одного и поглядела не то что тревожно, а даже как будто болезненно. И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах!»

Да, именно это ощущение возникает, когда глядишь на фотографию Киры Алексеевны, сделанную осенью 1914 года. Муж собирался уходить на войну, а она оставалась совсем одна в этом незнакомом городе, так и не ставшем для нее родным за

прошедшие два года. Именно такой ее Булгаков и увидел.

«Мы шли по кривому, скучному переулку безмолвно, я по одной стороне, а она по другой. И не было, вообразите, в переулке ни души. Я мучился, потому что мне показалось, что с нею необходимо говорить, и тревожился, что я не вымолвлю ни одного слова, а она уйдет, и я никогда ее более не увижу…

И, вообразите, внезапно заговорила она:

— Нравятся ли вам мои цветы?

Я отчетливо помню, как прозвучал ее голос, низкий довольно-таки, но со срывами, и, как это ни глупо, показалось, что эхо ударило в переулке и отразилось от желтой грязной стены. Я быстро перешел на ее сторону и, подходя к ней, ответил:

— Нет.

Она поглядела на меня удивленно…

— Вы вообще не любите цветов?

В голосе ее была, как мне показалось, враждебность. Я шел с нею рядом, стараясь идти в ногу, и, к удивлению моему, совершенно не чувствовал себя стесненным.

— Нет, я люблю цветы, только не такие, — сказал я.

— А какие?

— Я розы люблю.

Тут я пожалел о том, что это сказал, потому что она виновато улыбнулась и бросила свои цветы в канаву. Растерявшись немного, я все-таки поднял их и подал ей, но она, усмехнувшись, оттолкнула цветы, и я понес их в руках.

Так шли молча некоторое время, пока она не вынула у меня из рук цветы, не бросила их на мостовую, затем продела свою руку в черной перчатке с раструбом в мою, и мы пошли рядом…

Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!

Так поражает молния, так поражает финский нож!

Она-то, впрочем, утверждала впоследствии, что это не так, что любили мы, конечно, друг друга давным-давно, не зная друг друга, никогда не видя…

Так вот она говорила, что с желтыми цветами в руках она вышла в тот день, чтобы я наконец ее нашел, и что если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ее пуста.

Да, любовь поразила нас мгновенно. Я это знал в тот же день уже, через час, когда мы оказались, не замечая города, у кремлевской стены на набережной.

Мы разговаривали так, как будто расстались вчера, как будто знали друг друга много лет. На другой день мы сговорились встретиться там же, на Москве-реке, и встретились. Майское солнце светило нам. И скоро, скоро стала эта женщина моею тайною женой».

Пожалуй, эти прекрасные строки не стоит разбирать, выискивая в них новые доказательства моей версии. Но удержаться очень трудно. Ну, скажем, вот такая фраза:

«Мы шли по кривому, скучному переулку».

А между тем Обухов переулок имеет незначительный излом, впрочем, как и многие другие арбатские переулки. И еще фрагмент описания их первой встречи:

«Эхо ударило в переулке и отразилось от желтой грязной стены».

Ничто так не подходит под это определение, как длинная желтая стена здания, в котором размещалась Пречистенская полицейская часть. Этот дом стоит там и поныне, по правую сторону при входе в Обухов переулок со стороны Пречистенки. При взгляде на него и впрямь возникает ощущение скуки и уныния.

Что еще обращает на себя внимание в этом отрывке, так это встреча на Москве-реке. По Пречистенке до храма Христа Спасителя рукой подать, а там совсем рядом и Москва-река. А вот еще одна немаловажная деталь: «Идти мне было некуда, и проще всего, конечно, было бы броситься под трамвай на той улице, в которую выходил мой переулок».

Думаю, никто не решится опровергнуть утверждение, что трамвайная линия на Пречистенке в те времена была. Это ведь не то что запутанная история с тем трамваем, что то ли ходил, то ли не ходил по Малой Бронной.

Еще один фрагмент из «закатного» романа: «Все пять комнат в верхнем этаже особняка, вся эта квартира, которой в Москве позавидовали бы десятки тысяч людей, в полном ее распоряжении».

А все-таки жаль, что Маргарита с мужем не жили в отдельном особняке. Особняк — это именно то, что отличает аристократию, богатых купцов да тех заводчиков и видных членов

госноменклатуры, что понастроили себе особняков в начале прошлого да и нынешнего века. В советское же время роскошные особняки редко предоставлялись даже семьям высших чинов. «Ответработников» по большей части расселяли в так называемые Дома Советов — в гостиницы «Националь», «Метрополь» и «Петергоф», в бывшие дома графа Шереметева и князя Куракина, в доходные дома на Знаменке, на Неглинной и на Пречистенском бульваре. Под это дело выделили и около двадцати зданий на территории Кремля.

Исключения были единичны — особняк предоставили Горькому, когда он возвратился в Москву, и Алексею Толстому. А вот работники Управления РККА, в том числе и прежний муж Елены Нюренберг-Булгаковой, Евгений Шиловский, обитали в выделенном для них доме в Большом Ржевском переулке. Так что проживание мужа Маргариты в отдельном особняке, да еще и с готическими окнами — это бы явно противоречило действительности. Тому подтверждением служит и место обитания незабвенного Андрея Бабичева, «великого колбасника, кондитера и повара», героя повести Юрия Олеши — в его распоряжении была всего лишь отдельная квартира на третьем этаже. Однако особняк — это однозначно соответствует нашим представлениям о том, где и как должна жить знать, та самая аристократия, ставшая недостижимой для Булгакова.

Но чем Булгакову не приглянулся стиль модерн, столь популярный в Москве начала прошлого века? Вот ведь и на Спиридоновке вполне можно было подыскать подходящее жилище — все ближе к Патриаршим прудам. Тут, видимо, следует учесть, что готический стиль в архитектуре зародился на севере Франции, а вслед за тем распространился на соседнюю Германию. Как тут не вспомнить о немецких корнях Киры Алексеевны?

Итак, Маргарите с мужем принадлежала лишь квартира в многоквартирном доме. А толпы страждущих все ищут некий «особняк». Да вот же он — дом № 6 по Обуховому переулку, чем вам не особняк? Роскошное четырехэтажное здание, разве что готических окон с фонарями не хватает. Нужны непременно фонари — так они есть в соседнем доме. Для человека, ютившегося по углам, снимавшего комнату то в коммуналке, то во флигеле, доходный дом в Обуховом — это и вправду особняк.

Создается впечатление, что стоило нам допустить, будто К. — это и есть Кира Алексеевна, как многие, ранее казавшиеся противоречивыми факты и фрагменты из «закатного» романа стали постепенно находить логическое объяснение. И даже то, что муж уехал на войну, и не на три дня, а на три года — это тоже

нам известно: «Муж уехал в командировку на целых три дня. В течение трех суток она предоставлена самой себе, никто не помешает ей думать о чем угодно, мечтать о том, что ей нравится».

Мечты, несбыточные мечты о романтическом свидании… А может, все-таки сбылось?

Читаем дальше. И вот, наконец, находим те слова, которые вновь указывают на ту, которая была прообразом несравненной Маргариты:

> «Бездетная тридцатилетняя Маргарита была женою очень крупного специалиста, к тому же сделавшего важнейшее открытие государственного значения. Муж ее был молод, красив, добр, честен и обожал свою жену».

Итак, Маргарите было тридцать. А в 1929 году, когда Булгаков познакомился с Нюренберг-Шиловской, ей было тридцать шесть. Я думаю, вы согласитесь — существенная разница! Хотя, с другой стороны, это ни о чем не говорит — женщина и в сорок шесть может быть прекрасна. Но дело в том, что в декабре 1917 года, когда Булгаков предпринял неожиданный вояж в Москву, Кире Алексеевне исполнилось ровно тридцать лет, не больше и не меньше. А ведь именно тогда должно было состояться их последнее свидание.

Что ж, если уж начали столь удачно толковать фразы из романа, продолжим:

> «Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах. Маргарита Николаевна могла купить все, что ей понравится… Она была счастлива? Ни одной минуты! С тех пор, как девятнадцатилетней она вышла замуж и попала в особняк, она не знала счастья. Боги, боги мои! Что же нужно было этой женщине?! Что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонечек, что нужно было этой чуть косящей на один глаз ведьме, украсившей себя тогда весною мимозами?»

Ну, ведьма, это понятно — потому что приворожила, завлекла. Но при чем здесь чуть косящий глаз? Встречалось мнение, будто писатель хочет подчеркнуть, что для него важен не внешний облик героини, а жизнь ее души. Странное дело, но на единственном известном мне портрете Кира Алексеевна сфотографирована почти что в профиль, скажем так — в три четверти. И еще — позднее замужество, когда ей было уже

двадцать пять, при столь редкой красоте и обаянии. Впрочем, это остается моим личным мнением. А вот единственное достоинство ее избранника было только в том, что — князь. И ничего более заслуживающего упоминания. Так что, возможно, какой-то дефект зрения у будущей княгини все-таки имелся… Да нет, вру! Конечно, ничего такого не могло быть.

А вот почему косящая на один глаз Маргарита, выйдя замуж в девятнадцать, за последующий десяток лет даже не пробовала взять на воспитание ребенка — это остается для меня загадкой. Возможно, и Булгаков этого не знал. Кстати, любопытно было бы узнать, а не косила ли на один глаз тетка Киры Алексеевны, так и оставшаяся незамужней Маргарита.

Читаем дальше:

> «…ей нужен был он, Мастер, а вовсе не готический особняк, и не отдельный сад».

Ну конечно же Кира должна была выбрать именно его, Мастера!

> «Да, да, да, такая же самая ошибка! — говорила Маргарита зимою, сидя у печки и глядя в огонь. — Зачем я тогда ночью ушла от него? Зачем? Ведь это же безумие! Я вернулась на другой день, честно, как обещала, но было уже поздно».

Все было именно так — разрыв между ними, окончательный разрыв, произошел зимой 1917 года, в декабре, 20-го или чуть позже. А дальше было лишь отчаяние. И тоска. И эту свою тоску Булгаков вкладывает в уста своей героини, Маргариты. Уж очень ему хотелось, чтобы Кира Алексеевна так подумала! И эта ее «та же самая ошибка», то есть совершенная по меньшей мере во второй раз. А прежде она то ли отвергла его, то ли предложила, наконец, расстаться — и было это либо в конце 1916-го, либо в начале следующего года, когда Булгаков побывал в Москве.

> «Я верую! — шептала Маргарита торжественно. — Я верую! Что-то произойдет! Не может не произойти, потому что за что же, в самом деле, мне послана пожизненная мука? Сознаюсь в том, что я лгала и обманывала и жила тайной жизнью, скрытой от людей, но все же нельзя за это наказывать так жестоко. Что-то случится непременно, потому что не бывает так, чтобы что-нибудь тянулось вечно».

Нет, не случилось — не случилось для Булгакова. Ведь все когда-нибудь заканчивается, как должен закончиться написанный роман. Но если в жизни не сбылось, там, на его страницах, все «случится непременно». И сбудется надежда, и Мастер обретет покой.

Увы, Булгаков ясно представлял себе, что потерял. Красивую, обаятельную женщину? Не только. О том, что Кира Алексеевна была человеком редкой доброты, лучше всего расскажут письма тех, кому она оказывала помощь. Вот пишет ей сестра Елена:

> «Милая моя Кирочка! …Что ты нас опять так балуешь, ведь 150 рублей не пустячки и они тебе наверное были бы нужнее…»

А это брат Георгий:

> «Дорогая Киру! Не знаю, как тебя благодарить за твою доброту и заботливость обо мне…»

Разумеется, забота о родных, о самых близких людях — это так естественно! Тут вроде бы и нечего обсуждать. Надо полагать, другие на ее месте точно так же поступали. Но вот несколько неожиданное послание, обнаруженное мной, как и другие письма, в фондах Пушкинского Дома. Привожу из него отдельные отрывки, поскольку многие строки очень трудно разобрать:

> «Глубокоуважаемая княгиня! …К Николаю Алексеевичу приехала помощница, женщина-врач … [Рассматривает фотокарточку] Вот сейчас передо мною Мина кушает за маленьким столом, угрюмая, держит задумчиво ложку. Виден кусок дома и аллея. И я уже там у вас. Мысленно заглядываю всюду. К княгине, в столовую, в Вашу спальню — мою любимую комнату! Может быть, она теперь уже стала детской. Но я ее вижу аккуратно прибранную, тускло освещенною лампадой, горящей в печурке перед образом. Так любила я там разговаривать с Вами и отдыхать одна. Вот вхожу на пальчиках в детскую. Темно, тикает будильник, и мирно дышат Мина и Ириночка; подошла, посмотрела, перекрестила, не поцеловала: боюсь разбудить. Постояла, вздохнула и вышла. Спускаюсь в столовую, мимоходом заглянув в свою комнату… в столовой горит лампада. И почему-то она мне помнится так, как в тот вечер, когда приезжал князь Голицын. Вы с работой в руках, тихо разговариваете с ним, Елена Карловна шила

> оборочками пан-ны [панталоны], я шила Минины рубашечки, а Георгий Алексеевич дивно играл Листа. Больше никого не было. Этого вечера я не забуду, так мне было хорошо тогда… Любящая вас и благодарная Поля».

Чувствуется, что это не чужой для Киры Алексеевны человек. Ее дочь, Марину, Поля называет по-домашнему, так, как это принято в семье. И все-то ей знакомо в этом доме — убранство комнат, даже мелкие детали… По описанию можно предположить, что это усадьба Блохиных в Шаблыкине. Смотрим на обратный адрес письма — Мацеста. Вот вам и разгадка. Судя по всему, Полина, нянчившая детей Киры Алексеевны, заболела, а добрая княгиня за свой счет отправляет ее в частную лечебницу, на Кавказ.

Кстати, а вот интересно, о чем Кира Алексеевна могла говорить с Голицыным — о том, как непросто сиятельному князю жить с простой крестьянкой? Попробуем найти ответ в воспоминаниях внука князя:

> «Дедушка кн. Владимир Владимирович Голицын, младший сын Московского городского головы князя Владимира Михайловича Голицына, был женат на крестьянке из деревни Луги Апушкины Татьяне Семеновне Говоровой… Наше Ливенское имение составляло более 4000 десятин, а в конце XIX века было куплено у Лидии Владимировне Буколовой еще небольшое имение, чуть более 200 десятин — это Луги Апушкины, которые почти сразу были переданы моему деду, где он и жил, куда привел свою жену, где родились мой отец и тетушки Елена и Ольга. Дедушка до революции (до июля 1918 года) жил с семьей в Лугах (летом) и занимался общественной работой — был вице-предводителем дворянства Ливенского уезда, работал в Земской управе, а с 1912 по 1918 год был ее председателем».

Думается все же, что потомок князя выдает желаемое за действительное — в наше время престижно не только подчеркнуть свое аристократическое происхождение, но и похвастать демократическими нравами в семье. Тем более что даже отчество «крестьянина» Семена Говорова никем из сторонников этой гипотезы не упоминается. Скорее всего, это лишь красивое семейное предание. Более вероятно, что тестем князя был купец Семен Иванович Говоров, проживавший в

Ливнах. Знакомство их должно было неизбежно состояться, поскольку оба были избраны гласными уездного земства: один от первого избирательного собрания (дворяне), другой же — от второго. А уж если дочь у купца была красавицей, тогда тут нечего гадать. Вот и дворянин Сергей Алексеевич Блохин женился на купеческой дочери Елене Карловне. Что поделаешь, сердцу не прикажешь!

Итак, Полине пришлось поехать на Кавказ, а вот Юрия Михайловича судьба закинула на север. Только не подумайте, что он за полярным кругом воевал, да и что там делать подпоручику Конной артиллерии. Сразу признаюсь, что высказанное ранее предположение, будто он пробыл на фронтах три года, судя по всему, не соответствует действительности. Хотя не исключен и отпуск по ранению. Но вот его письмо Кире Алексеевне, написанное летом 1916 года:

> «Радость, мне, должно быть, окончательно везет. Сегодня у Брюса натолкнулись на Ясинского, который согласился со мною ехать в Гельсингфорс. Понимаешь ли ты, как это важно. Он такой милый и добрый».

Здесь, во избежание двусмысленности, следует пояснить, что Андрей Николаевич Ясинский — это известный московский нотариус, контора которого располагалась на Театральной площади, в здании Императорского Нового театра. И согласился он ехать вовсе не по доброте души. Читаем дальше:

> «Бог даст, все пойдет по-хорошему и наша взаимная любовь еще больше утвердится».

Вот про любовь к Кире Алексеевне князь лучше бы уж не писал. По этой части Булгакову он и в подметки не годится. Писал бы уж о делах. Он и пишет:

> «Надо было быть Кнааном [или Киваном? Фамилия некоего англичанина написана очень неразборчиво] и мной, чтобы с закрытыми глазами поехать в неведомые края… на автомобиле по невозможной дороге, оказавшейся вместо шоссе. Ехали мы не ложась спать полтора суток. Туда и срочно же обратно, останавливаясь по два раза часа на полтора-два для еды… Много раз приходилось вытаскивать из песков машину и носить воду, которая закипала в радиаторе».

Как-то сами собой всплывают из памяти герои Джека

Лондона, бесстрашные покорители просторов Заполярья. Да так оно и есть! В то время как русская армия отбивалась от германца где-то там, на юго-западе, князь совершает стремительный бросок на север с единственной целью — застолбить участок на золотоносной реке. Для этого и повез с собой нотариуса. А вы-то что подумали?

Компанию князю составил его знакомый по дирекции Императорских театров камергер Александр Крупенский. В качестве полноправного партнера Юрий Михайлович предложил участвовать в деле и своему шурину Владимиру, сыну покойного шталмейстера, но тот предпочел не рисковать. Автомобиль и инженера-англичанина предоставил британский посол Бьюкенен — надо полагать, князь был с ним коротко знаком.

> «Содержание золота необыкновенное и мошенничества не может быть, т. к. мы с нашим англичанином сами брали в ковши песок и промывали. Это человек, работавший по золоту всегда и за свою 30-летнюю работу не видевший такого громадного % золота нигде в мире. То, что пишу, не увлечение, а факт. Как хорошо, что решились на поездку!»

Вполне допускаю, что за год-полтора князю удалось намыть золота в реке, чтобы хватило для безбедной жизни на первых порах в грядущей эмиграции. Кстати, всякий может убедиться в существовании той речки. Пусть обратится ко мне, я укажу дорогу — возможно, и золота там еще навалом. Тем более что все известные месторождения в Финляндии находятся за полярным кругом, а это — значительно южнее, там, где никто золота прежде не искал.

И все же именно «доступность» — князь доехал до реки на автомобиле — вызывает у меня сомнения. Так что, пожалуй, не спешите подавать заявки. Известно, что российские мошенники в деле «облапошивания» и в те далекие времена давали немалую фору иностранцам. В частности, на лохов был рассчитан хорошо отработанный прием, известный как «стреляние» и заключавшийся в подбрасывании золотого песка на заведомо бедный золотом участок. Увы, мошенничество выяснялось только после начала разработки, когда уже невозможно было отыграть назад. Подобным образом оказался одурачен прусскоподданный Георг Рюхардт — было это за полтора десятка лет до описываемого случая, в Сибири. Впрочем, судя по всему, бюджет семьи не очень пострадал — супруга, Фанни Карловна, владела недвижимостью в Москве, доходы даже позволяли Рюхардтам наведываться в Баден-Баден. Там-то эту *«милую парочку»* и

встретил отец Киры Алексеевны, о чем не преминул отписать домой. Однако вряд ли Фанни Карловна поделилась с Блохиным грустным опытом своего золотоискательства. Выглядеть дурой в глазах почтенной публики — кому ж это понравится? Да уж, знал бы Юрий Михайлович о злоключениях семейства Рюхардт, поостерегся бы гнать по бездорожью «в никуда».

Но если до октября 1917-го князь золота все-таки сумел намыть, тогда и в самом деле ему «свезло». Даже несмотря на то, что остался без наград за ратную службу в артиллерии. А вот с нотариусом случилась неприятная история. До Франции он в конце концов добрался, но… Лет эдак тридцать тому назад на окраине Обнинска рыли котлован. И вот нежданно-негаданно наткнулись на богатый клад. Чего там только не было! А на одном из украшений выгравирована надпись — «А.Н. Ясинский. 14 октября 1895 г.».

А вот и еще одна косвенная, надо сказать, очень зыбкая связь между Булгаковым и семьей Козловских. В своих воспоминаниях о жизни в эмиграции, в Константинополе, Любовь Белозерская, будущая жена Булгакова, пишет:

> «Мы должны были танцевать с ним „Голубой вальс“, в то время необыкновенно популярный французский вальс. Постановку Фокина я вывезла из Петрограда. Фреди был миниатюрен, подозрительно покачивал бедрами и, боюсь, подрисовывал себе около рта женственную родинку. Я тоже была не на высоте. Лучшая танцевальная пара — Таня Хирчик, по сцене Хирье (тоже, как и я, из частной петроградской балетной школы). Ее партнером был негр — Володя Крупенский. Когда-то русский дипломат вывез и усыновил негритянского мальчика».

Этот дипломат — то ли Василий Крупенский, то ли Анатолий, его брат, — принадлежал к тому же роду бессарабских богачей, что и бывший «управляющий балетом» камергер Крупенский, близко знакомый с князем Юрием Михайловичем.

Но возвратимся к Кире Алексеевне и Булгакову. Полагаю, и вы тоже согласитесь — что-то между ними было. Была первая встреча. Возможно, было одно или несколько романтических свиданий. Однако все остальное было им придумано. Именно поэтому сцены близости Мастера и Маргариты совсем не впечатляют. А может быть, Булгаков писать об этом просто не умел?

Может быть, и способен был Булгаков описывать сцены любви, но откровенничать по этому поводу не счел для себя

возможным. Нас же откровения, только иного рода, преследуют с самого начала поисков загадочной К. И вот вам еще одно.

Перед самой империалистической войной жил в Москве на Поварской улице некто присяжный поверенный Булгаков. «Да мало ли в Москве Булгаковых!» — скажете вы. Оно, конечно, так. Вот только жену его звали… Маргарита.

Не странно ли такое совпадение? Еще более непонятно, как обыкновенному юристу удалось пробраться в высший свет, то есть оказаться в роскошно изданном списке князей и прочих графов, который я имел удовольствие прочитать. Неужто демократия буйным цветом расцвела в России в эти годы? А заодно и недоступная нам свобода слова — если что хочешь о себе сказать, нужно лишь заявить о своем желании, и даже денег не возьмут. Читаем:

> «Милостивые государи! Редакция покорнейше просит Вас не отказать в любезности доставлять с 1 сентября каждого года сведения о переменах, произошедших в Вашем служебном положении, а также о перемене Вашего адреса и проч.».

Особенно впечатляет здесь таинственное «проч.».

Перечислениям достоинств сиятельных вельмож из упомянутого списка предшествует реклама гигиенических корсетов от мадам Пере. Но тут веление времени — даст бог, переживем и это:

> «Зная хорошо анатомию и следя постоянно за всякими новостями в медицинской литературе я вполне достигла успеха усовершенствовать покрой моих корсетов чтобы они были безвредны и гигиеничны».

Поверим на слово не шибко грамотной мадам и возблагодарим за попечительство о лошадях услужливого «мусью» Жозепа. В своей рекламе тот хвастается тем, что отпускает экипажи с лошадьми помесячно, даже поденно. И более того — берет лошадей и на комиссию, и на прокорм. Похвальная забота о братьях наших меньших!

Ну а там, где кони с экипажами, там обязательно должны быть седоки — все как положено: далее следует длиннющий список (полсотни строк или чуть больше) членов императорской семьи со всеми их величествами, высочествами, великими князьями — как принято говорить, со всеми чадами их и домочадцами. Это же сколько и каких средств требуется, чтобы обуть, одеть и прокормить эту ненасытную ораву! Но не

волнуйтесь — для этого есть Министерство Императорского двора, а в нем Главное управление императорских уделов. А в том управлении всяческих хозяйств с поместьями — не счесть!

И вот сдается мне, что в тех случаях, когда речь идет о знати, демократия и равноправие оказываются совершенно ни при чем. И дело даже не в цене великосветского издания — два пятьдесят за штуку! Причина появившихся сомнений в том, что, не в пример Михаилу Афанасьевичу, этот мной обнаруженный Булгаков совсем некстати оказался дворянин. И не какой-нибудь там завалященький потомок обедневшего, всеми презираемого рода, а сын действительного статского советника. И квартировал он не в коммуналке на Большой Садовой, а в бывшей княжеской усадьбе на Поварской, где что ни дом — то нынешняя или бывшая, но знаменитость. Да и фамилия его жены писалась с обязательной приставкой «фон». Вот только так и не иначе!

А может статься, и Михаилу Афанасьевичу попался на глаза тот список. Уж как он опечалился, должно быть, обнаружив в нем своего однофамильца. Скорее всего, счел все это за издевку. Кстати, в этом списке присутствует и фамилия мужа Киры Алексеевны.

Любовь Белозерская в своих воспоминаниях указывает еще на один текст, содержащий фамилию Булгакова и ставший, по ее мнению, толчком для написания романа о Сатане:

> «Когда мы познакомились с Н.Н. Ляминым и его женой художницей Н.А. Ушаковой, она подарила М. А. книжку, к которой сделала обложку, фронтисписную иллюстрацию „Черную карету“ — и концовку. Это „Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей. Романтическая повесть, написанная ботаником X, иллюстрированная фитопатологом Y. Москва, V год Республики“… Автор, нигде не открывшийся, — профессор Александр Васильевич Чаянов. Н. Ушакова, иллюстрируя книгу, была поражена, что герой, от имени которого ведется рассказ, носит фамилию Булгаков. Не меньше был поражен этим совпадением и Михаил Афанасьевич».

Думаю, что Булгаков был поражен не столько присутствием своей фамилии в тексте, посвященном «проделкам» Сатаны в Москве, но гораздо более тем обстоятельством, что фамилия героини повести Чаянова была обозначена буквой К., а книжку ему подарили через несколько дней после того, как появилась декабрьская запись в дневнике о Кире Алексеевне.

И снова на дворе декабрь, снова дневник и автор дневника,

фамилия которого опять на букву «б» — на сей раз доктор Борменталь из повести «Собачье сердце». Еще одна ипостась Булгакова вдобавок к Берлиозу, Бегемоту и Бездомному?

Вот что написано в дневнике:

> «22 декабря 1924 г. Понедельник. История болезни… 23 декабря. В 8.30 часов вечера произведена первая в Европе операция по проф. Преображенскому: под хлороформенным наркозом удалены яичники Шарика и вместо них пересажены мужские яичники с придатками и семенными канатиками, взятыми от скончавшегося за 4 часа, 4 минуты до операции мужчины 28 лет и сохранявшимися в стерилизованной физиологической жидкости по проф. Преображенскому».

Не знаю, как у вас, но у меня сложилось впечатление, что насилие над бездомным псом в сознании Булгакова отождествляется с насилием над его личностью, совершенным в 20-х числах декабря 1917 года, с насилием над его любовью, отвергнутой так жестоко, так безжалостно.

А вот отрывок из «Театрального романа»:

> «Просматривая отдел „Театральные новости“, я нет-нет да и натыкался на известия о моих знакомых. Так, пятнадцатого декабря прочитал… Двадцать второго было напечатано: „Драматург Клинкер в беседе с нашим сотрудником поделился сообщением о пьесе, которую он намерен предоставить Независимому Театру. Альберт Альбертович сообщил, что пьеса его представляет собою широко развернутое полотно гражданской войны под Касимовым. Пьеса называется условно „Приступ““».

Ну конечно, приступ! Приступ боли и страшного отчаяния. Заранее слышу упреки в том, что делаю глубокомысленные выводы «из ничего». Однако заметьте — здесь все то же 22 декабря. Возможно, Булгаков сам не сознавал, что пишет, и эта дата в обстоятельствах, прямо или косвенно связанных с болезнью, возникала из-под его пера помимо воли.

И снова тот же день, на этот раз в «Белой гвардии»:

> «Турбин стал умирать днем двадцать второго декабря. День этот был мутноват, бел и насквозь пронизан отблеском грядущего через два дня рождества».

Что тут еще добавить? Итак, судя по всему, окончательный разрыв с Кирой Алексеевной случился накануне 22 декабря. Разрыв для Булгакова почти трагический, поскольку мог он привести и к смертельному исходу, если бы не удалось избавиться от пристрастия к наркотику. Но как известно, Алексей Турбин, вопреки прогнозам докторов, выжил в 1918 году. В том же году выжил и Булгаков.

Коль скоро речь зашла о числах, тут самое время припомнить фразу из воспоминаний Левшина, соседа Михаила Булгакова по квартире в доме, по общему признанию послужившем прототипом для знаменитого 302-бис из «закатного» романа. Если не сделать этого сейчас, боюсь, что после будет поздно. Что ж, читаем:

> «Ну а нет ли где-нибудь двойников у номера 302-бис? Полистаем Булгакова… Так и есть! В бюрократической фантасмагории „Дьяволиада“ под номером 302 значится некая совершенно неуловимая комната, где помещается Бюро претензий. В „Театральном романе“ число 302 превращается в номер страницы, на которой издатель Рудольфи предлагает Максудову вычеркнуть слово „дьявол“… Вот оно что! Стало быть, это число обладает в глазах автора совершенно определенной „дьявольской“ образностью, и не случайно он пометил им дом, где поселил Воланда».

Итак, поклонник Булгакова и обитатель дома на Большой Садовой нашел в номере 302 некую «дьявольскую образность». Многие исследователи пытались разгадать тайну этих цифр, но безуспешно. Что ж, еще одна загадка? Оказывается, нет, не еще одна — все та же. А дело в том, что загадочные цифры напрямую связаны с темой нашего повествования — загадкой К.

И все же для порядка попытаемся отыскать дом с этим номером на многочисленных Садовых в дореволюционной Москве — в советское время сквозная нумерация Садового кольца была отменена. Увы, ни на Большой Садовой, ни на одной из прочих, вплоть до Садовой-Черногрязской, дом с таким номером я не нашел. Осталось только воздеть руки к небу и возопить: «Да куда ж он подевался?!» К счастью, дом вскоре обнаружился. Однако не на Садовой, а на той части Садового кольца, которая называется Большой Сухаревской площадью, и расположился он как раз напротив Института Склифосовского, бывшего Странноприимного дома графа Шереметева.

Чем же Булгакову могло приглянуться это место? Сам дом, явно не имевший никакого отношения к роману, в царские времена принадлежал братьям Минаевым, торговавшим

сюртуками. Может быть, Булгакова, врача по образованию, чем-то привлекла больница? Однако Мастер и Иван Бездомный лечились в другом месте, а Маргарита вроде бы к врачам не обращалась. Так что вполне логичен следующий вывод — найденный дом ничего не объясняет. Что же тогда нам остается? Где искать смысл этого «дьявольского» сочетания трех цифр?

Разгадка оказалась удивительно проста, стоило посмотреть на номер телефона квартиры Киры Алексеевны в Обуховом переулке: 32–07. Три цифры в память о несчастной любви. Все, что ему осталось…

А вот интересно — что там, за дверью комнаты № 302 из «Дьяволиады»? Читаем надпись на двери — «Отдел претензий». На что же Булгаков мог или хотел претендовать?

> «Коротков вошел и очутился перед семью женщинами за машинками. Поколебавшись немного, он подошел к крайней — смуглой и матовой, поклонился и хотел что-то сказать, но брюнетка вдруг перебила его. Взоры всех женщин устремились на Короткова.
>
> — Выйдем в коридор, — резко сказала матовая и судорожно поправила прическу.
>
> „Боже мой, опять, опять что-то…“ — тоскливо мелькнуло в голове Короткова. Тяжело вздохнув, он повиновался. Шесть оставшихся взволнованно зашушукали вслед.
>
> Брюнетка вывела Короткова и в полутьме пустого коридора сказала:
>
> — Вы ужасны… Из-за вас я не спала всю ночь и решилась. Будь по-вашему. Я отдамся вам.
>
> Коротков посмотрел на смуглое с огромными глазами лицо, от которого пахло ландышем, издал какой-то гортанный звук и ничего не сказал. Брюнетка закинула голову, страдальчески оскалила зубы, схватила руки Короткова, притянула его к себе и зашептала:
>
> — Что ж ты молчишь, соблазнитель? Ты покорил меня своею храбростью, мой змий. Целуй же меня, целуй скорее…»

Понятно, что и здесь Булгаков выдает желаемое за действительное. «Ты покорил меня, мой змий!» Припомните, что в «Морфии» он называл ее змеею. Брюнетка, смуглое лицо с огромными глазами, от которого пахнет ландышем… Смею утверждать, что это описание Киры Алексеевны. Вот что смущает — это страдальческий оскал зубов. Ведьма! Ведьма, перевоплотившаяся в Маргариту…

Тут возникает и еще один вопрос: а при чем тут ландыш? Пожалуй, было бы наивным выяснять причину появления столь незначительной детали. И все же позволю себе чуть-чуть пофантазировать. Возможно, впервые они встретились весной, в мае, когда расцветает ландыш. Однако не стоит забывать и о духах — в 1910 году в России появились магазины известного парфюмера Франсуа Коти, и в тот же год им разработан новый аромат духов. Духи получили название *Muguet,* что в переводе с французского означает «ландыш».

В причинах появления матовой брюнетки в «Дьяволиаде» вроде бы разобрались. Но может возникнуть вот какой вопрос: почему Булгаков не дал дому или комнате более понятный номер 320? Отвечаю: понятный для кого? Если инициалы Булгаков переставил, К.А. превратив в А.К., — вспомним Анну Кирилловну, — значит, не хотел делать слишком явного намека. А между тем есть в рассказе «Звездная сыпь» и «Авдотья Карповна, 30 лет», в «Багровом острове» некий персонаж по имени Кири и еще неизвестный нам Кирюшка из «Мастера и Маргариты», на которого ссылалась дама в ванной, пытаясь остановить настырного Бездомного… Но не будем увлекаться. Итак, если бы Булгаков захотел, наверняка бы дал дому номер 320/7. Однако страшно подумать, что могло случиться, если бы князь Юрий Михайлович прочитал роман и на страницах его обнаружил номер собственного телефона в дореволюционной Москве. Нет, этого Булгаков допустить не мог. Несмотря на некие странности в характере и особенности психологии, в своих отношениях с чужими женами Булгаков был джентльмен.

Но вот еще одно откровение. Снова, уже в который раз, сочетание тех же самых цифр, на этот раз в телефонном номере Булгакова в то время, когда он жил на Пироговке, — 2-03-27. Неужели случайное совпадение? Опять скрещение судеб, но только не во времени и месте, а в телефонном номере? Нет, этого не может быть. Даже я не могу в это поверить — наверняка здесь не мистическая, а вполне реальная основа. Скорее всего, на волне своей популярности после постановки «Турбиных» Булгаков добился, чтобы ему дали телефон именно с таким номером, во всяком случае содержащим требуемые цифры. Но вот зачем? Что это — вера в магию цифр или столь необычным образом выраженная тоска по прошлому? Зачем терзать воспоминаниями душу? Ведь ничего уже не будет.

Смотрю на эти цифры, даже повторяю их вслух, пытаясь разобраться: «Тройка, семерка…» Где я это слышал? Господи, ну конечно же — «Пиковая дама». Тройка, семерка… дама! То, что Булгаков был игрок, верящий в магию символов и цифр, не

вызывает у меня сомнений. Но князь Козловский? Впервые эти цифры — 0, 2, 3, 7 — появились в телефонном номере, когда квартировал он на Никитском бульваре, а переехав в Обухов переулок, оставил номер за собой. Неужто князь был карточный игрок? Или поклонник Чайковского и Пушкина, заядлый театрал? Не стоит забывать, что князь служил в дирекции Императорских театров.

Тройка, семерка… и княгиня. Можно ли утверждать, что сочетание цифр принесло Юрию Михайловичу удачу? Видимо, так… если бы только не Октябрь. Но тут уж никакие цифры не помогут. А вот Булгакову выпала другая стезя — писать, писать без особой надежды на успех и изводить себя тоской по столь желанной, недоступной Кире.

Что ж, благодаря княгине Кире Алексеевне удалось разъяснить еще один загадочный штрих, «дьявольскую образность» в творчестве писателя. И кстати, вот еще что — в «Белой гвардии» один из персонажей, генерал, чем-то напоминает дядю Киры Алексеевны, генерала Николая Сергеевича Блохина. Ну, может быть, и не напоминает, но имеет ту же знакомую нам теперь фамилию и то же звание. Случайность?

Думаю, что дело не в случайности. Просто так тесен мир — по крайней мере, мир Булгакова. В книге «Дом Маргариты» была доказана связь бала Сатаны из «закатного» романа с личностью и трагической судьбой Михаила Тухачевского. Так вот оказывается, что брат его прадеда служил в Кавалергардском полку вместе с тогдашним владельцем имения Шаблыкино, уже знакомым нам Киреевским, а позже, выйдя в отставку, поселился в деревеньке соседнего с Карачевским уезда, купив ее у бывшего однополчанина. Еще более интересно, что бабушка будущего маршала была дочерью помещика Карачевского уезда, так что не исключено ее знакомство с дедом Киры Алексеевны, Сергеем Владимировичем Блохиным. Конечно, Михаил Булгаков, корни которого также на Орловщине, вряд ли догадывался о карачевских корнях своего тезки. Однако, если в жизни так все переплелось — имеется в виду не только время, но и место, — стоит ли удивляться, что то же происходит и в романе. И Маргарита, образ которой навеян знакомством с Кирой Алексеевной, и Майгель-Тухачевский, да и сам Булгаков, отдавший по частице своего «я» и Мастеру, и Берлиозу, — все оказались на страницах одного романа, словно бы так было предназначено судьбой.

Итак, многое в судьбе писателя прояснилось, но остаются без ответа два вопроса: как вылечился Булгаков от морфинизма и

почему вдруг занялся литературным творчеством? Вот мнение писателя Николая Никонова, о нем упоминает в своей книге Алексей Варламов:

> «То, что произошло с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, было именно посвящением в литературу, совершившимся по всем правилам мистерий и инициаций… Совершилась трагическая мистерия рождения нового русского Фауста, жреца литературы, в горниле оккультного наркотического опыта. Морфий убил Булгакова-врача и родил Булгакова-писателя».

Напротив, сам Алексей Варламов пытается объяснить тягу Булгакова к творчеству в значительной мере политическими мотивами:

> «Скорее знаковый смысл соединения морфиниста и писателя заключается, с одной стороны, в той душевной и телесной лихорадке, в той чудовищной встряске, которую пережил Булгаков в 1917 году, а с другой — в том кошмаре, что был пережит его огромной страной».

Позволю себе ни с тем ни с другим не согласиться — нет в этом деле ни мистики, ни оккультизма, и политической подоплеки тоже нет. «Кошмар 1917-го» и «наркотический опыт» здесь явно ни при чем. И нечего писателю приписывать достоинства, которых в то далекое время не могло быть у него — в политике Булгаков разбирался слабо. Всему причиной были лишь тоска и боль. Всему виной была разлука с Кирой Алексеевной.

Но как же вылечился?

В одном из интервью Татьяна Лаппа спасителем Булгакова называет доктора Воскресенского, который будто бы рекомендовал подменить морфий в ампулах дистиллированной водой. Впрочем, позже в разговоре с Леонидом Паршиным этот случай она уже не упоминает, так что биографам остается лишь гадать, в чем истинная причина избавления от страшного недуга. Варламов имеет на сей счет собственное мнение:

> «Глубокое убеждение автора этой книги заключается в том, что дело было не только в медицине и даже не только в огромной воле Булгакова и великом терпении и самоотверженности его первой жены. Жизнь этого человека, как никакая другая жизнь русского писателя XX века, была подчинена судьбе и не допускала

уклонений: ему надлежало в свой черед стать зависимым от морфия и в свой черед от этой зависимости исцелиться…»

Да нет же! Все гораздо проще, и судьба тут совершенно ни при чем. Морфий, увы, не избавил Булгакова от страданий. Избавлением для него стало творчество — всю свою боль, душевные страдания писатель переносит на своих героев, при этом сам постепенно избавляется от мук. Истинное искусство рождается только так, а все остальное — принадлежность ремесла, а то и вовсе от лукавого.

Это исследование наверняка не будет полным, не попытайся мы проследить судьбу Киры Алексеевны после отъезда из России. При этом не избежать рассказа о судьбах русской эмиграции первой волны. Но прежде чем отправиться вслед за княгиней в Европу, напоследок не помешало бы пройтись по старым московским и петербургским адресам, хотя бы по тем из них, где жили ее родственники. А для начала попробуем отыскать квартиру свекра и свекрови. По счастью, привязанность их сиятельств к Арбату существенно облегчает поиски.

Итак, некоторое время жили они на углу Сивцева Вражка и Староконюшенного, в доме отставного гвардейского штабс-ротмистра Бориса Силина. Есть основания предполагать, что его сын пошел по стопам своего отца — дослужился до чина штабс-ротмистра лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, а в годы Второй мировой войны служил в Русском охранном корпусе. Печальна и поучительна судьба примкнувших к нему русских эмигрантов.

Приказ о формировании Русского корпуса был подписан 12 сентября 1941 года. В своем обращении к эмиграции начальник Русского Бюро в Сербии генерал Скородумов писал:

> «Дайте героев! Дайте мучеников! Дайте патриотов! Я верю в силу духа Русского народа и верю, что Русские люди, с помощью Вождя Рейха и доблестной Германской армии, смогут свергнуть и навсегда уничтожить двадцать с лишним лет издевавшуюся над Русским народом интернациональную сталинскую банду… Боже, помоги нам спасти Россию!»

Одно из условий формирования корпуса, поставленных перед властями рейха, было следующее:

> «Когда Корпус закончит формирование и коммунистическое движение в Сербии будет подавлено,

немецкое командование обязуется Корпус перебросить на Восточный фронт».

К счастью для корпусников, до переброски на Восточный фронт дело так и не дошло. Не сбылось и пожелание сохранить русскую военную форму и воинский устав. Особым распоряжением германского командования Русская охранная группа была включена в состав вермахта с переименованием в Русский охранный корпус. Командование корпусом было передано генералу с немецкой фамилией Штейфону. В официальных обращениях к солдатам и офицерам корпуса отныне следовало употреблять немецкий чин. Был введен немецкий строевой устав.

Поначалу главная задача корпуса состояла в охране военно-хозяйственных объектов. Но вскоре все кардинально изменилось — части корпуса вынуждены были сдерживать наступление отрядов Тито почти на всем протяжении границы между Хорватией и Сербией, а позже вместе с германскими частями отражали наступление советских войск. После капитуляции Германии остатки корпуса смогли разрозненными группами просочиться в Австрию, а там уже сдались британским войскам.

Учитывая выбор сына, вставшего в годы будущей войны в ряды нацистских палачей, логично предположить, что лозунг Силина-отца после поражения первой русской революции был предельно прост: «Расстреливать и вешать!» Яблоко от яблони, как известно, недалеко падает. Уверен, что Козловские придерживались не столь откровенно кровожадной точки зрения. Различия во взглядах могли привести к конфликту с отставным штабс-ротмистром, владельцем дома.

Так или иначе, но что-то у них там не срослось, и вскоре будущие свекор и свекровь Киры Алексеевны переехали в дом рядом с церковью Федора Студита, что у Никитских ворот, — там было поспокойнее. В начале века дом принадлежал Наталье Мошкиной, семейство ее занималось оптовой торговлей. Торговый дом братьев Мошкиных в ту пору предлагал покупателям качественную юфть, по-теперешнему — кожу. Наибольшим авторитетом среди братьев обладал Афанасий Мошкин. Помимо того что занимал почетный пост старосты Покровского собора на Красной площади, он хорошо разбирался в скотоводстве и ведении бухгалтерского учета. По этой теме им была опубликована работа под названием «Счетоводство сельскохозяйственной промышленности», довольно высоко оцененная специалистами. Судите сами, будучи сторонником немецкой системы счетоводства, Мошкин предлагал рабочий скот

оценивать по стоимости приобретения с ежемесячным начислением амортизации, скот молочного стада — по цене приобретения с начислением амортизации с той части стоимости, которая образуется в виде разницы между первоначальной стоимостью животного и стоимостью его при продаже на убой. Редкое для обыкновенного торговца знание предмета!

После смерти матери наследники продали дом коллежскому секретарю Станкевичу. Алексей Иванович хоть и не жил сам в этом доме, однако заслуживает более подробного рассказа.

Получивший в начале XX века известность как историк, библиограф, библиофил и коллекционер, Станкевич поначалу работал в архиве Министерства иностранных дел. Усердие архивиста не пропало даром, и вскоре он был приглашен в Московский Исторический музей имени императора Александра III, где состоял библиотекарем, а затем заведовал отделом — вплоть до 1917 года. Его трудами была создана музейная библиотека, известная в научных кругах. Станкевич был причастен еще к одному доброму делу. В начале октября 1890 года общество, «собирающее с Высочайшего соизволения пожертвования на сооружение памятника Гоголю и собравшее в данный момент капитал в 52 000 рублей и имеющее обещание г. Демидова пожертвовать бронзу в необходимом для памятника количестве», постановило образовать комитет по сооружению памятника знаменитому русскому писателю, горячим поклонником которого, кстати, был Михаил Булгаков. От Общества любителей словесности в состав комитета вошел в качестве секретаря Александр Иванович Станкевич. Памятник был торжественно открыт 26 апреля 1909 года на Арбатской площади.

Следует упомянуть и дядю Алексея Станкевича. Николай Владимирович тоже был известен, но несколько ранее, в 1830-х годах, и в ином качестве — как глава знаменитого в истории новейшей русской литературы «кружка Станкевича», среди участников которого были Аксаков, Белинский и Бакунин. Основным занятием кружковцев было изучение трудов наиболее ярких представителей немецкой философии, Шеллинга и Гегеля. Однако после того, как основатель кружка уехал за границу, все закончилось. А жаль!

Выше я уже писал о том, что Кира Алексеевна некоторое время жила по соседству со свекром и свекровью, на Никитском бульваре. Но вскоре настала очередь Большой Молчановки — туда, в дом № 18, переехали свекор и свекровь. Честно говоря, страсть к переездам их сиятельств просто поражает! В этом большом доходном доме доживал последние дни отец Юрия

Михайловича. К тому времени Кира Алексеевна с мужем и детьми уже квартировала в Обуховом переулке, на Пречистенке.

Дом под номером 18 по Большой Молчановке принадлежал Дмитрию Тихомирову. Сын деревенского священника известен как организатор первой вечерней школы для рабочих, автор и издатель букварей, учебников и других книг для народных школ. Его убеждения полностью разделяла жена, принадлежавшая к обедневшей ветви рода Оболенских и приходившаяся внучатой племянницей тому самому князю Оболенскому, что на Дворцовой площади решился нанести рану Милорадовичу.

Забота об образовании рабочих оказалась делом выгодным. Помимо доходного дома на Молчановке в Москве, было у Тихомирова имение «Красная горка» в Крыму, откуда он получал молодое белое вино. А в самом доме регулярно собиралась «культурная прослойка». Вот как об этих встречах, где выпивалось немало того самого вина, вспоминал знаток московских нравов Гиляровский:

> «Это были скучнейшие, но всегда многолюдные вечера с ужинами, на которых, кроме трех-четырех ораторов, гости, большею частию московские педагоги, сидели, уставя в молчании „брады свои“ в тарелки, и терпеливо слушали, как по часу, стоя с бокалами в руках, разливались В.А. Гольцев на всевозможные модные тогда либеральные темы, Н.Н. Златовратский о „золотых сердцах народа“, а сам Д.И. Тихомиров, бия себя кулаками в грудь и потрясая огромной седой бородищей, вопиял:
>
> — Мы — народ! Мы — служители народного просвещения!..
>
> Кончались речи и неожиданными сюрпризами. Был случай, когда тишайший Н.Н. Златовратский вцепился в бородку благовоспитанного В.А. Гольцева, вцепившегося в свою очередь в широкую бороду Н.Н. Златовратского, так что их пришлось растаскивать соседям. Они ярко выразили свое несходство в убеждениях: В.А. Гольцев был западник, а Н.Н. Златовратский — народник».

Хозяин дома пережил своего сиятельного квартиранта всего лишь на полгода. А вот скучнейшие речи завзятых либералов продолжались. Их отголоски мы слышим до сих пор.

Что-то я все о Москве да о Москве, тогда как мать Киры Алексеевны родом с берегов Финского залива, да и сама Кира не один год прожила в Северной столице. Пришла пора пройтись по петербургским адресам.

По моим сведениям, на Гороховой улице, в доме № 19, отец Киры Алексеевны имел служебную квартиру — дом был во владении ведомства по управлению имуществом императрицы Марии. На этой квартире в основном он и работал, если была надобность. А вот квартира в доме № 16 по Бассейной предназначалась для семьи.

Дом этот принадлежал Александру Евгеньевичу Бурцеву, выходцу из зажиточного крестьянского семейства. Перебравшись из Вологодской губернии вслед за старшим братом в Петербург, Бурцев пристроился в его меняльной лавке. Дело это было прибыльным — знай, рубли на фунты, тугрики да марки обменивай, а прибыль клади себе в карман. Это вам не землю пахать или уголь добывать в сыром забое. Приходилось торговать и процентными бумагами на петербургской бирже. Вскоре переехал в столицу младший брат — стал служить во вновь учрежденной фирме «Братья Бурцевы». Словом, предприятие было основательно поставлено и стало приносить значительный доход. Достаточно сказать, что накануне империалистической войны старший брат имел во владении одиннадцать домов — на Литейном, на Знаменке, на Провиантской и Церковной. Александр Бурцев тоже преуспел — ему принадлежали четыре дома на Бассейной. Однако легкие деньги не давали покоя нашему купцу. Перед войной он отошел от дела и посвятил себя занятиям более благородным, увлекшись историей и искусством. Даже подумывал устроить Музей русского искусства и литературы в одном из своих домовладений. Но помешала война.

Рискну предположить, что тяга к собирательству была характерна для вологодских Бурцевых. Жил в той же губернии Евлампий Бурцев, археограф и богослов, любитель русской истории, служил преподавателем в духовной семинарии. Но основным его занятием стало описание свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древлехранилище, да еще собирание предметов старины. Вот и наш Бурцев стал покупать древние книги, предметы быта у крестьян, записывать песни и легенды, приобретать картины и церковную утварь. Пожалуй, со временем это могло бы стать самым надежным вложением капитала. Если бы не Октябрь…

Пока же суд да дело, а до революции оставалось полтора десятка лет, Бурцев занялся изданием раритетов — нечего им без дела лежать, пора бы послужить хозяину. Впрочем, не стану утверждать, что от издательства была какая-либо прибыль.

Известно, что на счету Бурцева издание около двухсот описаний редких книг, рукописей, старинных документов, собраний акварелей и гравюр. И все же многие из собранных им

рукописей смогли достойно оценить только потомки. Чего стоит вот этот, сохранившийся благодаря ему автограф Ильи Репина:

> «1909.
> 23 июля. Куоккала.
> Модные эстетики полагают, что в живописи главное — краски, что краски составляют душу живописи. Это не верно. Душа живописи — идея. Форма — ее тело. Краски — кровь. Рисунок — нервы. Гармония-поэзия дают жизнь искусству — его бессмертную душу.
> *Илья Репин».*

Думаю, что это изречение стоило бы вызубрить назубок каждому современному мазиле, претендующему на звание художника. Да и нынешним очеркистам-повествователям, лауреатам всяких премий, оно бы тоже пригодилось.

В общем, семье Блохиных с домовладельцем повезло, чего не скажешь о самом хозяине — в 1938 году его настиг карающий меч НКВД. Ну, что поделаешь, если пролетариат на дух не выносил менял, ростовщиков и прочих «мироедов».

Упоминавшаяся выше Гороховая улица в Петербурге пересекает несколько речек и каналов. Как раз на участке между Красным и Каменным мостом стоит и поныне дом № 19, в котором жил Алексей Блохин. А по соседству, в доме № 17, когда-то размещался Английский клуб — закрытое элитное заведение для мужчин, особенно нервно реагирующих на появление в их обществе сограждан низкого происхождения и прочих самозванцев. Девиз клуба — *Concordia et Laetitia* («Согласие и веселие») — говорил сам за себя, предполагая приятное времяпрепровождение в компании людей одного круга. В клуб приходили обсудить новости, почитать газеты, сыграть партию в бридж или в бильярд, выпить пару бокалов мозельвейна. Членство в Английском клубе рассматривалось как гарантия аристократизма духа и соответствующего положения в обществе, а потому желающих попасть в него было в те времена не счесть. Следуя известному принципу «лучше меньше, да лучше», число членов клуба ограничили количеством в триста человек. Старшинами клуба выбирались не последние люди в городе: князь Кутузов, граф Аракчеев. Был членом клуба и Алексей Блохин.

Английский клуб в конце XVIII века образовали и в Москве. Но почему-то его члены никак не могли успокоиться на одном каком-то месте: свои посиделки они устраивали то на Страстном бульваре в доме Бенкендорфа, то на Большой Никитской, то на Большой Дмитровке в доме Муравьева. Наконец, в 1831 году

блуждание клуба по Москве закончилось в доме графов Разумовских. А через сорок лет и дом, и большой участок в Палашах отошли тайному советнику Шаблыкину. Уж не из тех ли он Шаблыкиных, что некогда владели имением в Карачевском уезде?

Да, были времена, когда дворец этот стоял в тенистом парке, между Козихой и Тверской. Поодаль были три пруда, память о которых теперь сохранилась лишь в названии одного из переулков. Говорят, здесь, в клубе, происходили тайные заседания первого московского кружка масонов. А между тем у некоторых представителей аристократии вошел в моду вот какой девиз, по-видимому определявший цель их жизни:

> «Рождение, производство в первый офицерский чин, женитьба и поступление в члены клуба».

«Храм праздности» — так называл это место Лев Толстой. Праздность праздностью, но правила здесь строго соблюдались:

— с собой можно было привести лишь одного-единственного гостя;

— член клуба имел излюбленное кресло, которое в его присутствии никто не должен занимать;

— слабый пол не допускался в клуб ни под каким предлогом, будь то жена, любовница или прислуга;

— просрочившим членский взнос был жесточайшим образом закрыт вход в клуб впредь до уплаты долга.

А вот что писал об Английском клубе в середине XIX века Михаил Загоскин в книге «Москва и москвичи»:

> «Попасть в члены Английского клуба довольно трудно; число членов, ограниченное уставом, почти впятеро менее числа кандидатов, из которых многие… ждут лет по пятнадцати своей очереди. Не подумайте, однако ж, чтоб эта трудность побеждалась одним терпением. О нет! Дождавшийся своей очереди кандидат баллотируется и если не будет избран, то должен навсегда отказаться от чести быть членом Английского клуба, потому что вторичная баллотировка воспрещается уставом».

Помимо Льва Толстого, в Английский клуб был вхож и Лев Голицын, знаменитый российский винодел. Чуть дальше по Тверской, рядом с домом генерал-губернатора, располагался магазинчик виноградных вин, где продавалось в розницу натуральное вино из голицынского имения «Новый Свет» в

Крыму. Приходилось и мне пробовать это вино, и даже новосветское шампанское, но то было уже гораздо позже. Теперь от прежнего вкуса не осталось ничего.

Странное дело, Английский клуб и в Петербурге, и в Москве обнаружил несовместимость с именем графа Бенкендорфа. В Москве они не смогли ужиться на Страстном, а в Петербурге клуб переехал в другой дом, поскольку здание на Гороховой облюбовало Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, главой которого царь назначил племянника того самого графа, чей дом находился на Страстном бульваре. Однако охранное отделение на Гороховой не прижилось и через несколько лет переместилось на набережную Фонтанки. Говорят, причина была в том, что по ночам в старом здании бродили тени убиенных и замученных.

Напротив дома на Гороховой располагалось Училище глухонемых, а рядом — здание Александровской женской гимназии и детского приюта. Чуть дальше — Попечительство императрицы Марии Федоровны организовало Бюро для наведения справок о семейном и материальном положении глухонемых. Словом, тихое, располагающее к покою место. Разве что вечерами было шумно, поскольку на углу Гороховой и набережной Мойки находился ресторан «Контан», названный так по фамилии хозяина. Славное было заведение с отменной кухней и зажигательным оркестром из бессарабских то ли румын, то ли цыган.

«Кюба», «Контан», «Медведь», «Донон»!
Чьи имена в шампанской пене,
Взлетали в невский небосклон.
В своем сверкающем сплетенье!

Стишки, конечно, так себе, но сделаем снисхождение поэту, написавшему их, сидя за столом в «Контане».

А на Большой Конюшенной в той же Казанской части Петербурга проживала до своего замужества мать Киры Алексеевны. Отец ее хоть и был зажиточным купцом, однако в Английский клуб его бы вряд ли пригласили. Да это было ни к чему — неподалеку располагались шикарный ресторан «Медведь», владельцем которого был хозяин «Яра», известного на всю Москву. Тут же рядом было и кафе «Доминик», а также несколько церквей, на выбор — финская, шведская, голландская и немецкая, не считая Казанского собора.

Среди иноверцев Петербурга немецкая община считалась наиболее влиятельной, что и немудрено, если учесть

привязанности Петра I и Екатерины, пригласивших для обустройства Петербурга немалое число специалистов из Германии. Важную роль в жизни общины играла Петрикирхе — так называлась церковь Святых апостолов Павла и Петра. Первоначально лютеране собирались для молитвы в доме вице-адмирала Крюйса, а позже на территории его усадьбы была построена лютеранская кирха в виде креста из бревен. Церковь имела увенчанную шпилем башенку, однако колокольни не было, поэтому вместо привычного звона колоколов сигналом для прихожан служил подъем адмиральского штандарта на шпиле церкви.

Казалось бы, посетив напоследок памятные места Москвы и Петербуга начала прошлого, XX века, мы можем обратить свое внимание на более поздние года. Но дело в том, что судьба потомков Киры Алексеевны заставляет возвратиться назад. При этом не хотелось бы вас утомлять подробностями из родословных, так что придется верить на слово.

Петрикирхе, 1910-е гг.

Один из внуков княгини Киры Алексеевны женат был на Марии Дмитриевне из рода Левшиных. А сын ее тетки, Надежды Дмитриевны, в 1935 году женился на баронессе Анне Николаевне Мейендорф, дочери художника-иконописца. Впрочем, все это не важно, поскольку художником Николай Богданович, бывший

полковник лейб-гвардии Конной артиллерии Его Величества, стал только в эмиграции — то ли по необходимости, то ли по велению души. В начале 1900-х годов он вместе со своими братьями посещал школу Карла Мая — кстати, там же учились и Николай Рерих с Александром Бенуа. И вот полученные навыки в живописи пригодились в годы грустного изгнания, на чужбине, когда пришлось ему в компании с другими выходцами из России расписывать православные храмы в Югославии. А в годы Второй мировой войны Николай Богданович вдруг оказался… Где же, как вы думаете? Увы, в печально знаменитом Русском корпусе, где защищал от нападения сербских партизан военные объекты и отражал атаки советских войск, наступавших на Балканы. Но это было уже в 1944 году. Замысловата судьба российского эмигранта — нередко от молитвы до выстрела оказывается один шаг.

Известно, что события, даже разнесенные во времени, бывают связаны между собой. Попробуем отыскать причины превращений бывшего полковника лейб-гвардии в том, что случилось на полвека раньше, — перелистаем записи, сделанные императорской рукой. И вот находим место в монаршем дневнике, где упомянут отец Николая Богдановича — барон Мейендорф, генерал-адъютант, состоявший при особе императора. Читаем записи за 1895 год:

> «4-го января. Среда. Завтракали: Ксения, Сандро, д. Миша и Мейндорф (деж.)».
>
> «16-го января. Понедельник. Завтракал Мейндорф (деж.)».
>
> «30-го января. Понедельник. Завтракали Саша Козен и Мейндорф (деж.)».

Конечно, записи потрясают «содержательностью». Однако обращает на себя внимание не то, что царь ленится писать еще одну букву «е» в фамилии барона. Нет, дело тут в другом. По моему мнению, генерал на то и генерал, чтобы предвидеть ход событий в государстве. Так почему же не соизволил государю подсказать — за завтраком или на прогулке? Ведь завтракал-то не один раз! Глядишь, и не пришлось бы потомкам генерала бедствовать на чужбине и проливать напрасно кровь. Странные люди эти придворные сановники — воспитанные французом гувернером, окончившие привилегированный лицей или университет, увешанные регалиями и удостоенные высоких званий, — зачем учились они, если не смогли предвидеть? Предвидеть поражения, предугадать время, когда их сметут.

Анна Федоровна Мейендорф была племянницей Николая Богдановича, того самого полковника. Оба они происходили из

знатной остзейской семьи, но вот какие странности судьбы бывают связаны с происхождением. Сочетание высокого титула и невыразительной внешности нередко пагубно сказывается на женщине, вызывая необратимые изменения в душевном складе, в психологии. Так уж случилось, что Анна Федоровна осталась незамужней и потому все силы свои стала отдавать заботе о болящих и нуждающихся. В 1899 году вместе с отрядом Касперовской общины Красного Креста она едет в Самарскую губернию помогать страдающим от голода и эпидемии цинги. А с началом Русско-японской войны вместе с отрядом петербургской общины сестер милосердия отправляется на Дальний Восток. *«Я иду на войну умирать»* — эти слова многое определяют в ее поступках: принесение в жертву собственной жизни ради того, чтобы другие, возможно, обрели то счастье, которого сама она оказалась лишена. С началом империалистической войны в составе санитарного поезда Анна Федоровна отправляется на фронт, но слабеющее здоровье уже не позволяет с полной отдачей выполнять работу. Возвратившись в Петроград, она просит назначить ее на одно из госпитальных судов, стоявших на рейде близ Одессы. А в марте 1916 года газеты сообщили трагическую весть: в результате атаки немецкой подводной лодки U-33 в Черном море близ города Офа затонуло русско-французское госпитальное судно «Портюгаль». Из двадцати шести сестер милосердия удалось спасти только одиннадцать. Так погибла Анна Федоровна.

Госпитальное судно «Портюгаль»

Не менее страшная судьба ожидала двоих ее братьев. Через три года после гибели сестры они были замучены махновцами.

А вот у двоюродного брата Анны Федоровны все складывалось иначе. Сын дипломата, юрист, Александр Мейендорф был причастен к основанию «Союза 17 октября», при этом видел основной своей задачей объединение немецкоязычных подданных империи — для этого даже была образована так называемая Немецкая группа «Союза 17 октября», существовавшая до 1914 года. Во время Первой мировой войны, когда многие русские люди погибали на германском фронте, барон счел своим долгом осудить кампанию против прибалтийских немцев, развернувшуюся в прессе. Цель этой кампании он рассматривал как попытку окончательно решить «остзейский вопрос», а именно — ликвидировать органы дворянского самоуправления в Остзейском крае. Для крупного землевладельца, имевшего более двух тысяч десятин земли, доходные дома в столице и фамильный замок, такое поведение было логичным и естественным. Увы, спасти имущество не удалось, и в 1919 году бывший землевладелец оказался в эмиграции. Все, что ему осталось, — это место преподавателя в британском университете.

Брат Александра, Петр, сначала камер-юнкер, позже удостоенный высокого звания камергера, служил хранителем Императорского Эрмитажа. Чтобы в дальнейшем вам не путаться, сразу поясню, что в нашем Отечестве до Октябрьской революции обер-маршал приравнивался к дворецкому, обер-камергер к постельничему, действительный камергер к стряпчему, обер-шталмейстер к ясельничему, обер-егермейстер к ловчему, обер-шенк к кравчему, обер-мундшенк к чашнику, мундшенк к чарочнику, а камер-юнкер к комнатному дворянину. Теперь, надеюсь, все понятно? Да, чуть было не забыл — 30 августа 1856 года в связи с коронацией Александра II был учрежден придворный чин обер-форшнейдера, в обязанности которого входило разрезание кушаний для императорской четы во время праздничных обедов. Прежде эта высокая честь, то есть честь разрезать, предоставлялась старшему дежурному камергеру.

Но возвращаемся к хранителю. В политике Петр Мейендорф разделял взгляды октябристов — входил в ту же самую Немецкую группу, что и брат Александр. Судьба его после 1917 года остается неизвестной. Похоже, большевики решили, что знатный хранитель непременно разворует ценности. И о семейном его положении тоже нечего сказать — жил в том же доме, где с конца XIX века обосновались его дядя с женой. Там же обитала дочь хозяина со своим возлюбленным супругом.

Интересна история этого дома. В середине XVIII века на участке между Миллионной улицей и набережной Мойки находился дом некоего Эмса, фельдшера Семеновского полка. В середине следующего столетия домом завладел Андрей Штакеншнейдер, придворный архитектор, разбогатевший на строительстве дворцов для императорской семьи. Построил он и дворец Алфераки в Таганроге для одного из предков Анны Бетулинской-Смирновой, речь о которой впереди. Трудно было удержаться и не перестроить дом на Миллионной в соответствии со своим вкусом и потребностями семьи, что и было сделано. В поперечном двухэтажном флигеле расположилась мастерская архитектора, там же были и жилые комнаты. На Мойку был обращен сад, на красную линию набережной Мойки выходил одноэтажный флигель. Со временем дом стал знаменит литературно-художественным салоном. Посетителями его были художники, писатели и даже будущие революционеры-демократы.

К несчастью, увлекшись трудами праведными, глава семейства своих сил не рассчитал, заболел и вскоре умер. Дом на набережной Мойки пришлось продать. А в конце XIX века в нем поселилась семья во главе с бароном Федором Мейендорфом, генерал-лейтенантом и командиром Его Императорского Величества конвоя.

И что это за повальное стремление бежать от большевиков под крылышко недавних врагов, на Украину, оккупированную немцами! Не только братьев Анны Федоровны это подвело — шурина вышеупомянутого Петра Богдановича тоже махновцы расстреляли. А ведь был Яков Анатольевич Куломзин совсем не глупый человек — председатель земского собрания, предводитель уездного дворянства. И вот надо же, бежав из Петрограда на юг вместе с семьей, погиб в том же 1919 году от рук все того же батьки. Счастье, что семье через Польшу и Чехословакию удалось добраться до Канады. На наш взгляд, бегство это было и морально, и логически оправдано — недопустимо бросать малых детей на произвол судьбы ради безнадежной попытки восстановить утраченные привилегии.

Пришла пора познакомиться с загородным домом представителей семейства Мейендорф. Сельцо Подушкино когда-то принадлежало Милославским. Позже его приобрел некто Казаков, построивший неподалеку от села усадьбу. Его дочь к 1885 году выстроила новый дом, стилизованный под европейское Средневековье. Второй муж владелицы усадьбы завершил перестройку и отделку дома — появились гобелены, витражи, коллекция оружия, библиотека. Подвалы были полны вин, парадные покои украшены картинами старых мастеров и

фигурами рыцарей в сверкающих доспехах. Над входом красовался герб баронов Мейендорфов, а куранты часовой башни регулярно, каждый час, играли гимн России. Близ дома устроили небольшой пейзажный парк с калифорнийскими кленами, уссурийским кедром и пробковым дубом из Китая. Был пруд с живописным островом и трехпролетным Розовым мостом, была подъездная аллея из березы и ели. Все было. Живи и наслаждайся! Ах, если бы не Октябрь…

К чему я все это веду? При чем здесь судьба всеми забытых Мейендорфов или утраченного ими в результате революции богатства? А дело в том, что замок этой семьи, располагавшийся на известной всем Рублевке, ныне входит в число объектов Управления делами Президента — та самая Барвиха! Говорят, присмотрел это имение еще сам Брежнев, а далее пошло своим путем.

Как скоро все, в той или иной форме, но возвращается на круги своя! И прежняя знать всего лишь уступает место новой знати.

И вновь пересечение судеб, очередное «совпадение» — в Барвихе отдыхал Булгаков, уже совсем больной, дописывая свой «закатный» роман. Откуда ему было знать, что через двадцать лет внучатый племянник Киры Алексеевны женится на юной баронессе Мейендорф? Впрочем, в определении степени родства немудрено и ошибиться — очень уж запутанная связь у аристократических родов, у всех этих Шереметевых, Левшиных, Трубецких и Мейендорфов. Вот кажется, что только-только породнились, но если как следует покопаться, то выяснится, что три-четыре поколения назад все это было — и свадьба, и пересечение судеб. Вот только персонажи на этой сцене жизни теперь уже другие.

Вряд ли к новой знати можно отнести еще одну Анну, дочь упомянутого выше Николая Мейендорфа, художника-живописца и офицера вермахта. В 1950-х годах она вышла замуж за Никиту Шидловского, внучатого племянника того самого Шидловского, депутата Государственной думы, который в феврале-марте 1917-го был одним из самых рьяных сторонников свержения монархии. В те смутные дни многие молодые офицеры армии, на говоря уже о нижних чинах, поддерживали эту идею, заявляя о признании власти Временного комитета, созданного представителями Госдумы. Ну а в самом комитете шла борьба между либералами, сторонниками умеренных преобразований в интересах буржуа и демократами, которые настаивали на аресте царских сановников, монархически настроенных офицеров, прочих «сатрапов» и на приумножении завоеваний революции. После отречения государя

императора семьи «бывших» потянулись на юг, подальше от революционного Петрограда, поближе к теплому морю и черноморским портам, откуда можно было при необходимости перебраться за границу. Щербатовы, Апраксины, Дондуковы-Изъединовы и многие другие обладатели дворянских титулов оккупировали гостиницы Пятигорска, Кисловодска, Ялты. Ждали, чем все это закончится. А между тем радикально настроенные офицеры сражались с большевиками в армии Деникина. Среди них оказался и будущий отец Никиты, Сергей Николаевич Шидловский. Вот краткий отрывок из воспоминаний двадцатитрехлетнего белогвардейского офицера о действиях армии в Крыму весной 1919 года. Речь прежде всего о восстании большевиков в Керчи и сражении за Аджимушкайские каменоломни.

> «Надо сказать, что все мы в это время озлобились, достоверно стало известно, что все заправилы в каменоломнях были евреи и что даже существовала особая еврейская рота. Все попадавшие к нам в плен каменоломщики были повешены… Большевики в отчаянии решились выйти и прорваться сквозь охранение, напасть на город и занять его, рассчитывая на поддержку местной черни… Следовало ожидать приближения каменоломщиков, т. к. мы стояли рядом с тюрьмой, в которой содержалось много большевиков. Не дожидаясь их прихода, мы ликвидировали всех политических в тюрьме… К вечеру город был освобожден — все оставшиеся в живых каменоломщики разбежались, скрываясь по городу. Начались обыски, аресты и расстрелы, брали всех подозрительных, придерживаясь правила: лучше уничтожить десять невинных, чем выпустить одного виновного; заодно был утоплен издатель меньшевистской газеты „Волна“, все время писавшей против добровольцев… Три дня продолжалась эта история и одновременно взрывались последние выходы Аджимушкайской каменоломни. За это время в Керчи было уничтожено до 3000 человек, большей частью евреев. Англичане, бывшие в Керчи, целыми днями бегали со страшно довольными лицами по городу, снимая фотографическими аппаратами повешенных и расстрелянных…»

И дальше:

> «Все взятые в плен в эту ночь евреи, комиссары и

коммунисты были повешены, а остальные жестоко выпороты».

И еще чуть дальше:

> «Против нас действовал еврейский коммунистический полк, само собой разумеется, что пленных мы не брали».

А вот еще:

> «В Армянске произошел еврейский погром: ни офицеры, ни солдаты не могли стерпеть, что какие-то евреи, по существу своему буржуи, вздумали принять коммунистический облик».

Так пишет сын губернского предводителя дворянства, депутата Госдумы, гофмаршала двора Его Императорского Величества, действительного статского советника и камергера. Причины этих зверств остались непонятны, поскольку сам автор воспоминаний пояснений не давал. Но вот читаем в записках корнета лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. Кстати, он тоже оказался из Орловщины:

> «Сразу после революции мы были настроены против евреев. Их преобладающая роль в первых рядах большевиков, такие вожди, как Бронштейн, Нахамкес и др., давали нам основания к ненависти».

Ах вот в чем дело! Оказывается, от Белого движения всего один шаг до оголтелого нацизма. Многие белоэмигранты так и сделали, когда началась Вторая мировая война.

Дополним это строчкой из письма, полученного Кирой Алексеевной от отца, который поправлял здоровье в Баден-Бадене, борясь с чрезмерным ожирением накануне той, Первой мировой войны:

> «Жидов так много, что тошнит».

Судя по всему, это презрение к «недостойным», ко всякой «черни» было у аристократов в крови. Можно ли им было рассчитывать на снисхождение после того, как «чернь» добралась до власти? Кстати, вынужден с прискорбием признать, что Алексей Сергеевич Блохин на выборах в первую Государственную думу голосовал… за «Союз законности и порядка», то есть черносотенцев.

Однако читаем дальше записки кирасира:

> «Мы взяли 113 пленных, которых под конвоем погнали в Глухов… Тогда никому из нас и в голову не приходило думать об ответственности, которую мы принимали, решая судьбу этих пленных. А с ними произошло следующее. Они поступили в ведение нашего коменданта города Глухова, гвардейского полковника. Через два или три дня пришел приказ о спешном очищении нами Глухова, которому угрожал заход с тыла красных. Комендант был человек решительный, гнать и кормить пленных при отступлении он не мог, движение по железной дороге прекратилось. Недолго думая, он приказал всех пленных расстрелять. Полэскадрона, который был в его распоряжении, на эту задачу хватило».

Далее следует попытка оправдания:

> «Никто не будет оспаривать, что одной из главных задач воюющих является убийство противников».

Ну что прикажете взять с человека, который не понимает разницы между задачами военных действий и средствами их достижения? Трудно поверить, что целью Белого движения было убийство — убийство как можно большего числа евреев и большевиков. Но если все же так, стоит ли тогда удивляться, что аналогичный принцип взяли на свое вооружение защитники Страны Советов, истребляя «классовых врагов»?

Ясно одно — тогдашняя монархическая «элита» была не в состоянии разобраться в том, что происходит со страной, и принять разумное решение. Это признает один из представителей этой элиты, описывая 1918 год:

> «Так в начале лета доживали последние дни помещики в Орле: Матвеевы, Талызины, Боборыкины, Левшины, Куракины, Оливы, Шамшевы, Блохины, Шепелевы-Воронович, Володимировы. Беспечность и непонимание ими надвигавшейся грозы были непостижимы».

Впрочем, все эти «беспечные» дни остались в прошлом. Быть может, именно поэтому возникла такая неодолимая ненависть к тем, кто поднял руку на привычно обустроенный быт, на имущество и дарованные государем привилегии.

Кстати, имущество было потеряно немалое. Скажем, у семьи

Шидловских в одной только Воронежской губернии, в родовом селе Покровском, — усадьба и экономия стоимостью около 150 тысяч рублей золотом, 200 пар волов, около 200 лошадей, 60 коров, 400 свиней и баранов, повозки, экипажи, телеги, упряжь. Подробный перечень имущества приводит в своих воспоминаниях сам Шидловский. И все это пошло прахом…

Дальше мороз, тиф и отступление. О расстрелах евреев уже никто не помышлял. После эвакуации из Крыма — путь в Константинополь. Сергей Шидловский со временем, видимо под влиянием жены, занялся сугубо мирными делами на севере Африки, в Марокко.

А бывшего кирасира призрачная надежда вернуть то, что потерял, с началом новой мировой войны привела в Русскую освободительную армию, к генералу Власову. «Освободить» опять не удалось, и после поражения Германии его взяла под свое крыло американская разведка. До развала Советского Союза «освободитель» все-таки дожил, но радости победы не перенес — в начале 90-х годов его не стало.

И вот какой вывод неизбежно возникает, стоит лишь внимательно изучить воспоминания бывших белых офицеров и представителей царской знати. Российская элита сама создала себе врага — умного и расчетливого. Пролетариат никак не мог соответствовать роли диктатора, приписываемой ему отцами-основателями Страны Советов и ВКП(б), — классовая сознательность не заменит воспитания, а требуемые для управления государством знания невозможно получить за один семестр. Его место заняли люди, обозленные на свою судьбу, истомившиеся в ожидании возможности сделать успешную карьеру, лишенные тех прав, которыми обладала привилегированная часть населения России. Униженные и оскорбленные, достаточно умные и более или менее образованные, они стали могильщиками прежней государственной элиты — потомственной аристократии, интеллигенции, высшего чиновничества. Получив возможность отомстить, обиженные не ограничивали себя никакими нравственными принципами, преследуя цель наказания бывших притеснителей, а затем, расталкивая локтями конкурентов, рвались наверх, увлекая за собой близких по духу и происхождению, себе подобных. Похоже, со временем Сталин стал побаиваться этих людей. Поэтому «чистки» конца 30-х годов в значительной степени затронули именно эту часть советских «аппаратчиков», и прежде всего НКВД и армию.

Но как такое могло произойти? Каковы конкретные причины

разгрома Белого движения? Ответить на вопрос пытался в своих воспоминаниях, изданных в 1928 году, полковник Добровольческой армии, уже упоминавшийся командир Русского охранного корпуса с 1941 по 1945 год Борис Штейфон. И для начала характеристика, данная им командующему:

> «Его слабости стали все более и более затемнять его способности, и пословица о голове и рыбе нашла яркое подтверждение в харьковском периоде… Обосновавшись в Харькове, генерал Май-Маевский под влиянием своих страстей все более и более отходил от дела и терял волю. Харьковское общество, в особенности первое время, чуть ли не ежедневно „чествовало командира“… „С делами успеете. Садитесь. Вот вам стакан вина“. Командующий был явно навеселе…»

Но в чем причина этих «беспробудных» страстей? Бессмысленность борьбы, разочарование в идеалах, неверие в возможность победить народ? Нет, Борис Штейфон столь пессимистического отношения к святому делу не разделяет. Причина ему видится совсем в другом:

> «Немало зла причинил командующему армией его личный адъютант капитан Макаров».

Нетрудно догадаться, что это тот самый «адъютант его превосходительства», фильм о котором пользовался огромной популярностью в 80-х годах. Можно предположить, что Штейфон видел зло в действиях Макарова в качестве разведчика. Но вот читаем:

> «Макаров во всех своих проявлениях был настолько примитивен, что не требовалось особого ума и проницательности, чтобы исчерпывающе точно определить его нравственный облик…»

Как же так? «Настолько примитивен», но все никак не удавалось разоблачить. Куда смотрела хваленая деникинская контрразведка?

Да нет! Оказывается, дело тут совсем не в том — вовсе не в «шпионских» кознях красного разведчика. Трагедия войск генерала Май-Маевского заключалась в том, что Макаров поголовно всех споил. Именно так! Сначала генерала… Ну а больше и не требовалось:

> «Беря пример с командующего, стали кутить офицеры, причем эти кутежи выливались зачастую в недопустимые формы…»

А что, может быть, и в другие части пробрались «Макаровы»? Споили доблестное офицерство, и вот вам результат:

> «Не сдерживаемый мерами продуманной и неуклонно проводимой системы, добровольческий тыл все более бурлил и разлагался. Представление о законности снижалось, а у натур неустойчивых и вовсе вытравлялось. Пока войска победно двигались вперед, это не было так страшно».

И правда, пить на радостях — это совсем не то, что напиваться с горя.

Коль скоро речь зашла об итогах братоубийственной войны, хотелось бы указать на еще одно совпадение. Правда, маловероятно, чтобы оно произошло, и что уж совершенно точно — ни к каким выводам нас не обязывает. А дело в том, что, находясь в Белой армии, Булгаков несколько месяцев в конце 1919 года служил врачом 5-го гусарского Александрийского полка. Есть основания полагать, что именно в этом полку сражался шурин Киры Алексеевны, сын того самого шталмейстера Высочайшего Двора, что незадолго до войны скончался в Петербурге. Фамилия Козловский должна была привлечь внимание Булгакова. Случилась встреча или нет — откуда же нам знать? Однако в любом случае знакомство это продолжения не имело — Булгакова перевели на работу в госпиталь, во Владикавказ, а князь вскоре погиб в сабельной атаке. Было это уже накануне разгрома войск Врангеля, в Крыму.

v

Исход белых из Крыма, 1920 г.

Сражался на стороне белых и дядя Киры Алексеевны, Николай Сергеевич Блохин, генерал в армии Колчака. Сражались и двое ее братьев, оба морские офицеры. Один в составе русской эскадры эвакуировался в Бизерту, другой погиб в Крыму. Однако эти сведения требуют подтверждения.

Ну вот, снова мы увлеклись совпадениями и догадками. Вернемся к тем, кто эвакуировался из Крыма и Кавказа в 1920 году.

Будущая жена белого офицера, прославившегося своими «подвигами» в Крыму, Надежда Левшина принадлежала к семейству генерала, который командовал кавалергардами при дворе его величества, ну а в Гражданскую войну стал представителем Добровольческой армии на Северном Кавказе. Рука не поднимается написать, что будто бы успешно воевал, поскольку после бегства из Новороссийска вместе с семьей он оказался на полупустынном острове в Эгейском море, близ Дарданелл.

Выжженная солнцем земля, остатки бараков, где англичане прежде содержали пленных турок, рваные палатки и скудный паек от тех же англичан. Еще когда стояли несколько дней на рейде Константинополя, а пароход набит был под завязку, и не было ни хорошего питания, ни удобств, и вымыться удавалось только раз в неделю, и даже уборной не было — в это время Митя, младший брат Надежды, желая отблагодарить моряка-индуса за заботу, дал ему одно из «золотых яичек с бриллиантиком», из тех, что принадлежали сестре… Вот это сочетание золота, бриллиантов и отсутствия уборной, как можно

предположить, казалось им совершенно диким, ненормальным. А дальше было еще хуже.

Корь, скарлатина и сыпной тиф. Дети и старики умирали чуть ли не каждый день. Надежда потеряла брата и сестру, трех и четырех лет от роду. Жизнь стала невыносимой. Беженцы обращались с просьбами к местным властям, писали тамошней императрице, прося соизволения на то, чтобы поселиться в одной из греческих деревень, просили отпустить в Сербию или в Константинополь. Но все мольбы были напрасны. Даже последний главнокомандующий белых войск не захотел или не смог помочь — первым делом он постарался спасти своих солдат, а их было на острове немало.

Так продолжалось два мучительных года. Задумывалась ли Надежда когда-нибудь о том, что все эти несчастья, свалившиеся на семью, могли быть наказанием за то, что творилось руками ее будущего мужа тогда, в Крыму? Думаю, что вряд ли. Точно так же маловероятно, что маршал Тухачевский, стоя у расстрельной стены, в последние мгновения вспоминал про то, как взбунтовавшихся крестьян травили газами по его приказу. Не думали об этом перед казнью в 37-м и бывшие чекисты, те, что «прославились» в Гражданскую войну пытками пленных классовых врагов, и «знаменитый» разведчик-террорист Яков Блюмкин, сдавший ВЧК немало своих товарищей-эсэров. И уж конечно, не ожидал такого поворота бывший депутат Госдумы Николай Шидловский, так рьяно добивавшийся свержения ненавистного монарха.

Вот ведь и мы, стоявшие в 91-м вокруг Белого дома, на набережной Москвы-реки, тоже не представляли, что так будет — так, как случилось потом. Ох, трудно предугадать последствия того, что делаем! Впрочем, все мы, и нынешние, и прошлые, — люди примерно одинаковые и, что характерно, крепки только «задним умом».

Семейству Левшиных помогло вмешательство английской королевы — кто-то из родственников имел знакомства среди европейской знати. Если бы не это, судьба семьи оказалась бы трагичнее во много раз.

А дальше все пошло привычным чередом. Бывший штабс-капитан Сергей Шидловский с Надеждой Левшиной познакомился в Париже. После свадьбы они переехали в Марокко, куда потянулась вся многочисленная левшинская семья. Впрочем, скончался русский эмигрант Шидловский не в Марокко, а уже во Франции.

Исход русских из России иной раз имел и не столь ужасные последствия, какие пришлось испытать тем, кого судьба закинула

на остров Лемнос. Вот как вспоминал об этом знаменитый русский шансонье Александр Вертинский, находясь в Париже:

> «А на другом острове, Принкипо, в настоящем земном раю, среди роз, глициний и магнолий, в лучшем отеле мира сидели, как в концлагере, русские беженцы на английском пайке и играли в карты на коробки „корн биф“ — консервов, проигрывая друг другу свои голодные пайки. С горя они отвинчивали дверные медные ручки и продавали их за гроши на барахолке, чтобы курить и пить турецкую водку.
>
> Старые желтозубые петербургские дамы в мужских макинтошах, с тюрбанами на головах, вынимали из сумок последние портсигары — царские подарки с бриллиантовыми орлами — и закладывали или продавали их одесскому ювелиру Пурицу. Они ходили все одинаковые — прямые, с плоскими ступнями больших ног в мужской обуви, с крымскими двурогими палочками-посохами в руках и делали „бедное, но гордое“ лицо. Молодые офицеры, сопровождавшие этих дам, какие-то Вовочки и Николя — бывшие корнеты лихих гусарских и драгунских полков — „красиво“ проживали деньги своих спутниц…»

Как странно иной раз складывается жизнь и как по-разному реагируют на изменение жизненных обстоятельств люди. Один, позвякивая золотом в кармане, озабочен поисками туалета и крайне удручен тем, что его, оказывается, нет. Другого способно вывести из себя даже отсутствие туалетной бумаги в заведении, называемом гальюном.

А ведь всего-то разница между ними в том, что первый — потомственный дворянин, второй же — сиятельный князь то ли в двадцать пятом, то ли еще в каком колене. Первый эвакуируется из Новороссийска на битком набитом беженцами пароходе, а второй — из Севастополя в солидной компании с Курской иконой Божией Матери и последним главнокомандующим белых войск. А ведь все могло закончиться куда плачевнее, и никакой бумаги не понадобилось бы.

По счастью, через полтора десятка лет сиятельный обнаруживается в артистическом кабаре «Шехерезада», на *rue de Liege* в Париже, в компании такого же повесы, тоже князя. В «Шехерезаду» ходили на цыган, в «Кормилове» предпочитали ужинать. Причем одному деньги на загул «давала тетя», другого «поддерживала материально» богатая американка Бетти, урожденная Жилетт. Надо полагать, князь был у нее на

содержании.

А ведь чуть позже там, в «Шехерезаде», выступала со своими песнями, пела под гитару Анна Юрьевна Смирнова-Марли, урожденная Бетулинская. Внучка камергера Высочайшего Двора, дочь титулярного советника, служившего в Сенате, она родилась в дни Октябрьского переворота. А через год, когда вслед за убийством Урицкого и покушением на Ленина началась «зачистка территории», был арестован и ее отец. После двух месяцев следствия по делу организации, «поставившей себе целью вербовку белогвардейцев на Мурман», в армию Юденича, он был расстрелян. Понятно, что Анна Юрьевна не испытывала ни малейшего почтения к большевикам, однако в годы войны оказалась с ними по одну сторону баррикад, и в мыслях не допуская сотрудничества с нацистами хотя бы для того, чтобы отомстить за смерть отца. Ее называли русской музой французского Сопротивления, гимном которого стала «Песня партизан» *(La complainte du partisan)*. На всю оккупированную Францию звучали тогда по радио Би-би-си написанные ею песни.

Пропуск Анны Марли в Лондоне, 1940 г.

Но князь песен не дождался, вовремя отбыв в Америку.

И вот выясняется, что этот самый князь, у которого была такая заботливая тетя, приходится четвероюродным братом той Надежде Левшиной, которая два года прожила на полупустынном острове, без лекарств, на скудном пайке, среди могил близких ей людей, ожидая в британском лагере для перемещенных лиц, когда же о них вспомнит хоть кто-нибудь в Европе. А в это время жизнь княжеской семьи вливалась, по его словам, в «индивидуальное русло». И в этом «русле» старшая сестра князя, которую по странному совпадению звали тоже Надя, готовилась выйти замуж за офицера лейб-гвардии Конного полка, некоего графа С. Великая княжна Елена Владимировна помогала княжеской семье с устройством: «сначала… в симпатичном отеле „Сплендид“, где подавали хороший кофе с маленькими круассанами», потом… Да ладно, бог с ними.

Подругой князя в середине 30-х годов стала очаровательная Маргарита. На десять с лишним лет старше его, она уже в юном возрасте участвовала в походах Деникина и Врангеля. Эдакий антипод Анки из дивизии Чапаева. Навыки стрельбы из пулемета убежденная фашистка применила, когда в Италию вторглись союзные войска. Не этот ли персонаж вдохновил Булгакова на создание образа ведьмы, мстительной подруги Мастера в последних главах «закатного» романа? Кстати, и сам князь

состоял в «почетных фашистах» одного из итальянских городков.

Но вот странное обстоятельство — было время, когда «пулеметчица» числилась в подругах у Цветаевой. Как-то, купив закуски и вина, они с князем пришли к Марине. Квартира в рабочем районе Парижа, везде беспорядок, фотографии без рамок, журналы на полу, а на хозяйке дешевое платье и мужские ботинки — именно на это обратил внимание князь. Тут уж не до стихов…

Сам князь ни стихов, ни песен не писал. Его кумиром был не какой-нибудь писатель, бард или же поэт, а последний главнокомандующий белыми войсками, барон Петр Врангель — «шикарный, благородный человек, символ белой эмиграции». Особенно впечатлили князя три главных принципа внутренней политики — из тех, что готовил для будущей России бежавший из Крыма генерал.

Во-первых, барон допускал захват крестьянами поместных земель, но только постфактум, когда уже ничего с этим не поделаешь. По принципу — кто не успел подсуетиться, пусть локти кусает и ждет следующего случая. Согласно мнению барона, такой де-факто узаконенный захват должен был привести к установлению справедливого порядка, основанного на владении частной собственностью.

Во-вторых, допускалось существование любых партий, но в соответствии с тем же принципом — «кто успел». Предполагалось, что «успевшие» договорятся о принципах взаимодействия — чтобы не было разборок.

И наконец, политическое устройство единой России как федеративного союза должно было опираться на органы власти, избираемые на демократических основах. Увы, за время братоубийственной войны все как-то подзабыли, что есть такое слово — «демократия».

Вам это ничего не напоминает? Мне лично вспоминаются торжественные речи на похоронах, когда всему находят оправдание, лишь бы не оскорбить память любимого покойника. Припоминаются и старания «младороссов» соединить монархию и советскую власть, и «евразийцы», пытавшиеся оправдать Октябрьский переворот в глазах эмиграции национальными особенностями России. Чего только не придумают ради сохранения иллюзии, будто возможно возвращение назад!

И снова вспоминаю князя — того, чьи застолья в «Шехерезаде» оплачивала богатая американская мадам. Честно признаюсь, что в молодые годы тоже погулял, однако гулял только на свои. Видимо, то, что позволено сиятельному князю, ни в коей мере не подходит для внука крестьянина и сельского

учителя — у нас, «неаристократов», собственная гордость. А если бы в России стараниями белых войск снова установили монархический режим, кто знает, как бы обернулось. Вот и теперь не очень разгуляешься. Разве что подыскать себе богатенькую Бетти?

С началом Второй мировой войны было несколько попыток призвать князя в армию США. Однако то его нелояльное отношение к Советам помешало (как-никак союзники!), то предлагали нечто совершенно несусветное — забросить князя с разведывательной миссией в оккупированную Бельгию. Что станет в случае его ареста с многочисленной родней, проживающей в Брюсселе, никого не волновало. Князь между тем не сомневался, что в случае ареста сразу же всех выдаст, а потому отказался наотрез! И лишь перед окончанием войны предложили что-то стоящее — поработать переводчиком в разведке. В основном деятельность разведки в это время сводилось к «просеиванию» военнопленных — одних собирались использовать в интересах США, другие, особо запятнавшие себя, подлежали выдаче советскому командованию как отработанный материал. Князю все представлялось несколько иначе — не мог он допустить, чтобы кто-то из его родни или знакомых по Ялте или Петербургу попал в руки злодеев коммунистов.

Точно такими же соображениями руководствовался и зять Киры Алексеевны, Владимир Хлебников, благодаря своему знанию языков также оказавшийся к этому времени в разведке. Однажды, инспектируя французские лагеря, наткнулся он на некоего господина с нерусской, но хорошо знакомой фамилией Ламздорф — им оказался внучатый племянник министра иностранных дел Российской империи, успевший повоевать и в войсках Франко, и у власовцев, и в танковых частях Третьего рейха. Убежденному антикоммунисту не повезло — он оказался в руках участников французского Сопротивления, ядро которого составляли его идейные противники. Отсюда ежедневные побои и мрачная перспектива быть повешенным. Сумел ли он унаследовать привязанности своего предка, которого царь называл не иначе как «мадам», мне неизвестно. Но вряд ли увлечения такого рода помогли бы ему выбраться из лап мучителей, скорее уж наоборот. И если бы не вмешательство сердобольного зятя Киры Алексеевны, дело могло закончиться весьма печально. Вот как вспоминал о своем спасении сам Ламздорф:

> «Разоблачили, посадили в тюрьму. Посадили в лагерь смерти. Почему-то французы считали, что я

партийный. Меня спас Хлебников, наш русский, который был французским офицером. Хлебников хлопотал за меня через разведку французскую, считая, что я много могу рассказать о Власове и про все, что интересовало французов, поэтому он меня вытащил из лагеря, а потом перебросил в американскую зону».

К слову сказать, Григорий Ламздорф был не чужим и для Булгакова. Как-никак исполнял роль солдата в инсценировке по мотивам «Белой гвардии». Было это еще до войны, когда пришлось юному графу подрабатывать в Париже, на сцене Русского Художественного театра.

Тем временем князь Алексей Щербатов от своего дальнего родственника не отставал — по мере сил пытался спасать из лагерей российских дворян, невзирая на то что в ту войну они творили на советской территории. Одним из них мог стать его знакомый по Парижу Борис Смысловский, в прошлом офицер лейб-гвардии, участник Первой мировой войны и деникинский офицер в Гражданскую. Будучи убежден в том, что только сотрудничество с Гитлером гарантирует победу над Советами и коммунизмом, он так обосновывал свою позицию:

«Биологическая сила русского народа велика… немцы нас не проглотят и не переварят».

Службу у нацистов он начал с создания учебного разведывательного батальона «Зондерштаб Р», а накануне разгрома фашизма добился права реорганизовать свои подразделения в 1-ю Русскую национальную армию. Однако в лагерь военнопленных Смысловский не попал. В самом конце войны ему с остатками команды удалось скрыться на территории Лихтенштейна и остаться там — да и то благодаря заступничеству Эдуарда фон Фальц-Фейна, того самого, чьи предки основали заповедник «Аскания-Нова» близ Херсона. Эдуард Александрович, служивший при дворе князя Лихтенштейна, тоже своих не выдавал!

Есть и другая версия — будто бы Смысловский пригрозил совершить покушение на князя Лихтенштейна, если только согласятся на выдачу Советам. Была и еще одна версия, согласно которой Смысловскому благодаря своим связям помог некто Мясоедов — фальшивомонетчик, учившийся граверному мастерству у Матэ, сын жандармского полковника, повешенного в 1915 году за шпионаж, а заодно сослуживец Смысловского по армии Деникина. Говорят, что в 44-м он передал агентам Гиммлера готовые клише для 50 и 100-фунтовых банкнотов, а в

мае 45-го как раз рисовал марки Лихтенштейна. Однако вскоре у него на квартире обнаружили станок для печатания денег, и тогда уже Смысловский помог своему товарищу уйти от наказания и перебраться в Аргентину. Свои своих не выдают!

Впрочем, самая достоверная причина благоденствия Смысловского вплоть до глубокой старости заключается в том, что он вовремя передал свою многочисленную русскую агентуру в ведомство Гелена, а тот дальше — разведке США. Последняя и оказала давление на тех, от кого зависело принятие решения.

В отличие от князя Щербатова Борису Смысловскому даже в голову не приходило, что из-за его «биологических» идей могут пострадать родственники, оставшиеся в России. Впрочем, все произошло гораздо раньше, в 1930 году, когда была арестована группа генералов-военспецов по нашумевшему делу «Весна» — тогда тучи нависли и над бывшем мужем Елены Нюренберг-Булгаковой, Евгением Шиловским. Увы, дядя Бориса, Евгений Константинович Смысловский, не сумел предугадать, что так жестоко отзовется на его судьбе служба племянника в деникинской разведке, где он занимался организацией «спецопераций» в большевистском тылу.

Борис Смысловский избежал выдачи Советам, в отличие от многих тысяч других, — причиной стал взаимовыгодный обмен. И как ни странно, это не был единичный случай. В своих воспоминаниях Марина Левшина сообщает, что еще в 1920-м часть ее родственников «была выкуплена у чекистов» и переправлена из Ялты в Турцию. Так же действовали американцы с англичанами во время Второй мировой войны. Однако не у всех пленных или интернированных русских были деньги.

А что же князь Юрий Михайлович? Прежде чем оценивать дальнейшие его поступки, хотелось бы разобраться в политических убеждениях, в том, как соотносились в его мировоззрении любовь к Отечеству и забота о семье. Вновь обратимся к письмам Кире Алексеевне и ее мужу и постараемся понять, что же за люди их писали. Как говорится, скажи мне, кто твой друг…

И вот письмо от Ольги Николаевны Галаховой, дочери помещика Орловской губернии, камергера Высочайшего Двора и вице-губернатора. Надо признать, что, несмотря на высокое положение отца, Ольге Николаевне как-то не везло с мужьями. Один вскоре после свадьбы погиб. Другой… Но предоставим слово современнику:

> «Это — человек большого роста, с военной выправкой, стремительными движениями, широким

> шагом. На открытом, крепком лице — веселые светлые глаза под черными косматыми, точно усы, бровями, и, как всегда в русском лице, вся энергия в глазах, лбе, в круглом черепе. Помню, он входит, как всегда в военной форме без погон, с портфелем, из-под косматых бровей блестят веселые глаза».

Веселые глаза — это за месяц-полтора до падения царизма. Тоска, надежды, разочарования, бегство из России — все это потом.

И вот уже эмиграция, Париж, 1928 год:

> «Василий Васильевич требует вас на рю де Сез. Он не может, видите ли, обедать один. Вот барин-то! И эмиграция его не берет… Вы уж на такси, голубчик, поезжайте, а то он опять будет звонить и кричать на всю линию. Удивительный человек. А голос-то, голос, Господи Боже мой…»

Да, да, *6, rue de Seze, Paris 9* — это все о нем, о втором муже Ольги Николаевны. Барин обедает в Париже, а жена лежит в сырой земле, где-то на погосте, под Орлом. Спасское, Клейменово… Чудесные, благословенные места, связанные с именами Тургенева и Фета. А рядом неухоженная, всеми забытая могила.

Еще один штрих к портрету человека с веселыми глазами:

> «Было у Василия Васильевича свойство, которое ни один масон, знавший его, не станет отрицать: приверженность к духовной свободе… Василий Васильевич органически не способен был понять иное отношение к жизни и людям. Ничто его так не возмущало, как отказ признать, что каждый человек имеет право думать и жить по-своему, предоставляя это право и другим».

Так вот и получилось, что в своем стремлении к свободе, желании жить по-своему бросил Василий Вырубов и жену, и малых детей на растерзание восставшей «черни». Впрочем, детей стараниями Греты фон Гебел, жены старшего брата Ольги Николаевны, вскоре после окончания Гражданской войны будто бы удалось выкупить у большевиков за большие деньги. Но вот о чем свидетельствовала дочь Ольги Николаевны, Ирина, уже гораздо позже:

> «Уехала я из России весной 1923 года, с братьями Василием и Николаем Вырубовыми, дедом Николаем Галаховым, бабушкой Ольгой Галаховой и с тетей Кирой Галаховой. До отъезда мы все жили в Петрограде. Россию покинули легально, с паспортами. Ехали поездом через Ригу и Берлин до Парижа. Там мы поселились у моего отца».

Если жили легально, в Петрограде — зачем понадобилось выкупать? Возможно, 50 тысяч марок заплатили за то, чтобы получить паспорта и разрешение на выезд. Но дело тут не в деньгах, не в выкупе, а совсем в другом.

Разные люди, разные судьбы и радикально отличающийся подход к заботам об Отечестве и о семье. Казалось бы, следуя той самой, милой сердцу Вырубова свободе, каждый вправе выбирать свой путь. И все же не представляю, как можно в смутное время бросить на произвол судьбы жену и малых детей, а самому отправиться сначала в армию Колчака, затем с важной миссией в Америку, потом в Европу. Кто-то скажет, что долг перед Родиной для патриота должен быть превыше всего. Однако жертвовать семьей ради благородной цели вряд ли допустимо. Тем более что все старания «спасти» Россию с помощью Антанты оказались тщетны. Можно ли было рассчитывать, что жену соратника Керенского, сестру ротмистра конного Кабардинского полка Дикой дивизии «карающий меч революции» пощадит? Надо же помнить, что вслед за кровавым левоэсеровским мятежом в Рыбинске и Ярославле вспыхнуло восстание именно на Орловщине, в Ливенском уезде.

Скорее всего, по окончании следствия Ольгу Николаевну должны были освободить. Как-никак у нее на руках было трое малых детей. Но вот случилось, что в Орловской тюрьме она заболела тифом. Стал ли причиной смерти тиф или, как утверждают, заражение крови из-за грязного шприца, которым ей кололи камфару с кофеином, — не столь уж важно. Важно лишь то, что если бы смог Вырубов предвидеть столь трагический исход, если бы отдал силы не сомнительной идее «спасения Отечества», а спасению семьи, тогда и Ольга Николаевна могла бы жить да жить.

И вот приходится признать, что не так уж примитивен был муж Киры Алексеевны, как мне казалось поначалу. Что у него было в голове, по-прежнему не берусь судить. Но своей судьбой и судьбой своей семьи он распорядился более чем разумно. Не думаю, что понимал обреченность Белого движения с самого начала. Нет, видимо, интуиция сработала. Или Кира Алексеевна

мужу подсказала…

Увы, разгром Белого движения прежнюю российскую элиту ничему не научил. Вместо анализа причин поражения и поиска ошибок — оголтелое «ату большевиков!», замалчивание «подвигов» белых варваров в захваченных городах и тиражирование рассказов о зверствах ВЧК. Вот и один из известных эмигрантов не удержался от того, чтобы сообщить общественности свой диагноз:

> «В ЧК идут по природе жестокие люди, идут садисты».

Каким образом «садистам» удалось переиграть нормальных людей — этот вопрос остался без ответа. Речь и о разгроме белогвардейского подполья, и о проникновении в центры белой эмиграции агентов ЧК ОГПУ. Трудно поверить, что такова природа человека — садизм оказывается сильнее интеллекта, а честность пасует перед лицемерием. Впрочем, что толку удивляться — бумага и не такое стерпит.

Судя по воспоминаниям Ермолинского, фантазии зарубежных авторов и Булгакова тоже возмущали. Вот фрагмент из его беседы с Ильфом, возвратившимся из поездки в США:

> «Но что они там про меня пишут! Будто я арестован, замучен в ЧК, помер… Послушайте, вы объяснили бы им, что так нельзя! А вы заметили, что они приходят в возбуждение не от литературы нашей, а лишь от тех писателей, кто у нас хоть чуточку проштрафился?»

Как тут не вспомнить Вениамина Тарсиса — о нем шла речь в одной глав «Дома Маргариты».

И все же хотелось бы понять, что было сделано не так, существовали или нет объективные причины для падения монархии и последовавших затем событий. Этот вопрос волновал и одного из основателей «Союза 17 октября» Дмитрия Николаевича Шипова. Монархист и, как считается, умеренный либерал, он так оценивал ситуацию накануне Февральского переворота: «Что такое знаменитая русская застенчивость? Это и есть отсутствие воли… Государь наш был болен тем же».

Вот и Михаил Стахович, соратник Шипова по «Союзу», в своих воспоминаниях 1921–1923 годов писал примерно то же о другом царе, предшественнике последнего самодержца на Руси. Последнего ли?

> «Больше 40 лет я очень близко стоял к русской

> общественной жизни, следил за ней и участвовал в ней. Теперь стариком и удалившись от деятельности, но обдумывая все то, что я так близко знал, я прихожу к заключению, что фактическим виновником теперешнего ужаса, исходной его причиною является — честнейший, чистейший и до самозабвения любивший Россию, может быть, самый русский из царей после Петра Великого, — Александр III. Он невольный виновник наших несчастий. Это был добрый и чистый человек (он женился девственником и никогда в жизни не имел любовниц(ы); правдивый, он никогда не сказал неправды даже в области дипломатии; на службе и в обиходе всегда прямой, он, словом, мог бы громко и всенародно исповедоваться на Красной площади. Но, будучи неограниченным самодержцем, он был очень ограниченный человек, не хотел царствовать и совсем не понимал назначения Верховной власти…»

Один не хотел царствовать, другой вроде бы хотел, однако для царствования ему, к несчастью, не хватало воли. Ах, если бы дело было только в том! Воля нужна для претворения в жизнь единственно нужного решения. Но если в умах государственной элиты нет единства, что может сделать даже наделенный волей царь? Умеренные либералы настаивали на выкупе помещичьих земель и передаче их крестьянам, а консерваторы отчаянно сражались за сохранение помещичьей собственности на землю, за свой типично шкурный интерес. Это противостояние продолжилось и во Временном правительстве. Нужное решение так и не было принято, результатом чего стал Октябрь.

Казалось бы, случись так, что верх взяли сторонники умеренного «либерала» Шипова, тогда события начала прошлого века смогли бы развиваться совсем иным путем. Но вот как представлял себе это развитие Дмитрий Шипов, само собой надеясь, что у нового монарха найдется соответствующая воля:

> «В сохранении в государственном строе монархического начала… я вижу условие, предупреждающее борьбу общественных классов за власть».

Позиция довольно странная. Борьба общественных классов неизбежна, пока есть неравенство в правах и в уровне доходов. Однако за что бороться, если не за власть? Бороться за влияние на монарха? Но так ведь дело и до поножовщины, чего доброго, дойдет. И августейшему монарху придется железною рукой

некоего аналога ВЧК приводить мнения оппонентов к приемлемому знаменателю. Именно так поступал и Сталин.

Да, мягко говоря, странная позиция. Но еще более удивительно то, что Шипова до сих пор называют завзятым либералом. Вот разъяснения его сына на сей счет.

Оказывается, бывший камергер считал, «что власть имущих классов должна быть уничтожена». Ему только претили методы, которые использовали большевики. Как можно «небольшевистскими» методами лишить власти тех, кто владеет значительным богатством? По-прежнему остаюсь в недоумении. Но это еще не все.

Оказывается, бывший статский советник полагал, что «капиталистический строй… с точки зрения высшей правды… несомненное зло», хотя и неизбежное в определенных обстоятельствах. Вот вам и либерал! Снимите шляпу перед своим обожаемым предтечей, либеральные потомки.

Впрочем, сын умалчивает или же просто не догадывается, в чем причина столь негативного отношения отца к имущим классам, к капиталу. А ларчик открывался просто — в молодости Дмитрий Шипов «прогорел», своими неумелыми действиями нанеся жестокий удар по благосостоянию семьи. Имея на руках доверенность главы семейства, во время отсутствия оного Шипов-младший выдал своему дяде Дмитрию Павловичу гарантию для получения банковского кредита в размере миллиона рублей под залог шиповских заводов. Увы, сделка, ради которой был взят кредит, оказалась неудачной.

Из воспоминаний Ксении Боратынской, внучки поэта, брат которой был женат на дочери Дмитрия Павловича Шипова:

> «Шиловы при жизни их отца Дмитрия Павловича были очень богаты и имели свои пароходы на Волге. Но в данное время они были совсем разорены».

По счастью, до разорения Николая Павловича Шипова дело так и не дошло, однако семейство Шиповых потеряло и миллион, и несколько своих заводов.

Вот так неудачи в бизнесе способствуют неожиданному просветлению в умах. Переосмысливая прошлое, Дмитрий Николаевич Шипов искал способ избавления от тяжких мук совести, которые не давали ему покоя всю последующую жизнь. А если бы не «прогорел», какую мог поддержать партийную платформу? Да уж, наверное, не социалистов-революционеров и даже не кадетов. Кто знает, сохрани богатство, стал бы шталмейстером при Высочайшем Дворе. А тогда никакие партии даром не нужны, и катись они со всеми своими либералами и

демократами!

Но было в роду костромских Шиповых и еще одно темное пятно. В дальнем родстве с Дмитрием Николаевичем состоял помещик Чухломского уезда, отставной подпоручик Петр Федорович Шипов, с которым связана пренеприятная история. Подробности ее историкам остались неизвестны, однако сохранилось свидетельство, что помещик был судим «за подговор дворового человека Федосея Васильева убить жену дворового Серапиона Степанова, Анну Григорьеву». Скорее всего, Петр Федорович от наказания откупился.

А несколькими годами позже в Москве на Лубянской площади построили новый дом, названный со временем по имени своего владельца «Шиповской крепостью». Здание возвели как раз напротив Политехнического музея — там, где сейчас расположен сквер.

Историки признают, что личность хозяина «крепости» была весьма таинственная — что-то вроде графа Монте-Кристо на российский манер, но более мелкого масштаба. Одни его считали камер-юнкером, другим он представлялся камергером. Сам Гиляровский называл его не иначе как «генерал». А между тем хозяин был еще тот оригинал:

> «Он не брал со своих жильцов плату за квартиру, разрешал селиться по сколько угодно человек в квартире, и никакой не только прописки, но и записей жильцов не велось».

Рискну предположить, что владельцем дома был Петр Федорович Шипов. Уж очень все на этом господине сходится. После скандала в Чухломе самым логичным для него решением было перебраться от греха подальше в большой город, например в Москву. На деньги, вырученные от продажи своего имения Михайловское, он и построил дом на Лубянской площади — этот участок земли близ Новой площади принадлежал семейству Шиповых еще в 20-х годах XIX века. Родственные связи «генерала» с Дмитрием Николаевичем подтверждает тот факт, что в 1862 году дом на Лубянке был во владении его отца, Николая Павловича Шипова, действительного статского советника.

Впрочем, библиофил и сочинитель Михаил Лонгинов в 1867 году писал, что дом принадлежал Петру Ивановичу Шилову, происхождение которого Лонгинову было неизвестно. Но вот появились сведения, что это вполне реальная фигура. Отец его служил в адъютантах у адмирала Сенявина, был женат на княжне Варваре Горчаковой, а сам Петр Иванович имел звание камер-юнкера и служил чиновником особых поручений при московском

генерал-губернаторе. Надо сказать, не пыльная работа, однако же при чем тут «генерал»? Зато вот брат его, Михаил Иванович, и впрямь имел чин генерал-майора.

Презрение Петра Федоровича Шипова к общепринятым порядкам нетрудно объяснить прежним его конфликтом с представителями власти — богач пережитого им унижения не простил. А вот чем досадила власть Петру Ивановичу — это непонятно. Вполне возможно, что дело тут в его характере, а не обиде. Но есть и другое объяснение — Петр Иванович и Петр Федорович были двоюродными братьями, возможно, жили вместе, в одном доме на Лубянке. Отсюда и некоторые разночтения в званиях владельца дома — то самопровозглашенный «камергер» или «генерал», а то вполне реальный камер-юнкер.

«Шиповская крепость» на Лубянке (справа), 1910-е гг.

И снова предоставим слово Гиляровскому:

> «Полиция не смела пикнуть перед генералом, и вскоре дом битком набился сбежавшимися отовсюду ворами и бродягами, которые в Москве орудовали вовсю и носили плоды ночных трудов своих скупщикам краденого, тоже ютившимся в этом доме. По ночам пройти по Лубянской площади было рискованно».

Видимо, вся эта «шваль» была куда любезнее сердцу «генерала», нежели напыщенная публика, фланирующая по Тверской.

Сочувствие к падшим испытывал и Дмитрий Шипов, однако

способ им помочь, судя по всему, искал в государственном переустройстве. Для этого и партию октябристов создавал.

Догадки догадками, однако следует признать, что выбор для реализации политических теорий был богатый — в тогдашней Госдуме партий числилось более чем достаточно. А при таком разбросе мнений в обществе, от ультрамонархических взглядов до призывов к экспроприации экспроприаторов, трудно было ожидать от власти осмысленных и решительных действий, которые могли бы исключить Октябрьский переворот и наступившую вслед за ним кровавую, братоубийственную смуту. Но вот в апреле 1919 года главное командование белых войск на Юге России вроде бы нашло единственно правильный путь и обратилось к правительствам союзных держав через их официальных представителей с декларацией. В числе провоглашенных целей вооруженной борьбы указаны были следующие:

> — Гарантии полной гражданской свободы и свободы вероисповеданий.
>
> — Немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения.
>
> — Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом.

Блистательно! Не могу удержаться от оваций. Ну и грамотеи! Особенно «немедленный приступ» впечатляет. Но так и хочется спросить давно отошедших в мир иной: куда же раньше-то смотрели, господа хорошие? Почему ничего не сделали за то время, пока в руках ваших была власть? Впрочем, что толку спрашивать, если в ответ могут последовать лишь запоздалые оправдания да скорбные вздохи, что вот, мол, что поделаешь, недоглядели…

Итак, Дмитрий Шипов, как и многие кадеты, либералы, октябристы, власти Советов не признал. И даже более того, вскоре после Октябрьского переворота занял пост председателя «Национального Центра», целью которого была борьба с большевиками. И что же сделало с заговорщиком «кровавая ЧК»?

В ноябре 1919 года Шипова арестовали. Сначала его содержали во внутренней тюрьме ВЧК, затем перевели в Бутырку. Участия в контрреволюционных действиях Шипов не признал. А через два месяца следствия по делу было принято следующее решение:

> «Заключить в концентрационный лагерь до

окончания гражданской войны».

До осени 1920 года оставалось в общем-то не так уж много. Увы, условия пребывания в Бутырской тюрьме оказались непосильны для больного старика.

Одно из положений, на которых базировалось мировоззрение Шипова в последние годы жизни, состояло в том, что значительный прогресс в судьбе человечества немыслим, «пока не произойдет необходимой перемены в основном строе образа мыслей большинства людей». Вот в этом он был несомненно прав! Однако тех господ, что привлекли старого, больного экс-политика к участию в безнадежной затее, меньше всего интересовали интересы и образ мыслей большинства. Так же как мало беспокоила их личная судьба Шипова. По признанию одного из близких к Шипову людей, он «был важен для инициаторов Национального Центра как человек, пользующийся крупным нравственным авторитетом». Когда политики увлечены соблазнительной идеей, в жертву приносят, как правило, самых наивных, самых честных людей.

Почему же здесь столько внимания уделено личности и политическим взглядам бывшего помещика и камергера? А дело в том, что имение Шиповых располагалось неподалеку от имения Козловских, на северо-запад от Москвы. Семьи были дружны, обменивались поздравительными телеграммами по случаю годовщины свадьбы, дней рождения, именин. То же самое можно сказать и об орловских помещиках Стаховичах и Масловых. Но вот что интересно. Дмитрий Шипов, Михаил Стахович и Сергей Маслов — это все основатели «Союза 17 октября», наряду с Гучковым и другими. Близость их к семье Киры Алексеевны позволяет сделать вывод о политических взглядах ее мужа. Наивно было бы ожидать от князя приверженности столь популярным ныне демократическим и праволиберальным идеалам, однако умеренно либеральное крыло тогдашних октябристов — это далеко не самый худший выбор. Впрочем, как показали события 1917 года, выбора у Шиповых и Масловых, по сути, никакого не было — за них все решила «чернь».

И вот ведь как разметала недавних соратников судьба! Прах одного покоится в Египте. Другого похоронили в Югославии. Могила Дмитрия Шипова — на Ваганьковском кладбище в Москве.

Не могу отказаться от искушения рассказать еще кое-что о людях, близких к семье Киры Алексеевны. В 1967 году ее внучка, Елена Хлебникова, вышла замуж за Алексея Сергеевича Трубецкого, принадлежавшего к известному и многочисленному

княжескому роду. А между тем было время, когда Блохины находились в родственной связи с Трубецкими. В 1901–1907 годах дочь Софьи Сергеевны Треповой, тетки Киры Алексеевны, была замужем за сыном Софьи Николаевны, сестры Сергея и Евгения Трубецких.

О Трубецких необходим особый разговор. И для начала о Сергее Николаевиче, внучатым племянником которому приходился муж Елены Хлебниковой. Вот какую характеристику дал ему соратник по Партии мирного обновления Дмитрий Шипов:

> «Он находил мысль о восстановлении идейного самодержавия утопичной, не считал возможным устранить произвол властей без его ограничения, видел единственный выход из переживаемого страной тяжелого положения в решительной замене приказного строя строем конституционным».

Надо признать, немало потрудился князь Сергей Николаевич ради учреждения Первой Государственной думы. Избрание в Думу народных представителей, причем без учета званий и сословий, он рассматривал как действенный способ избавиться от засилья лживой и корыстолюбивой бюрократии, которая «хозяйничает безнаказанно, по-своему прикрываясь… самодержавием». Значительна его заслуга в повышение роли самых разных слоев общества при решении государственных проблем — в этом он видел проявление истинного патриотизма:

> «Патриотично ли реакционное стремление задушить, подавить, парализовать всякое самостоятельное проявление общественности? Очевидно, нет! А между тем в наши дни есть охранители, которые именно в этом полагают свой патриотизм…»

И вместе с тем, мало-помалу добиваясь проведения в жизнь своих идей, он с изрядной долей пессимизма оценивал нравственные качества людей, особенно выделяя озлобление, взаимную ненависть, которая разрасталась в обществе. Об этом и писал своему брату Евгению:

> «Много сволочи есть на свете… Минутами даже самого себя спрашиваешь: сволочь я или нет? — Это чума нравственная какая-то!.. Мало, мало людей, которые не носили бы на себе печати звериной…»

Сергей Николаевич Трубецкой

Подобный критический взгляд на общество был характерен и для князя Евгения Николаевича Трубецкого. Особенно обострилось его отношение к тем, кто еще недавно правил и владел Россией, уже гораздо позже, после смерти брата, когда Евгений Николаевич оказался в Одессе, частично управляемой французами, частично — батькой Петлюрой, частично — черт-те кем! Вот фрагмент из его воспоминаний:

> «Огромный ресторан Лондонской гостиницы, где я не позволял себе обедать, был всегда переполнен этими людьми, бывшими землевладельцами и богачами. Они просто не были в состоянии сократить свои привычки и жили мечтой о „здоровенном кулаке“, который вернет им их имения, жили изо дня в день, стараясь не приподымать завесу будущего. Мне становилось жутко на них глядя…»

Еще большая «жуть» накатывала на князя, когда он слышал

об успехах большевистских войск:

> «А мы прекрасно знали, что эти „наполеоновские войска“ на две трети состоят из сволочи…»

Понятное дело, что не мог писать иначе человек, всем сердцем ненавидевший большевиков, однако он вынужден был признавать, что и за белых воюют далеко не ангелы:

> «С обеих сторон есть специалисты и любители этого дела. Мне называли имена двух выдающихся в этом отношении типов — девицы-большевички и офицера-добровольца. Большевичка медленно расстреливала офицеров из монте-кристо, пулька за пулькой, а офицер доброволец, расстреливавший сотни, иногда до расстрела пил чай со своей жертвой…»

Увы, но только в 1919 году князь постепенно стал осознавать то, о чем бы следовало задуматься гораздо раньше. Речь о том, как влияют на жизнь общества, с одной стороны, борьба за личную выгоду, а с другой — такие непопулярные в наши времена понятия, пожалуй, впервые появившиеся тогда в лексиконе князя, как «жертва» и «бескорыстные побуждения». Вот что он писал:

> «Искатели выгод всегда идут за силой… Началом разложения общественного всегда и везде служит корысть, — забвение народного целого ради выгод личных и классовых. Есть только одна сила в мире, которая может победить это настроение: это жертва, высший подвиг бескорыстия…»

Князь, безусловно, не догадывался, насколько актуальны эти слова станут для не любимой им «Совдепии» уже через несколько лет, когда среди руководства страны и его представителей на местах стало все больше появляться той самой корыстолюбивой «сволочи». Что не сумело сделать Белое движение, со временем удалось облеченным властью лицемерам и мздоимцам.

Читаем далее:

> «Человек, который руководствуется в своих действиях одними интересами, всегда может быть чем-нибудь куплен, а потому ненадежен для общего дела… В социальных отношениях интерес никогда не бывает первоисточником общественной силы. Таким

> первоисточником являются всегда бескорыстные побуждения. Чтобы национальное единство было крепким, необходимо, чтобы было ядро людей, готовых жертвовать всем для родины и не задающихся вопросом, выгодно или невыгодно быть патриотом…»

Любопытно было бы услышать реакцию на эти слова проповедников приоритета экономических интересов в жизни общества. Ну а за провозглашенный князем принцип, будто первоисточником общественной силы являются бескорыстные побуждения, он нынешними идеологами наверняка был бы подвергнут остракизму.

Особенно «апокалиптично» утверждение, что человек, заботящийся лишь о своей выгоде, может быть кем-то куплен. В наше время, когда в частных руках большие деньги, когда личные интересы негласно господствующей идеологией выдвигаются на первый план, принцип «ты — мне, а я — тебе» становится могильщиком любых, самых прогрессивных начинаний. Впрочем, от прогнозов я, пожалуй, воздержусь.

Надо признать, что анализировать прошедшие события князь умел блистательно, но вот предсказателем был скверным:

> «Гибель большевиков и полное крушение большевизма — вопрос немногих месяцев, а может быть, и недель… Теперь, после взятия Харькова и Царицына, освобождение России — вопрос времени…»

В суждениях князя эмоции нередко превалируют над логикой. Вполне естественно, что религиозный философ не мог принять атеистических убеждений большевиков. Но вот разобраться в том, что движет этими «наполеоновскими» ордами, он, судя по всему, не пожелал. Однако интересно, в чем его желания:

> «Несомненно, что в будущем государственная необходимость предпишет весьма суровые меры для подавления большевизма. Но прежде русскому человеку несвойственно было радоваться жестоким казням. А теперь беспощадная расправа с большевиками стала мечтою всякого русского обывателя. И к сожалению, чувство мести тут говорит громче и сильнее, чем сознание государственной необходимости. Потоки крови, которые прольются после восстановления порядка, без сомнения, превысят меру».

Чувство мести в этих нескольких строках и в самом деле вопиет. Но вот куда же подевался трезвый взгляд, «сознание государственной необходимости»? Это «сознание» должно было подсказать и ему, и брату еще в 1905 году, что стремление народа к равноправию, вне всякого сомнения, приведет к уничтожению власти землевладельцев и «высшего сословия». И если эту власть добровольно не отдать, катастрофа в России неизбежна. Даже брату Сергею с его отчасти либеральными идеями не приходило в голову — одними идеями не накормить народ. Нет, он носился с голубой мечтой сделать «науку реальной и живительной общественной силой, созидающей и образующей, которая простирает свое действие на все слои народа, поднимает и просвещает самые низшие из них». А ведь всего-то стоило понять, что, если не наделить крестьянина землей, плевать он будет и на идеи, и на это просвещение. И выберет самый радикальный путь, благо нетерпеливых глашатаев свободы и равноправия всегда хватает. Только вот сытый им внемлет не всегда.

Об этом радикальном выборе, вызванном слабостью и ошибками российской власти, писал Николай Бердяев в 1931 году:

> «Можно видеть зло, ужас, уродство революции и все-таки признать ее смысл в судьбах русского народа. Революция есть, конечно, прежде всего расплата за прошлое, конец старой жизни, а не начало новой. Стихия революции сама по себе не есть творческая стихия, в ней слишком сильны аффекты злобы, ненависти и мести, слишком действуют инстинкты разрушительные. В революции догнивает то, что начало гнить в жизни дореволюционной, в старом режиме… Революция и значит, что творческих сил не нашлось, что воля к созиданию, к обновлению жизни оказалась бессильна».

Увы, и в прошлые годы, и в нынешней нашей жизни многие беды случаются именно из-за отсутствия творческих сил — чтобы разобраться в том, что происходит, не хватает ни желания, ни разума. Вот и князь, вместо того чтобы попытаться понять, сделал, мягко говоря, очень странный вывод, более характерный как раз для той, пресловутой сволочи:

> «Будущие победители будут соперничать в жестокости с большевистскими чрезвычайками, а может быть, и превзойдут их… Я часто спрашиваю себя, что будет в Москве в тот день, когда там где-нибудь на площади будут всенародно повешены такие корифеи

большевизма, как Троцкий, Ленин, Петерс и другие…»

Разгрома армии барона Врангеля князь не пережил. Впрочем, говорят, что причиной его смерти стало не только трагическое разочарование в силе Белого движения, не только вынужденное признание порочности проповедуемых им идей. Увы, князь умер от сыпного тифа.

Был в окружении Киры Алексеевны еще один человек, нравственные принципы которого и взгляды на политику вполне заслуживают пристального изучения. Впрочем, никаких подтверждений ее знакомства с князем Сергеем Дмитриевичем Урусовым у меня нет. Когда же речь зашла об «окружении», имелось в виду только то обстоятельство, что с 1914 по 1937 год князь жил в том же доме в Обуховом переулке, где в свое время обитал врач-психиатр Михаил Кутании. И все же князь упомянут здесь вовсе не случайно. А дело в том, что внучка Киры Алексеевны, Ирина, в 1961 году вышла замуж за князя Сергея Леонидовича Урусова, который приходился прапраправнуком Никите Сергеевичу Урусову. Сергей Дмитриевич принадлежал к другой ветви рода, однако обе они сходились на Никите Сергеевиче, которому наш князь приходился внуком. Да если б знала Кира Алексеевна заранее об этом, так уж наверняка нашла бы повод для знакомства.

Убежденный демократ и либерал, горячий сторонник земства, Сергей Дмитриевич не раз предпринимал попытки войти во власть — и при царе, и при Временном правительстве. Однако, несмотря на высокие должности, нигде долго не задерживался, поскольку действия власти вступали в противоречие с его жизненными принципами. Так, после событий 1905 года с трибуны Первой Государственной думы он заявил: пока делами государства заправляют «по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики», ничего хорошего для России ждать не приходится. Речь, в частности, шла о провокационных действиях полицейских чинов, подстрекавших черносотенцев к погромам.

Основная роль в разоблачении провокаторов из полиции принадлежала свояку Урусова, директору департамента полиции с 1902 по 1905 год, Алексею Александровичу Лопухину. Надо полагать, что бывший полицейский чин, отправленный в отставку после убийства одного из родственников царя эсером-боевиком Каляевым, был обижен на власть, а потому не считал себя обязанным скрывать служебные секреты. Именно он в беседе с Владимиром Бурцевым, известным разоблачителем агентов царской охранки, подтвердил, что руководитель боевой

организации эсеров Азеф является по совместительству сотрудником охранного отделения. Однако власть Лопухину излишних откровений не простила — 18 января 1909 года он был арестован. Вот фрагмент из официального разъяснения на сей счет:

> «Согласно опубликованным в заграничной прессе данным, инженер Евно Азеф, состоявший членом тайного сообщества, именуемого партией социалистов-революционеров, и доставлявший розыскным органам полиции сведения о преступных замыслах означенной группы, уличен членами последней в сношениях с полицией, причем в этом разоблачении деятельности Азефа принял участие бывший директор департамента полиции отставной д. с. с. А.А. Лопухин. Произведенным по этому поводу расследованием выяснено, что Лопухин действительно доставил названной революционной партии доказательства против Азефа, известные Лопухину исключительно по прежней службе его в означенной должности, причем упомянутое деяние его имело прямым последствием исключение Азефа из партии и прекращение для него возможности предупреждать полицию о преступных планах сообщества, ставящего целью совершение террористических актов первостепенной важности».

14 мая того же года Лопухин был осужден на пять лет каторги. К счастью для него, дело ограничилось в итоге ссылкой.

Пожалуй, можно сказать, что и Урусову тоже повезло. Во всяком случае, независимые политические взгляды, критическое отношение к прежней власти помогли бывшему князю избежать самого худшего с приходом большевиков. Арест в 1919 году и трехмесячное содержание в Бутырке завершились предъявлением обвинения в принадлежности к «контрреволюционным» организациям — к Союзу земельных собственников и Совету общественных деятелей. Однако своей вины Урусов не признал, доказав на заседании Ревтрибунала несостоятельность выдвинутых обвинений.

Вполне естественно, что следователей и членов трибунала в большей степени, чем формальное членство Урусова в нелояльных государству организациях, интересовало его личное отношение к советской власти. При всей неоднозначности позиции Урусова, нередко критически отзывавшегося о властях, его отношение к событиям в России наиболее точно было выражено в следующих словах:

> «Не могу отнести себя и к числу тех людей, которые, потеряв кошелек с 25 рублями, хотят повернуть обратно колесо истории, дабы вернуть пропажу».

Увы, кровавая смута 1918–1920 годов была вызвана именно такими настроениями, а потому новая власть жестоко «отсеивала» желающих любыми способами все повернуть назад ради возврата утраченных привилегий и богатства. Вот что писал Владимир Бурцев в своих воспоминаниях, посвященных событиям начала 1918 года:

> «Убийство Урицкого, покушение на Зиновьева, когда была брошена бомба в Асторию, убийства ряда мелких деятелей… привели к массовым арестам и страшному террору в Петербурге…»

А между тем чуть ранее Бурцев в составе группы боевиков готовил покушение на того самого Урицкого. Но после убийства Володарского, совершенного другой группой, он был арестован. Впрочем, все хорошо, что хорошо кончается, — Бурцева вскоре выпустили на свободу. Условием освобождения стало обещание, данное им лично намеченной было жертве, главе петроградской чрезвычайки Моисею Урицкому: «Не заниматься контрреволюцией и не служить в Красной армии, чтобы ее не разлагать». В итоге, разочаровавшись в эффективности белого террора, Бурцев уехал из России. Однако убийства продолжались, а результатом стало то, что позже названо было «кровавой ВЧК».

Вот и в деле князя Урусова разобрались, чему в немалой степени помогли его репутация и заступничество влиятельных людей. В дальнейшем Сергей Дмитриевич работал в комиссии при Президиуме ВСНХ, за трудовые успехи был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Но после чистки среди совслужащих, понятное дело, оказался не у дел. Пришлось подыскивать себе новую работу, поскольку в пенсии бывшему князю отказали. Умер он в год «небывало жаркого заката», уже осенью. За ним так и не пришли. Видимо, иной раз это идет на пользу или хотя бы способно предохранить от неприятностей — если состоишь в конструктивной оппозиции к власти, не переставая работать на благо экономики страны.

Вот так безрадостно сложилась жизнь князя в большевистской России. Впрочем, чаще судьба потомственных аристократов была куда печальнее. Можно припомнить и Ольгу Галахову, и отца Анны Бетулинской, и князя Святополк-Мирского, о ком рассказывалось в первой моей книге. Увы, для того времени это было обычное явление. Однако вряд ли кто-то мог

предположить трагическое пересечение судеб Булгаковых и Трубецких. Княгиня и дочь священника — что между ними общего? А речь о том, что случилось в госпитале Российского Красного Креста в Ливадии зимой 1920 года, после того как в Крым ворвались войска Красной армии. При белых в этом госпитале вместе с теткой Михаила Булгакова, Ириной Лукиничной, работала сестрой милосердия Наталья Николаевна Трубецкая. Судя по всему, на нее поступил донос, в котором она обвинялась в укрывательстве белых офицеров среди раненых. Судьба ее трагична — Наталья Николаевна была расстреляна, а вместе с ней и несколько человек из персонала, пытавшихся ее защитить, взяв на поруки, — их сочли сообщниками. Среди них была Ирина Лукинична Булгакова.

По поводу личности Натальи Трубецкой точных сведений нет, кроме выдержки из протокола ее допроса. А в остальном больше домыслов, нежели проверенных фактов. Изложу свою версию и я. На основании скудных данных, которые удалось найти, рискну предположить, что Наталья Николаевна была дочерью князя Николая Николаевича Трубецкого, генерал-лейтенанта, служившего в должности минского губернатора с 1886 по 1902 год. Примерно в то же время, в конце 90-х годов, вице-губернатором при нем состоял Александр Николаевич Вельяминов, выпускник Пажеского корпуса 1884 года и сын генерала, снискавшего славу при освобождении Болгарии от турецкого владычества. Не исключено, что именно совместная работа стала одной из причин брака дочери князя, Натальи, с Александром Вельяминовым. Хорошим здоровьем княгиня, видимо, не отличалась, поскольку как раз накануне событий октября 1917 года находилась на лечении в Крыму. Там и застала ее Гражданская война. Дальнейшее известно. Что же касается ее супруга, то он благополучно добрался до Европы, где подвизался в роли председателя брюссельского отделения Союза пажей, объединявшего воспитанников Пажеского корпуса.

Прежде чем продолжить рассказ, позволю себе еще одно небольшое отступление. Речь опять пойдет о жертвенности, о «бескорыстных побуждениях» людей — этой теме немало строк посвятил в своих воспоминаниях князь Евгений Николаевич Трубецкой. Вот почему-то кажется, что Михаил Булгаков вряд ли согласился бы с мнением влиятельного князя. Понятие жертвенности было ему знакомо — если только понимать под этим работу на износ. Но вот ради чего приносилась эта жертва? Нередко люди жертвуют здоровьем, чтобы обеспечить будущее детям. Но у Булгакова не было детей, а сын Елены Сергеевны находился на содержании своего отца, Евгения Шиловского.

Можно припомнить и не слишком лестное мнение Булгакова о своих согражданах. «Национально единство», «патриотизм» — вряд ли для него что-то значили эти часто повторяемые в нынешние времена слова. Тогда логично предположить следующее — что жертвовал он… ради самого себя. И все же такой парадоксальный вывод был бы не совсем правильным, поскольку нельзя не учитывать его отношения к княгине. Так что, помимо жажды славы и материального достатка, было в этой его жертвенности еще одно — желание доказать, что, отвергая его, была не права Кира Алексеевна.

Однако согласитесь, что все это довольно странно — в истории о романтической любви нам довелось встретиться со многими интересными людьми. Князья, камергеры, философы, писатели, офицеры лейб-гвардии Его Величества… И ни одного настоящего поэта! Право же, это заставляет усомниться в реальности описанных событий. Так не бывает. Не может быть рассказа о любви, если нет даже намека на поэзию. Впрочем, вы могли заметить, что в тексте фигурирует поэт, точнее, поэтесса. Однако Марина Цветаева не в счет, поскольку упоминание ее имени здесь связано с посторонним человеком — князем Алексеем Щербатовым. А там, где этот князь, нет места для поэзии. Совсем иначе в истории любви.

И вот, чтобы убедиться в этом, снова вспомним о княжне Гирей, подруге и наставнице Киры Алексеевны. В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, Анжелика Михайловна выходит замуж за Андрея Дмитриевича Карпова, сына действительного статского советника, орловского помещика. В то время муж служил адъютантом командира 36-й пехотной дивизии, начальником штаба которой был полковник Дмитрий Александрович Лопухин, тоже из орловских помещиков, брат упомянутого выше Алексея Александровича. Жена его, Елизавета Михайловна Лопухина, приходилась Анжелике Михайловне родной сестрой. Собственно, и жили они в одном доме — в доме Лопухиных на Тургеневской улице в городе Орле. Подтверждение этому родству находим и в письме княжны Анжелики Гирей, адресованном Кире Алексеевне:

> «Милая Кира. Митя тебе написал громадное письмо и адресовал его в Шаблыкино, я думала, что они с Лили списались на счет адреса, но вышло очень досадно. Мне кажется, что Митя в своем письме скорее тебя отговаривает, и мне его жаль…»

Нетрудно догадаться, что Митя — это Дмитрий Александрович Лопухин, а Лили — это его жена, Елизавета

Михайловна. Сестры, по моде тех лет, активно занимались благотворительностью — Елизавета была попечительницей местного общества Красного Креста, в то время как Анжелика заведовала приютом «Ясли» в Орловском Доме трудолюбия.

В 1911 году Лопухин был назначен командиром 9-го Уланского Бугского полка и семья со всеми чадами и домочадцами покинула Орловскую губернию, перебравшись в Белую Церковь, что под Киевом. С февраля 1914 года он — командир Конно-гренадерского лейб-гвардии полка в звании генерал-майора. А уже в самом начале войны семью Лопухиных постигло горе — сначала погиб их сын, а затем тяжело ранен был и сам глава семейства. Дмитрий Александрович всего на несколько месяцев пережил своего наследника.

О судьбе сестер Гирей в годы Гражданской войны у меня нет сведений. Известно лишь, что Анжелика Михайловна в 1920 году эвакуировалась из Крыма в Константинополь, где и скончалась через восемь лет. Елизавета Михайловна имела возможность уехать за границу вместе с семьей Алексея Александровича Лопухина. Однако этому помешал «Ипполит Васильевич Стеценко, кавалерийский офицер, с молодых лет рыцарски влюбленный в жену своего полкового командира» — так пишет в своих воспоминаниях Евгений Борисович Пастернак, попутно называя погибшего мужа Елизаветы Михайловны «светлейшим князем». Действительно, штабс-ротмистр Стеценко служил под командованием полковника Лопухина в 9-м Уланском Бугском полку до начала 1914 года. Однако не был Лопухин светлейшим князем, да и Стеценко в пору знакомства с Елизаветой Михайловной был уже не молод. Но это сущие пустяки. А важно то, что случилось позже, осенью 1929 года:

> «В один из ближайших дней после приезда из Крыма втроем с сыном родители отправились в большой доходный дом № 10 по Мертвому переулку, где в угловой комнате, которой оканчивался длиннейший коридор огромной, забитой людьми и вещами коммунальной квартиры, жила Елизавета Михайловна Стеценко. Она давала детям уроки французского языка».

Да, это была та самая бывшая княжна, сестра подруги Киры Алексеевны. А вот что Евгений Пастернак пишет в своей книге со слов Лопухиной-Стеценко о ее жизни в годы Первой мировой войны:

> «Сама Елизавета Михайловна учредила, оборудовала, всю войну содержала большой полевой

> госпиталь и безотлучно работала в нем старшей операционной сестрой милосердия. Деньги на это она по поручению мужа выручила, продав их Орловское имение, которое в свое время за образцовое ведение сельского хозяйства было удостоено большой бронзовой медали Всемирной выставки в Париже».

Начав с уроков французского языка, Елизавета Михайловна стала бонной юного Жени Пастернака. Борис Леонидович был чрезвычайно благодарен ей за воспитание наследника — в пору трудного расставания с первой женой такая забота была очень кстати. Особенно если учесть настойчивые жалобы отвергнутой Евгении: «Я не могу одна растить Женю». В 1934 году он подарил Елизавете Михайловне сборник стихов «Второе рождение» с такой надписью:

> «Дорогой Елизавете Михайловне от крепко любящего ее Б. П.… Когда я напишу что-нибудь стоящее, настоящую человеческую книгу (и — не стишки какие-нибудь!), я попрошу у Вас позволенья посвятить ее Вам… Моего долга Вам не измерить, Вы это сами знаете, но не в этом дело, это бы меня не мучило. Грустнее то, что никакими словами мне не дать Вам понятья о моей признательности…»

Вероятно, ко времени написания «Доктора Живаго» Елизаветы Михайловны уже не было в живых — так или иначе, но обошлось без обещанного поэтом посвящения. А все-таки жаль, что Борис Пастернак не написал в память о Елизавете Михайловне стихи. Не сомневаюсь, будь он знаком с княгиней Кирой Алексеевной, наверняка посвятил бы ей букет сонетов или же поэму. Но это все из области предположений и догадок, поскольку в 1930-х годах княгиня была уже не молода, а у Бориса Леонидовича было другое увлечение — Зинаида Николаевна, в недавнем прошлом супруга пианиста Генриха Нейгауза. Реальность же заставляет нас делать выводы, весьма далекие и от поэзии, и от поэтов.

Воистину странен этот мир, и несть числа происходящим в нем неожиданным превращениям, когда княжна становится кем-то вроде гувернантки, а умные, образованные люди умирают на чужбине, не разобравшись толком, почему все так случилось с их страной.

И снова обратимся к воспоминаниям Михаила Стаховича-младшего:

> «Управлять массами можно, только организовав их и доведя организацию постепенно до центра, как сложнейший механизм морских заокеанских гигантов до пуговки на капитанском мостике… Неорганизованная масса в 180 миллионов, как и всякая масса, впрочем, может подчиняться только двум выражениям власти: или полиции, или анархии…»

Что это — манифест в пользу принятия однопартийной системы? Вместо полиции — партийная дисциплина? Спешу вас успокоить — скорее всего, речь идет о самоуправлении. Однако сомнения остаются — все дело в том, как этот тезис понимать. Боюсь, что разные люди его поймут по-разному, а что может быть потом — нам ли с вами этого не знать?

И все же самый главный вопрос для аграрной страны — это вопрос о земле. Вот соображения Стаховича на сей счет:

> «Я стою не только за то, чтобы земельная площадь крестьянского землевладения была увеличена, но, помня о необходимости подъема культуры, чтобы эту землю крестьяне получили бы в свою собственность… Непременно в собственность, а не во временное пользование, потому что в мире мы не знаем иного, более сильного двигателя культуры, чем собственность».

Можно согласиться, если речь идет о культуре земледелия или, к примеру, об интеллектуальной собственности — имеются в виду произведения художников, поэтов, труды ученых… Если же это утверждение понимать гораздо шире, то убеждаешься в ином — там, где преобладает частная собственность на средства производства, увы, в погоне за прибылью нередко забывают не только о культуре. И тогда кто-то снова захочет повернуть колесо истории.

Пора бы уж нам возвратиться к судьбе Киры Алексеевны и ее семьи. Сестра Елена вместе с мужем, Александром Гедлундом, поручиком в отставке, обосновалась в Финляндии, получившей независимость. Кстати, отъезд их был вполне разумным решением, если учесть, что старший Гедлунд состоял членом финляндского сената. Видимо, там же, в Финляндии, после Октябрьского переворота оказались и другие его сыновья — вряд ли у них были намерения проливать кровь в борьбе с большевиками за ставшую им чужой Россию. Чужой Россия стала и для тех представителей аристократической элиты, которые эмигрировали во Францию.

Думаю, все согласятся, что тяжело жить вдали от родины, от

милых сердцу городских усадеб и поместий, тех, что остались под Клином или на Орловщине. Но вот на что хотелось бы обратить внимание. Среди парижской клиентуры Евгения Карловича Фаберже, старшего сына основателя знаменитой фирмы, в 30 — 40-х годах были и Кира Алексеевна с мужем, и даже ее незамужняя тетка Маргарита Карловна. Был в этом списке и кое-кто из Мейендорфов, Шидловских, Шереметевых, Щербатовых, Куломзиных, с которыми позже породнилась семья Киры Алексеевны. Надо полагать, не так уж плохи были их дела, если хватало средств воспользоваться услугами известнейшего ювелира. Однако, скорее всего, речь шла не о покупке, а о продаже фамильных драгоценностей. Не исключено также, что обнищавшие аристократы надеялись вернуть себе те вещи, что были отданы на хранение Карлу Фаберже в 1918 году, когда в Петрограде начались грабежи и экспроприации. Говорят, что в сейфах дома ювелира под защитой швейцарской миссии, арендовавшей здание, было спрятано таких вещей на миллионы рублей. Впрочем, не помогли ни швейцарская миссия, ни норвежское посольство — многое было разворовано, но часть ценностей удалось распихать по тайникам, спрятать у доверенных лиц. На возвращение этих ценностей, возможно, и рассчитывали русские аристократы. Среди клиентов Фаберже не было только Левшиных, но о них пойдет особый разговор.

Надежда Дмитриевна Левшина вместе с многочисленной семьей после двух тяжких лет на острове Лемнос добралась до Франции. Жили в предместье Парижа, на отдых выезжали в Ниццу. Там были почти все ее знакомые: Дадиани, Татищевы, Орловы, Шереметевы, Трубецкие, Шаховские. Жизнь постепенно налаживалась, однако тех средств, которые удалось вывезти из России, надолго не хватило. Надо было перестраивать жизнь, искать работу. Надежда вышла замуж за Сергея Шидловского и вместе с ним в поисках лучшей доли отправилась во французскую колонию Марокко.

Младшая из Левшиных, Марина Дмитриевна, также не сидела сложа руки — став сестрой милосердия, вскоре вместе с мужем, графом Шереметевым, последовала за Надеждой. Петр Шереметев к тому времени приобрел специальность агротехника и намеревался использовать свои знания на полях Магриба, имея целью прежде всего обеспечить пропитание семье. Ему казалось, что в Африке, вдали от задыхавшейся от безработицы Европы, он сможет устроить свою жизнь. Да и русские эмигранты-парижане, с бесконечными разговорами о славном прошлом и наивными надеждами на возвращение в Россию, успели изрядно надоесть.

Туда же, в Марокко, перебралась и свекровь Марины

Дмитриевны, баронесса Елена Мейендорф, — с этим семейством потомки Киры Алексеевны породнятся позже. Осенью 1924 года баронессе с детьми пришлось срочно покидать Москву — из дома на Воздвиженке, где они жили под охранной грамотой Ленина, их «попросили». Не задержались они и в прибалтийском имении Мейендорфов, в Кумне, там тоже было неспокойно. Вместе с четырьмя малыми детьми Елена Богдановна сначала приехала в Париж, а затем вслед за старшим сыном перебралась в Марокко.

В 20-х годах в Марокко собрались многие персонажи нашего рассказа. Увы, в Париже устроиться удалось не всем. Похоже, эта затея заранее была обречена на неудачу.

Надо признать, что для русских в Северной Африке было обширное поле приложения их сил. С установлением французского протектората над Марокко здесь стали внедряться самые современные технологии обработки земли, выращивания овощей и фруктов. Началось строительство новых предприятий. Муж Марины Дмитриевны работал в это время агентом по продаже сельскохозяйственных машин. Русские занимались бизнесом, открывали рестораны, строили морские порты, искали полезные ископаемые в пустыне. Вот что рассказывала об этом времени дочь Петра Шереметева и Марины Левшиной:

> «Устиновка — это поселение, которое было основано русскими эмигрантами недалеко от Рабата. На месте пустырей разбили огороды и посадили апельсиновые рощи. Построили дома в русском стиле. Марокканская прислуга научилась говорить по-русски и величала хозяев „барином“ и „барыней“…»

Но в 1956 году, когда французы ушли, все закончилось.

Были в Северной Африке и другие русские — солдаты и офицеры Белой армии, которые умели только воевать и не имели никаких средств к существованию. Их путь лежал в Иностранный легион. Среди легионеров оказался и сын Николая Сергеевича Блохина, Борис. Вот как описывает своих соотечественников Зиновий Свердлов, пасынок Максима Горького:

> «Они просты, они скромны, солдаты Иностранного легиона. Они не требуют вознаграждения за свою службу. Они не ищут славы. Но их энтузиазм, их усилия, вызывающие восхищение, их сердца, которые они вкладывают в свое дело, не могут остаться незамеченными теми, кто их видел в деле. Легионеры не помышляют о героическом принесении себя в жертву. Они не считают себя мучениками. Они идут вперед, и

если они умирают, то умирают с умиротворением. Могилы этих неизвестных героев затеряны в пустыне или в горах. Их имена на деревянных крестах стирает солнце и уносит ветер. Никто не узнает, какими были люди, покоящиеся там, и никто не склонится над их могилами…»

Сначала безнадежные попытки возрождения прежнего строя, затем эвакуация из Новороссийска и Севастополя. И все ради чего? Чтобы генерал Белой армии в итоге дослужился до капрала в Иностранном легионе? Печальная, трагическая судьба.

Тут самое время припомнить известное изречение: «Благими намерениями выстлана дорога в ад». Впрочем, в действиях белогвардейцев было не так уж много благородства, поскольку боролись они в основном за утраченное имущество и за привилегии. Но вот в самом конце XIX века произошли события, участниками которых довелось стать русским офицерам — их было что-то около трех сотен добровольцев, ушедших воевать против англичан за независимость Оранжевой республики.

Как ни странно, но эта акция оказалась связана с Орловской губернией, которой здесь было посвящено немало строк. А дело в том, что деньги на поездку в Африку выделил некий орловский купец — видимо, чем-то досадили ему англичане. Среди волонтеров был и отставной поручик из небогатой семьи, сын генерала Алексей Николаевич Ганецкий (с некоторых пор их фамилию пишут как «Гонецкий»). Ему, кутиле и заядлому картежнику, потерпевшему жестокую неудачу в семейной жизни и в делах, только и оставалось, что пуститься в очередную авантюру, на этот раз окрашенную в благородные тона.

А между тем московские любители проводить досуг в роскошных банях обязаны ему поклониться, поскольку именно благодаря его стараниям в 1896 году в Неглинном проезде обрели свое второе рождение Сандуны. Идея перестроить бани пришла Ганецкому в голову вскоре после женитьбы на богатой купчихе Вере Ивановне Фирсановой, дочери лесопромышленника, после смерти отца получившей в наследство огромный капитал и множество домовладений по всей Москве. Богатой образованной даме не везло с мужьями — первого она и вовсе не любила, выйдя замуж по настоянию отца, ну а второй, сделав благое дело в виде преображенных Сандуновских бань, вслед за тем залез в долги и тоже был с негодованием отвергнут. Говорят, что в качестве отступного получил целый миллион. Не сумев должным образом распорядиться свалившимся ему на голову богатством, Ганецкий снова оказался на мели и мог бы стать жертвой позора и

отчаяния, если бы добрые люди не указали нужный путь — в Южную Африку, на Англо-бурскую войну.

Сведения о том, как воевал Ганецкий, противоречивы. Одни говорили, что был у него свой «Русский отряд», успешно воевавший, другие нередко обвиняли в его в излишнем пристрастии к кутежам. В апреле 1900 года прошел слух, что Ганецкого убили. Дабы разъяснить ситуацию, в дело даже вмешался российский МИД. Министр иностранных дел граф Ламздорф сообщал военному министру:

> «Поспешаю уведомить Вас, Милостивый Государь, на основании только что полученной телеграммы консула в Трансваале, что Ганецкий совершенно здоров и находится в Претории».

По некоторым сведениям, штабс-ротмистр Ганецкий скончался в Париже то ли в 1904, то ли в 1908 году. Не исключено, что причиной смерти стало тяжелое ранение, полученное в Англо-бурской войне.

Вера Ивановна пережила своего бывшего мужа на тридцать лет. После революции ей отвели одну комнатку в коммуналке на Арбате. Плохо бы ей пришлось, если бы не знакомство с Федором Шаляпиным. В 1928 году он переслал в Москву документы и деньги для выезда бывшей купчихи в Париж.

А за год до открытия новых Сандуновских бань состоялось примечательное событие — в семье сестры Алексея Николаевича, Натальи, родился будущий морской офицер, Иван Иванович Стеблин-Каменский. Восприемниками при крещении были дед младенца, член Государственного совета, генерал от инфантерии Николай Степанович Гонецкий и Вера Ивановна Фирсанова-Ганецкая. Это событие вполне могло оказаться за пределами нашего внимания, если бы не будущая судьба семьи новорожденного. Естественно, речь не о том, что старшие сестры Ивана в составе 1-го Петроградского женского батальона участвовали в защите Зимнего дворца. И не о том, что бывший морской офицер после окончания Гражданской войны зарабатывал на жизнь частным извозом на парижских улицах. Что тут поделаешь — такие уж были времена. Но вот начинается Вторая мировая война, и Стеблин-Каменский оказывается в немецкой армии, на Восточном фронте — в отделе 1-ц 206-й пехотной дивизии вермахта он служит переводчиком. Отдел этот занимался разведывательной деятельностью на фронте и проводил контрразведывательные мероприятия в районе расположения дивизии. Судя по дневникам, Иван Иванович ближе к концу войны в освободительной миссии германского рейха

разочаровался — причиной стало варварское отношение фашистов к населению. Наверняка к этому добавилось и сознание безысходности, вызванное отступлением немецкой армии. В августе 1944 года Стеблин-Каменский застрелился.

И вновь мы вынуждены признать: благие порывы нередко завершаются трагически. Что уж тут говорить, если немецкие «освободители» были разбиты, да и буры потерпели поражение в освободительной войне. Кстати, именно в Южной Африке стараниями англичан впервые появилось в обиходе такое название, как концентрационные лагеря. Это нововведение использовала позже ВЧК, но довели его до «совершенства» специалисты из Германии.

Однако вернемся к судьбе князя Юрия Михайловича? Судя по всему, князь был ярый монархист, поэтому советской власти не признал. Однако, надо полагать, уже тогда назревал его конфликт со сторонниками войны с большевиками. Возможно, князь не видел достойного претендента на роль лидера Белого движения либо же ясно понимал всю безнадежность борьбы с собственным народом. Во всяком случае, вместо того, чтобы «спасать Россию», князь принял решение эмигрировать в Европу. Причина могла быть и гораздо проще — негоже было бросать на произвол судьбы жену и двух малых дочерей. Не исключено, что повлияли и последствия ранения, полученного на войне. Так или иначе, но в 1918 году семья уехала во Францию. Старый князь к тому времени уже скончался, а его супруга, Александра Михайловна, осталась жить в имении, где смогла сохранить от разорения семейный архив. Позже княгиня переехала в Москву, по мере сил пыталась некоторое время заниматься благотворительностью, но вскоре умерла всеми покинутая, в нищете.

Сведения о жизни семьи Киры Алексеевны за границей весьма скудны. Когда их дочерям исполнилось по шестнадцать лет, началась обычная для такого случая канитель с оформлением дворянства. Дело, однако, осложнялось тем, что для признания некоего лица в потомственном дворянском достоинстве Российской империи обычно полагалось обратиться в губернское дворянское собрание, которое на основании представленных в него документов выносило определение о внесении лица в одну из шести частей родословной книги. Далее это определение с копиями доказательств направлялось для рассмотрения в департамент герольдии Правительствующего сената. Итогом рассмотрения в Сенате, при положительном исходе, являлся именной указ, согласно которому полагалось внести имя новоиспеченного дворянина в родословную книгу и выдать соответствующее свидетельство.

Увы, ни Правительствующего сената, ни дворянского собрания к этому времени не существовало. С учетом форс-мажорных обстоятельств решение принимал Совет Союза Русских Дворян, образованный в 1925 году в Париже. Вот какое свидетельство он выдал младшей из дочерей:

> «Внести в пятую часть Родословной книги Союза Русских Дворян княжну Ирину Юрьевну Козловскую, рожденную двадцать пятого сентября тысяча девятьсот четырнадцатого года, дочь князя Юрия Михайловича Козловского и супруги его, рожденной Киры Алексеевны Блохиной».

Далее следовала весьма существенная оговорка:

> «В чем выдано настоящее свидетельство, действительное до утверждения оного законною в России властью».

Судя по всему, надежда сохранялась. Но можно только посочувствовать семье князей Козловских — в случае триумфального возвращения на родину опять предстояла все та же канитель с собиранием справок, представлением нотариально заверенной копии родословной и объяснения, по какой причине не была вовремя соблюдена узаконенная процедура. Впрочем, причина была проста и не требовала разъяснений.

Старшая дочь, Марина, вышла замуж за сына генерал-лейтенанта царской армии Сергея Хлебникова — о службе Владимира Сергеевича во французской разведке уже упоминалось. Мужем младшей стал Георгий Базаров, тоже сын царского вельможи. Жили Базаровы, видимо, неплохо — судя по тому, что местом их проживания была вилла «Парадиз» на южном берегу Франции, в Антибе. Но вот как интересно складывается судьба — ведь породнились два семейства, представители которых так или иначе были связаны с разведкой. Знамение времени или редкая случайность?

А дело в том, что дядя Георгия Базарова перед войной 1914 года служил агентом русского военного ведомства в Берлине, по-нынешнему — в должности военного атташе. Полковник Павел Базаров, видимо, обладал незаурядным даром профессионального разведчика. Именно ему удалось подкупить чиновников в картографическом отделе Военного министерства, так что накануне войны российский Генеральный штаб получил возможность ознакомиться с военными планами Германии. Однако Базарову не повезло — он был изобличен с помощью

немецкого агента, которых немало было в Петербурге. В итоге разразился международный скандал, и русский атташе вынужден был уехать из Германии.

Князь Юрий Михайлович вскоре после переезда в Париж тоже нарвался на скандал. Не знаю, что стало побудительной причиной, но суть дела была в том, что князь обвинил одного из сиятельных представителей эмиграции, Феликса Юсупова, в неблаговиднейшем поступке — написании статьи с клеветой на убиенных царственных особ. Сиятельный бедняга что только не предпринимал, чтобы обелить себя. И, проследив цепочку появления грязного пасквиля, который приписывали ему — одна газетка перепечатывала из другой, другая из третьей и так далее, — в итоге он нашел виновника. Им оказался репортер, тоже родом из России, которому таки пришлось во всем сознаться. Виновника не били канделябрами, но… Но муж Киры Алексеевны все никак не мог угомониться и продолжал, что называется, звонить во все колокола. До окончания следующей мировой войны так и не дожил — конфликты с представителями аристократической элиты не доводят до добра и долголетию нисколько не способствуют.

А вот сама княгиня Кира Алексеевна тихо-мирно дожила до издания «закатного» романа и, несомненно, узнала себя в той молодой женщине, что шла с букетиком мимоз по скучному и кривому Обуховому переулку. Но, дочитав роман до самого конца, была огорчена несказанно тем, что предстала в последних его главах в образе мстительной и вульгарной ведьмы. Видимо, оттого и отдала Богу свою душу. Светлая ей память!

Глава 2
Америка, Америка…

Признаюсь, что изучение обстоятельств жизни княгини Киры Алексеевны Козловской оказалось настолько увлекательным, что очень трудно подвести итог, поставить точку и на каком-то витке этого необычайно интересного исследования остановиться. Тут впору заново переписывать историю «загадочной» любви, само собой, если интерес поклонников Булгакова к этой теме сохранится. Не менее любопытно выяснить, как на чужбине сложилась жизнь ее родных — детей, внуков, близких и не очень близких родственников. Что-то было уже описано в первой главе, а здесь для начала речь пойдет о Соединенных Штатах. Ну а там посмотрим.

Накануне Второй мировой войны наиболее предусмотрительные из русских эмигрантов стали перебираться из Парижа за океан, от греха подальше. А уже после войны туда переехала младшая дочь княгини — Марина, вместе с мужем Владимиром Сергеевичем Хлебниковым. Известно, что Георгий Сергеевич Хлебников еще в 1946 году стал работать штатным переводчиком в ООН, в Нью-Йорке. Видимо, он и помог в переезде через океан своему брату. Там же оказалась и другая дочь княгини вместе с мужем, Георгием Базаровым. Что тут поделаешь, пришлось и Кире Алексеевне отправляться вслед за дочерьми.

Нетрудно предположить, что в Америке для Базаровых и Хлебниковых началась совсем другая жизнь. Там успели уже обосноваться многие представители дворянской знати, с которыми потомков князя Козловского связывали родственные узы, не говоря уже о многочисленных знакомых по Петербургу и Москве. На первых порах в какой-то мере можно было рассчитывать на их поддержку. И вот изучение этих связей в эмигрантской аристократической среде вдруг привело меня к открытию. Ну, может быть, и не к открытию, однако ничего подобного, признаюсь, я никак не ожидал.

Павел Хлебников

А дело в том, что в Нью-Йорке Георгий Хлебников познакомился с Александрой Небольсиной, внучкой русского адмирала. От этого брака родилось четверо детей, и вот одним из них оказался… Павел Хлебников. Да, да, тот самый американский журналист, злодейски убитый в июле 2004 года в Москве, всего в ста метрах от офиса издательского дома «Аксель Шпрингер Ранга», выпускающего российские *Forbes* и *Newsweek*. Пожалуй, уместно будет рассказать более подробно об этом неординарном журналисте.

Впервые о нем узнали в 90-х годах как о сотруднике журнала *Forbes*. Судя по отзывам коллег, для Павла Хлебникова был характерен агрессивный, даже авантюрный стиль работы. После посещения им кабинета одного из вице-премьеров там вроде бы обнаружили «жучок». Ходили слухи, что в беседе с предпринимателями нередко он настаивал на откровенном интервью, грозя опубликовать в противном случае кое-что из имеющегося компромата — известно, что в то время невозможно было найти бизнесмена с безупречной репутацией.

Методы и цели своих рискованных исследований, будь то статья о Березовском или об особенностях приватизации

«Северстали», Павел Хлебников оправдывал так:

> «Если бы вы были на поле боя, то вам хотелось бы узнать, кто командир, сколько у каждого есть солдат. Это дает кое-какие рамки для того, чтобы присматриваться к рынку. И в этом, кстати, проявляется наша философия: рынок состоит не из больших компаний, а из личностей. Видеть, кто самый богатый и почему — интересно. Но не потому, что он может купить 300 дорогих яхт, а потому, что люди понимают, кто есть кто в мире бизнеса».

Что ж, против этого не возразить, поскольку и цель моего исследования состоит в том, чтобы разобраться, кто есть кто. Мировоззрение самого Павла Хлебникова раскрывается, на мой взгляд, в следующей фразе, сказанной им в интервью Феликсу Медведеву:

> «Иметь свое дело — это как иметь собственного ребенка. Ты его рожаешь, воспитываешь, ты его кормишь, лелеешь. Чувство собственности — это, быть может, главное в человеке. И дело не в количестве этой собственности, а в том, что ты чувствуешь себя полноценным человеком, твердо стоящим на земле».

По правде говоря, не хотелось бы комментировать эти слова, сказанные Павлом Георгиевичем за пятнадцать лет до гибели. Возможно, что-то в его философских взглядах за последующие годы успело измениться. Однако слишком уж живуче подобное суждение. Поэтому все, что остается, — это скорбеть о невинно убиенном, а заодно о том, что возведение чувства собственности в ранг самого главного, приоритетного в нашей жизни вполне может стать причиной еще многих и многих человеческих смертей.

Коль скоро речь зашла о столь известной в недавнем времени персоне, надо бы несколько слов сказать о родословной Хлебниковых.

Дворянский род Хлебниковых пошел от коломенских купцов. Все началось с Петра Кирилловича, винного откупщика и владельца игольной фабрики, которая была учреждена в Пронском уезде Рязанской губернии по воле и под покровительством Петра Великого. Женившись на дочери уральского заводчика в 1765 году, Петр Хлебников приумножил состояние, но этого ему показалось мало. В 1775 году он поступает на должность помощника генерал-аудитора в штабе генерал-фельдмаршала графа Кирилла Разумовского — надо

полагать, сделано это было неспроста, поскольку у богатого купца должен быть серьезный интерес, чтобы бросить дело и пойти на государственную службу. Увы, выдающейся карьеры Петр Кириллович сделать не успел, поскольку через два года в возрасте сорока четырех лет его не стало. И вот, вступая в права наследницы имущества уже после смерти своего отца, вдова Петра Кирилловича получает документ на владение… «дворянской собственностью». Документ датирован 30 декабря 1792 года. Неужто заслуги Петра Хлебникова перед графом Разумовским были столь велики, что обеспечили обретение желанного дворянства?

Впрочем, все оказалось не совсем так, как я предполагал. Выяснилось, что Петр Кириллович был любимцем не генерал-фельдмаршала, а самой императрицы и по ее велению получил дворянское достоинство, а также чин генерал-аудитора-лейтенанта в штабе Разумовского. Благорасположение Екатерины II подтверждено и тем, что Петр Хлебников был удостоен чести быть похороненным на кладбище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры в Петербурге. Что там было между Петром и Екатериной, не берусь судить, однако стремление быть рядом с сильными мира сего заметно и у наследников Петра Хлебникова, в чем вы получите возможность убедиться.

Кстати, дворянское звание получил и двоюродный брат Петра Кирилловича — Михаил Родионович, дослужившийся до чина подполковника и также обитавший в Москве. Тут все понятно — ну как не порадеть за родственника перед матушкой-царицей! После смерти Михаила Родионовича в 1796 году его имуществом, имением и московскими домами распоряжалась вдова, Агафья Филипповна. И вот оказывается, что в 20-х годах XIX века жила она по соседству с Анной Леонтьевной, вдовой князя Николая Михайловича Козловского. Их дома стояли рядышком, на Сретенском бульваре. Что это — совпадение или же знакомство Хлебниковых с Козловскими состоялось еще за сто с лишним лет до свадьбы дочери Киры Алексеевны и Владимира Сергеевича, двоюродного деда Павла Хлебникова?

Попробуем разобраться в родословных. Дед Юрия Михайловича Козловского был внучатым племянником Николая Михайловича. Владимир Николаевич Хлебников, прадед Павла Хлебникова, приходился правнуком Михаилу Родионовичу и двоюродным правнуком Петру Кирилловичу, который удостоился дворянства из рук Екатерины. Итак, все сходится.

Интересно, что рядом с владением Агафьи Хлебниковой располагался дом, принадлежавший Анне Булгаковой, жене бригадира. Увы, карачевские Булгаковы тут ни при чем —

дворянство Михаилу Афанасьевичу только снилось.

Однако возвратимся к Петру Хлебникову. Более чем заводчик и чиновник, Петр Кириллович был известен как библиофил. В 1773 году Николаем Ивановичем Новиковым, о котором речь пойдет в четвертой главе, была издана «Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладязей, и какие по них городы и урочища, и на каком оные расстоянии». Среди особ, подписавшихся на книгу, находим: «Его высокоблагородие Петр Кириллович Хлебников, Его высокородие Михайло Матвеевич Херасков, Его благородие Александр Николаевич Радищев» и другие. Ну, в том, чем отличается высокородие от благородия, мы не станем разбираться (можно предположить, что Хлебников имел к этому времени чин майора), только отметим, что содержание книги основано на рукописи из уникальной коллекции Петра Хлебникова. Есть сведения, что часть книг Новиков напечатал на средства коллекционера — недаром отзывался о нем очень тепло:

> «Многочисленная и изобилующая российскими рукописями ваша книгохранительница, ваше рачение о собирании важных и полезных книг, попечение о издании оных во свет и, наконец, ваше знание в истории и географии российской делает вам истинную честь и заслуживает благодарность от единоземцев ваших».

Не исключено, что и благорасположение Екатерины к Петру Хлебникову было вызвано его участием в сохранении древних книг и рукописей, свидетельств величия земли Русской — в этом начинании она поддерживала и его, и Новикова.

Кстати, при Екатерине поднялись не только Хлебниковы, но и Небольсины, с недавнего времени ближайшая родня Хлебниковых. В 1791 году грамота на потомственное дворянство была пожалована Екатериной II статскому советнику Василию Александровичу Небольсину, за четырнадцать лет до этого назначенному губернским прокурором в Тулу. Видимо, семейства Хлебниковых и Небольсиных объединило чувство признательности к заботливой матушке-императрице, так высоко оценившей их заслуги. Правда, злые языки утверждают, что чины и звания при дворе Екатерины раздавались в основном «постельным карьеристам». И тут напрашивается мысль: а не борьба ли за близость к телу императрицы стала причиной ранней смерти Петра Хлебникова?

К слову сказать, дворянское звание получили не только Петр и Михаил — благорасположение царицы распространилось и на другого ярославского Хлебникова, Василия Михайловича. Однако

времена Екатерины минули, и вот читаем указ Павла I по результатам доклада сената «о растраченных по конторе банка барона Сутерленда казенных деньгах»:

> «По рассмотрении сего доклада повелеваем: 1) статского советника Василия Хлебникова впредь ни к каким делам не определять; а о скорейшем взыскании с него в казну 25 тысяч рублей принять деятельнейшие меры…»

Добавлю, что «подельник» Хлебникова по тому же делу некий иностранец по фамилии Диго прикарманил и того больше — двести с лишним тысяч. Увы, доверия Екатерины бывший купец не оправдал, да еще и опозорил дворянскую фамилию.

Но повторюсь, в 1777 году Петра Хлебникова не стало. После кончины его жены во владение заводами вступил сын Петра Кирилловича, Николай. Принято считать, что рыбинские дворяне Хлебниковы — потомки поручика в отставке Николая Ивановича Хлебникова, владельца села Спас на Волге и окрестных деревень, внучатого племянника Петра Кирилловича Хлебникова и внука упомянутого Михаила Родионовича.

После смерти Николая Ивановича пятеро его сыновей, родившихся от трех жен, по-братски поделили между собой доставшиеся в наследство владения в Рыбинском уезде. Владимир Николаевич, прадед Павла Хлебникова, сделал успешную военную карьеру, дослужившись до звания генерала от артиллерии. Женат он был на дочери Сергея Дмитриевича Комовского, одноклассника Александра Пушкина по Царскосельскому лицею. После разгрома войск барона Врангеля вдова генерала вместе с детьми покинула Россию. Считается, что ее сын Сергей, выпускник Пажеского корпуса, ротмистр Уланского полка, успел поучаствовать и в империалистической, и в Гражданской войнах. Вот что рассказывал о своих предках Павел Хлебников:

> «Мой дед Сергей Хлебников и моя бабушка Елена Владимировна Ластур де Бернард познакомились еще в России, но соединили свои жизни в Константинополе. В Данциге семья прожила семь лет и переехала в Баден-Баден. Перемены места жительства связаны с неустроенностью после отъезда из России. До тех пор пока семья не оказалась во Франции, в Париже, где все родственники осели на долгую жизнь, влившись в большую русскую колонию… Моя бабушка Елена Владимировна Бернард французского происхождения,

баронесса… На юге Франции есть наш замок, который уже двести лет в руинах. Еще до Французской революции король сделал Бернардов маркизами, и позже они вынуждены были бежать от революции в Россию. Приняли русское подданство. Но по иронии судьбы после 17 года бежали уже обратно во Францию. Ее отец был полным генералом артиллерии».

Надо заметить, что тут в записи Феликса Медведева, сделанные со слов Павла Хлебникова, вкралось несколько ошибок, связанных, в частности, с написанием фамилии и войсковой принадлежности генерала. На самом деле отцом бабушки Павла был генерал от инфантерии, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 годов Владимир Андреевич Латур де Бернгард. Во всяком случае, так он обычно именовался в дореволюционных справочниках. Кстати, и свою прабабку Павел называет внучкой лицеиста Комовского, что неверно (здесь часто путают Сергея Сергеевича Комовского и его отца, Сергея Дмитриевича). И уж точно о своем баронском титуле никто из Латур де Бернгардов не подозревал. Более того, примерно до 1910 года фамилия генерала писалась как Бернгард или Бернгардт. Но вот беда, ту же фамилию носил и Абрам Борисович, питерский купец. Был и другой Бернгард, владелец музыкального магазина. Желание отделить свой род от торгашей заставило генерала написать прошение государю. Царь счел возможным эту просьбу удовлетворить, и с тех пор фамилия однозначно свидетельствовала о дворянском происхождении Бернгардов.

Однако есть некие странности в биографии деда Павла Хлебникова. А дело в том, что в 1907 году корнет Сергей Владимирович Хлебников служил в лейб-гвардии Уланском полку. В списках жителей Петербурга за 1913 год он уже не значится, зато в Орловской губернии, в городе Ельце, появляется некий отставной поручик — тоже Сергей Владимирович и, как ни странно, тоже Хлебников. В 1911 году он всего лишь член Елецкого общества сельских хозяев, к 1914 году почетный мировой судья, а еще через два года Хлебников уже депутат губернского дворянского собрания от Елецкого уезда. Трудно поверить, что сына генерала, можно сказать, в расцвете лет судьба определила на прозябание в провинциальном городке, вдали от столичного бомонда. В пользу того, что это тот самый Хлебников, будущий тесть дочери Киры Алексеевны, говорит то, что он, несомненно, был знаком с ее отцом, который в те же годы был членом губернского дворянского собрания. А вот являлся ли

отставной поручик сыном генерала — это для меня Вопрос. Либо это не он, либо для выхода в отставку должна быть очень веская причина. К тому же пребывание Сергея Владимировича в 1914–1916 годах в Ельце противоречит сведениям о том, что сын генерала Хлебникова участвовал в Первой мировой войне.

Вот выдержка из приказа по Уланскому полку от 6 июля 1915 года:

> «Сего числа ранен и остался на поле сражения поручик Хлебников. Предписано означенного обер-офицера исключить из списков полка».

О том же Хлебникове вспоминает командир его эскадрона в 1903 году Алексей Алексеевич Игнатьев, военный агент России во Франции в годы Первой мировой войны:

> «У меня в эскадроне… оказалось только три молодых корнета — двое из Николаевского кавалерийского училища, неплохие строевики, Бибиков и Бобошко, и один из Пажеского корпуса, тщедушный, бледнолицый Хлебников. Последний на второй же день моего командования умудрился опоздать на учение».

Считается, что речь здесь идет именно о поручике Сергее Владимировиче Хлебникове, служившем в первом эскадроне Уланского полка. Как стало известно, раненный в июле 1915 года Хлебников попал в плен, но вскоре его обменяли на двух немецких офицеров — видимо, по настоянию отца, влиятельного генерала.

Казус с одновременным нахождением Хлебникова в губернском дворянском собрании в Орле и на поле боя можно попытаться разрешить следующим образом. Скорее всего, выход в отставку связан был с ранением и последствиями плена. Но вот что привело к переселению в Елец? Могу предположить, что причина была в том, что Сергей Владимирович решил жениться. Свадьба состоялась еще до начала Первой мировой войны. Есть сведения, что его избранницей стала графиня Ольга Евграфовна Комаровская, брат которой до 1907 года жил в Орле, — рассказ о том, что с ним случилось, представлю вашему вниманию чуть позже. Смущает в этой версии только то, что графиня была старше поручика лет на десять. Однако графский титул и богатое приданое нередко способны скрыть кое-какие недостатки. Семейная идиллия продолжалась до 1915 года, когда Сергей Владимирович, оставаясь депутатом дворянского собрания, был призван на войну с германцем. Затем последовали Гражданская

война, эмиграция и женитьба на Елене Владимировне Латур де Бернгард. Однако и тут возникает неувязка, поскольку прежде, чем заново жениться, поручик обязан был развестись с первой женой. Ну не могу поверить, что Хлебников был двоеженцем! Если же найдут подтверждение сведения, будто его брат, Леонид Владимирович, служил в деникинской контрразведке, то останется только руками развести…

Итак, в эмиграции сын бывшего поручика Уланского полка Владимир Сергеевич Хлебников, дядя Павла, женится на дочери княгини Киры Алексеевны. После нескольких лет жизни в Париже Владимир Сергеевич с Мариной Юрьевной перебираются на Африканский континент, в Марокко. Там в это время оказались и будущие их родственники Левшины, и многие другие русские эмигранты первой волны. Скорее всего, именно в Марокко с началом Второй мировой войны Владимир Хлебников поступил на службу во французскую разведку. Видимо, этому способствовало его знание европейских языков.

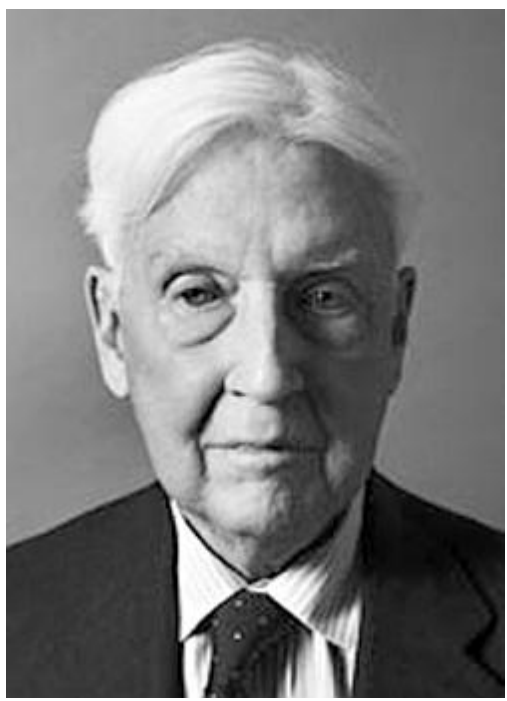
Интереснее сложилась жизнь Георгия Сергеевича Хлебникова. Во всяком случае, значительная ее часть проходила на виду, а не была скрыта от посторонних глаз, как у профессионального разведчика. Полиглот, защитивший докторскую диссертацию по французскому языку, переводчик на Нюрнбергском процессе, с 1946 года штатный переводчик ООН, а с 1973 года директор отдела переводчиков… Впрочем, в обязанности переводчиков всегда входило сотрудничество с представителями спецслужб.

В семье Георгия Хлебникова было четверо детей. Павел появился на свет в 1963 году и до своей трагической гибели был любимцем всей семьи и считался самым удачливым из Хлебниковых. В чем же причины его недолгих, но весьма впечатляющих успехов?

В 1991 году в «Нью-Йорк таймс» появилось извещение о помолвке Павла Хлебникова с Хелен Трейн, дочерью графини Марии Терезы Чини ди Пьянзано и финансиста Джона Трейна. Начну с биографии тестя, достаточно привычной для людей его круга, — как-никак кузен покойного сенатора Клэйборна Пелла, председателя сенатской комиссии по иностранным делам, и Рассела Трейна, главы управления по охране окружающей среды при Ричарде Никсоне. Итак, Гарвард, Сорбонна, служба в армии, работа на Уолл-стрит… Вскоре Трейн становится партнером нью-йоркской фирмы *Train Babcock Advisors,* а позже создает собственную инвестиционную компанию, которая специализировалась на управлении деньгами клана Трейнов. Особо следует упомянуть его работу шеф-редактором в американском издании *Paris Review* сразу после окончании

Сорбонны, а также сотрудничество с *Forbes,* в котором Трейн вел долгое время колонку, посвященную финансовой стратегии. Последнее увлечение вполне допустимо для успешного финансиста и автора весьма познавательного бестселлера *The Money Masters.*

В 1976 году случилось странное событие — Джон Трейн удостоился звания орденоносца, получив из рук главы Республики Италия одну за другой две престижные награды — *Ordinedel Merito della Repubblica* и *Ordine della Solidarieta.* О вероятных причинах награждения скажу потом. Существенно лишь то, что после получения наград Трейн, судя по всему, счел свою миссию в Италии выполненной и через год, оставив первую жену, Марию Терезу Чини ди Пьянзано, сошелся с Фрэнсис Честен, наследницей финансовой империи Декстеров.



Джон Трейн

С новой избранницей Джону Трейну, увы, не повезло — через несколько лет у Декстеров возникли неприятности, связанные с обвинениями в инсайдерской торговле. А в начале 90-х годов империя Декстеров разрушилась. Пренебрежение нормами закона, неэтичное поведение на рынке, рискованные сделки — все это позже привело и к возникновению глобального кризиса 2008 года. Как видим, там, где речь заходит о больших деньгах, печальный опыт предшественников ничему не учит.

Для того чтобы разъяснить коллизию с награждением Трейна орденами, официальные причины которой до сих пор закрыты плотной пеленой секретности, волей-неволей приходится рассказать биографию Витторио Чини, отца Марии Терезы, первой жены Трейна.

Витторио вырос в семье успешного промышленника, занимавшегося строительством предприятий транспортной инфраструктуры. Родиной Витторио считается Феррара, расположенная где-то на полпути между Болоньей и Венецией. После учебы в Швейцарии и стажировки в одном из лондонских банков он вернулся на родину и вскоре основал свою собственную компанию, естественно, не без помощи отца и примерно того же профиля, что и семейная фирма. После Первой мировой войны Чини занялся еще и морскими перевозками, основав судоходные компании в Палермо, Риме и Венеции, и вскоре занял одно из лидирующих мест в этом прибыльном бизнесе. Примерно в то же время начинается его деловое сотрудничество с крупным предпринимателем Джузеппе Вольпи ди Мизурата — прежде всего в электроэнергетике, гостиничном бизнесе и транспорте. Совместный бизнес послужил основой для общих интересов и в политике.

Лида Борелли, 1914 г.

В первые годы после империалистической войны Вольпи и Чини симпатизировали правительствам умеренного либерала Джолитти и радикала Нитти. Но позже оба стали сторонниками сильной власти, поддерживая фашистский режим в сенате и правительстве. Правда, в отличие от Вольпи, министра финансов и, как считается, творца фашистского режима, Чини долгое время не решался войти в правительство Муссолини, предпочитая заседать в сенате, и уступил настойчивым предложениям дуче лишь в начале 1943 года, заняв пост министра коммуникаций.

За полтора месяца до крушения режима Чини почувствовал беду и стал активно выступать за смещение дуче, даже написал ему письмо, в котором настаивал на сложении Муссолини полномочий. Активность Чини не осталась незамеченной — 23 сентября 1943 года, после оккупации севера Италии германскими войсками, он был арестован и депортирован в Германию, где стал одним из узников концлагеря Дахау. Существует легенда, будто Джорджио выкупил отца у лагерной администрации в обмен на драгоценности матери, актрисы Лиды Борелли.

Скорее всего, без выкупа действительно не обошлось,

поскольку уж очень привлекателен был куш, да и другие аналогичные акции явно предпринимались гитлеровцами с той же целью. Вот как историк и журналист Серджо Романо описывает злоключения Фей Пирцио Бироли, дочери Ульриха фон Хасселя, посла Германии в Риме, участвовавшего в заговоре против Гитлера:

> «Фей была арестована в Италии, и после суда над отцом ее перебрасывали из одного лагеря в другой под эскортом СС, в то время как русские и союзники продвигались к сердцу Германии».

Впрочем, для фашистских главарей важнее денег было сохранение собственных жизней в обмен на освобождение сиятельных заложников. Не исключено, что кому-то с кем-то договориться все же удалось.

В Германии злоключения Чини закончились благополучно — сначала для поправки здоровья он был переведен в Тюрингию, а оттуда Джорджио перевез его в клинику близ Падуи. Но тут, когда казалось, что все неприятности остались позади, выяснилось, что итальянское Сопротивление, значительное влияние в котором имели коммунисты, намерено было наказать одного из финансовых столпов режима Муссолини. Речь, конечно, не шла о подвешивании за ноги — так поступили только с дуче и его любовницей. Но, судя по всему, и здесь не обошлось без финансовых вливаний, поскольку назначенное после войны разбирательство по делу Чини в конце концов привело к тому, что ему возвратили звание сенатора и даже признали его истинно итальянским патриотом (!).

Сказочно богатый, венецианский олигарх первой величины, основатель фонда, вкладывающего финансовые средства в развитие культуры, — такие слова можно прочитать в прессе про Витторио Чини. Кстати, был ли он на самом деле графом, имела ли его жена титул графини ди Пьянзано, не стану утверждать. Есть, правда, километрах в семидесяти на север от Венеции местечко под названием Пьянзано. Может, и вправду было там когда-то графское имение. Ясно лишь, что, если покупается свобода, можно даже титул графа прикупить.

Что же касается дочери Витторио Чини, ходили слухи, что Мария Тереза была поклонницей принца Валерио Боргезе, инициатора ряда неудачных неофашистских заговоров против итальянского правительства в конце 60-х и в 70-х годах. Как говорится, яблоко от яблони… Возможно, именно в этом причина развода Трейна с первой женой. В те годы фашизм был уже не в моде. Но речь тут о другом.

Итак, ситуация с дважды орденоносцем Джоном Трейном наконец-то прояснилась — можно ли было обойти вниманием зятя столь влиятельного в Италии человека, каким длительное время оставался Чини? Столь же очевидно и то, что талант талантом, но своими успехами, в том числе получением должности старшего редактора в таком солидном издании, как *Forbes,* а позже поста главного редактора его русской версии, Павел Хлебников в немалой степени был обязан авторитету своего тестя. Недаром Джона Трейна когда-то причисляли к влиятельным деятелям из окружения президента Рейгана.

На этом рассказ о нью-йоркском финансисте и венецианском магнате можно и закончить. Самое время возвратиться назад, к родным, российским берегам. Однако события давних лет не позволяют сразу это сделать.

А дело в том, что в Венеции еще в те далекие времена, когда был жив прадед Павла, генерал от артиллерии Владимир Николаевич Хлебников, случилась жуткая история. Но жертвой, как ни странно, оказался не кто-то из венецианского клана Чини, а дальний родственник Хлебниковых.

Как я уже упоминал, Владимир Николаевич Хлебников был женат на дочери Сергея Дмитриевича Комовского, одноклассника Александра Пушкина по Царскосельскому лицею. Сергей же Дмитриевич состоял в браке с Софьей, дочерью графа Евграфа Федотовича Комаровского. Не исключено и более позднее родство — выше было выдвинуто предположение, что первой женой Сергея Владимировича Хлебникова была Ольга Евграфовна Комаровская, правнучка того самого Евграфа Федотовича. Вот брат ее, орловский помещик, и оказался жертвой этой страшно запутанной истории. Главным действующим лицом была графиня Мария Николаевна Тарновская, в девичестве носившая фамилию О'Рурк.

На русской службе графы О'Рурки состояли с XVIII века. Отец Марии Николаевны был морским офицером. Весной 1872 года отставной капитан-лейтенант продолжил службу в канцелярии киевского генерал-губернатора и к началу следующего века имел чин действительного статского советника. Его супруга была дочерью местного помещика, тайного советника и гофмейстера, губернского предводителя дворянства и вице-губернатора Петра Дмитриевича Селецкого. В такой вот родовитой семье и родилась в июне 1877 года дочь Мария.

Прошло время, и Мария превратилась в довольно привлекательную, пожалуй, излишне худощавую девушку, своими манерами и внешностью напоминавшую британскую аристократку. В числе ее поклонников оказался и Василий —

если уж строго выражаться, то Василий Васильевич Тарновский III. Такова была семейная традиция — называть старших сыновей одним и тем же именем. Кстати, нечто подобное практиковалось и в семье графов Комаровских — Павла Евграфовича сменял Евграф Павлович и наоборот. Не прошли мимо столь неординарной возможности обратить внимание на свою семью и Хлебниковы. Когда сыном Сергея Владимировича оказывается Владимир Сергеевич, а внуком опять же Сергей Владимирович, начинаешь путаться — кто, где, когда и с кем? Это поневоле заставляет более тщательно изучать родословную и биографии членов их семей.

Так вот, дед Василия Васильевича III, тоже Василий Васильевич Тарновский, разбогател отнюдь не своим трудом, а благодаря свалившемуся на голову наследству от умершего дядюшки, владевшего девятью тысячами крепостных душ, а также землями в Киевской, Полтавской и Черниговской губерниях. История эта очень похожа на чудесное обогащение Сергея Владимировича Блохина, но не в этом дело, тем более что и масштабы не соизмеримы — что стоят полторы тысячи душ против девяти тысяч?

Итак, Василий Васильевич III влюбился и решил сделать Марию Николаевну своей женой. Однако богатого старика Тарновского совсем не соблазняла перспектива родства с несостоятельным семейством графа. Тогда «добрые люди» посоветовали Василию Васильевичу устроить похищение невесты. И вот в деревенской церкви под Киевом втайне от семьи состоялось их венчание.

В итоге все как-то обошлось — родители смирились с неизбежным. Из киевского дома О'Рурков на Анненковской улице, бывшей Лютеранской, Мария перебралась к мужу. В 1897 году у них родился сын — Василий Васильевич IV, через два года — дочь Татьяна. Однако дела отца Василия Васильевича III, известного мецената и коллекционера, но скверного хозяина, к этому времени пришли в упадок. Возможно, сказался и неурожай 1897 года. Так или иначе, но молодая пара лишилась привычных средств для безбедного существования. Когда муж с горя запил, Мария решила, что пора обратить внимание на других, более состоятельных мужчин. В конце концов, свет не сошелся клином только на Василии.

Подробности разгульной жизни Марии Николаевны в эти годы были описаны современниками не раз, к этой истории нередко возвращаются и в наше время. Однако не берусь судить, чего в этих сочинениях больше — правды или лжи. Доподлинно известно лишь то, что со временем Мария поняла — так долго

продолжаться не может, тем более что ее уже отказывались принимать в приличном обществе. Пора было успокоиться и подыскать себе надежную опору, желательно богатого вдовца. В итоге выбор пал на графа Павла Евграфовича Комаровского, орловского помещика, подъесаула в отставке и гласного уездного земского собрания. Весьма импозантный на вид, любитель похвастать немалыми доходами, граф казался ей весьма доступной и привлекательной мишенью. В этом ее курортном знакомстве смущало лишь одно — граф был женат.

Но вот граф Комаровский внезапно овдовел, и можно было приступать к осаде. К несчастью, Павел Евграфович был слишком уж привязан к жене и потому после ее смерти и слушать не желал о новом браке. Тогда с помощью своего любовника, юриста по профессии, Мария составила новый план. В итоге продолжительных уговоров, скандалов и интриг граф вынужден был уступить и согласился застраховать свою жизнь в пользу Тарновской на очень крупную по тогдашним временам сумму. Теперь оставалось подыскать исполнителя убийства.

В мае 1907 года граф познакомил Марию с сыном своего знакомого Алексея Егоровича Наумова, тоже заседавшего в орловском уездном земском собрании. Николай Алексеевич Наумов служил в это время исполняющим должность старшего чиновника особых поручений при орловском губернаторе. По уши влюбившись в Марию, двадцатитрехлетний Наумов стал орудием в тщательно разработанном плане убийства Комаровского. Местом преступления была выбрана Венеция, где граф в то лето отдыхал.

И вот какое сообщение вскоре появилось в российской прессе:

> «Утром 22-го августа некто Наумов прибыл на гондоле к графу Комаровскому. Обманув бдительность прислуги, он проник в его спальню, произвел в графа пять выстрелов и незамеченным уехал из Венеции. Граф ранен тяжело, но жизни его опасность не угрожает. Он заявил русскому консулу, что им получено несколько писем с предупреждением, что в Венецию прибудет русский с целью его убить, но значения письмам не предавал».

И все же граф Комаровский через четыре дня после покушения помер. Однако и замысел Тарновской провалился — злоумышленники оказались под замком. Через три года состоялся процесс, на котором Мария Тарновская получила по заслугам… На этом можно было бы и закончить историю, если бы не посвященный Тарновской сонет Игоря Северянина, написанный

через несколько лет. В нем есть такие строки:

По подвигам, по рыцарским сердцам,
Змея, голубка, кошечка, романтик, —
Она томилась с детства. В прейскуранте
Стереотипов нет ее мечтам
Названья и цены…
В романтика и в кошечку с голубкой
Вонзала жало. Расцвела преступкой,
От электрических ядов, — не моя! —
Тарновская.

Что же касается дальнейшей судьбы Марии Николаевны, то, согласно одной из версий, в нее заочно влюбился некий американский миллионер и после того, как она отбыла наказание, будто бы женился на ней и увез ее в Соединенные Штаты. Судя по всему, американца покорила аристократическая внешность Марии в сочетании с редкой предприимчивостью. Надо полагать, она поделилась своим опытом…

Однако на этом история Тарновских не заканчивается. Татьяна Васильевна, дочь Марии Тарновской, в начале 20-х годов поступила в учебную киностудию в Киеве, где познакомилась с Алексеем Яковлевичем Каплером, будущим известным сценаристом, безвинно пострадавшим за свое увлечение дочерью Сталина, Светланой Аллилуевой. И взлет, и падение были еще впереди, а пока Каплер стал работать на одесской кинофабрике, где Татьяна Васильевна снялась в нескольких немых фильмах: «Тамилла», «Чашка чая» и «Проданный аппетит». Первая из четырех официальных жен Каплера была весьма привлекательна, чем-то напоминала свою мать. В 1927 году у них родился сын. Но то ли красавица Татьяна после родов изрядно подурнела, то ли Каплер был не согласен с ее отказом от карьеры в кино после рождения ребенка, но через два года после этого они расстались. Вполне возможно, что Алексея Яковлевича что-то подталкивало к перемене жен.

Ну вот, Америку в этой главе я упомянул не раз, теперь самое время вспомнить о Булгакове. Дом Тарновских, как я уже писал, располагался на Анненковской улице, одним концом она упиралась в Левашовскую улицу и спускалась в сторону Крещатика. Где-то здесь была и Екатерининская женская гимназия, в которой учились старшие сестры Булгакова — Вера, Надя и Варя. Там же находилась и деревянная кирха Святой Екатерины, поэтому улица одно время называлась Лютеранской. Впрочем, к немецким корням нашей главной героини, Киры

Алексеевны, кирха не имеет отношения. Однако и на этом связь Булгакова с родом Тарновских не кончается. Обратимся к воспоминаниям его второй жены Любови Белозерской:

> «Тарновские — это отец, Евгений Никитич, по-домашнему Дей, впоследствии — профессор Персиков в „Роковых яйцах“… Подружился М. А. и с самим Тарновским… Описывая наружность и некоторые повадки профессора Персикова, М. А. отталкивался от образа живого человека, родственника моего, Евгения Никитича Тарновского… Он тоже был профессором, но в области далекой от зоологии: он был статистик-криминалист».

Кстати, Любовь Евгеньевна так и не решилась рассказать, что прозвище Дей было сокращением от «действительного статского советника» — столь высокого чина Евгений Никитич удостоился в первом департаменте Министерства юстиции царской России и, судя по всему, был этим весьма горд.

Однако в который раз уже можно воскликнуть: как тесен этот мир! Еще бы следовало добавить, что очень уж много в нем Тарновских.

Но вот что странно — наше исследование началось в Киеве, там, где родился Михаил Булгаков, и продолжалось на Орловщине, где проходили юные годы Киры Алексеевны. В истории же о Марии Тарновской действующие лица словно бы местами поменялись. Вместо княгини из Орловской губернии — алчная авантюристка из Киева, в то время как киевлянина Булгакова сменил слишком уж увлеченный женскими прелестями граф из Орла. Складывается впечатление, будто лирическая история здесь превратилась в фарс — главный герой приобрел желаемое дворянское звание с графским титулом в придачу, ну а героиня превратилась в злую ведьму буквально на его глазах. Причем на сей раз превращение вполне реальное, не выдуманное, как у Булгакова в «Мастере и Маргарите». Что уж тут говорить, если речь идет о тщательно продуманном кровавом преступлении, а вовсе не о погроме в квартире бессовестного критика, учиненном Маргаритой.

И вот какой возникает после этого вопрос: что было бы, решись Булгаков по примеру Василия Тарновского на похищение любимой? То есть хватило бы смелости или попросту кишка тонка?.. А впрочем, какой смысл гадать? Увы, особенность истории знакомства Булгакова с княгиней состояла в том, что Кира Алексеевна была замужем, но что еще более важно — финансовые возможности Михаила Афанасьевича не позволяли о

похищении мечтать! Однако жаль все-таки, что ничего у них не получилось.

Итак, Кира Алексеевна после Второй мировой войны переехала в Нью-Йорк. Дом, где она жила, располагался в Манхэттене — на Второй авеню, между Восемьдесят третьей и Восемьдесят четвертой улицами. Тут почему-то вспоминается лютеранская кирха недалеко от гимназии, где учились старшие сестры Булгакова. Причина в еще одном интересном совпадении — буквально в нескольких минутах ходьбы от дома Киры Алексеевны, на Восемьдесят четвертой улице, с 1892 года находится лютеранская церковь Сиона и Святого Марка. Видимо, такое соседство не случайно — снова вспомним о немецких корнях Киры Алексеевны.

Нью-Йорк, Вторая авеню. Здесь жила княгиня Кира Алексеевна

Стоит также добавить, что в этом районе издавна селились эмигранты-немцы. Однако на отрезке Второй авеню, между Восемьдесят третьей и Восемьдесят четвертой улицами, находится знаменитый с 1954 года еврейский кошерный ресторан «Дэли» *(Deli),* своим названием обязанный слову «деликатес», а вовсе не столице Индии. В соседнем квартале есть еще одно предприятие кошерного питания — *Park East Kosher.* До особняка миллиардера Блумберга на углу Парк-авеню и Семьдесят третьей

улицы — рукой подать. Словом, весьма занятное местечко.

Если же еще упомянуть, что резиденция Джона Трейна расположена на углу Семьдесят третьей улицы и знаменитой Пятой авеню, что офис семейного фонда разместился на Парк-авеню, совсем неподалеку, а дядя Павла Хлебникова, Аркадий Ростиславович Небольсин, живет на Восемьдесят шестой улице, то многое становится понятно. То есть приходишь к несомненному выводу, что этот драгоценный кусок земли Манхэттена радиусом около километра является если не вотчиной, то хотя бы неким образом утраченной российской земли — усадеб, имений, деревенек. Той самой земли, на которой жили многие поколения Хлебниковых, Козловских, Блохиных, причем жили достаточно безбедно, если не сказать, что в очевидной роскоши, которая многим людям и не снилась.

Ирина Георгиевна Урусова

Но вот что еще выясняется, если покопаться в родословных. Оказывается, Владимир Хлебников в 1945 году спас от расправы коммунистов не просто человека со знакомой фамилией Ламздорф. Оказывается, что спас он одного из своих родственников. А дело в том, что графиня Екатерина Павловна Комаровская имела счастье выйти замуж за графа Константина Николаевича Ламздорфа, деда того самого Григория Ламздорфа. Екатерина же Павловна оказалась тетей Павла Евграфовича, погибшего в Венеции в 1907 году. Впрочем, не стану повторяться.

Одна из внучек княгини Киры Алексеевны, выйдя замуж за

князя Сергея Урусова, также получила право называться княгиней. Однако Ирина Урусова предпочитает жить не на шумном Манхэттене, а несколько в стороне от своей родни — на дальней, северо-восточной оконечности Лонг-Айленда, в курортной местности под названием Восточный Хэмптон. Там, у пруда с очаровательным названием Джорджика, ее родители купили себе дом еще полвека назад. В доме оборудовано что-то вроде художественной студии, где княгиня занимается вязанием ковриков и устраивает выставки своих работ. Вот наиболее характерное название для ее творений — «Целующиеся рыбки». Сразу вспоминаются 50-е годы, когда подобные изделия народного творчества можно было приобрести по сходной цене на ближайшем рынке. Впрочем, с тех пор примитивизм вошел в моду даже в нашей стране — привычных лебедей на куске картона днем с огнем не сыщешь.

Родители Ирины Георгиевны после отъезда из России жили в Бельгии, а когда нацисты вторглись в эту страну, перебрались во Францию. Несколько лет своего детства Ирина провела в оккупированном Париже, а в 1948 году ее отца, Георгия Базарова, пригласили на работу переводчиком в ООН. Надо полагать, и здесь не обошлось без содействия его тезки Хлебникова, устроившегося на ту же работу двумя годами ранее. После переезда в Нью-Йорк Ирина в течение пяти лет занималась в Школе американского балета, основанной Джорджем Баланчиным и Линкольном Кирстеном. Особым дарованием и внешней привлекательностью Ирина не отличалась, однако пыталась компенсировать недостаток природных данных упорным, изматывающим трудом. Это усердие не осталось без внимания отца — видя напрасные старания, чреватые скверными последствиями для здоровья, он наконец-то решился запретить дочери посещение балетной школы.

Позже Ирина училась в школе дизайна, работала преподавателем, рекламным агентом, переводчиком и, наконец, устроилась на должность гида в ООН. Можно предположить, что причиной, как и в случае с ее отцом, стало не только знание трех языков, но и содействие влиятельного родственника. Однако давнее увлечение балетом, природная гибкость и приобретенные в балетной школе навыки не прошли бесследно, приняв совершенно неожиданную форму — Ирина профессионально занялась йогой. То же увлечение стало основным занятием для одной из двух ее дочерей, Анны Урусовой.

В отличие от своей ближайшей родни Ирине удалось побывать в нашей стране еще в ту пору, когда Россия скрывалась от влияния западной цивилизации за железным занавесом. В

июне 1959 года Никита Хрущев и вице-президент Никсон открыли в московском парке Сокольники первую в СССР американскую выставку. Помимо торжественных мероприятий была еще и встреча двух политиков на кухне одного из сборных деревянных домиков, привезенных американцами в Москву. Американцы назвали эту встречу *kitchen debate,* а перевод на «кухонных дебатах» вроде бы обеспечивала внучка княгини Киры Алексеевны. Впрочем, на фотографиях с тех встреч мы видим совсем другого переводчика.

В начале 1983 году Ирина Урусова в качестве переводчицы сопровождала Джона Трейна на церемонию в Букингемском дворце, где Александр Солженицын был удостоен премии Темплтона, присуждаемой *«за особые заслуги в укрепленни духа перед лицом нравственного кризиса в мире».* Не знаю, способно ли подобное мероприятие вызвать нравственное просветление в душах промышленников и финансистов, в частности того же Джона Трейна. Ну очень сомневаюсь! Тем более что привычную для нашего времени благотворительность, когда миллион кладут себе в карман, а гривенник отдают нищему на паперти, вряд ли следует воспринимать серьезно.

Кузьма Терентьевич Солдатёнков

Однако вернемся на несколько десятков лет назад. В 1900-х годах дед Ирины Сергеевны по отцовской линии, сын действительного статского советника Сергей Александрович Базаров служил в Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям вдовствующей императрицы Марии. Мне уже не раз приходилось описывать случаи, когда знатный дворянин выбирает себе жену без дворянской родословной — то ли по любви, то ли по иным соображениям. Вот и Сергей Александрович женился на дочери известного дипломата из семейства состоятельных купцов, действительного статского советника, чиновника особых поручений при МВД Василия Ивановича Солдатёнкова. Фамилия эта в Москве достаточно известная, поэтому расскажу, как все начиналось.

Дед Василия Ивановича, Терентий Егорович, владел большой текстильной фабрикой и несколькими лавками в Москве. После смерти отца, почетного гражданина и купца первой гильдии, старший сын Иван продолжал семейное дело, а Кузьма занялся биржевой торговлей и финансовыми спекуляциями — надо полагать, были у него на то способности. В своих занятиях оба брата немало преуспели.

Кузьма благодаря своему богатству был более известен, чем Иван. К тому же Иван Терентьевич умер рано. Помимо богатства,

другой причиной популярности купца стало его увлечение западничеством. В друзьях Кузьмы Терентьевича числились и Огарев, и Герцен, даже их журнал «Колокол» отчасти издавался на средства Солдатёнкова. Однако сведения о его не вполне патриотичных увлечениях дошли наконец-то до властей. В своем донесении шефу жандармов в феврале 1858 года генерал-губернатор Москвы граф Арсений Закревский писал о нем:

> «Купец Солдатёнков есть раскольник, следовательно, принадлежит к огромнейшей партии недовольных Правительством, и по своему богатству имеет сильное влияние на еретиков-староверов, которые в случае безпорядков вероятно пристанут к анархической партии и тогда горе нашему отечеству, котораго я есть искренний сын и верноподданный Государя».

А началось с того, что на купеческом собрании винный откупщик Василий Кокорев предложил устроить в Москве банкет в честь батюшки-царя. В предложенной им программе было следующее:

> «В день 19 февраля, после молебствия, отправиться на место пира и в боковых залах театра прочитать все речи, приготовленныя в честь дня, дабы для обеда остались одни тосты с немногими при них словами. Все речи должны быть подвергнуты строгому пересмотру. Вот что от них главнейше требуется: доказать, что Россия, ведомая своим Царем, не внимает никаким злонамеренностям, но как не все общество одинаково смотрит на пользу предстоящаго переворота, то гражданство вступает и подает свой голос только с тою целию, чтобы всех ознакомить с будущими выгодами».

Далее предлагались следующие тосты:

> «1. За батюшку царя всероссийскаго, за царя и друга человечества Александра Николаевича. Тост провозглашается пять раз: от сословия дворян, от сословия военных, от сословия ученых, от всех городских сословий в России, от всех сельских сословий в России.
>
> 2. За матушек цариц.
>
> 3. За наследника престола.
>
> 4. За государя великаго князя Константина Николаевича, сердечно и глубоко сочувствующаго державной воли государя в деле улучшения быта

крестьян.

5. За весь царский августейший дом.

6. За благоденствие России.

7. За Москву белокаменную.

8. За всех сражавшихся на море и суше в минувшую войну.

9. За всех содействующих улучшению быта крестьян.

10. За здоровье тех людей, кои не вошли еще в понимание важности и пользы желаемаго государем улучшения быта крестьян. Да смягчатся их сердца, да уяснится их смысл!

11. За всех направляющих ум к истинной пользе.

12. За Царя и всю святую Русь».

В общем, мероприятие намечалось вполне благопристойное — пить русские купцы всегда умели, да так, что ни в одном глазу! Однако хорошо известно, что и в те времена, да и теперь, несогласованная политическая инициатива с мест воспринимается властями не иначе как призыв к народному бунту и покушению на нерушимые устои. В своем доносе Закревский ссылается на другой донос:

«Ваше Сиятельство! В течение 10 летняго управления вашего Москвою тишина и спокойствие господствовали в столице, не смотря на смуты во всей Европе… Всякий благомыслящий и честный человек превозносит Вас до небес, а уж какое спасибо говорят они Вам, Граф, за запрещение возмутительных обедов, которыя уже имеют дурныя последствия. Вот что я слышал 26 сего месяца, проезжая через село Лотошино (Московской губернии, Волоколамскаго уезда), где каждый воскресный день бывает ярмарка и большое стечение народа: „будто бы три купца Василий Александров Кокорев, Кузьма Терентьев Солдатёнков и Семен Александров Алексеев выкупили всех помещичьих крестьян Московской губернии и отдали уже все деньги Государю, потому что он, не имея денег, не мог этого сделать, потом делали по этому случаю обеды, на которых пили здоровье Государя и крестьян; а когда дворяне предложили, чтобы выпили за их здоровье, то купцы от сего отказались, говоря: если бы вы отпустили крестьян даром, тогда мы бы вас поблагодарили, а теперь не за „что“, и пр.“ … Не упустите также из виду, что купец Солдатёнков есть раскольник, следовательно принадлежит к огромнейшей партии недовольных

Правительством, и по своему богатству имеет сильное влияние на еретиков-староверов, которые в случае безпорядков вероятно пристанут к анархической партии и тогда горе нашему отечеству, котораго я есть искренний сын и верноподданный Государя».

Как бы то ни было, для купцов все обошлось без губительных последствий, если не считать запрета на намечавшийся банкет. Весьма образно описывал сложившуюся ситуацию поэт Аполлон Григорьев в письме историку и публицисту Михаилу Погодину — здесь упомянуты фамилии западников, редактировавших издание сочинений Белинского, предпринятое Солдатёнковым:

«Увы! Ведь и теперь скажу я то же… Ведь те поддерживают своих — посмотрите-ка — Кетчеру, за честное и безобразное оранье, дом купили; Евгению Коршу, который везде оказывался неспособным даже до сего дне — постоянно терявшему места — постоянно отыскивали места даже до сего дне. Ведь Солдатёнкова съели бы живьем, если бы Валентин Корш (бездарный, по их же признанию) с ним поссорился, не входя в разбирательство причин…»

А далее поэт писал уже о личном:

«Но если б вы знали всю адскую тяжесть мук, когда придешь, бывало, в свой одинокий номер после оргий и всяческих мерзостей. Да! Каинскую тоску одиночества я испытывал. Чтобы заглушить ее, я жег коньяк и пил до утра, пил один, и не мог напиться. Страшные ночи!»

В такие ночи чего только не привидится!..

Кузьма же Терентьевич спиртным не злоупотреблял, а потому последствия скандала учел и на всякий пожарный случай решил подстраховаться. С тех пор он стал оказывать материальную поддержку не только западникам, но и славянофилам, чем заслужил от Герцена обидное: «Кретин!» Впрочем, деньги от мецената издатель «Колокола» принимал исправно. А вот какие материалы он опубликовал за два года до отмены крепостного права:

«Раз священник Георгиевской церкви не находит в алтаре просфир, приготовленных накануне для служения. Он подивился, но не сказал ничего. Другой раз, третий раз… то же самое! Тут он созвал после

обедни прихожан и объявил им об исчезании просфир. Обыскали церковь и в печке нашли 12-летнюю девочку, которая со слезами объявила, что она скрывается от своего барина, доктора Гутцейта, который ее изнасильничал и за отказ продолжать любодейство сек ее беспощадно, а барыня ревновала и с своей стороны секла, да еще на колени на целый день ставила на битые горшечные черепки. Этого мало: в доказательство своего презрения к малолетству девочки, М-те Гутцейт (урожденная Глебова) приказала девочку спеленать и собственноручно кормила ее соской…»

В то время Гуго-Леонард Гутцейт служил акушером во врачебной управе города Орла. Возможно, кто-то скажет: а какое нам дело до гнусностей свихнувшегося немца? Но вот оказывается, что там же, в статье под заголовком «Помещичьи злодейства в Орловской губернии», упоминаются фамилии богатых русских землевладельцев — Мацнева, Безобразова и Леонида Хлебникова. А это уже совершенно нежданный поворот! Ну не могу поверить, что в Рыбинском уезде Леонид Николаевич играл роль весьма прилежного управителя, предводителя местного дворянства, зато в Елецком уезде, что называется, отводил душу, давая выход низменным страстям. И ведь это же родной брат прадеда Павла Хлебникова — Владимира Николаевича, прославленного генерала, участника Русско-турецкой войны. Вот уж никак не ожидал!

Впрочем, о ратных подвигах Владимира Николаевича узнать ничего не удалось. Но есть информация о подвигах совсем иного рода. В батарее лейб-гвардии Конной артиллерии, которой командовал полковник Хлебников, служил некий подпоручик Эраст Квитницкий. С отличием окончив Пажеский корпус и две военные академии, он успешно применял полученные знания на службе. И вот, вопреки мнению коллег-офицеров, он получает чин штабс-капитана, минуя чин поручика. Как это так? Такого «произвола» его сослуживцы не могли стерпеть. Начались козни и интриги. В итоге Квитницкий был вынужден перевестись в другую часть, из Петербурга он уехал в Варшаву, однако и там недоброжелатели «выскочку» достали, оформив задним числом решение суда чести об исключении Квитницкого из бригады и переслав решение по месту его новой службы.

Тут уж штабс-капитан не сумел стерпеть. Доведенный до отчаяния, он вызвал своих хулителей на дуэль, но, получив отказ, не нашел ничего лучшего, как полоснуть саблей главного обидчика — полковника Хлебникова, командира батареи. Был

суд. И было последнее слово подсудимого, которое своей искренностью потрясло присутствовавших на суде и вызвало овацию в зале:

> «За то, что любил свой род оружия, я подвергался, в течение четырех лет, нравственным истязаниям; у меня отняли здоровье, едва ли не отняли жизнь и даже вещь дороже жизни — честь. Если закон предоставляет человеку право защищать свою жизнь, то, спрашивается, может ли он отнимать у него право защищать свою честь? Я был поставлен в положение человека, которому оставалось одно из двух: или позорно сдаться, или защищаться. Я избрал последнее…»

И тем не менее приговор был достаточно суров — штабс-капитана Квитницкого разжаловали в рядовые и отправили в ссылку, в Туркестан, ну а полковника Хлебникова отставили от службы. Впрочем, вскоре все вернулось на круги своя — Квитницкий был прощен. Со временем оба главных участника скандала дослужились до чина генерала.

Но возвратимся к рассказу о Кузьме Терентьевиче. Меценатство купца имело и еще одно важное направление — он занимался коллекционированием икон и новой русской живописи, чем заслужил немало добрых слов от ценителей искусства.

> «Если бы не Третьяков и Солдатёнков, то русским художникам некому было и продать свои картины: хоть в Неву их бросай».

Эти слова малоизвестного художника Риццони — лучшая благодарность нежданному спасителю. Впрочем, есть свидетельства, что богатый меценат получил звание действительного члена Императорской академии художеств, ни разу за свою жизнь не прикоснувшись к краскам и кистям. Ну, если так, тогда совсем другое дело…

Схожие чувства испытывал и Константин Бальмонт — правда, не к самому Солдатёнкову, а к другому благодетелю, однако и Кузьме Терентьевичу пара добрых слов досталась:

> «Он поистине спас меня от голода и, как отец сыну, бросил верный мост, выхлопотал для меня у К.Т. Солдатёнкова заказ перевести „Историю скандинавской литературы“ Горна-Швейцера и, несколько позднее, двухтомник „История итальянской литературы“

Гаспари».

Но вот среди людей искусства нашелся человек, который относительно Солдатёнкова был иного мнения — это Алексей Боголюбов, в своих «Записках моряка-художника» написавший следующее:

> «Сюда приехал со своею картиною из Рима Александр Андреевич Иванов. Знаю по рассказам, что много тревоги перенес этот знаменитый человек и всяких невзгод. Виною была все-таки его бесхарактерность и неопытность в жизни. Друг его Солдатёнков, купец и кулак, постоянно его сбивал с толку в переговорах с Двором о цене его картины, которую он менял несколько раз. Все это его сильно волновало, и так как время на ту пору было холерное, то после обеда у гр. Кушелева он захворал и скончался».

Можно предположить, что безвестному художнику от Солдатёнкова так ничего и не перепало, отсюда и не столь благожелательная характеристика.

Со временем у Кузьмы Терентьевича возникло намерение жениться, и непременно на иностранке — если дворянство не дают, хотя бы так выделиться среди торговой братии. Однако купец-старовер не мог венчаться с католичкой. Так вот и получилось, что прожил он в гражданском браке с француженкой Клеманс Дюпюи, а сын их оказался незаконнорожденным и потому стал называться — Барышев Иван Ильич.

И все же авторитет в торговой среде, даже женитьба на иностранке не принесли полного удовлетворения купцу. Как водится, Кузьма Терентьевич в своих мечтах прославиться немалые надежды возлагал на сына. Но, убедившись, что в торговых делах от Ивана проку нет, богатый купец пожелал, чтобы сын стал знаменитым литератором. В том и поддерживал его чем мог. Писал Иван под аппетитным псевдонимом Мясницкий, который происхождением своим был обязан улице, где располагался дом отца. Увы, юмористические стишки и короткие рассказы, составившие несколько сборников, спектакли по его комедиям на сцене известного Театра Корша никак не соответствовали славе Льва Толстого или Чехова.

Не удалось сделать из сына великого писателя — ну так и что? Купец не унывал и занялся книгоиздательством. А началось с того, что к нему пришел сын знаменитого актера Михаила Щепкина и предложил учредить книгоиздательскую фирму. Идея Кузьме Терентьевичу понравилась, да еще как! Теперь ему

позволено будет называться издателем и просветителем. И вот вскоре на свет явилось «Товарищество книгоиздания К. Солдатёнкова и Н. Щепкина». Издательство арендовало помещение в доме купца Лухманова на Большой Лубянке, там же открыли и книжный магазин.

С издательством Солдатёнкова сотрудничал уже упоминавшийся мной князь Сергей Николаевич Трубецкой. Вот что в июне 1902 года он писал брату своему Евгению:

> «Милый Женя! Что ты скажешь хорошенького? Я ничего особенно хорошенького не скажу, да и особенно плохого тоже. Живу потихоньку и треплюсь из Меньшова в Москву. Дома перевожу Платона и пишу к нему рассуждения».

Княжна Ольга Трубецкая в своих воспоминаниях поясняет:

> «Перевод „Творений Платона“ был начат В.С. Соловьевым, которому смерть помешала его закончить. По просьбе К.Т. Солдатёнкова С.Н. вместе с М.С. Соловьевым (братом покойного В.С.) взялись закончить этот труд».

Как-то не вяжется одно с другим, ведь к 1902 году Солдатёнков уже умер. Единственное объяснение в том, что работа над переводом изрядно затянулась и продолжалась не один год.

Среди книг, изданных стараниями Солдатёнкова, — «Отцы и дети» Ивана Тургенева, «История России» Сергея Соловьева, «История всемирной торговли» в переводе с немецкого, сочинения Виссариона Белинского и многие другие, в частности, упомянутые Константином Бальмонтом и Ольгой Трубецкой. Впрочем, в своих дневниковых записях Антон Чехов выражает сомнения в наличии художественного вкуса у издателя: «15 февр. Блины у Солдатёнкова. Были только я и Гольцев. Много хороших картин, но почти все они дурно повешены».

Как бы то ни было, меценат вправе был гордиться собой. Однако счастье не может продолжаться вечно. Пришло время, и Кузьмы Терентьевича не стало — богатый купец отправился в мир иной. Вот что по этому поводу писали столичные газеты: «Выдающаяся личность, редкой гуманности и чуткости человек сошел вчера в могилу в лице всеми уважаемого маститого старца Козьмы Терентьевича Солдатёнкова».

По разным оценкам, состояние купца оценивалось то ли в 8, то ли в 15 миллионов рублей. Согласно духовному завещанию,

его жене досталось 150 тысяч рублей, слугам и крестьянам из имения в Кунцеве — 50 тысяч, 100 тысяч велено было раздать бедным, а полмиллиона — на поддержку богаделен. Картинная галерея и библиотека были завещаны Румянцевскому музею. Еще миллион с лишком — на постройку ремесленного училища. Но самая значительная сумма была отписана на постройку больницы для всех нуждающихся, независимо от вероисповедания и сословий. И по прошествии десяти лет в Москве появилась та самая, широко известная Солдатёнковская больница, ныне Городская клиническая больница имени Боткина. Пожалуй, это и стало самым заметным итогом жизни богатого купца.

Что же касается картин из его коллекции, то уже через несколько месяцев они были доставлены в Румянцевский музей. В частности, работы Александра Иванова, создателя произведений на библейские и антично-мифологические сюжеты, были размещены все в том же зале, где собраны другие произведения живописца. Нашлось место и для картины Брюллова «Вирсавия», порванной им в бешенстве из-за того, что никак не удавалась какая-то тень на полотне — художник запустил в картину сапогом.

А вот коллекции книг не повезло. В мае 1908 года в газетах написали: «Выясняются все новые и новые убытки от наводнения; между прочим, на винном Соленном дворе, который был залит водой, погибли склад изданий городского управления и ценная коллекция книг, пожертвованных городу покойным Солдатёнковым».

Завершая тему о наследстве богатого купца, замечу, что кое-какие «крохи», конечно, в сравнении с остальным, достались и не оправдавшему надежд его незаконнорожденному сыну. А вот недвижимость отошла племяннику, Василию Солдатёнкову. О нем дальше и пойдет речь. Впрочем, не только о нем, но и опять же об Америке.

Действительный статский советник Василий Иванович Солдатёнков служил чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел. Объездив чуть ли не всю Европу, побывав за океаном, он так и остался не слишком известной для широкой публики личностью, в отличие от своего дяди, благодетеля. Видимо, связано это было с местом службы, а также с деликатностью поручений, которые приходилось иной раз выполнять.

В июне 1870 года Василий Иванович был «Высочайше утвержден в звании Директора С-Петербургского Попечительного о тюрьмах Комитета». Дело ему было поручено трудное,

поскольку тюрьмы находились в безобразном состоянии и срочно требовалось что-то предпринять. В конце следующего года Солдатёнкова отправляют в Америку для «исследования тюремного вопроса», или, если хотите, для обмена позитивным опытом. Американские газеты отметили его приезд как свидетельство серьезнейших намерений царского правительства в деле реформирования пенитенциарной системы. Был у Солдатёнкова и личный интерес — не зря же он пожертвовал четыреста долларов на нужды американских тюрем. Деньги были поделены поровну между Тюремной ассоциацией Нью-Йорка и Национальной тюремной ассоциацией США. Надо ли пояснять, почему Василий Иванович через несколько дней по прибытии в Милуоки с намерением проинспектировать тамошнюю Школу реформ был избран почетным сенатором от штата Висконсин?

В марте Солдатёнков уже в Южной Каролине, а в июле того же года оказывается на Международном пенитенциарном конгрессе в Лондоне. Прямо скажу, весьма завидная мобильность при тогдашних средствах передвижения, не нынешним чета. Что же касается реальных итогов этой длительной поездки, подумалось было, что вот непременно был составлен объемистый отчет, представлен для ознакомления начальству… Неужто все, как обычно, этим и закончилось? Но нет, слишком уж «животрепещущий» вопрос, можно сказать, наиважнейший для любого государства. И правда, потребовалось лишь несколько лет, чтобы в Москве на месте тюремного замка возвести Бутырскую пересыльную тюрьму, а в Петербурге — не менее знаменитые Кресты неподалеку от Васильевского острова.

Следующая поездка из тех, что вызвали заметный отклик в прессе, состоялась через пятнадцать лет. В декабре 1887 года Василий Иванович прибыл в Берлин со специальной миссией как представитель Министерства иностранных дел. Дело на его долю выпало весьма сложное и щекотливое. А началось оно с того, что графиня Волькенштейн-Тростбург, жена австрийского посла в Петербурге, получила письмо с сообщением о том, что канцлер Бисмарк якобы поддержал на выборах нового правителя Болгарии кандидатуру Фердинанда Кобургского, явно нежелательную для России. Графиня показала письмо не только барону Александру Жомини, советнику Александра III, но и другим противникам сближения с Германией. Царь счел себя обиженным действиями германских властей. Уладить намечавшийся конфликт и должен был Василий Солдатёнков, срочно отправленный в Германию. В присутствии посла России графа Шувалова он переговорил с канцлером Бисмарком, ознакомился с бумагами и в тот же день отбыл обратно в Петербург. Судя по всему, бумаги были

признаны поддельными, и скандал на время удалось замять. Однако самое интересное было все же в другом. Весьма информированная «Нью-Йорк таймс» в своей статье по этому случаю назвала Василия Ивановича… «граф Солдатёнков»! Вот и приходится гадать, то ли ради столь важной встречи племянника известного купца на время возвели в дворянство, заодно наделив графским титулом, то ли этот мнимый титул Солдатёнков заслужил, по мнению своих заокеанских коллег. Такое признание можно было бы рассматривать и как скрытый упрек хранителям традиций нашей бывшей империи, упорно делившим людей на разные сословия. А вот оказывается, что не тот достоин титула, кому он достался по наследству, а тот, кто заслужил его своим трудом.

Вильгельм II и Николай II

Хотелось думать именно так, но все оказывается гораздо проще. С 1856 года право потомственного дворянства имели высшие гражданские чины начиная с действительного статского

советника. А там недалеко и до графского титула за особые заслуги, что, надо полагать, и случилось с племянником купца. Но вот странное дело — царя окружало огромное количество потомственных князей и графов, так неужели среди них нельзя было толкового дипломата подыскать? Да тот же граф Шувалов ведь не для мебели присутствовал при разговоре графа Солдатёнкова с Бисмарком в Берлине!

А между тем тесть Киры Алексеевны, князь Михаил Ионович Козловский, вполне мог быть знаком с графом Солдатёнковым — оба состояли действительными членами Московского фотографического общества. Причем вступили у него в один год, не исключено, что по взаимному согласию. Судя по всему, именно увлечению князя фотографией мы обязаны сохранившимся в архиве его жены фотографиям имения Ивановское-Козловское и Киры Алексеевны с мужем.

Одно из последних упоминаний имени заслуженного дипломата связано с началом Русско-японской войны. Тогда Комитет Царскосельской Общины сестер милосердия открыл в Царском Селе лазарет на десять коек, и было это в доме тайного советника Василия Ивановича Солдатёнкова. Фамилия Солдатёнкова упоминается и среди членов «Высочайше учрежденного особого комитета по усилению флота на добровольные пожертвования». Правда, там фигурирует некто мичман Солдатёнков, представитель флота. Однако можно ли представить, чтобы какой-то мичман заседал в комитете среди адмиралов и других значительных персон, рядом с уже известным нам камергером Шиповым? Скорее всего, речь тут идет о тайном советнике графе Василии Ивановиче Солдатёнкове. Еще один раз его имя упоминается среди тех, кто жертвовал деньги в помощь пострадавшим от страшного наводнения 1908 года. А к 1910 году Василия Ивановича не стало.

Наталина Кавальери

Однако рассказ о Солдатёнковых и об Америке на этом не заканчивается. Было у Василия Ивановича трое сыновей и две дочери. Старший из сыновей, тоже Василий, служил в военном флоте, а выйдя в отставку в звании капитана второго ранга, стал чиновником особых поручений Министерства иностранных дел и состоял при нашем посольстве в Риме. Однако главным его занятием были автогонки. Вот что писал о Василии Васильевиче в своих воспоминаниях князь Феликс Юсупов:

> «Примечательный был тип: умный, спортивный, обаятельный, необычайно волевой и подвижный. Свой гоночный автомобиль он назвал „Лина“ в честь красавицы Лины Кавальери, которую ранее покорил. Женщины сходили по нему с ума. Им нравились его стать, широкие плечи, грубое лицо и его жизнь, как в автомобиле, на всех парах. Женился он на прелестной княгине Елене Горчаковой, но в браке счастлив не был».

Речь здесь идет о Наталине Кавальери, итальянской певице с очаровательным меццо-сопрано, в которую любитель автогонок был в то время влюблен.

В 1904 году Солдатёнков на своем *Brasier* занял первое место

в гонке по маршруту Стрельна — Александровская — Стрельна, пройдя 36 верст за 32 минуты. 18 июля того же года на Волхонском шоссе под Петербургом он установил новый рекорд скорости для России, на своей любимой «Лине» преодолев одну версту с ходу за 36,5 секунды и показав результат 99,477 версты в час. Солдатёнков был первым спортсменом, прославившим Россию в европейских автогонках. 19 марта 1907 года на гоночной машине *Brasier* на состязаниях в Вероне занял первое место в скоростных заездах на дистанциях пять километров и один километр. В июне 1911 года он занял третье место на популярной гонке «Тарга Флорио» на Сицилии, которую с 1906 года ежегодно устраивал сицилийский богатей Винченцо Флорио. В тот раз на автомобиле *Mercedes* Василий Солдатёнков прошел дистанцию 446,469 километра со средней скоростью 42,971 км/ч. После этого успеха его имя узнала вся автомобильная Европа. А в 1912 году на автомобиле *Renault* спортсмен установил новый абсолютный рекорд России — он прошел одну версту за 26,2 секунды, показав скорость 137,4 версты в час (146,47 км/ч).

Автомобильная карьера Василия Солдатёнкова прервалась неожиданно в ноябре 1913 года. Газеты сообщили тогда, что секретарь русского посольства был серьезно ранен в аварии, случившейся неподалеку от Версаля.

Но интересы Василия-младшего в этот период жизни не ограничивались автоспортом.

Есть сведения, что ему удалось разработать оригинальную конструкцию аппарата для шифрования, которую он демонстрировал государю в июле 1912 года на императорской яхте «Нева». За это изобретение Солдатёнков был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени, а позже продолжал дорабатывать свой аппарат во время службы на Балтийском флоте в империалистическую войну. Впрочем, кое-кто утверждает, что изобретателем являлся его брат Кузьма.

Должен сразу сказать, что с братьями Солдатёнковыми нередко возникает путаница. Если учесть, что в газетных статьях начала прошлого века, в воспоминаниях и даже в документах фамилии иногда приводятся без инициалов, можно только посочувствовать исследователям. Неудивительно, что журналисты и историки нечаянно приписывали одному брату дела, в которых отличился другой.

Вот и теперь, встретив в мемуарах журналиста Михаила Лемке упоминание о титулярном советнике Министерства иностранных дел Солдатёнкове, которому надлежало состоять при корреспондентах, допущенных в действующую армию во время Первой мировой войны, могу предположить, что речь здесь

идет о Василии Васильевиче. И все же нет — скорее всего, о его брате Александре.

Однако это не единственное упоминание братьев Солдатёнковых — читаю там же строки, относящиеся к 1916 году:

> «Сегодня я был приглашен к царскому обеду… Когда я вошел, там уже были гофмаршал генерал-майор свиты князь Долгоруков, флигель-адъютант Нарышкин, свиты генерал-майор граф Татищев (состоявший при Вильгельме, когда при царе в обмен состоял генерал Хинц, отличавшийся крайней невоспитанностью и нахальством) и еще кто-то… Царь вышел в форме гренадерского Эриванского полка, которую почти не снимает, изредка меняя ее на другие, без большого разнообразия в выборе…
>
> Я стоял на шестом месте. Со мной рядом, справа, ближе к царю — капитан-лейтенант Солдатёнков, слева — какой-то действит. стат. советник из военных ветеринаров.
>
> Так как я первый раз, то должен представиться:
>
> — Ваше императорское величество, обер-офицер управления генерал-квартирмейстера штабс-капитан Лемке».

Приходится сожалеть, что, представившись, как полагается, царю, обер-офицер не сумел должным образом пояснить, с кем из братьев Солдатёнковых он оказался рядом. Учитывая воинское звание, а также популярность Василия в те предвоенные годы, рискну предположить, что речь в воспоминаниях идет именно о нем.

В конце сентября 1917 года в Нью-Йорке проходил «посольско-консульский» съезд, где несколько десятков чиновников и представители от русской и еврейской колоний обсуждали вопрос об участии в качестве советников в намечавшемся общерусском гражданском съезде. Заседания носили закрытый характер, так что представители русской прессы и посторонние лица не допускались. Среди участников съезда был и Василий Солдатёнков. Увы, никаких существенных решений съезд не принял. Столь же маловразумительна была и деятельность тогдашних представителей России в США.

А ровно через месяц, в тот самый день 25 октября, Василий Васильевич, как и положено заместителю министра иностранных дел, находился при господине Терещенко, в Зимнем дворце, на заседании Временного правительства России. Как пишет в своих воспоминаниях один из участников событий, в 6 часов 30 минут

пополудни все пошли обедать наверх, в столовую председателя правительства Александра Керенского. Дальнейшее известно…

А вот что писала «Нью-Йорк таймс» всего через несколько лет, в марте 1920 года:

> «Господин Василий Солдатёнков с супругой вчера удивили своих знакомых и друзей сообщением о бракосочетании. Избранницей господина Солдатёнкова стала Маделин Риз, племянница Мартина Фогеля, помощника Главного казначея США. Господин Солдатёнков, специальный представитель Временного правительства России ухаживал за мисс Риз какое-то время, однако ни мистер Фогель, ни его жена не давали согласия на свадьбу, поскольку жених был старше их племянницы на семнадцать лет».

Надо заметить, что первая супруга Солдатёнкова, княжна Елена Горчакова, выбрана была им вовсе не случайно — как-никак внучка канцлера Александра Горчакова, бессменного министра иностранных дел России в течение тридцати лет. В придачу к обаятельной супруге была еще вилла близ Сорренто в *Parco del Principi,* которую до сих пор так и называют — «Вилла Горчаков». Богатый дом, вечно голубое небо и теплое море — что еще нужно человеку для счастливой жизни? А нужно было еще кое-что — тут незачем подробно пояснять, понятно, в чем нуждается здоровый и любящий мужчина.

Как оказалось, княжне Елене Константиновне требовалось совсем другое. В то самое время, когда Василий Васильевич пытался обустроить свою жизнь на Северо-Американском континенте, его недавняя супруга купалась в роскоши на своей средиземноморской вилле. Княжну можно было повстречать и на острове Капри, расположенном неподалеку, — особенно часто она навещала свою приятельницу, маркизу Казати, известную более чем странными привычками и образом жизни, который шокировал даже тамошнюю публику. Случалось, она выходила на прогулку в сопровождении двух гепардов, вместо украшений использовала живых змей, а за обедом ей прислуживали полуголые поклонники. Свободные нравы обитателей острова Капри никого не удивляли — в те годы это было в порядке вещей. Недаром Капри называли «гомосексуальным раем» или «островом пороков». Елена Константиновна также не осталась в стороне от модных увлечений — даже среди ее прислуги не было мужчин. Садовники, шоферы, ездовые — все это были только женщины. Стоит ли удивляться, что, по словам князя Феликса Юсупова, семейная жизнь у Василия Солдатёнкова и Елены Горчаковой так

и не сложилась.

Развод Василия Васильевича с княжной — если же быть точнее, то с семейством Горчаковых, утратившим прежнее влияние, — был оформлен за год до следующей свадьбы. Помимо необычных привязанностей княжны, совместной жизни препятствовало и то, что она была старше мужа на шесть лет. В Америке все получалось как раз наоборот, так что сохранялась слабая надежда, что новый брак окажется прочнее. Жили молодые в престижном районе уже упомянутого мной Манхэттена, близ Пятой авеню. Из окна дома открывался вид на Центральный парк и живописный пруд близ его ограды. Кстати, от этих мест не так уж далеко до дома, где поселилась княгиня Кира Алексеевна после того, как переехала на жительство в Нью-Йорк.

Естественно, что сын наследника богатого купца за свою жизнь настолько привык к роскошной жизни, что не мог отказать себе ни в чем, даже утратив прежние доходы. В декабре 1921 года в газете «Нью-Йорк таймс» появилось сообщение о том, что окружным судом Василий Солдатёнков признан должником. Задолженность его перед рестораном и отелем «Риц-Карлтон» составила 1336 долларов и 87 центов. По тем временам это были немалые деньги. Как можно предположить, случилось это еще до новой свадьбы, ну а потом положение выправилось благодаря семейству Риз. Впрочем, все это можно счесть за оговор, если бы газеты правду не узнали.

Повышенное внимание американской прессы к персоне Василия Солдатёнкова было вызвано не столько памятью о его отце, почетном сенаторе от штата Висконсин, но прежде всего активной помощью в работе миссии Элиу Рута в России, за что Солдатёнков удостоился благодарности лично от президента Вудро Вильсона. Целью миссии было заключение выгодных для американской стороны контрактов на разработку природных богатств, а также изучение возможностей для расширения американского экспорта в Россию. Покидая страну, Рут заявил: «Мы уезжаем обнадеженные, радостные и счастливые». В июле 1917 года вместе с миссией в Америку отбыл и Василий Солдатёнков, назначенный специальным представителем Временного правительства в США. С поставками из-за океана амуниции и вооружения правительство связывало надежды на победоносное завершение войны.

А вот очень тонкое наблюдение семидесятитрехлетнего мистера Рута, характеризующее отношение весьма продвинутых американских либералов к населению великой страны:

> «Мы нашли здесь обучающийся свободе класс детей в сто семьдесят миллионов человек, и они нуждаются в игрушках из детского сада; они искренние, добрые, хорошие люди, но они в смятении и захвачены событиями».

Похоже, покровительственное отношение американского истеблишмента к «братьям меньшим» не изменилось и сейчас.

Судя по всему, осенью 1917 года Василий Васильевич Солдатёнков возвратился в Петербург, а после Октябрьского переворота снова отбыл в гостеприимную Америку.

И вот уже осенью 1918 года он рассказывает корреспонденту «Нью-Йорк таймс» о причинах падения империи. Рассказ предваряет характеристика, данная ему американским журналистом:

> «Он мог бы стать математиком или инженером, но поступил на службу в военный флот, а позже проявил свои способности на ниве дипломатии. Чиновник по особым поручениям, он побывал едва ли не во всех европейских государствах, был знаком с виднейшими политиками. И вот теперь прибыл в Америку со специальной миссией от Временного правительства».

Повествование о причинах крушения империи занимает чуть ли не всю газетную полосу — рассказчик необычайно многословен. Он сетует на устаревшее вооружение российской армии, из-за чего она оказалась не способна вести победоносную войну, ругает царских чиновников:

> «Протопопов легкомысленно относился к законным желаниям трудящихся классов, говоря, что они были вызваны интеллектуалами, когда у них на самом деле не было никакого неотложного требования, чтобы предъявить его правительству. Но это была неправда».

И конечно же недобрым словом поминает дипломат российские дороги — надежда снабдить армию американским оружием, доставив его через Владивосток по железной дороге в европейскую часть страны, угасла, стоило проанализировать возможности Транссибирской магистрали.

И вот наконец-то рассказчик переходит к самому главному — к февралю 1917 года. Читаю, с нетерпением жду впечатляющих откровений от свидетеля событий, готов воспринять сколь угодно глубокие и парадоксальные мысли, но… Но странное дело, по

мнению опытного дипломата, было бы хлеба вдоволь в лавках, была бы в изобилии дешевая колбаса — и никакой революции не случилось бы. Ну и ну! Честно говоря, даже обидно такие откровения читать. Вот ведь, оказывается, в чем состояли «законные желания трудящихся классов». Да неужели всему причиной стали голодные желудки?

Увы, в который уже раз приходится делать вывод, что мировоззрение представителя правящей элиты оказалось на том самом уровне, который привел Россию сначала к Февральской революции, а потом и к Октябрю.

Если упомянуть о личной жизни, то как в России, так и в Америке Василию Васильевичу не очень повезло. После восьми лет совместной жизни с Маделин Риз они расстались. Новым избранником мисс Риз стал барон Константин Штакельберг, сын бывшего церемониймейстера двора Его Императорского Величества. Похоже, что после Октябрьского переворота у тамошних невест был исключительно богатый выбор женихов среди российских баронов, князей и «прочих графов».

Ну а Василий Солдатёнков, обиженный и на бывшую жену, и на эту хваленую Америку, вернулся в Европу и обосновался в Риме, где когда-то служил. Как утверждают, даже в пятьдесят лет Василий Васильевич был неотразим, а потому стоит ли удивляться, что и в Италии недолго оставался неженатым. Однако имя его третьей спутницы жизни я вам не назову — просто потому, что сам его не знаю. Вот что доподлинно известно, так это то, что у Василия Васильевича родилась дочь, Донателла Солдатёнкова. Судя по всему, Донателла была очень хороша собой — в 1956 году ей удалось покорить сердце девятого герцога Риарио Сфорца, тринадцатого маркиза ди Корлето и барона Монтепелозо, десятого принца ди Ардоре, восьмого герцога ди Сан Пауло, шестнадцатого маркиза ди Полистена… Прочие титулы не стал перечислять, поскольку тут немудрено и ошибиться. Не удивляйтесь, это все один и тот же человек — Никола Риарио Сфорца, итальянский аристократ с богатой родословной. От брака Николы с Донателлой родились дочь с сыном, Домитилла и Джованни, само собой столь же родовитые, как и их отец. Однако всякому счастью когда-то настает конец — в начале 70-х герцог и принц в одном лице нашли себе молоденькую шведку.

Увы, дедом Солдатёнкову стать не удалось — за двенадцать лет до свадьбы дочери Василия Васильевича не стало. Похоронили его на кладбище Тестаччо, где покоится и прах княжны Елены Горчаковой, первой из трех жен.

Младший сын Василия Ивановича Солдатёнкова, Александр, был хорунжим лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка, а позже поступил на службу в Министерство внутренних дел, во Второе политическое отделение, которое контролировало деятельность охранки на местах. Работа его на этом поприще покрыта мраком тайны, так же как и обстоятельства жизни после Октябрьского переворота. Во всяком случае, служба в должности адъютанта командира 23-го Печорского пехотного полка в армии Юденича остается под вопросом. Известно лишь, что в апреле 1920 года он оказался в Англии. Там же нашли пристанище и многие другие русские эмигранты, в том числе бывший Главнокомандующий белыми войсками на Юге России Антон Иванович Деникин.

Вот что докладывал о первых днях пребывания Деникина в Туманном Альбионе бывший поверенный в делах России в Англии Евгений Саблин — письма направлялись из Лондона в Париж тамошним вождям Белого движения:

> «Я не имел еще случая подробно поговорить с генералом Деникиным. Я увижусь с ним сегодня вечером. Но из того, что он сказал А.В. Солдатёнкову (один из секретарей посольства), заключаю, что генерал Деникин прежде всего желает, чтобы его оставили в покое. Он намерен поселиться где-либо в окрестностях Лондона и отдохнуть. Затем, сказал генерал Деникин, мы посмотрим».

Что ж, возможно, и успели посмотреть… Но по большому счету, смотреть-то было уже некуда. И Антон Деникин, и прочие вожди Белого движения утратили возможность существенно влиять на события в России. Пора было подумать прежде всего о том, как бы устроить свою жизнь в эмиграции, вдали от границ отвергнувшей их России.

Александру Васильевичу со временем вроде бы это удалось. Но прежде чем рассказать о его жизни в 40-х годах, перескажу странную историю, описанную британским историком с русскими корнями Николаем Дмитриевичем Толстым-Милославским. Опубликованный в 1978 году его объемистый труд под заголовком «Жертвы Ялты» повествует о депортации в СССР русских эмигрантов, содержавшихся в британских лагерях для перемещенных лиц после Второй мировой войны. Там есть такие строки:

> «Капитан Солдатёнков, русский эмигрант, работавший в английской разведке, представил отчет из

> лагеря в Кемптон-Парке об обширном заговоре, организованном русскими эмигрантами с целью воздействовать на лояльность советских военнопленных в отношении коммунистической партии и государства. Солдатёнков утверждал, что нити заговора, задуманного Русской Православной Церковью за рубежом, дотянулись из Сербии до Лондона, а теперь уже — до лагерей на севере Англии. Возглавляли, дескать, этот заговор бывший командир московского гвардейского полка генерал Гальфтер, председатель эмигрантской партии „младороссов“ Джордж Кнупфер и княгиня Мещерская» (Архив военного министерства Великобритании, 32/1119, 26A — B, 29A).

История малоприятная для «чистоплотных» англичан и еще менее «приятная» для депортированных русских, поскольку в результате этой акции многие из них оказались в советских лагерях. Помимо Солдатёнкова в книге фигурирует и упомянутый чуть выше Евгений Саблин, «представитель общины русских беженцев в Соединенном Королевстве», как значилось на его визитных карточках. Упоминание этого влиятельного деятеля эмиграции связано с судьбой некоего Александра Романова, который, опасаясь за свою жизнь после депортации, бежал из лагеря и явился к Саблину, надеясь на его помощь. Вот что написано в книге Толстого-Милославского:

> «Саблин внимательно выслушал гостя, задал пару вопросов насчет английского офицера и, сказав, что ему надо позвонить, вышел из комнаты. Действительно, он направился в свой кабинет и позвонил в министерство внутренних дел и в военное министерство… Примерно через час после телефонного разговора раздался звонок в дверь, и в комнату торопливо вошел капитан Солдатёнков, служивший, как сказано в отчете военного министерства, „связным между министерством и советскими властями“ (Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 26B). Задав юному Романову несколько вопросов, он отправился писать отчет».

В принципе, если сопоставить уже известные нам факты, все как будто бы указывает на Александра Васильевича Солдатёнкова — ведь до империалистической войны служил он в МВД, курируя охранку, и появление его в английской разведке выглядит вполне логичным с учетом знания им русского языка. Да и с Евгением Саблиным сотрудничал еще с 1920 года. Но вот что написано в

книге по поводу пресловутого отчета об «обширном заговоре»:

> «На самом деле рапорт капитана Солдатёнкова предназначался для того, чтобы впоследствии, когда между советскими представителями и пленными в лагере установится контакт, объяснять страх пленных перед возвращением в СССР происками эмигрантов».

И далее:

> «Саблин… к тому времени уже перешел на службу к Советам (о его прежней деятельности в этой области имеется информация в Архиве министерства иностранных дел Великобритании, 371/29515, № 4115). Саблин всеми силами старался получить информацию о попытках эмигрантов во Франции помочь освобожденным советским гражданам (см. там же, 371/51130)».

Что подразумевается под «прежней деятельностью в этой области», для читателя останется загадкой. А в примечаниях сказано уже о работе Солдатёнкова на советскую разведку, причем без каких-либо туманных ссылок на «прежние дела» и вообще без всяких доказательств, «весомо, грубо»: «Солдатёнков был двойным агентом, оказывавшим за деньги „услуги“ Советам».

Можно подумать, что Толстой-Милославский был посредником при передаче денег, однако боюсь, что в юном возрасте такие поручения были ему явно не по силам. Но не в этом дело — сразу по прочтении книги возникает вопрос о достоверности выдвинутых обвинений. И тут можно сослаться на слова автора, написанные им в примечании по поводу тех литературных источников, которыми он пользовался при написании книги: «В основе всех этих трудов лежат по большей части свидетельства русских эмигрантов… В некоторых из них использовались свидетельства англичан и американцев, ранее игнорируемые или недоступные».

Откуда эмигранты и причастные к депортации американцы и англичане могли знать о нелегальной деятельности Солдатёнкова и Саблина — это даже не стоит обсуждать. Тем более что Саблин, основатель «Русского дома» и один из самых уважаемых русских эмигрантов в Лондоне, после описанных событий прожил еще несколько лет, не имея конфликтов ни с британскими спецслужбами, ни с законом Соединенного Королевства. А вот Толстому куда меньше повезло — в одной из своих книг он выдвинул обвинение в причастности к военным преступлениям

бывшего генерала и британского политика лорда Алдингтона. Лорд обиделся, подал в суд и выиграл дело, чуть было не оставив Толстого «без штанов». От банкротства клеветника спас Европейский суд по правам человека, который счел иск в размере двух миллионов фунтов стерлингов чрезмерным и «нарушающим свободу выражения своего мнения». Если все-таки было в книге Толстого недоказанное обвинение, тогда по поводу последнего перла служителей Фемиды просто нечего сказать — остается только развести руками. Впрочем, чего еще ждать от так называемого «независимого» суда? С лордом да и с нашими олигархами не очень-то поспоришь…

А теперь, разобравшись в особенностях творческой манеры Толстого-Милославского, обратимся к документам из Государственного архива РФ. Вот выдержка из письма руководителя ГРУ уполномоченному Совмина СССР по делам репатриации:

> «Среди английских офицеров, работающих с русскими военнопленными в лагере Кэмптон Парк (пригород Лондона), имеется некий капитан Филипсон — русский белогвардеец, настоящая фамилия которого Солдатёнков. Филипсон-Солдатёнков производил большое количество допросов советских военнопленных с целью получения сведений о Красной Армии… Филипсон-Солдатёнков утверждает, что основная масса русских пленных желает возвратиться в СССР и не является враждебно настроенной к Советскому правительству, хотя и опасается расследований, ожидающих их по возвращении домой».

Если учесть, что Василий Иванович Солдатёнков был женат на дочери наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал-лейтенанта Григория Ивановича Филипсона, то с личностью капитана Филипсона действительно все ясно — Александр Васильевич, работая в британской разведке, взял себе фамилию матери. Ясно и то, что о работе на советскую разведку речь здесь не идет — Солдатёнков честно выполнял свой долг, однако не считал возможным препятствовать возвращению бывших советских военнопленных на родину путем запугивания и обмана.

Однако не бывает дыма без огня. В пользу версии о наличии в окружении Саблина советского агента могут свидетельствовать строки из воспоминаний генерала Судоплатова:

> «Еще один видный деятель эмиграции, который

находился под нашим контролем, — Евгений Васильевич Саблин. Маклаков — крупный государственный деятель дореволюционной России. В октябре 1917 года был послом Временного правительства. Нам удалось полностью контролировать всю его почту, к которой в Кремле проявлялся вполне закономерный интерес. Ибо в переписке Маклакова с Саблиным и Штрандманом давались оценки крупных событий того времени. Причем комментарии были не только по материалам открытой прессы, но и по важнейшим источникам министерств иностранных дел Франции и Великобритании».

Но вот беда, в книге одного из руководителей советской разведки нет и намека на Александра Солдатёнкова. Но в то же время сообщаются имена реальных агентов ОГПУ — НКВД: «Благодаря деятельности закордонных агентов Дьяконова и Третьякова мы подобрали ключи к еще двум российским эмигрантам — Милюкову и Маклакову».

Впрочем, верно и то, что Евгений Васильевич Саблин, оставаясь противником советской власти, довольно трезво оценивал политическую обстановку и потому даже сотрудничал с советскими властями, если это шло на пользу эмигрантскому сообществу, — он этого и не скрывал. Однако любителей мазать черной краской все, что происходит в СССР, Саблин если и не презирал, то уж наверняка относился к ним с явным недоверием. Вот и в письме Глебу Струве в ноябре 1930 года он дает такую характеристику значительной части русской эмиграции: «Средний русский обыватель более тянется… за разоблачениями невозвращенцев».

Пожалуй, этот вывод актуален и теперь. Тем более что «невозвращенцев» и в родном отечестве вполне хватает.

А между тем не только Саблин был чист перед своей совестью и перед законом. Александр Солдатёнков тоже дожил до преклонных лет, так и не дождавшись обвинений в работе на советскую разведку. Более того, сделал карьеру в Королевских ВМС, был женат на англичанке. Вот о его безуспешных попытках создать прочную семью расскажу чуть-чуть подробнее.

В 1936 году сорокадевятилетний капитан британского флота Солдатёнков сочетался браком с тридцатилетней англичанкой — звали ее Имоджен Мэтью. Увы, брак оказался неудачным, и через два года Имоджен обрела душевный покой в объятиях сэра Энтони Джеддса из лондонского Челси, сына бывшего министра транспорта и члена британского парламента. В течение следующих двенадцати лет счастливая миссис Джеддс родила

сэру Энтони пятерых детей — троих мальчиков и двух девочек. Да в прежнем браке ей такое и не снилось!

И только дослужившись до майора, при этом постарев на пятнадцать лет, Александр Васильевич решает снова попытать счастье и вновь женится в надежде на удачу. Его избранницей на этот раз стала дочь генерал-майора Королевской авиации, погибшего в авиакатастрофе. Мисс Дороти Бранкер в семейной жизни тоже не везло — это была ее вторая попытка создать семью. Так уж случилось, что с новой женой Александр Васильевич и года не прожил — в 1954 году майора Солдатёнкова не стало.

Вот написал про жен Александра Васильевича и думаю: а какое мне дело до того, кто на ком женился? Чего доброго, еще заслужу репутацию соглядатая, подсматривающего сквозь замочную скважину за уважаемыми людьми. Ну разве что удалось с их помощью снять гнусные подозрения с потомка богатого мецената и издателя.

И тут в голову приходит мысль, что неспроста рассказал об этом столь подробно. А все потому, что фамилию Джеддс я уже встречал, причем не далее чем несколько месяцев назад, когда в Интернете натолкнулся на странный опус под названием «Комитет 300. Тайны мирового правительства», написанный бывшим сотрудником британской разведки МИ-6 Джоном Колеманом. Опус столь же странный, сколь и лишенный серьезных аргументов в пользу точки зрения автора. Ну, честно говоря, давно уже надоели всем сказки про тайные ордена и про влиятельных масонов. Единственное, что ценного в этой книге есть, — это перечень людей и организаций, сосредоточивших в своих руках огромную власть, прежде всего благодаря своим связям и финансовым возможностям. И вот читаю длинный список… Ба! Да тут знакомые все имена. Во-первых, сэр Рей Джеддс, отец сэра Энтони и председатель совета директоров всемирно известных компаний *Dunlop* и *Pirelli,* член совета директоров *Midland Bank* и *International Bank,* а также член совета директоров *Bank of England.* Затем уже упоминавшийся мной Рассел Трейн, брат Джона Трейна и президент американского отделения «Всемирного фонда дикой природы», действовавшего под патронатом принца Филиппа и «Римского клуба», когда-то весьма влиятельного в политических кругах. Ну и конечно же граф Витторио Чини со своим одноименным «Фондом». Ну и дела! Вот собирался написать о том, как тосковала вдали от родины княгиня Кира Алексеевна, какие мысли могли возникнуть у нее после прочтения «закатного» романа, а вышло-то совсем не так. Неужто название главы само собой так трансформировало

содержание, заставив автора сделать немыслимый зигзаг?

Пожалуй, оставлю эту загадку на потом, ну а сейчас продолжу рассказ о семействе Солдатёнковых, тем более что, как мы увидим дальше, и в этом деле неясностей пока хватает.

Еще один сын Василия Ивановича Солдатёнкова — Кузьма. Из отрывочных и подчас противоречивых сведений складывается примерно следующая картина. После окончания Морского корпуса — служба в звании мичмана на эскадренном броненосце «Император Николай I», затем на крейсере «Владимир Мономах» и миноносце «Внимательный». В Цусимском сражении Кузьма Васильевич участвовал в качестве вахтенного начальника на крейсере «Олег». А в январе 1907 года был издан приказ Морского ведомства о зачислении лейтенанта Солдатёнкова в список «офицеров подводного плавания». Позже Кузьма Васильевич оказался причастен к сооружению памятника в память погибшим в Русско-японской войне. С началом же новой войны будто бы занимался шифрами в Главном Морском штабе, за что награжден был орденом Святого Станислава 2-й степени.

Есть и другие сведения о его флотской службе, которые не берусь ни подтвердить, ни опровергнуть. Весной 1904 года Главный Морской штаб начал формирование экипажей подводных лодок для отправки на Дальний Восток. Среди морских офицеров, выразивших желание служить в подводном флоте, был и некий Солдатёнков. В начале следующего года суда вместе с экипажами по железной дороге прибыли во Владивосток. Однако до использования подлодок в боевых действиях дело, увы, так и не дошло — то лодка сядет на мель, то что-то разладится в механизмах. Особенно не повезло подводной лодке «Дельфин», на которой произошла серьезная авария. После этих неудач ряд офицеров был переведен на надводные суда, где их умение реально пригодилось. Впрочем, перевод Солдатёнкова на крейсер «Олег» мог состояться еще во время пребывания в Петербурге.

Кузьма Васильевич Солдатёнков

Так или иначе, Кузьма Васильевич вместе с крейсером в итоге оказался на Тихоокеанском флоте. По окончании Русско-японской войны он числился в 17-м флотском экипаже Кронштадтской военно-морской базы на Балтийском флоте. Есть даже сведения — видимо, со слов его потомков, — что за работу в шифровальном отделе во время империалистической войны он награжден был орденом Почетного легиона, а также английским орденом «За выдающиеся заслуги». Не слишком ли много орденов?

Во всяком случае, следует признать, что из трех братьев Кузьме Васильевичу больше остальных «свезло». Тесть Николай фон Розен — генерал-майор, барон. Думаю, не без его участия Кузьма Васильевич получил и звание камер-юнкера, и место в совете Русского общества пароходства и торговли, где числился и сам фон Розен. Однако и это еще далеко не все — куда приятнее была родственная связь с семейством графов Канкриных. Уж так случилось, что сын тестя, Константин фон Розен, женился на дочери шталмейстера Высочайшего Двора, сенатора и тайного советника. Такая удача редко выпадает, хотя, конечно, больше не Кузьме, а Константину повезло.

После революции Кузьма Васильевич вместе с семьей оказался в Англии, но что-то ему там не понравилось, и перебрался вновь на материк. Работал директором гольф-клуба в Морфонтене, под Парижем. Клиентуру клуба составляла французская знать: герцог де Гиш, граф Д'Арамбюр, маркиз де Лаборд, граф де Сент-Савьер, барон Эдмон де Ротшильд… В должности директора Солдатёнков заслужил немало похвалы от

титулованных любителей столь почтенного занятия, каким является гольф. Во время Второй мировой войны его находчивость способствовала продолжению работы клуба даже в условиях фашистской оккупации. Что ж, каждому свое — одни сражались с ненавистным врагом, другие гоняли мячик по лужайке.

На этом историю Василия Ивановича Солдатёнкова и трех его сыновей можно было бы закончить. Но вот читаю:

> «Январь 1902 года. Международный шахматный турнир в Монте-Карло. Турниру покровительствовали выдающиеся любители шахмат из многих стран, как указано в следующем списке…»

И вот среди сиятельных персон, помимо князя Дадиани, фон Бюлова, барона Ротшильда, князя Кантакузена, обнаруживаю… кого бы вы думали? Да все того же Василия Ивановича Солдатёнкова. А он-то как сюда попал?

Пришлось покопаться в шахматной литературе, и вот что выяснилось.

Итак, в ноябре 1900 года некто Солдатёнков выиграл шахматную партию у Дурново. С кем конкретно из многочисленного семейства Дурново была сыграна та партия, истории осталось неизвестно.

В 1909 году в знаменитом «Кафе де ля Режанс», шахматной Мекке Парижа, «В. Солдатёнков» в паре с Давидом Яновским выиграл партию у самого Ласкера, игравшего на пару с Таубенхаусом. Кстати, это кафе было расположено близ набережной Лувра, на узкой улочке Байе, где даже машина не проедет. Видимо, это вполне устраивало шахматистов, предпочитающих думать в тишине.

Любопытно, что Ласкер попытался если не скрыть этот свой позор, то как-то оправдаться после проигрыша:

> «Это была не игра, а всего лишь консультация. М. Солдатёнков, российский дворянин, состоящий при посольстве в Риме, хотел вместе с Яновским проконсультироваться со мной и Таубенхаусом».

И все же, исказив имя, Ласкер был вынужден сказать несколько добрых слов о победителе:

> «М. Солдатёнков — игрок далеко не заурядный».

А между тем три игры Василия Солдатёнкова включены в

книгу «100 лучших коротких партий», изданную в Нью-Йорке в 1955 году. Это, прежде всего, игра в апреле 1902 года в Петербурге с Георгом Фюрстом — здесь, возможно, речь идет о баварском музыканте либо о предке известной венгерской шахматистки Эвы Каракаш, урожденной Фюрст. Вторая игра проводилась также в Петербурге, и в ней противником Солдатёнкова, как сказано в книге, был некто А.И. Барасов. Ну а в 1912 году в том же парижском «Кафе де ля Режанс» Солдатёнков выиграл у молодого французского шахматиста Фредерика Лазара, кстати, новоявленного чемпиона Франции. По поводу последней партии в шахматной газете написали:

> «Блестящий русский любитель провел ее с безукоризненной точностью и логикой. Мы считаем господина Солдатёнкова одним из наиболее сильных парижских игроков».

И наконец, вот что сообщили американские газеты в ноябре 1917 года:

> «Среди новых членов Манхэттенского шахматного клуба — Василий Солдатёнков из посольства России в Вашингтоне, имеющий репутацию отличного игрока. Согласно мнению Франка Дж. Маршалла, чемпиона США, который играл с ним и с М.И. Терещенко, министром иностранных дел России, они показали исключительный профессионализм в шахматной стратегии».

Кстати, у чемпиона США Солдатёнков тоже выиграл — всего за двадцать один ход.

А в подтверждение личности победителя скажу, что среди членов Санкт-Петербургского шахматного собрания в 1907 году был именно Василий Васильевич Солдатёнков.

Итак, в этом деле наступила ясность. Видимо, следует признать, что увлечение шахматами можно сочетать с автомобильным спортом — естественно, если не обдумывать шахматные комбинации, сидя за рулем. Понятно и покровительство Василия Ивановича шахматному турниру в Монте-Карло. И все же некоторые сомнения остаются. А что, если участником автогонок был все же Александр — ведь длительное время журналисты так считали? В июле 1904 года в газетах было написано:

> «Московский миллионер Александр Солдатёнков на

> 40-сильном автомобиле „Жорж Ришар“ прошел версту с хода на Волхонском шоссе за 362 с, показав скорость 106,091 км/ч».

Есть также сведения, что Александр участвовал в турнире шпажистов на Олимпийских играх 1912 года. Весьма возможно, что и так. То есть что Александр увлекался и фехтованием, и автогонками. Василия же привлекала быстрая езда только в том случае, когда на сиденье рядом с ним располагался князь Юсупов или — того лучше — весьма привлекательная молодая дама. Да, очень это необычное сочетание — почти профессиональное увлечение автоспортом, предполагающее прежде всего быструю реакцию, выносливость, и шахматы, где требуются интуиция и тонкий расчет. И если бы речь не шла о блицтурнирах, я бы не поверил, что Василий Васильевич такими малосовместимыми дарованиями обладал. А тут еще в недавно изданной книге о подводном плавании в России его и в подводники успели записать. Ну, это уже явный перебор, разве что под водой он ездил на своем автомобиле…

Ко всему сказанному надо бы еще заметить, что быстрый ум и шахматная подготовка отнюдь не гарантируют интеллектуального превосходства там, где речь заходит о политике. Надеюсь, в этом вы убедились, прочитав суждения Василия Солдатёнкова о причинах гибели империи в 1917 году.

Казалось бы, не так уж плохо про Солдатёнковых в этой книге написал — ну, не всегда в восторженных тонах, но, в общем, более или менее благожелательно. Однако вот прочитал рассказ Василия Шукшина «Чужие», и появились у меня сомнения. Так что же там написано?

> «Попалась мне на глаза одна книжка, в ней рассказывается о царе Николае Втором и его родственниках…»

Далее якобы цитируется эта книжка, а речь в приведенном отрывке идет о великом князе Алексее Александровиче:

> «Ни один подряд по морскому ведомству не проходил без того, чтобы Алексей с бабами своими не отщипнул (я бы тут сказал — не хапнул. — *В. Ш.)* половину, а то и больше. Когда вспыхнула японская война, русское правительство думало прикупить несколько броненосцев у республики Чили. Чилийские броненосцы пришли в Европу и стали у итальянского города Генуи. Здесь их осмотрели русские моряки. Такие

броненосцы нашему флоту и не снились. Запросили за них чилийцы дешево: почти свою цену. И что же? Из-за дешевизны и разошлось дело. Русский уполномоченный Солдатёнков откровенно объяснил:

— Вы должны просить, по крайней мере, втрое дороже. Потому что иначе нам не из-за чего хлопотать. Шестьсот тысяч с продажной цены каждого броненосца получит великий князь. Четыреста тысяч надо дать госпоже Балетта. А что же останется на нашу-то долю — чинам морского министерства?

Чилийцы, возмущенные наглостью русских взяточников, заявили, что их правительство отказывается вести переговоры с посредниками, заведомо недобросовестными. Японцы же, как только русская сделка расстроилась, немедленно купили чилийские броненосцы. Потом эти самые броненосцы топили наши корабли при Цусиме.

Госпожа Балетта, для которой Солдатёнков требовал с чилийцев четыреста тысяч рублей, — последняя любовница Алексея, французская актриса. Не дав крупной взятки госпоже Балетта, ни один предприниматель или подрядчик не мог надеяться, что великий князь даже хоть примет его и выслушает».

История с чилийскими броненосцами и российскими казнокрадами оказалась весьма и весьма запутанной. А началась она за несколько лет до Русско-японской войны, когда Аргентина и Чили, готовясь к разрешению пограничного спора, заказали на европейских верфях несколько крейсеров и броненосцев. Однако конфликт удалось уладить мирным путем, и согласно условиям договора пришлось несостоявшимся воякам распродавать уже готовые или строящиеся корабли.

В апреле 1903 года упоминавшийся ранее министр иностранных дел граф Ламздорф направил в Морское ведомство копию донесения посольства в Риме о предложении итальянской судостроительной фирмы «Ансальдо» купить два броненосца, предназначенные для Чили. В ответ начальник Главного Морского штаба контр-адмирал Рождественский сообщил, что флот не нуждается в таких судах. Согласно одной из версий, в декабре того же года Главный Морской штаб отклонил и предложение британского посредника купить строящиеся в Италии крейсера для Аргентины. Как утверждают, в конце того же месяца эти суда были куплены Японией.

Согласно другой версии, чилийское правительство через

торговый дом Ротшильдов предложило российскому Морскому ведомству купить два броненосца, однако сделка не состоялась. Когда чуть позже интерес к этим судам возник у Японии, российские власти передумали, но было уже поздно — в дело вмешалась Великобритания, не желавшая усиления ни той ни другой страны. В итоге чилийские броненосцы были куплены для Королевского британского флота.

Если же верить третьей версии, то в предложении фирмы «Ансальдо» речь шла об аргентинских крейсерах, которые и достались в итоге императорской Японии.

А вот мнение на этот счет тогдашнего министра финансов Владимира Коковцева:

> «Долго тянулось это дело. Немало крови испортило оно мне, но кончилось почти анекдотически. После нескончаемых разговоров и встреч решено было купить четыре чилийские броненосца, известны были и их имена, продажная цена за них была установлена в 58 миллионов рублей, подлежащих выплате в Париже, через дом Ротшильда, но не иначе, как в момент получения телеграммы и принятия судов под нашу команду. Адмирал Абаза получил приказание выехать в Париж, вести там переговоры…»

Как видим, нет уже речи об аргентинских крейсерах, ну а количество чилийских броненосцев прямо на глазах чуть ли не зашкаливает. Что уж говорить, если на одном из справочных сайтов в Интернете, сообщающем о масштабах намечавшейся сделки, упоминается семь аргентинских крейсеров. Далее читаем запоздалые оправдания министра после того, как Абаза вернулся из Парижа ни с чем:

> «Были ли вообще эти чилийские броненосцы в действительности или же, — как я думаю — их вовсе не было никогда. Чилийское правительство и не помышляло продавать их нам, а все хитро задуманное предприятие существовало лишь в воображении всевозможных посредников, рассчитывавших на легкомыслие наших представителей. Как бы то ни было, мне удалось спасти деньги, но Адмирал Абаза не раз утверждал после этого, что броненосцы были и если бы ему дали свободу действий, то все было бы сделано, а благодаря моим спорам, японцы все узнали и пригрозили чилийскому правительству войною, если только оно вздумает продать нам свои суда. Все это,

конечно, чистейший вздор, и Государь не раз говорил мне, что он вполне уверен в том, что все это было задумано с целью получить наши деньги, не давши нам никаких судов».

Кто о чем, а министр финансов — о деньгах. Ну что ж, деньги, конечно, сохранили, но потеряли Тихоокеанский флот, а взамен того получили революцию — речь о событиях 1905 года.

И все же есть ли основания утверждать, будто во всем виноваты казнокрады? Прав ли был Шукшин, обвиняя Солдатёнкова? Если учесть, что корабли строились на итальянских верфях, если припомнить, что граф Ламздорф ссылается на донесение нашего посольства в Риме, то многое в этих обвинениях выглядит правдоподобно. Стоит еще упомянуть и фигуру главного морского начальника России в то время — великого князя Алексея Александровича. Вот строки из романа Пикуля «Нечистая сила»:

> «В день получения известия о цусимской катастрофе русского флота его „шеф“ — великий князь Алексей, дядя царя — был в Михайловском театре, на бенефисе своей любовницы балерины Элизы Балетта».

За исключением самого царя, его окружение было, по-видимому, не высокого мнения об Алексее Александровиче. Последствия его забав недобрым словом поминает и великий князь Александр Михайлович:

> «Это беззаботное сосуществование было омрачено, однако, трагедией: несмотря на все признаки приближающейся войны с Японией, генерал-адмирал продолжал свои празднества и, проснувшись в одно прекрасное утро, узнал, что наш флот потерпел позорное поражение в битве с современными дредноутами Микадо. После этого Великий Князь подал в отставку и вскоре скончался».

В общем, в этой истории все вроде сходится, за исключением одного: факт получения взятки остался недоказанным. Речь, разумеется, не о покупке аргентинских крейсеров, но об утверждении мнимого посредника в незаконной сделке, дипломата Солдатёнкова, будто великий князь от суммы каждой сделки имеет соответствующий «откат». Можно обратить внимание и на такие слова в рассказе Шукшина: «Чилийские броненосцы пришли в Европу и стали у итальянского города

Генуи».

Но это уж точно противоречит фактам, из чего можно сделать однозначный вывод — рассказ Василия Макаровича основан исключительно на слухах и на домыслах.

С другой стороны, алчность царских чиновников и членов царской семьи не вызывает у меня сомнений. А между тем за полвека, которые предшествовали Русско-японской войне, наш флот пополнился тридцатью судами, построенными на французских верфях. Всего же за это время за рубежом было построено более ста судов, однако ни одного — в Италии.

Так было ли казнокрадство и принимал ли участие в этих недостойных сделках представитель Морского ведомства при посольстве в Риме лейтенант Василий Солдатёнков? Да было, было! Но при чем тут незаурядный шахматист и знаменитый автогонщик? Кому понадобилось возводить напраслину на славного Василия Васильевича и зачем? Неужто и теперь есть у него завистники?

В общем, прихожу к выводу, что можно было бы об этом не писать, однако уж тема очень актуальная — вот ведь воруют и будут воровать. И так будет до тех пор, пока алчность является стимулом и основой для прогресса. Разумеется, речь о прогрессе материальном — о прочем же теперь не модно вспоминать.

И все же остаюсь в недоумении — кому и чем не угодили Солдатёнковы? Все началось с доноса на Кузьму Терентьевича, написанного в 1859 году. Затем Александра Васильевича в 1945 году записали в советские агенты. Теперь вот Василия Васильевича обозвали взяточником и казнокрадом. Кому и зачем все это надо? Положим, Шукшина с его рассказом еще как-то можно было бы понять и даже простить — на больничной койке в голову может прийти и не такое. Но вот что странно, свой рассказ он написал в 1974 году, и в это же самое время Толстой, тот, который Милославский, работал над своим опусом, опубликованным по прошествии несколько лет, — тогда-то и был вылит ушат грязи на Александра Солдатёнкова. Так что же это — простое совпадение или чья-то злая воля? А может, кто-нибудь из Солдатёнковых так сильно нагрешил, что вот оно и отзывается на судьбе его потомков?

Но есть обстоятельство, способное окончательно очистить память Василия Васильевича Солдатёнкова от необоснованных наветов и гнусных подозрений, по крайней мере в моих собственных глазах. В феврале 1903 года в Зимнем дворце был устроен костюмированный бал, в котором приняли участие многие знатные персоны. Среди них были и Елена Солдатёнкова, урожденная княжна Горчакова, и ее муж, мичман Василий

Солдатёнков. Был там и лейтенант флота Сергей Федорович Левшин, которому в будущем предстояло стать дядей той самой Надежды Левшиной, что много позже выйдет замуж за Сергея Хлебникова, внука княгини Киры Алексеевны Козловской. Нет сомнения, что флотские офицеры были между собой знакомы либо же познакомились на том балу. Вот так и получается, что память о Василии Солдатёнкове-младшем в моем сознании связывается с именем Киры Алексеевны. Тут уж, если и захочешь, не посмеешь что-либо недостойное предположить.

А далее можно было бы рассказать о том, как Солдатёнковы оказались в родстве с семьями известных российских адмиралов — Старка, Развозова и Колчака. Однако случилось это уже потом, после отъезда Кузьмы Васильевича из России. Судя по всему, именно его детям «повезло». Впрочем, судьба Колчака и других российских адмиралов — это тема отдельного исследования.

Из событий, связанных с семейством Солдатёнковых, можно еще упомянуть закладку храма в память о Николае II и о погибших солдатах Белой армии — это событие произошло в феврале 1936 года в Брюсселе. Среди членов комитета по сооружению памятника была и Надежда Солдатёнкова, дочь Василия Ивановича и жена Сергея Георгиевича Базарова. Напомню, что сын Надежды Васильевны годом раньше женился на Ирине Юрьевне Козловской, а в конце этого года у супругов родилась дочь, та самая Ирина, вяжущая ныне коврики у пруда с очаровательным названием Джорджика на окраине Лонг-Айленда. Странно, что не участвовал в этом деле князь Юрий Михайлович Козловский, немало сил потративший для защиты чести бывшего монарха в споре с князем Феликсом Юсуповым. Не удостоился, надо полагать.

Вторая дочь Василия Ивановича Солдатёнкова, Варвара, так и осталась жить в Москве, занимая комнату все в том же доме на Мясницкой, который некогда принадлежал ее семье. В 1925 году она работала преподавателем на Курсах иностранных языков. Но вот что интересно, соседями ее по квартире были Ефим Исидорович и Анатолий Ефимович Майзели. Опять эти Майзели — да тут их целое семейство! Неужто они из тех, что были прототипами барона из бала Сатаны в «Мастере и Маргарите»?

И все же, несмотря на присутствие знакомых персонажей, снова возникает уже изрядно надоевший вам вопрос: при чем же здесь Булгаков? Вот говорят, будто Михаил Афанасьевич в 1916 году писал прошение в адрес Колчака, надеясь, что примут его лекарем на военный корабль. А что, очень может быть, что так оно и было бы. Жаль только, что не видать ему в этом случае княгини — долгие месяцы плавания по морям и океанам,

знойные мулатки в заграничных портах. Да если б в кругосветку даже не ходил, жить-то ему пришлось бы не в Москве, а в Петербурге. Но так уж случилось, что по состоянию здоровья в моряки Булгакова не взяли…

О Колчаке написано уже немало, даже слишком много, хотя следует признать, что Белое движение так никогда и не обрело в его лице достойного вождя. Нынешняя российская история доказывает, что из боевого генерала никогда не получится политик — этому подтверждение находим в судьбе Дмитрия Язова, Александра Руцкого и других. Так или иначе, Колчак тут оказался ни при чем.

Однако есть более прочная связь Булгакова с персонажами этого рассказа. Начну со слов профессора Преображенского, известного всем по повести «Собачье сердце»:

> «Ничего подобного! На нем есть теперь калоши, и эти калоши… мои! Это как раз те самые калоши, которые исчезли весной 1917 года. Спрашивается, — кто их попер? Я? Не может быть. Буржуй Саблин? (Филипп Филиппович ткнул пальцем в потолок.) Смешно даже предположить».

Да, снова Саблин — на этот раз Федор Павлович! А ведь над повестью Булгаков работал в 1925 году, уже после знакомства с Любовью Белозерской. Думаю, поклонникам писателя известно, что матерью Любови Евгеньевны была Софья Васильевна Саблина. Замечу, что отец второй жены Булгакова был дипломат и востоковед. Это для нашего исследования весьма существенно. До смерти отца все семейство жило в Петербурге.

А теперь вспомним биографию Евгения Васильевича Саблина: из семьи донских казаков, окончил Императорский Александровский лицей в Петербурге и поступил на работу в Министерство иностранных дел в августе 1898 года, причислен был к первому, Азиатскому (!) его департаменту. А с 1909 по 1913 год служил главой русской миссии в Иране.

К роду Саблиных принадлежал и Николай Васильевич Саблин, из потомственных дворян Области войска Донского, сын генерала, отличился в Русско-японской войне, служил на императорской яхте «Штандарт». Жил тоже в Петербурге. В доме на Бронницкой до 1913 года проживал вместе с Николаем Васильевичем и отставной генерал-майор Василий Федорович Саблин с женой Надеждой Федотовной.

Итак, рискну предположить, что Софья и Евгений были детьми Василия Саблина, так же как и Николай. В пользу родственной связи Евгения и Софьи говорит и то, что муж

старшей сестры Евгения был дипломатом и востоковедом, а потому наверняка работал в том же департаменте МИДа, куда позже поступил Евгений Саблин. Надо полагать, и тут без протекции родственника не обошлось. Не знаю, как вам, но мне эта версия представляется довольно убедительной. Не удивлюсь, если Евгений Васильевич окажется племянником вице-адмирала Павла Федоровича Саблина и соответственно двоюродным братом его сыновей, Николая и Михаила, офицеров флота с довольно интересной биографией. Один был флигель-адъютантом его императорского величества и любимцем Григория Распутина, другой за очень короткое время успел побывать в должности командующего Черноморским флотом и при царе, и при Советах. Кстати, и жил Павел Федорович совсем недалеко от брата — на Спасской, близ Обводного канала. Кто знает, может быть, среди сыновей Павла Саблина был еще один — Федор Павлович, тот самый «буржуй», упомянутый в «Собачьем сердце».

Должен признаться, что, попадись мне на глаза заверенный печатями документ, удостоверивший родство второй жены Булгакова с Евгением Саблиным, я был бы крайне удручен. Куда интереснее сделать логический вывод из сопоставления косвенных сведений и фактов. Иначе стоило ли вообще это исследование затевать?

Что ж, после того, как связь Булгакова с Евгением Саблиным установлена, можно и продолжить, тем более что на этом история наша не заканчивается. Немало уже удалось обнаружить чудесных совпадений, надеюсь, и в дальнейшем немного повезет.

В июне 1941 года, вскоре после начала войны, сотрудниками МГБ был арестован Александр Николаевич Де-Лазари, бывший офицер, вступивший в 1918 году в ряды Красной армии и к моменту ареста работавший в Военной академии химической защиты РККА. Помимо участия в «офицерской группировке» Свечина, в травле которого в 1930 году успел поучаствовать и Тухачевский, Де-Лазари обвинили в том, что он поддерживал связь со своей племянницей, «женой белогвардейца Саблина». Кстати, в этом деле вновь отличилась Ольга Зайончковская (см. «Дом Маргариты») — ну как же без нее!

Одна из сестер Александра Де-Лазари, Евгения Николаевна, была замужем за Иваном Романовичем Баженовым, редактором газеты «Свет» в дореволюционном Петербурге. Так вот дочь Евгении Николаевны, Надежда Ивановна, вместе с мужем, Евгением Саблиным, и создавала тот самый «Русский дом» в Лондоне, стараниями четы Саблиных ставший родным домом для многих русских эмигрантов. Вот что писал Владимир Набоков литературоведу Глебу Струве:

> «Дорогой Глеб Петрович, 3-го апреля состоится мой вечер у Саблиных. Я приеду дня за два. Очень рад буду вас и Юлию Юльевну повидать, — давно не имел от вас известий и не знаю, были ли вы в Чехии. Ввиду моего катастрофического безденежья мне хотелось бы использовать мой приезд в Лондон максимально».

Безденежье не обошло и семью Саблиных — уж очень многим приходилось помогать, включая семью Глеба Струве, уехавшего на заработки из Лондона в Америку. Кто знает, может, и сбежал… Вот документ, из которого следует, в каком положении оказался Саблин на излете жизни:

> «Финансовый совет на заседании 18 октября 1948 г. заслушал письмо бывшего российского представителя в Англии, а затем многолетнего хозяина „Русского дома“, центра русской эмигрантской общины в Лондоне, Е.В. Саблина к А.А. Никольскому „об ассигновании ему ежемесячно 50 фунтов ввиду дороговизны жизни, его болезненного состояния и исполнившихся 50 лет его службы в дипломатическом ведомстве“».

Речь тут идет об эмигрантском совете, ведавшем денежными средствами, в которые была обращена часть российского золотого запаса, похищенная Колчаком и переправленная за границу. Прошение было удовлетворено, но с оговоркой, что выплата гарантирована только в течение 1949 года. Однако даже до середины этого года Евгений Саблин не дожил.

Рассказ о семье Де-Лазари дает мне повод вновь вернуться к московской конторе Императорских театров, где на посту чиновника особых поручений подвизался муж Киры Алексеевны, князь Юрий Михайлович Козловский. Но речь тут не о нем.

Среди артистов Императорских театров был Иван Константинович Де-Лазари, племянник Александра Николаевича. Однако больше всего он прославился не как драматический актер, а благодаря своей виртуозной игре на семиструнной гитаре. Этот его талант в сочетании с задушевным пением и веселым нравом был отмечен и членами царской семьи, перед которыми ему не раз приходилось выступать. Вот что писал в своих воспоминаниях крестник императрицы Юрий Ломан, сын состоявшего при министре Императорского Двора полковника Дмитрия Ломана, большого почитателя талантов Иоанна Кронштадтского и Григория Распутина:

> «Больше всех я любил Ивана Константиновича де-

Лазари или Ваничку, как его фамильярно называли все».

Кто бы мог подумать, глядя на озорного, но совершенно безобидного «Ваничку», что дед его был жандармским генералом? Неисповедимы пути…

Как-то само собой припомнилось раннее увлечение внучки княгини Киры Алексеевны, Ирины Сергеевной Урусовой. Я уже писал, что она училась в знаменитой школе Джорджа Баланчина в Нью-Йорке. Так вот оказывается, что и не менее известная школа балета в Лондоне тоже связана с персонажами этой истории.

Был у Ивана Константиновича Де-Лазари брат Николай. Он не пошел по стопам отца, известного актера, а попытался стать писателем, добывая хлеб насущный в должности контролера на Николаевской железной дороге. Однако рассказы его так и остались неизвестны широкой публике. Куда известнее была его жена — Евгения Густавовна Легат. Да, да, сестра Николая и Сергея, работавших в балетной труппе Императорских театров. Особенно знаменит был Николай. История братьев стоит того, чтобы изложить ее подробнее.

Все пятеро детей Густава Ивановича Легата окончили Санкт-Петербургское Императорское театральное училище, когда-то называвшееся «Ея Императорского Величества танцевальной Школой». По окончании училища Николай был принят в балетную труппу Мариинского театра и вскоре завоевал признание столичной публики. После двадцати лет успешной карьеры танцовщика Николай решил сменить амплуа и занялся постановкой балетов, в чем его поддержал тогдашний главный балетмейстер Мариус Петипа. Увы, особой славы в этом деле Легат не сумел снискать. Кроме балета «Талисман», ремейка одноименного балета Петипа, прочие его постановки посчитали неудачными. Однако многие ценили его талант преподавателя. Вот что писал о Николае Легате тогдашний руководитель дирекции Императорских театров Владимир Теляковский, уже упоминавшийся в связи со службой князя Юрия Козловского:

«Другие, в том числе М. Кшесинская, занимались у Н. Легата, который был также хорошим преподавателем. Легат называл Кшесинскую „Маля“, а она его „Колинька“».

Немало слов в своих воспоминаниях Теляковский посвятил интригам «Колиньки» против молодого балетмейстера Михаила Фокина, получившего признание после постановки балета «Эвника». Впрочем, какой же театр может существовать без завистников и их интриг? Итак, Теляковский продолжает:

«Фокин, о котором наша администрация говорила как о неспособном фантазере, оказался несомненно

талантливым балетмейстером… После этого балета мне стало ясным, почему против Фокина говорил Легат, этот бездарный балетмейстер… Фокина я вызвал к себе в ложу, похвалил и начал ему аплодировать до того, как аплодировали присутствующие».

Зависть руководила действиями Николая Легата, когда он в соавторстве с Матильдой Кшесинской составил жалобу на Фокина. Теляковский записал в своем дневнике:

«Записка эта, конечно, написана для того, чтобы протестовать против Фокина, успех постановок которого не дает спать Легату. Вообще рутина испугалась свежего воздуха и старается вести интригу…»

Видимо, благодаря своим доносам и поддержке Кшесинской, Николай Легат оставался главным балетмейстером еще несколько лет, до начала империалистической войны. При этом продолжал интриговать, пытаясь избавиться от своего прямого конкурента, Вацлава Нижинского. После Октябрьского переворота судьба Легата сложилась достаточно успешно. Осенью 1922 года он перебрался в Лондон, где вскоре открыл балетную студию, которая со временем переросла рамки простой лондонской балетной школы, став, согласно общему признанию, «академическим центром балетного мира».

Так, может, не стоило Ирине Сергеевне из Европы уезжать? Кто знает, а вдруг в лондонской балетной школе ее желание стать балетной звездой сбылось и не пришлось бы заниматься йогой?

Однако в истории Легатов-танцовщиков есть и трагический эпизод, связанный с событиями Кровавого воскресенья в январе 1905 года. Тогда группа артистов балета посчитала необходимым выразить протест против расстрела ни в чем не повинных людей на Дворцовой площади. Среди подписавших петицию властям были артисты Мариинского театра Сергей и Николай Легаты. Увы, под давлением своего начальства многие вынуждены были снять подписи. Николай это как-то пережил, а вот Сергей, не имевший сил подобное издевательство терпеть, наложил на себя руки. Об этом написал брат Матильды Кшесинской:

«Благородная его натура не могла перенести унижения, связанного с отказом от коллективно принятого решения, и он на другое же утро покончил с собой, перерезав себе горло бритвой. Тогда же в городе был пущен слух, что он страдал душевным расстройством. Это сущий вымысел: он был абсолютно

здоровый, трезвый, крепкий человек».

Правда, одну странность в биографии Легата следует отметить. Сразу после окончания балетного училища Сергей женился гражданским браком на артистке, которая была на восемнадцать лет старше его. Ко времени самоубийства ему было тридцать, а ей все сорок восемь. Возможно, не ко времени припоминается: «Не странен кто ж…» Однако не всегда же странности заканчиваются столь трагическим исходом.

Подобно их родным братьям, Вера и Евгения Легат тоже окончили балетную школу. Однако артистическая карьера у сестер не задалась. Евгении не повезло не только на подмостках сцены, но и в замужестве, поскольку после нескольких лет совместной жизни они с Николаем Де-Лазари жить стали врозь. А вот Вере Густавовне улыбнулось счастье.

Надо сказать, что в те времена артистки балета имели успех не только связанный с основной профессией. Достаточно вспомнить Элизу Балетта, любовницу великого князя Алексея Александровича, Тамару Карсавину, нашедшую успокоение в браке с богатым британским аристократом Генри Брюсом, ну и, конечно, Матильду Кшесинскую, буквально разрывавшуюся между Сергеем Михайловичем и Андреем Владимировичем, оба были великие князья.

Вот и Вера Густавовна приглянулась флигель-адъютанту Свиты Его Императорского Величества графу Андрею Петровичу Шувалову. Отнюдь не боевой, скорее тыловой полковник, а позже генерал — однако благодаря своей должности при дворе влияние он имел немалое. И все же речь тут пойдет не о добродушном и покладистом представителе шуваловского рода, а о том самом Генри Брюсе. Причина в том, что этот англичанин до отъезда из России в 1917 году числился среди знакомых князя Юрия Козловского по Петербургу — чтобы подтвердить это, придется повторить несколько строк из его восторженного послания Кире Алексеевне, написанного летом 1916 года:

> «Радость, мне должно быть окончательно везет. Сегодня у Брюса натолкнулись на Ясинского, который согласился со мною ехать в Гельсингфорс».

По счастью, Генри Джеймс Брюс, британский дипломат, к Роберту Брюсу Локкарту никакого отношения не имел — и родословной аристократической у Локкарта не было и нет, да и увлечения у них были совершенно разные. А то ведь князя Козловского можно было бы и заподозрить бог знает в чем. Причина же моего интереса к Брюсу Локкарту в том, что не дают

покоя обвинения в адрес Александра Солдатёнкова, будто бы числился он двойным агентом — работал и на английскую, и на советскую разведки. Подобного рода агентов немало можно повстречать в спецслужбах, и именно такую роль приписывают приятелю Брюса Локкарта, писателю и журналисту Артуру Рэнсому.

Артур Рэнсом

Рэнсом объявился в России накануне Первой мировой войны. Его привлекла идея собирания русского фольклора — позже он прославился у себя на родине благодаря переводам русских сказок. С началом войны Рэнсом стал корреспондентом британской *Daily News,* основанной еще Чарльзом Диккенсом, а после Октябрьского переворота увлекся идеями русской революции. Как иностранный журналист, он имел возможность общаться и с Лениным, и с Троцким. Логично предположить, что британская разведка считала его кладезем полезной информации по политическим вопросам — такого ценного осведомителя спецслужбы не имели права упустить. Судя по всему, Рэнсом упирался, его никак не могла привлечь перспектива стать доносчиком — своих симпатий к большевикам он не скрывал. Однако категорический отказ поставил бы крест на перспективе возвращения домой. Остаться же навсегда в бедной, полуразрушенной России — такого намерения не было у Рэнсома. Долгое время о его тайной деятельности никто даже не

подозревал. Материалы об этом появились в печати лишь много лет спустя, когда весьма информированный английский журнал *Observer* опубликовал статью, согласно которой Артур Рэнсом был завербован британской *Secret Intelligence Service* во время поездки в Швецию в августе 1918 года.

Версии о сотрудничестве Рэнсома с разведкой не противоречит и его знакомство с личным секретарем Льва Троцкого, Шелепиной Евгенией Петровной. Красивой эту даму никак не назовешь, но, видимо, было в ней нечто такое, что привлекло заезжего британца. Конечно, прежде всего, она могла заинтересовать как источник информации, полезной и для журналиста, и для британских спецслужб. И правда, какая уж тут красота, когда в Бит Герл, как называли ее англичане, единственное, что вызывало восхищение, — это ноги:

> «Каждый, кто знал ее, невольно проникался симпатией к ней… изящные, стройные ноги были предметом гордости Бит Герл. Она всегда носила дорогие туфли на высоких каблуках и никогда не одевала обычные галоши».

Впрочем, каждый выбирает подружку на свой вкус. Вот и Артур Рэнсом воспылал нежными чувствами к секретарше Троцкого, позабыв на время и про детей, и про жену — речь о его семье, оставшейся на Британских островах. Тем временем роман развивался как положено, и через несколько лет, получив развод от прежней жены, Рэнсом оформил свой брак с товарищем Шелепиной. Утверждают, со ссылкой на архивы КГБ, что в багаже бывшей секретарши Троцкого в то время, когда она вместе с мужем направлялась на жительство в Европу, были спрятаны алмазы, предназначенные для зарубежных ячеек Коминтерна. Может быть, и так…

Что ж, я надеюсь, вы получили возможность убедиться в том, что сомнительная логика обвинений в двурушничестве Александра Солдатёнкова явно уступает логике обвинений в адрес британского журналиста Артура Рэнсома. Вместе с тем я имел удовольствие вновь напомнить о мечтах наивного князя Юрия Козловского, посыпанных тонким слоем позолоты, — речь о его попытке застолбить участок на «золотоносной» реке.

Ну вот началось — золото, алмазы… Честно скажу, хотелось бы в этой книге обойтись без них. На мой взгляд, вся эта «бижутерия» ничего не стоит в сравнении с подлинными ценностями, которые часто остаются незаметными для нас. Речь, конечно, не о театральных интригах и не о копании в чьем-то грязном белье. Но согласитесь, что может быть интереснее

исследования человеческих судеб — без них история даже самых значительных событий становится лишь скучным перечислением фактов и фамилий.

Кстати, как-то совсем уж мимолетным стало упоминание Карсавиной, известной балерины Мариинского театра. Но есть основания для того, чтобы восполнить сей пробел.

Тамара Карсавина

Первым мужем Тамары Платоновны был Василий Васильевич Мухин, неприметный служащий Министерства финансов. Я было удивился, что такого она в нем нашла, однако, как удалось выяснить, отец Василия Васильевича имел чин действительного статского советника, а служил в весьма солидном учреждении — в Департаменте герольдии Правительствующего сената. Кроме того, один из дядьев будущего мужа балерины был зажиточный купец, а другой — тоже действительный статский советник и к тому же председатель правления Волжско-Камского коммерческого банка. В общем, Василий Васильевич мог представлять для женщин некоторый интерес, в основном, надо признать, увы, материальный. Ах, если бы не Октябрь 17-го года — в который уже раз не устаю я повторять!

По счастью, за год до упомянутых событий на балерину обратил внимание тот самый дипломат, сын четвертого баронета Генри Джеймс Брюс. Два года они прожили вместе на снятой англичанином квартире, а когда дело шло к Гражданской войне,

Брюс со своей подругой счел за благо возвратиться на родину, в Туманный Альбион. Однако не о нем и не о знаменитой примадонне пойдет речь.

После отъезда Тамары Платоновны в Англию надежды на возрождение семьи уже не оставалось — раньше-то все еще надеялся на чудо, — и Василий Мухин вернулся в родительский дом на знакомую Фурштадтскую. Впрочем, квартира жены покойного чиновника уже мало напоминала то, что было прежде — сказывались последствия известных жилищных «уплотнений». Да и жизнь вошла в непонятную для отпрыска богатого семейства колею. Единственной отрадой последующих лет стали встречи с «осколками» прежнего режима — в доме у его знакомой, в бывшем имении графа Левашова по дороге на Выборг. Баженова, Шаховская, Симони… — фамилии, хорошо известные в том, дореволюционном Петербурге.

В начале 30-х годов Мухина, как и других участников несанкционированных посиделок, арестовали. И вот тут выяснился очень интересный факт. В предъявленном обвинении говорилось о порочащих связях хозяйки дома, Евгении Николаевны Баженовой, со своим родственником, известным деятелем белой эмиграции, уже упомянутым не раз Евгением Васильевичем Саблиным. Но это тот же самый состав преступления, который был предъявлен брату Евгении Николаевны, Александру Николаевичу Де-Лазари, в 1941 году — те же слова и те же факты. Смущает только разница между датами ареста, по сути, в десять лет. Дальнейшее оказалось для Мухина вполне закономерным по тогдашним временам и весьма печальным — за чтение эмигрантских газет был положен срок. Не исключено, что всю вину за распространение антисоветской информации свалили на него, а милых дам в итоге пожалели.

И все же в который уже раз хочется воскликнуть — как тесен мир! Можно подумать, что крутится он вокруг Булгакова. Коль скоро речь заходит о балете, можно вспомнить и об учебе его второй жены в частной балетной школе в Петрограде. Правда, карьера танцовщицы привела Любовь Евгеньевну в «Фоли Бержер». Но это факт совершенно несущественный в сравнении с тем, что даже балерину Карсавину удалось вовлечь в это «кружение» вокруг Булгакова. Причина достаточно серьезная — как-никак фигурировали в одном деле и первый муж Карсавиной, и Баженова, и дядя Любови Белозерской, Евгений Саблин.

Приходится сожалеть, что не удалось Булгакову ни в Париже побывать, ни доехать до Брюсселя — увы, о новой встрече с княгиней Кирой Алексеевной приходилось лишь мечтать. Что уж тут говорить о том времени, когда и Булгакова не стало, и Кира

Алексеевна перебралась за океан? Однако в Америке Булгаковы все же оказались — только уточню, что не в Нью-Йорке, а в Лос-Анджелесе. Речь о двоюродных братьях Михаила Афанасьевича — Николае и Константине. Подобно брату писателя Ивану, выступавшему в Европе в ансамбле балалаечников, Николай тоже пошел по этой стезе. Говорят, даже работал в Голливуде.

Не знаю наверняка, но кто-то из читателей может сказать, что и двоюродным братьям Булгакова, и дипломату Саблину, в отличие от самого Булгакова, очень повезло. И правда, хоть и не добрался Саблин до зажиточной Америки, однако раз и навсегда избавился от того, что Михаила Афанасьевича так раздражало и пугало в нашей жизни. Впрочем, у каждого человека свой неповторимый взгляд и на историю, и на привычные ценности бытия. Один находит избавление от несчастий в перемене жен, другой о расставании с единственной любимой не смеет и подумать. Кому-то доставляет наслаждение только успех у публики, другому же приносит удовлетворение благодарность тех, кому удалось помочь, кто был избавлен от беды его трудами. Что дипломату в радость, то, видимо, писателю совершенно ни к чему… Однако время все расставляет по своим местам, и книги Булгакова, написанные много лет назад, способны производить такое «количество доброты», о чем писатель даже и не помышлял в те годы.

Глава 3
Опасные связи

А теперь я расскажу о том, на что натолкнулся неожиданно, случайно. Долго раздумывал — писать или не писать? Во-первых, достоверных объяснений найденному факту нет, к тому же информация оказалась очень скудная. Однако кому будет интересен текст, из которого цензурой изъяты те слова, которые противоречат заданному образу?

Итак, просматривая восстановленную стараниями немецких историков опись документов партканцелярии НСДАП (Национал-социалистической немецкой рабочей партии Германии), я, к удивлению своему, обнаружил среди фамилий известных партийных бонз и прочих членов партии… Василия Солдатёнкова. Была и ссылка на некий регистрационный номер. И как прикажете это понимать?

Увы, судя по всему, указанные в описи документы были уничтожены. Единственная возможность добыть хоть сколько-нибудь значимую информацию — это попытаться разобраться в том, что означает этот номер. И вот в разделе, описывающем некие юридические казусы вроде перемены гражданства и конфискации имущества, нашел желаемое объяснение: «Особые случаи». Час от часу не легче! Теперь надо выяснять, с какой такой стати Солдатёнков удостоился особого внимания чиновников из партканцелярии НСДАП.

В принципе тут удивляться нечему. Те же Борис Смысловский и Григорий Ламздорф уже доказали, что часть белой эмиграции была готова идти на все, сотрудничая даже с чертом, лишь бы отомстить большевикам или хотя бы сохранить иллюзию возможности возврата к прошлому, к России без Советов. Но вот от Василия Васильевича участия в делах нацистов я никак не ожидал. А потому сначала сохранялась слабая надежда, что это вовсе не он или же что-то здесь чиновники напутали.

Однако есть факты, которые косвенно подтверждают версию о его сотрудничестве с нацистами. После отъезда из Америки, по крайней мере с середины 30-х до середины 40-х годов, Василий Солдатёнков жил в Италии, где утвердился фашистский режим. Его отношение к Советам комментариев не требует — да кто ж обрадуется, разом потеряв богатство? Уже не раз приходилось мне писать, что многих русских эмигрантов желание отомстить привело в германскую армию или же в разведку, в Русский охранный корпус генерала Штейфона, или в РОА генерала

Власова. Смущает только возраст — к началу 40-х годов Василию Васильевичу было за шестьдесят, тут уж не очень повоюешь. Но вот попался на глаза документ из архива МИД Германии, в котором некто Василий Солдатёнков упоминается как политик в период 1934–1941 годов, причем фамилия его фигурирует рядом с фамилией некоего Курта Людеке. Пришлось заняться поисками информации о новом фигуранте.

Курт Людеке родился в Германии, в семье инженера-химика, который дослужился до должности директора завода. Однако ранняя смерть отца привела к тому, что семнадцатилетний Курт, как и вся его семья, остался без каких-либо средств к существованию. Злые языки утверждают, что благодаря привлекательной внешности он пользовался успехом у женщин и зарабатывал на жизнь, исполняя роль альфонса. Не брезговал будто бы и вниманием мужчин. Во всяком случае, умение тем или иным способом расположить к себе людей было одним из его достоинств. Кстати, весьма важное качество как для профессионального журналиста, так и для разведчика.

А вот как сам Людеке объясняет причины своего материального благополучия. В своих воспоминаниях он пишет, что случайно познакомился с жокеем, который подсказал ему, на какую лошадь нужно делать ставку. Людеке стал регулярно выигрывать на скачках, причем даже в тех случаях, когда не прибегал к советам сведущих людей. Затем переключился на американскую рулетку, а позже его частенько можно было видеть за карточным столом. Причем везде и всегда ему сопутствовала удача. Ну, может быть, и не всегда, но в общем-то довольно часто. «У меня было больше денег, чем я был в состоянии истратить», — пишет Людеке. Костюм, пошитый лучшим лондонским портным, автомобиль с собственным шофером… Дальше можно не продолжать, поскольку способ «отмывания» денег, описанный Людеке, стал в более поздние времена настолько популярным, что только очень наивный человек может поверить в такие чудеса. Куда достовернее выглядело бы нежданное наследство от богатой тетушки. Однако, если не было наследства, доходы Людеке вряд ли можно объяснить одними лишь подношениями партнеров и партнерш.

Весьма неубедительно выглядит и рассказ о якобы существовавшей у Людеке подруге. «Она была женой другого человека, но мы жили вместе». Долорес — имя довольно редкое для жителей Германии. Но если Людеке непременно хотел уверить читателей книги в том, что у него была именно любовница, а не любовник, ей следовало бы придать более реалистичные черты. Разумнее было хоть что-то рассказать о ее

муже, конечно же не называя никаких имен. А так подруга воспринимается как результат довольно неумелой авторской фантазии.

Надо заметить, что Курта Людеке нередко связывают с фигурой «международного шпиона» Гуго Людеке, работавшего на Американском континенте, в испаноговорящих странах. А между тем в те годы, что предшествовали Первой мировой войне, Курт Людеке много путешествовал — успел побывать в Англии, Италии, во Франции и даже в Индии и Египте, если верить его собственным словам. Но есть сведения, что побывал он и в США, и в Мексике — где еще, это осталось неизвестным. Кто финансировал вояжи — прелестные дамы или германская разведка, — об этом нам остается лишь гадать. С началом Первой мировой войны Людеке оказался в запасном полку. Позже, признанный негодным к строевой службе, якобы трудился санитаром в военном госпитале под Гейдельбергом, а после войны работал газетным репортером. Но самое важное событие случилось, по его словам, в 1922 году, когда он побывал на митинге, где выступал Адольф Гитлер. Людеке был покорен — не столько красноречием или манерами оратора, но в большей степени неординарностью высказанных идей, а также редкостным умением Гитлера приводить в возбуждение толпу, заражая ее уверенностью в правоте своего дела:

> «Его слова были как удары кнута. Когда он говорил о позоре Германии, я чувствовал себя в состоянии наброситься на любого противника. Его призыв к немецкой, мужской чести был как зов к оружию, учение, которое он проповедовал, было откровением».

Общительный и обаятельный журналист быстро установил контакт с будущим вождем германской нации, а вскоре стал его доверенным лицом в налаживании зарубежных связей.

В это же время Людеке участвует и в политической жизни внутри Германии. Он помогает Рему в создании на базе штурмовых отрядов новой группировки внутри партии, «Фронтбанн», претендующей на власть. Позже ему это припомнят. Однако недюжинные способности Людеке признавал даже Адольф Гитлер несколько лет спустя после их разрыва:

> «Если Людеке был шпионом, он был не только одним из самых хитрых, но также и одним из самых опасных из тех, кто когда-либо работал в Германии».

Восхищение Гитлера вызывали и другие достоинства

«шпиона» — Людеке «говорил на французском, английском, испанском и итальянском языках так же хорошо, как на немецком». Это не противоречит версии о его работе перед Первой мировой войной на германскую разведку в странах Латинской Америки под именем Гуго Людеке.

В августе 1923 года Людеке с рекомендательным письмом за подписью Гитлера отправился в Италию, имея поручение завербовать Муссолини в «товарищи по оружию», а заодно добиться финансовой поддержки от итальянских финансовых кругов. Особого успеха эта миссия не имела, но характер статей и сообщений о нацистах в итальянской прессе резко изменился к лучшему. А через год в качестве корреспондента «Фолькишер беобахтер» Людеке направили за океан с задачей установить полезные контакты с тамошними антисемитскими кругами, ну и, конечно, способствовать распространению идеологии нацизма. За несколько лет Людеке побывал с лекциями во многих крупных городах. Однако зажиточные американцы, за редким исключением, не одобряли национал-социалистических идей, а Гитлера считали бездарным выскочкой. Видимо, с подачи этих недоброжелателей к Людеке прилепились обидные прозвища «бисексуальный плейбой» и «гомосексуальный вымогатель». Ну, тут без комментариев… Впрочем, Людеке не забывал и о необходимости создания образа примерного семьянина. Как-то он посетил публичную библиотеку в Детройте и был очарован библиотекаршей Милдред Коултер. Летом 1927 года они поженились. Нельзя исключать, что Людеке уже тогда готовил плацдарм для отступления на случай изменения ситуации в Германии.

В течение последующих лет, с небольшими перерывами, Людеке продолжал работать в США. Ему удалось организовать издательство «Свастика-пресс» и «Американскую лигу свастики», зарегистрированную в Нью-Йорке. Судя по всему, его старания в добывании финансовых средств для Гитлера также оказались не напрасны. В июле 1938 года, когда автомобильному магнату Генри Форду исполнилось семьдесят пять лет, германский консул в Кливленде вручил ему высшую награду фюрера — Большой крест ордена Германского Орла. Такую же награду имели только Бенито Муссолини и граф Чиано, его зять. Автомобильный магнат также не остался в долгу — каждый год он переводил 50 тысяч марок в качестве подарка на день рождения фюрера. Уже гораздо позже, в 70-х годах, сноха композитора Рихарда Вагнера, участвовавшая в налаживании контактов нацистов с деловыми кругами США, рассказала, что Форд тайно помогал нацистам, перечисляя финансовые средства, полученные от продажи

автомобилей и тракторов в Германии. Стоит ли удивляться, что в гитлеровской «Майн кампф» есть явные заимствования из статей, написанных Фордом и собранных в книге «Международный еврей: главная проблема в мире». В Германии она была издана под названием «Вечный еврей».

В общем, дела шли своим чередом, и в начале 30-х годов Людеке возвратился в фатерлянд. К этому времени его товарища по штурмовым отрядам Рема, начальника штаба СА, стали подозревать в гомосексуальных связях — в прессе были опубликованы разоблачающие его материалы. Существенно и то, что Рем намеревался стать конкурентом Гитлера в борьбе за власть. Все это могло иметь скверные последствия для Людеке.

В мае 1933 года Людеке был арестован — судя по всему, его ждала участь многих соратников фюрера, от которых тот решил избавиться. Вот что сообщали американские газеты:

> «Курт Людеке, прежний руководитель национал-социалистического пресс-бюро в Вашингтоне, был арестован в Берлине по обвинению в шантаже».

Позвольте, но при чем же здесь шантаж? Такое обвинение должно иметь под собой весьма значительные основания. И тут мы снова возвращаемся к источникам доходов Курта Людеке. Роскошный образ жизни, путешествия по дальним странам, содержание на собственные средства личного отряда штурмовиков… А что, если Людеке шантажировал своих интимных партнеров? Надо же и то иметь в виду, что в прежние времена мужеложство считалось уголовным преступлением. Конечно, чем бы ни занимался какой-то там мясник в свободное от работы время, вряд ли его интимные занятия вызовут возмущение общественности или привлекут внимание прокурора. Но если это важная персона, для нее огласка может означать серьезные неприятности в бизнесе или повредить политической карьере. Ну, скажем, крупный чиновник министерства иностранных дел… Увы, сомнительные личные связи несовместимы с работой дипломата, что поделаешь. И уж совсем другое дело, если есть убедительные доказательства гомосексуальной связи. Тут одним порицанием не обойтись — с приходом нацистов к власти в Германии стали создавать специальные концлагеря для гомосексуалистов.

Итак, способ обогащения с помощью шантажа вполне может обеспечить требуемый доход, особенно если вложить деньги в ценные бумаги, конечно же не в Германии, а за границей. А между тем, по оценкам сведущих людей, капитал Людеке к началу 30-х годов составлял около миллиона марок. Кстати,

сотня штурмовиков в личном подчинении вполне могла играть в этом деле если не главную, то вспомогательную роль в качестве наглядного подтверждения серьезности намерений шантажиста.

Пагубную роль в судьбе Курта Людеке сыграла личный секретарь Гитлера в 30-х годах Герта Олденбург. В картотеке канцелярии НСДАП сохранились ссылки на ее сообщения по поводу «очень небрежной частной жизни» Людеке, «афериста» и «сутенера». Она же обратила внимание партии на недостойную связь Людеке с дочерью известного публициста Георга Бернхарда, немецкого еврея.

Убежденный противник национал-социализма, «германофоб», как называли его в Берлине, Георг Бернхард после прихода Гитлера к власти был вынужден перебраться в Париж, где совместно с единомышленниками основал «Парижскую ежедневную газету», в основном предназначенную для немецких эмигрантов. Финансировал это издание Владимир Абрамович Поляков. Что ж, наконец-то есть повод снова уделить внимание российской эмиграции.

Владимир Абрамович был потомственным аптекарем — его родители, Абрам Львович и Фаина Исааковна, содержали аптеку в Москве, а сам он стал работать помощником аптекаря в Санкт-Петербурге. Так бы и возился он с микстурами и порошками, если бы однажды не пришла в голову мысль выпускать свою газету. Название подобрал удачное — «Современное слово», нечто пробуждающее приятные воспоминания о журнале «Современник», который издавал Некрасов в середине XIX века. До Некрасова Владимиру Абрамовичу было далеко, но к 1917 году он смог распрощаться с опостылевшей аптекой. Говорят, что этому помогло сотрудничество с конторой объявлений Людвига Менцля. А почему бы нет? Смог же Николай Иванович Пастухов, владелец «Московского листка», за считаные годы разбогатеть — и все будто бы благодаря рекламе, получаемой от Метцля. Невиданный успех для мещанина, за два десятка лет до этого служившего поверенным при винных откупах в провинциальной глуши, а позже ставшего владельцем небольшого питейного заведения близ Арбата.

Должен огорчить тружеников на ниве навязчивой рекламы — успех газете и ее владельцу принесло разнообразие и качество материалов, рассчитанных на самые широкие круги читателей — от пролетариев до интеллигенции. Владимир Гиляровский, один из первых авторов «Листка», писал, что Пастухов «выучил Москву читать».

А что ж Владимир Абрамович? По популярности его газета не могла конкурировать с «Московским листком», особенно в пору

его наивысшего рассвета, однако и Поляков не бедствовал, даже скопил кое-какие средства. Поэтому и оказался после революции в Европе — бедная Россия, эта злая мачеха, была ему даром не нужна.

Есть разные мнения относительно того, кому принадлежала идея основать в Париже газету, рассчитанную на немецких эмигрантов. Враждующие стороны не пришли к согласию по этому вопросу до сих пор. Одни говорят, что все придумал Бернхард, другие утверждают: только Поляков!

На мой взгляд, тут все предельно очевидно. Даже если учесть ненависть Владимира Абрамовича к нацистскому режиму, какое ему было дело до этих немцев, покинувших свою страну? Его интерес состоял в получении прибыли, иначе не имело смысла затевать такое дело. Знал бы, к чему издание этой газеты приведет, может быть, снова занялся бы порошками да микстурами.

А дело в том, что со временем антифашистская газетка стала вызывать раздражение в Берлине. Надо полагать, что для нейтрализации ее влияния нацисты предприняли какие-то шаги. И вот летом 1936 года главный редактор Георг Бернхард опубликовал в газете статью, согласно которой Владимир Поляков продал газету Артуру Шмольцу, атташе по вопросам пропаганды немецкого посольства. Вслед за этим ведущие журналисты покинули газету, создав, по сути, ее клон — вместо *Pariser Tageblatt* она называлась *Pariser Tageszeitung*. Это издание доставило немало хлопот германским властям, особенно в дни работы Всемирной выставки 1937 года в Париже, когда газета распространялась в местах наибольшего скопления посетителей, приехавших из рейха. Нацисты справедливо опасались пропагандистского воздействия материалов газеты на неокрепшие умы своих сограждан. И правда, среди авторов газеты, помимо социал-демократов, были люди, имевшие прежде авторитет в широких кругах, — бывший полицай-президент Берлина, добивавшийся высылки Гитлера из Германии еще в 1931 году, писатель Генрих Манн и многие другие.

Что же касается претензий Полякова к Бернхарду, они рассматривались в суде чести и в комитете немецких журналистов-эмигрантов еще целый год. Судя по всему, решения принимались в зависимости от личных предпочтений — собственно говоря, это и есть тот самый «независимый» суд. Дошло дело и до уголовного суда — там озвученные Бернхардом обвинения, увы, не подтвердились. Владимир Абрамович хотя и выиграл процесс, однако длительная тяжба не проходит без следа — Поляков был разорен, заболел и вскоре умер.

В отличие от Людеке вольный или невольный участник газетного скандала Артур Шмольц был более разборчив в сексуальных связях. Сын фабриканта, имевшего отношение к оружейному бизнесу, женился на бывшей личной секретарше и по совместительству любовнице третьего человека в нацистской иерархии, Йозефа Геббельса, тем самым заложив фундамент для будущей карьеры. А ведь начинал Шмольц свою работу в той же роли, что и Людеке. Руководителю отделения партии на севере Испании было поручено вести заодно и пропаганду в странах Южной Америки — в Чили, Аргентине и Бразилии. Особенно в Чили Шмольцу повезло — прирост количества членов НСДАП превысил самые радужные ожидания.

В Париже Шмольц поставил дело пропаганды нацистских идей с большим размахом. Именно он основал *Maison Brune* — «Коричневый дом», место сборищ для столичных наци. Существенную поддержку ему оказывал германский посол во Франции Отто Абец, который находил средства на подкуп журналистов, превосходившие даже те немалые суммы, что переводились для этих целей посольству по официальным каналам из Берлина. А не задолго до вторжения немецких войск в Париже там разразился скандал. Сначала выяснилось, что Абец заплатил редакторам двух французских газет за публикацию прогерманских статей, причем посол сам сообщил об этом — видимо, столь недипломатичным образом проявилось его нетерпение в преддверии оккупации Парижа. Уже после высылки Абеца в Германию в прессе были опубликованы сведения, будто жена французского министра иностранных дел Бонне была в приятельских отношениях с упомянутыми журналистами, а сам министр получил деньги от Абеца за то, что посоветовал им быть более покладистыми. Так что не зря Курт Людеке обхаживал заокеанских промышленников и банкиров — пропаганда новых идей в любые времена требует немалых финансовых вложений.

Эрнст Ганфштенгль

А между тем удачная женитьба Шмольца способствовала и успехам его отца — арест вместе с несколькими десятками других производителей вооружений в декабре 1945 года доказывает значительность его вклада в германский военный потенциал. Но младший Шмольц до дней позора и унижения не дожил — в 1939 году его не стало. Подробностей историки не сообщают, и остается лишь гадать, то ли после вторжения германских войск во Францию со Шмольцом расправились местные антифашисты, то ли активный пропагандист национал-социалистических идей, раздавая взятки, не забывал и о себе, а потому его судьбой распорядились головорезы из гестапо.

Людеке больше повезло — ему удалось избежать наказания по «делу о шантаже» без особого ущерба для здоровья. В итоге он добрался до Америки.

Удивительно, но точно такая же история повторилась через несколько лет. А началась она, вероятно, на том самом митинге, где Курт Людеке был покорен красноречием будущего вождя. На этот раз воспылал высокими чувствами к Гитлеру выходец из вполне обеспеченной семьи, получивший образование в престижном Гарварде, Эрнст Ганфштенгль.

Его мать была американкой, дальней родственницей генерала американской армии Джона Седвика. Крестным отцом Эрнста

стал его высочество герцог Сакс-Гобсбургский Эрнст II, брат принца Альберта и шурин покойной королевы Виктории. Во время учебы в Гарвардском университете Эрнст общался с Уолтером Липпманом, Джоном Ридом, с Франклином и Теодором Рузвельтами. Среди его знакомых были газетный магнат Уильям Рэндольф Херст, писательница Джуна Барнс, с которой он какое-то время был помолвлен, и даже Чарли Чаплин собственной персоной. Словом, жизнь могла развиваться по накатанной и вполне благоприятной колее.

По окончании университета Ганфштенгль руководил американским филиалом небольшой семейной фирмы. Это продолжалось вплоть до 1917 года, когда неожиданно имущество всех германских предприятий было конфисковано правительством США. От финансовых проблем выпускника Гарварда не спасли ни многочисленные знакомства, ни женитьба на американке в 1920 году. Вскоре Ганфштенгль вынужден был перебраться на родину своего отца, в Германию. Там-то его и настигла страсть к будущему вождю немецкой нации. Вот как уже гораздо позже он комментировал свои впечатления от выступления Гитлера на митинге:

> «Благодаря удивительному устройству горла он смог создать рапсодию истерии».

Ко времени своего «причастия» Ганфштенгль обладал всеми необходимыми качествами для деятельности в интересах партии — налаживания связей нацистской верхушки с влиятельными кругами в США. Можно даже сказать, что он стал редкой и совершенно неожиданной находкой для начинавшего свое восхождения фюрера. Видимо, на том же основании кое-кто утверждает, что Ганфштенгль работал на американскую разведку. Однако в его воспоминаниях нет и намека на это, хотя иные свои «достоинства», а также вклад в финансирование НСДАП он всячески подчеркивает. Свидетельством его истинного отношения к режиму могут быть разве что откровенные высказывания жены, американки Хелен Нимейер, по поводу Адольфа Гитлера: «Я говорю тебе, он кастрированный». Ганфштенгль жене не возражал. Но это как бы между прочим…

Юнити Митфорд

А между тем Ганфштенгль, считавшийся способным пианистом, стал автором нескольких нацистских маршей, ему же приписывают изобретение фашистского приветствия *Sieg Heil.* Если суммировать все его таланты, окажется, что это и в самом деле был неоценимый для партии человек. Тут следует учесть и его участие в организации поджога Рейхстага — об этом со ссылкой на некое парижское издание писал в своей книге Людеке. Неудивительно, что Гитлер стал крестным отцом Эгона, единственного сына Ганфштенгля.

В 30-х годах Ганфштенгль занимал достаточно влиятельный пост пресс-секретаря по зарубежной печати при НСДАП и видел свое будущее только в розовых тонах. Однако наступили другие времена, намечались грандиозные планы, и напоминание об унизительном прошлом, когда приходилось клянчить у богатеньких, Гитлера, несомненно, раздражало. К тому же в деле пропаганды за рубежом куда больше преуспело ведомство Альфреда Розенберга «Бюро иностранной помощи НСДАП», созданное весной 1933 года. Сыграло роль и то, что Ганфштенгль был слишком хорошо информирован о подробностях организации того самого поджога. Есть мнение, что пресс-секретарь мог себе

навредить и конфликтом со вновь назначенным министром пропаганды Геббельсом. Скорее всего, Ганфштенгль сам рассчитывал на звание самого главного пропагандиста и соответствующий пост в иерархии НСДАП. Однако ни Геббельса, ни Розенберга обойти не удалось — среди людей, окружавших Гитлера, шла отчаянная борьба за близость к телу вождя нации. А тут еще в его окружении появилась некая англичанка по имени Юнити Митфорд, убежденная фашистка и страстная его поклонница. Ей-то и удалось окончательно убедить фюрера расстаться со строптивым выпускником американского Гарварда.

Юнити родилась в аристократической семье, состоявшей в родстве с самим Уинстоном Черчиллем. У нее было пять сестер. Одна из них стала коммунисткой, сражалась в рядах республиканской армии в Испании, другая вышла замуж за известного британского фашиста Освальда Мосли. А Юнити увлеклась идеями национал-социализма и была покорена неординарной личностью вождя. В свою очередь Гитлер был восхищен ее «совершенной немецкой женственностью». Возможно, их сблизило еще и присутствие истерических черт в характерах обоих, вызванное проблемами в сексуальной сфере.

А вот что писал о Юнити Митфорд в своих воспоминаниях личный фотограф Гитлера, Генрих Гоффман:

> «Она была убеждена, что ее родная страна вместе со страной ее героя смогут добиться мирового господства столь непоколебимого, что ему никто не сможет противостоять, но одновременно такого справедливого и благостного, что все будут ему только рады. „Мало женщин, — сказала она мне, — имели возможность действовать во имя такой великой цели“. Для ее достижения она была готова отдать даже собственную жизнь».

Возможно, и не стоило уделять столько внимания убогим откровениям истерички. Но вот что интересно — есть нечто общее в судьбах двух близких к фюреру людей, Курта Людеке и Эрнста Ганфштенгля. На одного наговорила Герта Олденбург, а на другого — Юнити Митфорд. Прав был глава парижской полиции Антуан де Сартин, который еще во времена Людовика XVI поучал своих коллег: если не удается раскрыть преступление по горячим следам, ищите женщину! Так, в какой-то мере из-за женщины, Ганфштенгль потерял свое прежнее влияние на Гитлера, а вместе с этим утратил гарантии личной безопасности.

И вот в 1937 году Ганфштенгль по поручению Гитлера направился на самолете в Испанию, якобы для переговоров с

генералом Франко. Во время перелета случился странный разговор, в котором пилот, возможно из симпатии к Ганфштенглю, сообщил ему, что есть приказ сбросить посланца фюрера с парашютом над окопами красных где-то между Барселоной и Мадридом. Ганфштенгль был потрясен! Ему и в голову не могло прийти, что Гитлер захочет расправиться со своим любимцем, когда-то учившим будущего вождя нации, как пользоваться вилкой за обеденным столом.

Согласно воспоминаниям Ганфштенгля, благодаря помощи пилота ему удалось бежать — сначала в Швейцарию, а затем он перебрался в Англию.

Есть и другая версия событий, изложенная в мемуарах личного архитектора Адольфа Гитлера, а позже рейхсминистра вооружений и военной промышленности Шпеера. По его мнению, это был всего лишь розыгрыш, придуманный Гитлером и Геббельсом. Столь злая шутка стала итогом попыток Геббельса избавиться от конкурента, скомпрометировав его в глазах вождя — для этого годился любой, даже примитивный компромат, за неимением чего-то более существенного. В дело пошло все — и сходство марша, сочиненного Ганфштенглем, с какой-то песенкой, популярной на Британских островах, и презрительные высказывания о боевом духе немецких солдат, воевавших на стороне генерала Франко. Последний донос был воспринят Гитлером особенно болезненно — пресс-секретаря решили проучить. И вот потрясенный Ганфштенгль слушал откровения одного из пилотов, самолет же в это самое время барражировал где-то в районе Лейпцига, а вовсе не летел в сторону Испании.

Так или иначе, но после сложнейших перипетий до смерти напуганному Ганфштенглю удалось добраться до Британских островов. Но после начала Второй мировой войны бывший нацист был интернирован, и начались его скитания по лагерям перемещенных лиц сначала в Англии, потом его переправили в Канаду, где Ганфштенгль чуть не помер с голоду, затем снова выдали британским властям… И это несмотря на знакомство во время учебы в Гарварде с будущим президентом США. Впрочем, Рузвельт о Ганфштенгле не забыл — прежде чем возвратить его из Америки британцам, решено было использовать способности экс-нациста на полную катушку. Речь об «S-проекте», в рамках которого составлялись подробные досье на несколько сотен наиболее влиятельных деятелей нацистского режима. Особое внимание было уделено исследованию личности Адольфа Гитлера, которое проводила группа экспертов во главе с психоаналитиком, директором Гарвардской психологической клиники Уолтером Лангером для нужд Управления

стратегических служб США, предшественника ЦРУ.

Лагерные мытарства и допросы продолжались до сентября 1946 года. Да будь Ганфштенгль агентом американской разведки, разве стало бы такое издевательство возможным? На мой взгляд, куда более реален другой вариант — вся эта затея с намечавшейся расправой была придумана некими силами в окружении Гитлера для того, чтобы сделать из Ганфштенгля мученика и подготовить его легальное возвращение в Америку. Как не посочувствовать беглецу от нацистского режима, к тому же окончившему Гарвард? В этой роли он мог оказаться куда полезнее для нацистских вождей — к советам «невозвращенца» должны были более внимательно прислушиваться. При этом ни сам Ганфштенгль, ни те, кто его послал, не ожидали, что всю войну ему придется скитаться по лагерям. Однако и в столь некомфортабельных условиях Ганфштенгль не раз предпринимал попытки повлиять на президента США, писал ему длиннейшие послания, склоняя к сотрудничеству с оппозицией Гитлеру в Германии и описывая черными красками перспективы коалиции с СССР. В пользу этой версии говорит и выбор экзотического способа убийства — а как еще можно расценить попытку выдачи его бойцам интернациональных бригад? И еще это неожиданное предложение помощи со стороны пилота. Чем-то напоминает «бегство» бывшего пресс-секретаря Гесса на Британских островах в 1941 году. Кстати, и развод с супругой, предпринятый незадолго до описанных событий, не противоречит этой версии — трудно организовать бегство вместе с женой, а оставлять ее нельзя, поскольку тогда, по логике задуманного, она неизбежно должна была подвергнуться репрессиям. Рассказ же о том, что это был якобы розыгрыш, прозвучал уже гораздо позже — через много лет после окончания войны, когда нацистский преступник Альберт Шпеер вышел из тюрьмы и опубликовал воспоминания.

Странное дело, но в своих мемуарах Ганфштенгль ни слова не написал о Курте Людеке, хотя есть свидетельства, что они были дружны. Тут либо нежелание напоминать, что вариант с «невозвращением» был уже до его бегства отработан, либо намерение приписать одному себе заслуги в обеспечении финансовой поддержки из США. Вот почему возникло у меня такое предположение — «вариант отработан»? А дело в том, что опубликованная в 1938 году книга Курта Людеке под впечатляющим названием «Я знал Гитлера» вовсе не является исследованием сущности «расовой теории» Розенберга. И утверждений о пагубности идей национал-социализма в этой книге нет. Есть только критика личных качеств фюрера и методов внутрипартийной борьбы. Так ведь другой возможности

популяризировать свои идеи за рубежом после поджога Рейхстага и кровавой «ночи длинных ножей» у нацистов уже не было.

К такому же выводу пришел и Артур Татл в 1939 году при рассмотрении в окружном суде Детройта прошения Людека о получении американского гражданства. Дотошный судья отложил слушания, посчитав необходимым прежде, чем выносить решение, проштудировать многостраничную исповедь просителя — в книге «Я знал Гитлера» больше восьмисот страниц. Прочитал, что называется, «с карандашом» и… не поверил. Потому что исповеди как таковой там не было. Была попытка объяснить причины бегства несогласием с действиями нацистских вождей, а между строк читалось: дали бы мне приличную должность в партии, я бы с удовольствием остался. Назвав просителя «дешевым политиком и прихлебателем» *(a cheap politician and a hanger-on),* судья в предоставлении гражданства отказал, предложив подать прошение заново через пять лет. Однако до самой смерти в 1960 году Людеке так и не удалось стать гражданином США.

Пришла пора возвратиться в Солдатёнкову. Прежде всего надо признать, что связь его с Куртом Людеке может быть вполне реальной. В середине 20-х годов они могли встречаться в США — одной из целей миссии Людеке являлась пропаганда в среде русских эмигрантов. Не исключено, что идеи нацизма, в частности теория о превосходстве арийской расы, нашли позитивный отклик в душе Василия Васильевича — внешность его вполне соответствовала образу сверхчеловека, а презрение российской аристократии к евреям хорошо известно. С этим новым увлечением Солдатёнкова и его решением перебраться в Германию может быть связан и разрыв с Маделин Риз.

Пожалуй, стоит от предположений вновь вернуться к фактам. Анализ описи документов партканцелярии НСДАП показал, что регистрационные номера, поставленные рядом с фамилией Солдатёнкова, встречаются и в связи с фамилией Курта Людеке. Возможно, что-то подскажет содержание рефератов картотеки партканцелярии, соответствующих этим номерам. Итак, первый реферат:

> «По запросу пресс-секретаря по зарубежной печати при НСДАП, Ганфштенгля, поиски министерства иностранных дел о пребывании ускользнувшего из немецкого концентрационного лагеря Курта Г.В. Людеке и в связи с этим расследование по установлению личности мнимого русского изобретателя Василия Солдатёнкова».

Ясно, что Людеке сбежал и к его поискам подключили даже

МИД Германии. Но вот что совершенно непонятно — при чем тут Василий Солдатёнков? Что ж, прочитаем и реферат под следующим номером:

> «Предложение помощи со стороны Карла Шюлера (из Чикаго, в настоящий момент находится в Берлине) по делу „беглеца и политического авериста“ Курта Г.В. Людеке, неоднократно посещавшего Чикаго».

Это сообщение ничего нам не добавит — не хватало еще заниматься выяснением причин заинтересованности в этом деле некоего сочувствующего нацистам жителя Чикаго.

Для полноты картины участия Людеке в делах НСДАП пытаюсь расшифровать смысл еще несколько регистрационных номеров из тех, что упомянуты в связи с фамилией Людеке. С одним номером, пожалуй, все понятно, поскольку относится он к разделу «Обвинения». Далее натыкаюсь на «Имперский попечительский совет для молодежной закалки». Сразу скажу, что упоминание «молодежной закалки» не должно вас нисколько удивлять, поскольку в своей первой речи в должности канцлера Германии Гитлер озвучил следующие принципы построения национал-социалистического государства:

> «Никакой терпимости по отношению к взглядам, препятствующим достижению наших целей. Кто не исправится, должен быть сломлен. Беспощадное искоренение марксизма. Внушение молодежи и всему народу идеи, что спасти нас может только борьба и перед этой идеей отступает на задний план все остальное… Закалка молодежи и усиление военного духа, используя для этого все средства. Смертная казнь за измену стране и народу. Строжайшее авторитарное государственное руководство. Ликвидация раковой опухоли демократии!»

С молодежной закалкой все предельно ясно — посильное участие Людеке в попечительском совете подтверждает слухи о его не вполне традиционной сексуальной ориентации. Ну где, как не в обществе молодых и сильных юношей, можно найти желанного партнера!

Однако после ареста с партнерами стало туговато. Лагерь в Ораниенбурге, где содержался Людеке, был организован на территории бывшей фабрики в двадцати километрах севернее Берлина весной 1933 года и предназначался для политических противников Адольфа Гитлера. В то время лагерный режим не

отличался большой строгостью — заключенных выводили на работу в город под охраной немногочисленной команды штурмовиков. И вот после восьми месяцев заключения Людеке удалось совершить побег. Помогло то, что система концлагерей еще не была доведена до той степени «совершенства», которая была характерна для Заксенхаузена и Дахау, построенных немного позже. Кто организовал побег, кто изготовил поддельные документы, кто помог пересечь границу — об этом не знают даже весьма информированные историки. Единственная кандидатура — это Солдатёнков.

Но прежде чем рассказать о побеге Людеке, надо бы разобраться в реальных причинах его неожиданного ареста. В этом нам поможет отрывок из разговора с Гитлером, приведенный в воспоминаниях Курта Людеке. Вот что сказал во время их беседы Гитлер:

> «Вы знаете, что Ганфштенгль всегда считал себя экспертом по Америке, и когда он услышал, что Вы направляетесь в Вашингтон, он замахал руками и сказал: „Что! Hochstapler!“»

Здесь приведено выражение, переводимое как «проходимец, авантюрист». Так, по словам Гитлера, Ганфштенгль охарактеризовал своего ближайшего коллегу. Естественно, Людеке был уязвлен:

> «Я вполне могу вообразить его размахивающим руками, как семафор, — но он начинает действовать мне на нервы. Поверьте, этот болтун никак не способствует повышению вашего авторитета. Есть много людей, которые недовольны им, особенно если иметь в виду работу, которую вы ему поручили».

Итак, причины опалы и ареста Людеке становятся предельно очевидны. Об этом даже скучно писать — интриги и подсиживания среди людей, находящихся у власти, давно уже вошли в норму повсеместно. Разве что в окружении Гитлера эта борьба приняла наиболее отвратительные формы. Стоит лишь упомянуть, как Людеке подвел итог, уже находясь в концентрационном лагере:

> «Мои враги, очевидно, во главе с доктором Ганфштенглем, стали авторами моего позора».

Теперь попытаемся разобраться в обстоятельствах побега.

Однажды зимней ночью 1934 года Людеке подняли с постели и повезли в Ораниенбург. Там в своем автомобиле его ждал старый товарищ и один из главарей штурмовиков Эрнст Рем. Разговор происходил без свидетелей. Рем долго распространялся о текущей политической ситуации, о перспективах борьбы за власть в партии, а в заключение сказал:

> «Ты не нужен мне в Ораниенбурге, но можешь быть очень полезен за пределами Германии».

Рем предложил этой же ночью вывезти Людеке на своем автомобиле в Швейцарию. В женевском банке у Людеке были деньги. Дальнейшее взаимодействие предполагалось обсудить попозже.

В принципе Людеке был готов. Смущало только то, что кое-какие важные бумаги и документы оставались в лагере. Но камнем преткновения стало освобождение адвоката Грегора Страссера, его ближайшего помощника. На просьбу вывезти и Страссера в Швейцарию Рем резонно заявил, что организация побега может стоить ему жизни:

> «Разве Вы не знаете, что Шульц, интимный друг Страссера, готовил покушение на меня, по крайней мере однажды? Почему я должен отдавать свою жизнь в их руки? Это было бы безумием».

Людеке попросил дать время для того, чтобы подумать. Рем оставил ему телефон своего доверенного сотрудника и пятьсот марок на текущие расходы.

Как я уже упоминал, режим в концлагере был в то время довольно либеральный. Разрешались даже поездки в Берлин в сопровождении охранника. В одну из этих поездок Людеке, уже решившись на побег, попытался дозвониться по телефону, который дал ему при их последней встрече Рем, но тщетно. Пришлось воспользоваться другим планом — поездом доехать до Праги, а уже оттуда добираться до Швейцарии. Побегу благоприятствовало то, что у охранника была подружка в Берлине, к которой он отлучился на часок. В итоге план Людеке был успешно реализован.

Детали побега подробно описаны в книге Курта Людеке, но вот что вызывает у меня сомнение. Чтобы успешно преодолеть пограничные кордоны, нужно было иметь удостоверение личности. Вряд ли заключенные концлагеря имели при себе такие документы. Кроме того, нужны были деньги на дорогу, жилье и пропитание. Но очень уж кстати Рем одарил Людеке пятьюстами

марками — словно бы нарочно, чтобы версия побега, изложенная в книге, выглядела более правдоподобно. Нет, несомненно, кто-то Людеке помог. Да неужели среди его знакомых не было ни одного, на кого бы можно было положиться?

Для выводов о сотрудничестве Людеке и Солдатёнкова, в частности при организации побега, есть доказательства более существенные, чем отнесение обоих к таинственному разделу картотеки партканцелярии, поименованному как «Особые случаи». Для этого нужно обратиться к тому, что произошло после бегства Людеке из пределов рейха. Тут-то и начинается самое интересное.

Итак, в марте 1934 года Курт Людеке совершил побег из концлагеря в Ораниенбурге. А через три месяца случилась «ночь длинных ножей», так называемая операция «Колибри», в ходе которой он наверняка был бы уничтожен, как и другие подручные Рема из числа штурмовиков. После того как поиски Людеке в Германии не дали результата, уже знакомый нам доктор Эрнст Ганфштенгль из Штаба связи НСДАП обратился в министерство иностранных дел. По его просьбе статс-секретарь МИДа, тайный советник и барон фон Бюлов-Шванте слал телеграммы и письма, требуя предоставить любую информацию о местонахождении и связях Курта Людеке. Но вот что удивительно — рядом с этой фамилией уже известного нам фигуранта неизменно стояло имя Василий Солдатёнков, само собой написанное на немецком языке. Можно только пожалеть, что связь Солдатёнкова с Людеке в этих запросах никак не объяснялась.

Но вот в очередном письме на имя статс-секретаря доктор Ганфштенгль сообщает:

> «Любезный господин тайный советник фон Бюлов-Шванте…»

Дальнейшие реверансы за ненадобностью опускаю и сразу перехожу к содержательному тексту:

> «Людеке в течение 1911/12 был секретарем этого Василия Солдатёнкова, которого он называет „русским изобретателем“».

Вот даже как!

Такого близкого «сотрудничества» я никак не ожидал. Но прежде чем делать какие-либо выводы, перечислю факты, которые помогут разобраться в смысле приведенных строк.

В письме МИДа, разосланном зарубежным представителям, есть такие слова, относящиеся к Солдатёнкову:

«…был якобы русским изобретателем и находился в июле 1911 в Париже».

А между тем в январе 1912 года Василий Солдатёнков, как я уже писал, выиграл в парижском кафе «Де ля Режанс» партию у чемпиона Франции Фредерика Лазара. Как видим, здесь противоречий нет.

Далее приведу выдержку из сообщения немецкого посольства в Риге:

«Мужчина по фамилии Солдатёнков, имя которого не удалось установить, перед войной был русским морским офицером, а позже служил в армии генерала Юденича. В Эстонии он, вероятно, занимался исследованиями и сделал авиационно-техническое изобретение. Позже отправился в Литву, где, вероятно, сейчас и проживает».

Как мы теперь знаем, этим мужчиной не мог быть Василий Васильевич Солдатёнков, который с осени 1917 года жил в Америке. Речь, несомненно, идет о его брате Кузьме. Но вот что интересно — это увлечение Кузьмы Васильевича изобретательством, подтверждаемое мнением заслуживающих доверия германских дипломатов. Так, может, шифровальное устройство в 1912 году вовсе не Василий изобрел? С другой стороны, в предыдущем сообщении Василий назван «русским изобретателем». Ну до чего ж талантливые были сыновья у Василия Ивановича!

Однако речь дальше пойдет не об изобретениях. Очень хотелось бы понять, что связывало Василия Солдатёнкова с Куртом Людеке. А для начала напомню о шахматных увлечениях Василия — ведь без внимания прессы не остались блиц-партии, сыгранные им в 1909 и 1912 годах. Было и сообщение о его вступлении в Манхэттенский шахматный клуб в ноябре 1917 года, и даже победа над чемпионом США Фрэнком Маршаллом.

Но вот читаю американский «Шахматный бюллетень», вышедший из печати в ноябре 1937 года:

«Игра, начатая в Мангейме за два дня до начала Второй мировой войны Фрэнком Дж. Маршаллом и Куртом Людеке, автором книги „Я знал Гитлера“, была продолжена, как показано на фотографии, через 23 года, когда они встретились вновь в отеле „Шелтон“ в Нью-Йорке. Так и не вспомнив, чей был ход, они не закончили игру. Вместо этого сыграли три блиц-партии,

где Маршалл победил дважды и свел к ничьей еще одну игру».

Итак, дипломатия, участие в политических событиях, а тут еще и общее для обоих увлечение шахматами. К этому стоит добавить, что оба выглядели довольно привлекательно, вне зависимости от их сексуальных предпочтений. Если же допустить, что Курт Людеке сотрудничал с разведкой, знакомство с талантливым русским изобретателем в 1911 году становится фактом, не требующим особых пояснений.

Позже, во время своих путешествий по Америке, Курт Людеке просто обязан был разыскать Василия. Кто лучше старого друга мог помочь с организацией пропаганды среди русских эмигрантов? Я уже писал, что Солдатёнков был знаком с президентом Вудро Вильсоном, а в память об отце наверняка был вхож в дома известных дипломатов и политиков. Однако «американская мечта» не сочеталась с идеями национал-социализма, и потому успехи миссии Людеке были поначалу более чем скромны. Одной из удач его работы в США могло стать вступление Василия Солдатёнкова в НСДАП. Думаю, что к этому времени их роли поменялись — уже Василий стал помогать Курту, а не наоборот. Но это частности, а главное в таком деле — дружба. Не исключено, впрочем, что тут была более тесная привязанность.

Скорее всего, именно с участием Солдатёнкова удалось организовать побег Людеке из немецкого концлагеря сначала в Швейцарию, а затем и в США. Поэтому и все усилия органов НСДАП были направлены на поиски этой неразлучной пары. Но вот на что хотелось бы обратить внимание. Вместо того чтобы ограничиться действиями спецслужб, власти подключили к поискам свои дипломатические представительства за рубежом, причем переписка велась вовсе не секретная, да еще и с заметным опозданием — начиная не с марта, а только с ноября. Более того, поиски сосредоточились в Прибалтийских странах и во Франции, хотя известно, что Людеке бежал в Швейцарию и вроде бы писал оттуда слезные письма Гитлеру о своем желании вернуться, если ему будет предоставлена возможность продолжать свою деятельность на благо нации. Впрочем, письма остались без ответа.

Судя по всему, после побега Людеке Василий Солдатёнков направился в Италию, в Рим — там было много знакомых еще с того времени, когда он работал советником в российском посольстве. На первых порах можно было рассчитывать и на приют у бывшей супруги, княжны Елены Горчаковой. Одно не

вызывает сомнений — свою борьбу с коммунистами Василий Васильевич не собирался прерывать. Уж очень они Солдатёнковым в России навредили!

Есть и еще одно обстоятельство в подтверждение того, что ярый антикоммунист не мог сидеть сложа руки, а продолжал свою борьбу, возможно сотрудничая с чернорубашечниками. Весной 1944 года в Италии было сформировано новое правительство, в которое вошли и коммунисты. После освобождения Рима союзными войсками в июне того же года антифашистские партии получили в правительстве большинство. А смерть Солдатёнкова наступила через полтора месяца — как раз тогда участники Сопротивления сводили счеты с коллаборационистами и сторонниками прежнего режима.

И снова возникает вопрос: а не пора ли это исследование завершать, тем более что к судьбе княгини Киры Алексеевны история сотрудничества ее дальнего родственника с нацистами имеет весьма приблизительное отношение? Ну разве что просмотреть на всякий случай опись документов партканцелярии НСДАП, в которой и было обнаружено имя Солдатёнкова, а там кто знает — может, снова повезет.

Поиски знакомых фамилий в списке я начал, естественно, с буквы «К» — мне она гораздо ближе остальных точно так же, как Булгакову была близка первая буква его собственной фамилии — вспомните Берлиоза, Бегемота, Бездомного, Борменталя и других персонажей его произведений. Увы, никаких особых откровений поиски не дали. То, что генералы Кутепов и Краснов готовы были сотрудничать хоть с марсианами, хоть с чертом, — это предельно ясно и не требует ни малейших пояснений. Генерала Лампе я бы тоже не стал от этой пары отделять — примитивная до крайности философия российских генералов, участников Белого движения, не заслуживает того, чтобы тратить на нее время. Вполне достаточно было нескольких перлов в исполнении барона Петра Врангеля.

Куда интереснее могут быть политические взгляды русских эмигрантов, имевших хоть какое-то отношение к управлению страной. Одним из них был Алексей Аверкиев, бывший действительный статский советник и бывший член губернского земского собрания. С привычными обязанностями пришлось расстаться, но даже в эмиграции Алексей Алексеевич без дела не сидел — стал членом Российского Освободительного Национального Движения (РОНД), образованного после прихода нацистов к власти. Раньше было как-то несподручно кричать «Зиг Хайль!», но с появлением во главе государства Адольфа Гитлера возродились надежды на реванш. Впрочем, численность РОНД

составляла немногим более тысячи человек, да и Гитлер покровительствовать русским фашистам пока не собирался. В это время шла очень сложная игра с Западом, с СССР, и ссориться с Москвой было преждевременно. Вскоре РОНД прикрыли, но вместо нее возникла более умеренная по своей программе Партия Российских Освобожденцев (ПРО). Аверкиев, барон Александр Меллер-Закомельский (генерал от кавалерии, отличившийся при подавлении восстания 1905 года в Севастополе) и еще несколько членов бывшей РОНД, поначалу влившихся в дружные ряды ПРО, со временем сочли позицию ее руководства изменой национал-социалистическим идеалам и вышли из этой партии. Однако можно ли было сидеть сложа руки, когда оные буквально чесались, хотя держать оружие силенок уже явно хватало! Через год Аверкиев вошел в состав Российского Национального и Социального Движения (РНСД) — видимо, на сей раз программа его вполне устроила — и позже стал руководителем его берлинского филиала.

Вот, пожалуй, и все про Алексея Аверкиева — пикейные жилеты со свастикой вместо цветочного узора малоинтересны ввиду убогости мыслей и склонности к ничем не ограниченному словоблудию. Надо бы только вот о чем сказать — и Аверкиев, и Меллер-Закомельский были помещиками того самого Клинского уезда, где расположено Иваново-Козловское, и потому наверняка водили знакомство с князем Юрием Михайловичем. Да что тут говорить — если покопаться в родословных, обнаружим, что в начале XIX века бароны Меллер-Закомельские даже состояли в родстве с Козловскими. По счастью, влиянию будущих нацистов князь не поддался, а потому и его фамилия в описи документов партканцелярии НСДАП отсутствует, чему я несказанно рад. Напомню, что семья князя бежала из Бельгии после германского вторжения, однако добралась только до Парижа, вскоре также оккупированного немцами. Не с этим ли связана смерть Юрия Михайловича в 1943 году? Надо бы отметить и то, что немецкие корни княгини Киры Алексеевны никак не способствовали появлению у нее симпатии к фашистскому режиму.

Есть несколько фамилий в упомянутой выше описи, с которыми случились более чем удивительные превращения. Вот вроде бы все ясно — воевали сначала в Белой армии, потом в военных формированиях Третьего рейха и вдруг… Вдруг появляются сообщения со ссылкой якобы на бывшего работника разведки, откуда следует, будто гитлеровские пособники являлись тщательно законспирированными агентами НКВД. Какую цель преследовали авторы этих откровений — то ли обелить дальних родственников, то ли прославить советские

спецслужбы? Логики в этих сообщениях нет, поскольку пользы от подобного «внедрения» во вражеские войска гораздо меньше, чем вреда — крови советских людей по вине русских фашистов было пролито немало. Одним из них был войсковой старшина Казачьего Стана, в германской армии именовавшегося *Kosakenlager,* Тимофей Доманов — в середине 1944 года он занял место командира этого формирования. Какое-то время Казачий Стан участвовал в карательных операциях против партизан на территории Белоруссии, а позже был переброшен в Северную Италию, где вошел в подчинение командующего войсками СС. Весной 1945 года казачьи формирования, перейдя границу с Австрией, сдались британским властям. Англичане, как несколько ранее и Гитлер, не хотели ссориться с СССР, потому тысячи казаков были выданы представителям союзников. После суда Доманов был повешен — компанию ему составили Краснов, Султан Гирей Клыч и Шкуро. Кстати, в описи документов канцелярии НСДАП Доманов указан в том же разделе, что и генерал Краснов. Этот же регистрационный номер фигурирует и в разделе «Акции генерала Власова».

В описи документов партканцелярии упомянут и бывший полковник лейб-гвардии Измайловского полка Александр Хомутов. Об этом русском фашисте известно мало — убежденный монархист, вроде бы руководил отправкой офицеров из Петрограда на Дон в начале 1918 года, затем был арестован ЧК, но каким-то образом ему удалось выпутаться. Позже он воевал в армии Юденича, однако подозрения в сотрудничестве с чекистами остались, из-за чего Хомутов был даже исключен из объединения лейб-гвардии Измайловского полка. Вот уж он-то явный кандидат на роль подручного НКВД, если вас увлекают поиски несуществующих агентов. Я же воздержусь от подобных утверждений до тех пор, пока не получу возможность проанализировать факты, которых у меня сегодня нет.

От монархиста-полковника плавно перейдем к монархисту-генералу. Василия Бискупского довольно точно описал барон Петр Врангель в своих «Записках»:

> «За два года до войны Бискупский полковником ушел в отставку. Он бросился в дела, основывал какие-то акционерные общества по разработке нефти на Дальнем Востоке, вовлек в это дело ряд бывших товарищей и, в конце концов, жестоко поплатился вместе с ними. Овдовев, он поступил в Иркутский гусарский полк и, быстро двигаясь по службе, в конце войны командовал уже дивизией. В Петербурге он попал делегатом в совет

солдатских депутатов от одной из армий. Он постоянно выступал с речами, по уполномочию совета, совместно с несколькими солдатами, ездил для переговоров с революционным Кронштадтским гарнизоном и мечтал быть выбранным председателем военной секции совета. Как и следовало ожидать, из этого ничего не вышло. Выбранным оказался какой-то фельдшер, и Бискупский вскоре уехал из Петербурга».

Разочаровавшись в Советах, Бискупский надеялся получить желаемое от гетмана Скоропадского на посту командующего войсками Центральной рады. Ожидания так и не сбылись, потому что под натиском войск Петлюры гетману и его подручным пришлось срочно эмигрировать в Германию — эти события подробно и со знанием дела описал Михаил Булгаков в «Белой гвардии». Позже ходили слухи, что Бискупский продал японскому посольству принадлежавший ему участок земли на Сахалине и на эти деньги купил себе шикарную квартиру в центре Мюнхена. Согласно той же легенде, в 20-х годах на его квартире некоторое время скрывался от полиции Адольф Гитлер.

Однако ко времени прихода нацистов к власти Бискупский успел поиздержаться. Что уж тут говорить, если его жене в 1933 году даже пришлось обращаться к новым германским властям с просьбой о материальной поддержке — речь шла о возмещении за произведенный летом незаконный арест. Как ни странно, спасителю вождя нации отказали даже в незначительной сумме.

Генерал Бискупский, 1916 г.

Но в 1936 году отставному генералу повезло — не исключено, что Гитлер вспомнил об оказанной ему услуге и решил отдать долг. Так Бискупский стал директором «Русского национального управления» в Германии, сменив в этой почетной должности другого русского фашиста Сергея Боткина, бывшего дипломата. Вот, собственно, и все, потому что карьеры Бискупский, по большому счету, сделать не сумел, закончив жизнь в 1945 году.

И все же любопытно, какого рода особые услуги нужно было оказать будущему фюреру, чтобы стать впоследствии, к примеру, руководителями ПРО и РНСД?

Здесь самое время возвратиться на Большую Садовую, где до Октябрьского переворота жила семья дипломатов и священников Арсеньевых. В чем дело — станет ясно потом.

Как я уже писал ранее (см. «Дом Маргариты»), в начале Большой Садовой, как раз напротив шикарного особняка Шехтеля, располагался дом Арсеньевых, представителей древнего дворянского рода, основанного, как на Руси было принято, сыном татарина из Золотой Орды. Сергей Васильевич служил по дипломатическому ведомству, долгое время был Генеральным консулом России в Швеции. Вместе с ним в доме проживали его жена, Надежда Васильевна, и двое сыновей. Юрий служил коллежским секретарем в Московском окружном суде. А наибольшую известность получил Николай, религиозный философ и православный богослов.

Дед Николая, Василий Сергеевич, до самой смерти в 1915 году жил в том же доме. Христианский философ и мистик, горячо верующий и смиренно преданный сын православной церкви, он в тех же традициях воспитал и своих детей. Двое из пяти его сыновей стали священниками — один служил в церкви Святой Великомученицы Екатерины, другой — в храме Христа Спасителя.

Николай Сергеевич родился в Стокгольме, учился в Московском лицее имени Цесаревича Николая и на историко-филологическом факультете Московского университета. Находился под влиянием одного из основателей религиозного модернизма в России Сергея Трубецкого. С началом империалистической войны пытался пойти добровольцем на фронт, но был забракован из-за плохого зрения. Однако сумел добиться, чтобы его определили помощником уполномоченного Красного Креста. В сентябре 1916 года курсом «Мистическая поэзия Средних веков» Арсеньев возобновил свою педагогическую деятельность на историко-филологическом факультете Московского университета. Приход к власти безбожников-

большевиков был встречен им крайне враждебно, что вполне естественно для религиозного философа, разделявшего политические взгляды правых октябристов. В дальнейшем свои симпатии он отдал Белому движению.

В 1919 году Арсеньева дважды арестовывали, но обошлось. Опасаясь очередного ареста, в марте следующего года он нелегально перешел польскую границу. После недолгого пребывания в Варшаве и Берлине обосновался в Кенигсберге.

Есть мнение, что будто бы после 1933 года «нацистские власти запретили ему заниматься преподавательской деятельностью» в «Альбертине», преобразованной в рейхсуниверситет. Однако сам Арсеньев в своих воспоминаниях никаких претензий в адрес властей не высказывает.

И вот обнаруживаю знакомые имя и фамилию в картотеке партканцелярии НСДАП. А в связи с этим возникают два вопроса. Как русскому, бежавшему из Советской России, доверили чтение лекций в рейхсуниверситете? И почему материалы на него находились среди документов НСДАП? Куда логичнее было бы завести досье в гестапо, что было сделано на другого религиозного философа, Ивана Ильина. Читал бы Арсеньев лекции по физике, это бы еще куда ни шло — вполне мог получить университетскую кафедру и в Англии, и в США. А тут ведь дело касалось идеологических проблем — нельзя же игнорировать властвующую идеологию при чтении лекций по философии и другим гуманитарным предметам. К примеру, в Советском Союзе в этом случае партбилет был так же обязателен, как и диплом о высшем образовании, даже при наличии ученой степени доктора наук. Логично предположить, что и Арсеньев каким-то образом доказал свою лояльность нацистскому режиму. А что, если Николай Арсеньев сотрудничал с НСДАП?

Предвижу возражения, что сотрудничество некоего Арсеньева с нацистскими властями ничего не значит. Да мало ли Арсеньевых проживало на германских землях в незапамятные времена! Готов согласиться даже с тем, что еще больше было Николаев. Но тут уж все сошлось словно бы одно к одному. Есть два возможных аргумента в пользу этой версии. Вот что писал Арсеньев:

> «В эпоху величайших испытаний, пришедших во время большевистского террора и беспрестанного гнета, голода, арестов и ссылок, — моя мать некоторое время сидела вместе с моим отцом в большевистской тюрьме и там поддерживала его духовно».

Естественно, что любящий сын воспылал ненавистью к

большевикам, которая и могла привести его к сотрудничеству с нацистами, — так поступила часть русских эмигрантов первой волны.

Другое объяснение состоит в том, что в этом деле был совершен взаимовыгодный обмен. Арсеньев согласился помогать нацистам в надежде, что те не станут запрещать чтение лекций по философии и русской литературе. Как мы уже знаем, эти надежды в полной мере сбылись, более того, после бегства из Кенигсберга в 1944 году чтение лекций продолжилось в Сорбонне, а позже и за океаном. И все же хотелось бы знать: какой из перечисленных причин Арсеньев объяснил своим коллегам сотрудничество с партией расистов и убийц?

Однако даже наличие косвенных улик не позволяет версию превратить в обоснованное обвинение. Придется снова обратиться к описи документов канцелярии НСДАП. Собственно говоря, регистрационный номер, связанный с фамилией Арсеньева, там лишь один. Попробуем выяснить, что он означает. Вот связанная с эти номером ссылка на лютеранскую академию в Зондерхаузене. Казалось бы, все ясно — религия и больше ничего. Тем более что с этим же разделом связано упоминание имени гауптштурмфюрера СС Вальтера Колпера, сотрудника «Церковной службы информации» в имперском управлении безопасности (РСХА). Вполне логичная связь — эсэсовец курировал вопросы религии, которые могли так или иначе угрожать интересам нации. Но дальше больше — к этой же теме имел отношение и оберштурмбаннфюрер СС Эрих Ханенбрух. Не много ли на одного несчастного Арсеньева? Однако и это объяснимо — Ханенбрух также служил в РСХА, где курировал тему «Протестантские церковные дела», осуществляя надзор за прихожанами и лютеранскими священниками.

Но вот что странно. Хоть и читал Арсеньев лекции по религиозной философии, но ведь служителем протестантской церкви он не состоял, оставаясь в православии, проповедей не читал и никого не исповедовал. Так что же общего было между ним и офицерами СД? И почему в этой связи опись не содержит упоминания ни одного другого имени, если не считать муниципального советника из небольшого провинциального городка на западе Германии? Неужели два сотрудника имперской безопасности только тем и занимались, что следили за Арсеньевым?

Пришлось снова покопаться в картотеке канцелярии НСДАП, и вот обнаруживаю краткий реферат под тем же регистрационным номером, что упомянут в связи с именем Арсеньева. Текст имеет отношение к событиям лета 1942 года:

> «После устного обмена мнениями между партканцелярией, шефом охранной полиции и министерством иностранных дел о запланированном заседании академии Лютера в Зондерхаузене в соответствии с сообщением руководителя академии, профессора Штранге, принято решение: с учетом проведенной подготовки заседание разрешить, однако в условиях военных действий никакие другие мероприятия этого рода невозможны».

Далее рекомендовано изменить заголовок торжественной речи на заседании. А в следующем реферате выражено сомнение в целесообразности поездки профессора Штранге в Швецию и Финляндию, поскольку хотя священник в порочащих его связях не замечен, однако упорно держится в стороне от большой политики и не выказывает какого-либо понимания задач, которые ставит перед собой НСДАП. В связи с этим рекомендовано повременить с выдачей ему пропуска на выезд за пределы рейха.

Попробуем найти объяснение столь пристальному вниманию нацистских властей к делам лютеранской церкви. В середине 30-х годов лидеров германских протестантов стали беспокоить попытки вмешательства государства в церковные дела. Весной 1936 года они направили Гитлеру меморандум, в котором наряду с жалобами по конкретным случаям содержался вопрос: является ли целью действий властей попытка «дехристианизации» нации? Такая постановка вопроса Гитлеру очень не понравилась, и начались репрессии — было арестовано около восьмисот деятелей протестантской церкви.

Летом следующего года в Берлине выступил с обличительной проповедью известный протестантский теолог, по убеждениям антикоммунист, Мартин Нимеллер. В его речи были и такие слова:

> «Больше мы не можем хранить молчание, следуя повелению человека, когда Господь велит нам говорить. Мы должны повиноваться Господу, а не человеку!»

Понятно, что Гитлер придерживался другого мнения, а потому с 1938 года до конца войны Нимеллер содержался в лагерях Дахау и Заксенхаузен. Но странно не это — в описи документов партканцелярии НСДАП имя Мартина Нимеллера не связано с регистрационным номером, который поставлен у фамилии Арсеньева. А это в совокупности с тем, что сказано выше, означает только одно: упоминание фамилии Арсеньева в указанном контексте является свидетельством его сотрудничества

с нацистскими властями. Во всяком случае, иного объяснения я не нахожу.

Надо учесть и то, что в Кенигсберге с давних времен большое влияние имела старолютеранская община. А кто мог лучше других контролировать настроение университетской молодежи? Кто ежедневно общался с молодыми протестантами, не являясь ни официальным надзирателем, ни лютеранским проповедником, но при этом имея высокий авторитет религиозного философа? Согласитесь, что положение Арсеньева было идеальным с определенной точки зрения. Логично допустить, что в его обязанности входило информирование кураторов из РСХА о настроениях в университете, а взамен ему предоставлялось право преподавать и свободно читать лекции на излюбленные темы. Что еще оставалось русскому «невозвращенцу» — не помирать же на чужбине с голоду? А тут еще благодаря материальной поддержке тетки Арсеньева, Лобановой-Ростовской, жены английского дипломата, в 1933 году удалось переправить родственников из России в Кенигсберг — на это ведь требовались не только деньги, но и благорасположение нацистов. Ну можно ли было в таких условиях конфликтовать с властями, отказываясь от предложения, от которого просто невозможно было отказаться?

Не думаю, что на основе информации, полученной от Арсеньева, кого-нибудь арестовали. Другое дело, что на коммуниста он бы с радостью донес. Однако факт сотрудничества с нацистами сомнений у меня не вызывает.

Среди русских нацистов, служивших в Управлении делами русской эмиграции в Германии после прихода Гитлера к власти, был человек — кстати, знакомый и с Василием Бискупским, и с Альфредом Розенбергом, — который удачно вписывается в тему этой главы. Сам он ни с Булгаковым, ни с его женами знакомства не водил, однако кое-кого из близких ему людей записали чуть ли не в соавторы Михаилу Афанасьевичу. В истории русской эмиграции он был известен под фамилией Шабельский-Борк.

Недоучившийся студент Харьковского университета, член ультрамонархического «Союза русского народа», в годы мировой войны офицер-кавалерист. После революции Шабельский-Борк оказался причастен к неудавшейся попытке освобождения царской семьи, а в декабре 1918 года стал участником киевских событий, описанных Булгаковым в романе «Белая гвардия». Однако вслед за гетманом он эмигрировал в Германию. В марте 1922 года Шабельский-Борк был арестован после неудачного покушения на Милюкова, в результате которого был застрелен другой член кадетской партии, отец писателя Владимира

Набокова. На суде Шабельский-Борк признался, что идея расправы возникла у него еще в ноябре 1916 года, после речи Милюкова, в которой тот обвинил императрицу в государственной измене. Тут стоит вспомнить скандальную историю, случившуюся уже гораздо позже, когда князь Козловский назвал князя Юсупова клеветником за аналогичные обвинения в адрес императорской семьи. Впрочем, в тот раз стрельбы так и не случилось.

С недавних пор принято считать, что под псевдонимом Шабельский-Борк скрывался Петр Николаевич Попов, в прошлом житель Кисловодска. Честно говоря, я в этой версии сильно сомневаюсь. Автор ее пишет так:

> «Никаких сведений о его родителях до нас не дошло, зато известно имя его крестной матери. Ею стала видная деятельница монархического движения в России начала XX века Елизавета Александровна Шабельская-Борк».

На мой взгляд, запись в церковной книге может свидетельствовать лишь о том, что Елизавета Александровна была восприемницей при крещении некоего Петра Николаевича Попова. Но вот беда, фамилия очень уж распространенная, и для утверждения, что это был тот самый Попов, позже назвавший себя Шабельским-Борком, должны быть очень веские причины. К примеру, в одной только Москве перед империалистической войной числилось тридцать два Поповых Николая — любой из них мог оказаться отцом Петра. Жил, впрочем, такой врач в Кисловодске — Н.И. Попов. Кто знает, не было ли ему суждено стать отцом будущего защитника монархических устоев? Однако утверждать этого не берусь — легче попасть в пятикопеечную монету из ружья со ста шагов, чем угадать, кто из Поповых был отцом того самого Петра.

Косвенным свидетельством в пользу версии о П.Н. Попове является рассказ генерала Дитерихса о попытке освобождения царской семьи — один из участников заговора будто бы называл себя Поповым-Шабельским. Ту же фамилию упоминает Соколов, известный исследователь обстоятельств гибели царской семьи, — Попов-Шабельский был допрошен им в 1921 году в Германии. Речь о некоем Попове идет и в воспоминаниях еще одного монархиста, Федора Винберга. Однако веры отставным полковникам и генералам у меня нет, поскольку очень уж часто их подводит память. Самым надежным свидетельством стало бы признание самого Шабельского-Борка, однако он свою «подлинную» фамилию до самой смерти тщательно скрывал. Неужто так никому и не проговорился?

Если уж зашла речь о происхождении этого Попова, могу предложить еще две кандидатуры на роль его отца.

В 70-х годах XIX века жил в Старобельском уезде помещик Николай Петрович Попов. Выпускник Харьковского университета занимал должность участкового мирового судьи, а некоторое время был даже председателем съезда мировых судей. Надо иметь в виду, что в соседнем, Изюмском уезде той же Харьковской губернии числилось немало Шабельских, потомков богатого землевладельца, черниговского губернатора Катона Павловича Шабельского. Дети его были среди членов уездного съезда мировых судей, так что знакомство Поповых с их семьей вполне возможно. Этим можно объяснить и выбор Петром Николаевичем фамилии для псевдонима.

Еще один Николай Петрович Попов, тоже с Украины, был генерал-майором от артиллерии. Учитывая жесткий характер нашего «героя» и его ультрамонархические взгляды, можно предположить значительную роль в его воспитании батюшки-генерала. К тому же, если следовать аристократической традиция присвоения имен, старший сын генерала наверняка был наречен Петром.

Но в сущности, не столь уж важно, Попов это был, Шабельский или Борк, поскольку куда интереснее личности русского нациста судьба той самой Елизаветы Александровны Шабельской, которая исследователями обозначена как его крестная мать. Впрочем, оговорюсь на всякий случай — было бы весьма прискорбно, если бы у матери отобрали ее дитя только на основании суждений людей совершенно посторонних.

Сведения о происхождении Елизаветы Александровны противоречивы и очень приблизительны. Кто-то встречал в Одессе хорошенькую Лизу Шабельскую, якобы дочь известного генерала. Другие утверждают, что она оказалась в Петербурге после того, как рассорилась с семьей. Есть предположения, что Шабельская перебралась в столицу после безвременной кончины своего отца. Согласно другим сведениям, она родилась в дворянской семье в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, а позже оказалась в Петербурге.

Внесу свою лепту в историю Шабельской и я. Рискну предположить, что родилась Елизавета в семье штабс-ротмистра Александра Васильевича Шабельского. Был у нее брат Михаил, о котором речь пойдет чуть ниже. Судя по всему, к богатым наследникам Катона Шабельского, владевшего землями в Харьковской губернии, она не имела отношения либо же принадлежала к обедневшей ветви рода. В молодости актриса, а позже журналист и литератор, Елизавета Александровна

благодаря общительному нраву была довольно популярна среди столичной публики. Известный русский журналист Александр Амфитеатров писал о ней так:

> «Шабельская была известна в петербургском журнальном мирке 90-х годов под полушутливым именем „Эльзы фон Шабельски“, намекавшим на ее сильную онемеченность долгим пребыванием в Германии в качестве сперва актрисы (ученица Эрнста Поссарта), потом политической корреспондентки „Нового времени“».

Среди ее многочисленных поклонников и интимных друзей в те годы были миллионер Савва Морозов, чуть ли не шесть министров, если верить дневнику Суворина, однако особое расположение она питала к товарищу министра финансов Владимиру Ковалевскому. Словом, жизнь била ключом! Даже, может быть, фонтаном…

Однако со временем пристрастие к вину и морфию привело к ухудшению здоровья — Елизавету Александровну стали мучить бессонница и головные боли. Если бы не знакомство с врачом-психиатром Алексеем Николаевичем Борком, статским советником и сыном генерала, разгульная жизнь могла привести к трагическим последствиям. Однако Борк оказался знающим врачом и более того — кудесником! Головную боль, влечение к наркотикам и алкоголю снимал одним прикосновением рук. На несколько дней этого вполне хватало. Стоит ли удивляться, что вскоре они стали мужем и женой.

Все бы ничего, и можно было бы продолжать рассказ о Елизавете Александровне, но дело в том, что у мужа Шабельской был родной брат — Петр Николаевич Борк, статский советник накануне падения монархии, служащий губернского правления в Ярославле. Опять все то же сочетание имени, отчества и фамилии, хотя бы ее части. Неужто это неспроста? И вот поневоле возникает подозрение, что не было никакого Попова, а был только Петр Борк, сотворивший всю эту головоломку и самовольно присоединивший к Борку вовсе не принадлежащую ему фамилию.

И все же такое объяснение истории с непонятным псевдонимом даже мне представляется маловероятным. Скорее всего, причина появления двойного псевдонима в том, что Поповых было слишком много, да и Шабельский оказался не один. Среди деятелей русской эмиграции известен был Константин Павлович Шабельский, бывший уездный предводитель дворянства в Новгородской губернии, бывший

начальник гражданской канцелярии генерал-губернатора Северной области Миллера в 1920 году, а позже — представитель Делегации по защите интересов русских в Австрии. Вот так желание придумать себе оригинальный псевдоним вызвало появление самых странных версий.

На этом тему Петра Николаевича Попова можно наконец закрыть. Но уж коль скоро упомянут генерал Миллер — тот самый, которого НКВД похитило средь бела дня в Париже в 1937 году, — следует пояснить, кто была его жена. А женой Евгения Карловича стала Наталья Николаевна Шипова, племянница досточтимого Дмитрия Николаевича, которому было посвящено немало строк в первой главе. Если теперь окажется, что Хлебниковы связаны родственными узами с семейством Борк, а через них со скандально известной Эльзой фон Шабельски, я уже ничему не буду удивляться. И в самом деле, прадед Павла Хлебникова, Владимир Андреевич Бернгард, вторым браком был женат на Вере Николаевне Борк, сестре Алексея Николаевича. Ну что ж, против фактов не пойдешь. По поводу того, как тесен мир, на этот раз не стану повторяться.

Итак, были годы, когда госпожа Шабельская процветала. Роскошную жизнь ей обеспечивали обширные связи и благорасположение Ковалевского. Вот что писал издатель Суворин, близко знакомый с Елизаветой Александровной:

> «В течение нескольких лет она стала богатой… раздает места и способствует за деньги предприятиям».

Однако всякому счастью рано или поздно наступает конец. Затеянная Шабельской театральная антреприза стала приносить одни убытки, и тогда пришлось воспользоваться векселями Ковалевского. Сто двадцать тысяч — по тем временам это была весьма значительная сумма. Однако бывший любовник отказался признать свою подпись на векселях… и началось! Подробности этого дела, тянувшегося несколько лет, описаны многочисленными исследователями. Нас же интересует только приговор — по делу о якобы фальшивых векселях судом присяжных экс-любовница была оправдана.

Прежде чем поведать о литературных достижениях Шабельской, следует рассказать о ее брате. Михаил Александрович окончил Харьковский университет и долгое время работал врачом, дослужившись до чина надворного советника. Видимо, врачебная деятельность ему наскучила, или же возраст брал свое, но это дело он решил забросить. Однако в отличие от своего тезки Булгакова военный врач Шабельский не пытался отыскать в себе писательский талант, а выбрал занятие попроще

— стал служить по финансовому ведомству. Способствовал ли перемене профессии дядя, один из директоров харьковской конторы российского Госбанка, или сестра подсуетилась, используя свои обширные связи среди влиятельных людей, но к началу следующего века оказался Михаил Александрович в должности чиновника особых поручений при Министерстве финансов, имея уже чин действительного статского советника.

Но вот оказывается, что вовсе не успехами на ниве врачевания был Михаил Шабельский знаменит. В Харькове 80-х годов он получил известность как заядлый шахматист, но более всего преуспел как организатор шахматных баталий. Благодаря его настойчивости удалось провести заочный матч местных любителей с Михаилом Чигориным, а позже пригласить шахматного мэтра в Харьков «на гастроли». Сотрудничество Шабельского с Чигориным продолжалось и после переезда Михаила Александровича из Харькова в Москву — он занимался анализом зарубежной шахматной литературы. Конечно, талантом Василия Солдатёнкова, увы, Шабельский не обладал, однако немалых успехов добился в шахматах по переписке. Ходили также слухи, будто бы он «подстрекал Чигорина на юдофобские действия». Что тут имелось в виду, непросто угадать, скорее всего, авторы этих сплетен ссылались на содержание пьесы Чехова «Иванов», один из персонажей которой, антисемит, носил фамилию Шабельский.

Что до его сестры, то для нее судебные перипетии стали источником невиданного вдохновения — на свет явился роман «Векселя антрепренерши», название которого должно было пробудить в столичной публике желание еще раз насладиться деталями недавнего скандала, тем более что подробности судебных заседаний пресса словно бы по чьему-то указанию замалчивала. Однако взбудоражил читателей не этот, а другой ее роман. Что уж говорить, если кое-кто не может успокоиться до сих пор, упрекая писательницу во всех смертных грехах, начиная от морфинизма и кончая графоманией.

Понятно, что единственной причиной такого отношения общественности стали антисемитские взгляды Елизаветы Александровны, которые она активно пропагандировала со страниц газет. Однако справедливости ради следует признать, что писала она ничуть не хуже некоторых нынешних лауреатов литературных премий. Впрочем, достоинства и недостатки ее прозы я не стану обсуждать. Приведу только один отрывок из нашумевшего романа. «Сатанисты XX века» — такое выбрано было для него название:

«Принц Арнульф без сапога на левой ноге и с обнаженной левой стороной груди введен был „поручителем“ — один из высших сановников финансового ведомства… Он ответил на традиционные вопросы традиционными же словами, до смысла которых не доискиваются, повторяя машинально заученные наизусть фразы. Затем с „ищущим света“ проделали обязательные испытания. № 1: заряженный пистолет, из которого „ищущий света“ должен был застрелиться по приказанию старшего „мастера“, причем пуля пропадала в рукоятке, при поднятии курка. Затем следовал № 2: кубок, наполненный кровью „изменника“, убитого на глазах посвящаемого. Кубок этот подносили увидавшему „малый свет“ с приказанием: выпить „кровь предателя“ за „погибель всех изменников великому делу“…»

Вот этот-то кубок с кровью и предшествовавшее ему убийство позволили одному «непопулярному» исследователю утверждать, будто Михаил Булгаков позаимствовал у Шабельской чуть ли не самую впечатляющую сцену своего романа. Напомню фрагмент из «Мастера и Маргариты», посвященный балу Сатаны:

«Коровьев подставил чашу под бьющуюся струю и передал наполнившуюся чашу Воланду. Безжизненное тело барона в это время уже было на полу.

— Я пью ваше здоровье, господа, — негромко сказал Воланд и, подняв чашу, прикоснулся к ней губами.

Тогда произошла метаморфоза. Исчезла заплатанная рубаха и стоптанные туфли. Воланд оказался в какой-то черной хламиде со стальной шпагой на бедре. Он быстро приблизился к Маргарите, поднес ей чашу и повелительно сказал:

— Пей!»

Однако дело доходит до смешного, хотя какой же смех, когда хлещет кровь ручьем. Но вот читаем другой отрывок из той самой сцены:

«К Маргарите приближалась, ковыляя, в странном деревянном сапоге на левой ноге, дама с монашески опущенными глазами, худенькая, скромная и почему-то с широкой зеленой повязкой на шее».

Там, у Шабельской, — левая нога без сапога. А здесь, заметьте, — тоже левая нога, но уже в сапоге, да еще и в

деревянном. Вот ведь какие бывают совпадения!

Но можно ли поверить, чтобы писатель списал у графомана?

Конечно, тут нет речи о заимствовании, поскольку все определяет результат. Вот если бы удалось Шабельской создать столь же значительное художественное произведение, каким позже стал «закатный» роман, тогда и можно было бы обсуждать, кто у кого списал. А так разве что есть повод для не слишком вразумительных суждений.

Коль скоро все опять закрутилось вокруг имени Булгакова, стоит мимоходом вспомнить и еще об одной Шабельской, урожденной Кронеберг. Вдова богатого харьковского помещика, коллекционер русской старины жила в начале прошлого века на углу Ермолаевского переулка и Малой Бронной. Можно только пожалеть, что не дожила Наталья Леонидовна до того отчасти злополучного, отчасти знаменательного дня, когда зарезало трамваем председателя МАССОЛИТа Михаила Берлиоза. Надо полагать, что из окна ее дома вся сцена гибели была видна как на ладони. И нет сомнения, что мы могли бы получить надежного свидетеля трагических событий, а вместе с тем еще раз убедиться, что, несомненно, ходил по Малой Бронной улице трамвай.

Должен признаться, что очень хотелось написать хоть что-нибудь хорошее и о Берлине. Париж, Нью-Йорк, Брюссель — эти города вызывают исключительно приятные эмоции, что вызвано конечно же пребыванием в них княгини Киры Алексеевны. Увы, Берлин в контексте написанного в этой книге связывается с нацистским прошлым Петра Шабельского-Борка, интригами в окружении Адольфа Гитлера и странным перевоплощением шахматиста Солдатёнкова. Что тут поделаешь? Остается развести руками и ждать. А вдруг появятся другие материалы, связанные с именами Булгакова или княгини? Должно же и тут когда-то повезти. И вот недавно прослышал, будто братья Елены Сергеевны Булгаковой, Александр и Константин, жили вовсе не в Прибалтике, а в Германии, причем… тоже при нацистском режиме. Ну, это уже слишком! Неужто все, что можно о Берлине хорошего сказать, — это напомнить о первых публикациях Булгакова в литературном приложении к газете «Накануне»?

По счастью, информация оказалась не то чтобы совсем недостоверной, но и нельзя сказать, чтобы исключительно правдивой. После присоединения Прибалтийских стран к СССР Александр Нюрнберг (так правильнее писать его фамилию) и в самом деле переехал на жительство в Германию. Однако перед этим он жил в Эстонии и работал архитектором. С его участием были построены публичные бани в Пярну в 1927 году, спортивный дворец в Таллине в 1933 году. А через несколько лет

Александр Нюрнберг удостоился чести быть главным архитектором общего павильона Прибалтийских стран на Всемирной выставке 1937 года в Париже. Ему же приписывают и проектирование здания театра «Синяя птица» в столице дружественной Германии. Вот и нашелся повод что-нибудь хорошее о Берлине написать, тем более что и Булгакову театр был ближе, чем политические дрязги.

Кабаре «Синее птица» открыло свои двери в конце 1921 года. Сначала оно располагалось в помещении бывшего кинотеатра на Гольцштрассе, в живописном районе близ Тегельского озера. Стремясь завоевать симпатии местной публики, дирекция включала в программу несколько номеров на немецком языке. Однако основу репертуара составляло то, что было характерно именно для русского кабаре, — красочный хор, веселые, зажигательные пляски… Все это можно было видеть когда-то на сцене варьете «Альказар», располагавшегося на углу Большой Садовой и площади Старых Триумфальных Ворот в доме купца Алексея Гладышева.

Директором кабаре был Яков Южный, известный в Одессе юморист, успешно соперничавший в этом жанре с Виктором Хенкиным, непревзойденным исполнителем реприз и анекдотов. После женитьбы на актрисе Театра Корша Валентине Аренцвари Южный перебрался в Москву, где стал выступать в жанре свободного конферанса на стене легендарного кабаре «Летучая мышь», а позже основал собственный Театр миниатюр. Но это было в прошлой жизни…

Кстати, и брат Михаила Булгакова, Иван, не избежал увлечения искусством варьете, в 20-х годах работая в парижском оркестре балалаечников.

Кабаре «Синяя птица», после успешных выступлений в Германии и за рубежом преобразованное в театр, оставалось «островком уюта и задушевности» вплоть до 1937 года. В немалой степени своим успехом оно было обязано примеру московского театра-кабаре «Летучая мышь», основанного еще в 1908 году, а в 20-х годах дарившего радость русским эмигрантам, жителям Парижа.

Явление «Летучей мыши» народу, а если говорить точнее, то исключительно элитной публике, состоялось благодаря участию в этом деле богатого купца Николая Лазаревича Тарасова, который не только финансировал проект, но и вложил в его создание свой опыт и фантазию, хотя формально не являлся ни главным режиссером, ни художественным руководителем театра. Очень своеобразный был человек, своими привычками и интересами он мало соответствовал образу трудяги-миллионера, все помыслы

которого посвящены развитию родной российской индустрии. Весьма благожелательную характеристику дал ему Владимир Немирович-Данченко:

> «Трудно встретить более законченный тип изящного, привлекательного, в меру скромного и в меру дерзкого денди. Вовсе не подделывается под героев Оскара Уайльда, но заставляет вспомнить о них. Вообще не подделывается ни под какой тип, сам по себе: прост, искренен, мягок, даже нежен, но смел».

«Искренний и нежный тип» не жил в отдельном особняке, хотя вполне мог себе это позволить, а снимал просторную квартиру в доме торговца мехами Михайлова на Большой Дмитровке. И кров, и хлеб он делил со своим приятелем, будущим директором кабаре «Летучая мышь» Никитой Балиевым, сыном ростовского купца.

А вот как описывает историю создания кабаре скандально известный предприниматель Артем Тарасов в книге «Миллионер»:

> «В результате нашли совершенно заброшенное помещение — подвал в доме Перцова недалеко от храма Христа Спасителя на Пречистенке. Когда взломали заколоченную дверь и Тарасов с другом впервые вошли в подвал, оттуда вылетела летучая мышь. Тут же и решили назвать будущее кабаре „Летучая Мышь“».

Кстати, существует красивая легенда, согласно которой Артем Михайлович является потомком тех богатых купцов Тарасовых, к которым принадлежал и основатель кабаре «Летучая мышь». Будто бы он внук, а Николай Лазаревич — его дедушка. Однако все это не более чем незатейливый, сыгравший в свое время положительную роль в становлении бизнеса пиар. Ну ладно, попиарились и хватит! История же пяти сыновей Аслана Тарасова — купцов первой гильдии Александра, Гавриила, Ованеса, Михаила и Лазаря, — из Армавира перебравшихся в Москву, не содержит даже намека на то, что в будущем им предстояло стать счастливыми прадедами Артема Михайловича Тарасова. Кстати, не пытайтесь разыскать потомков Ованеса и Аслановичей — со временем их имена чудесным образом переменились, и стал Ованес Иваном, а вот Аслановичи стали сыновьями Афанасия. Так что разобраться в родственных связях многочисленных Тарасовых подчас оказывается очень нелегко — даже фамилия у Тарасовых, как говорят, не настоящая, поскольку все они в прошлом назывались Торосяны. Не исключено, что прав

Артем Михайлович, разыскивая своих предков среди черкесов и армян.

Большая Дмитровка, дом Михайлова

Ну, прав или не прав — для нас не так уж важно. А важно то, что случилось утром 31 октября 1910 года, когда счастливый наследник трехмиллионного состояния взял в руки револьвер и застрелился.

Все началось с того, что сын действительного статского советника Михаила Николаевича Журавлева попал в беду — он крупно проигрался в карты. Но вместо того чтобы обратиться к отцу или другим богатым родственникам, Николай Михайлович не придумал ничего лучшего, чем потребовать денег у своей

подруги, грозя покончить с жизнью в случае отказа. Надо полагать, что у заядлого игрока не было уже шансов найти другого кредитора. А ведь отец его в пору руководства Рыбинским бюджетным комитетом был на хорошем счету, вершил добрые дела с тамошним предводителем дворянства Илиодором Николаевичем Хлебниковым, имел канатную фабрику, водил пароходы по Волге, по Шексне. Потом выдал свою сестру замуж за владельца Соколовской мануфактуры Асафа Ивановича Баранова, а вскоре мануфактуру шурина прибрал к рукам. И вдруг такой вот недотепа-сын! Зачем только назначил его в совет директоров заботливый папаша?

К слову сказать, «Товарищество мануфактур» Асафа Баранова (см. «Дом Маргариты») в последние годы его жизни уже не давало прежней прибыли. Уж очень добрым был хозяин — чуть что, шел на уступки, повышая жалованье рабочим. С таким подходом к делу можно прогореть — успешные промышленники при малейшем подозрении на смуту для наведения порядка предпочитали вызывать войска. Ну а зачинщикам забастовок была одна дорога — на каторгу, в Сибирь.

Но возвратимся к неудачливому карточному игроку. Его подруга, симпатичная и общительная Ольга Грибова, тоже была из состоятельной семьи, да еще и замужем за сыном богатого купца, Алексеем Назаровичем Грибовым. Но, судя по всему, не находила она удовлетворения в семейной жизни, и потому среди ее интимных друзей было немало представителей светской молодежи. Не избежал этой участи и Николай Лазаревич Тарасов. Понятно, что в поисках денег Ольга Васильевна кинулась не к мужу и даже не к отцу, богатому мануфактурщику Ясюнинскому. Судьба-злодейка — денег вроде много, а ведь не возьмешь! Вот и пришлось обращаться к своему поклоннику-миллионеру. Однако, оскорбленный необходимостью спонсировать своего соперника, Тарасов отказал.

Ольга Васильевна Грибова

Дальнейшее описано в деталях многократно. Когда срок погашения карточного долга истек, Журавлев, не отличавшийся особой силой воли и умом, нашел единственный выход — застрелился. Не вынесла смерти любимого и Ольга Грибова — видимо, корила себя за то, что была недостаточно ласкова с миллионером, тогда бы тот не решился отказать. Ну а затем настал черед для Николая Лазаревича — угрызения совести заставили его подвести черту и под своей не слишком праведной и не вполне счастливой жизнью. Адреса вроде бы разные — Большая Никитская, Чудовский переулок близ Чистопрудного бульвара, Большая Дмитровка, а способ сведения счетов с жизнью у всех троих один — пуля из револьвера или браунинга.

И вот, заметьте, прямо какая-то волна самоубийств среди спонсоров Художественного театра! Вскоре после того, как в 1905 году покончил с собой Савва Тимофеевич Морозов, финансовую поддержку театра взял на себя Николай Тарасов. Причем без всякой компенсации, разве что усиленно продвигал на сцену своего приятеля Балиева, да, может быть, способствовал карьере мужа своей сестры, артиста Николая Подгорного. В отличие от Подгорного лавров на сцене МХТ Никита Балиев не снискал, зато его талант конферансье раскрылся несколько позже в кабаре. Увы, Тарасов, словно бы завороженный трагическим примером своего предшественника, сценического триумфа приятеля и

квартиранта не дождался.

Дальнейшее следование по ветвям насыщенной персонажами родословной купца могло бы нас привести опять в Париж. Под именем писателя Анри Труайя прославился еще один отпрыск многочисленного рода — Лев Асланович, внук Александра Аслановича и его жены, Улиты, дочери Акакия. Кстати, дядя будущего писателя Александр Васильевич Абессаломов также не обошел своим вниманием Художественный театр, играл в «Трех сестрах» офицера, но было это еще при Морозове, так что заслуги Николая Лазаревича в этом нет.

Итак, с театральных подмостков довоенного Берлина мы потихоньку перебрались на улицы Москвы, остановившись в Камергерском переулке, с которым в конце 20-х годов связывал надежды на успех писатель и драматург Михаил Булгаков. Не вижу никакой надобности рассказывать об этом периоде насыщенной событиями его жизни — на то есть «Театральный роман» и многочисленные труды исследователей-литературоведов. А напоследок полагалось бы пройтись по уже хорошо знакомым нам местам — окрестностям Патриаршего пруда и Малой Бронной.

Как раз там, в Большом Патриаршем переулке, начиная с 1908 года велось строительство дома для семьи Тарасовых, переехавшей в Москву. Это мрачноватое здание, спроектированное в стиле итальянских палаццо, стоит на углу со Спиридоньевской улицей до сих пор. Заказчиком был Гавриил Асланович, а продолжал строительство его сын, Григорий Гавриилович. Когда-то мимо этого здания, дребезжа на повороте, проезжал трамвай.

Давно уже нет трамвая, да и большинство купцов Тарасовых перебралось в Европу, и много лет минуло с тех пор, как признан писательский талант автора «закатного» романа. Но то и дело мы узнаем что-то новое, удивительное, так или иначе связанное с именем Булгакова. Однако прежде, чем рассказать о своем «открытии», я вспомнил Михаила Шполянского, председателя поэтического ордена «Магнитный Триолет» из «Белой гвардии». И вот возник у меня такой вопрос: чем навредил Михаилу Афанасьевичу его тезка Михаил Шполянский — популярный композитор, к тому же любовник замечательной певицы и актрисы Марлен Дитрих, писавший музыку не только для нее, но и для «Кабаре комиков» в Берлине? Ищу ответ и не нахожу. Да это и не столь существенно, поскольку речь здесь идет всего лишь о фантазии писателя.

Большой Патриарший переулок. Дом Тарасовых, 1910-е гг.

Куда важнее для меня понять, чем провинился Михаил Булгаков перед своим племянником, позволившим себе… А впрочем, разбирайтесь сами. Вот что я обнаружил на обложке книги, написанной на немецком языке: «Оттокар Нюрнберг, Михаил А. Булгаков. „Собачье сердце“».

Но как же так! Да что ж это такое! Когда сын Александра Нюрнберга успел заручиться согласием Михаила Афанасьевича на соавторство? Быть может, Елена Сергеевна родственнику удружила? Страшно представить, если каждый переводчик будет ставить свое имя перед именем Пушкина в одной строке — да ведь тогда число соавторов у классика как минимум через две

сотни перевалит!

Подумалось: возможно, любознательный племянник сумел повторить опыт профессора Преображенского в надежде получить столь необходимый людям результат, воплотить в жизнь вековечную мечту о нравственном идеале, интеллектуальном совершенстве? На то ведь и существуют достижения науки. Что ж, в том случае, если операция прошла успешно…

Но нет, оказывается, все не так. Оттокар Нюрнберг написал пьесу по повести «Собачье сердце» — вот потому-то и фамилия его набрана крупным шрифтом и на обложке, и на титульном листе. Впору мне извиниться перед автором.

Однако прежде стоит посмотреть, как в подобных случаях поступал Булгаков. Читаем названия его пьес, написанных по произведениям других авторов:

> Михаил Булгаков. «Мертвые души».
> Комедия по поэме Н.В. Гоголя в четырех актах
> (двенадцать картин с прологом).

Далее:

> Михаил Булгаков. «Война и мир».
> Инсценированный роман Л.Н. Толстого
> в четырех действиях (тридцать сцен).

И еще:

> Михаил Булгаков. «Необычайное происшествие, или Ревизор» (по Гоголю).

Все просто и со вкусом. И нет никакого намека на то, чтобы поставить себя в один ряд с графом Толстым, да еще перед его фамилией.

Нет, право же, не могу предположить, чтобы Булгаков был удовлетворен столь неожиданным соавторством. Да не было ему никакой нужды ставить свою подпись под текстом, которого он сроду не писал! Даже если допустить, что в пьесе один к одному приведены монологи Филиппа Филипповича и реплики Борменталя за обеденным столом. Даже если тщательно скопированы речь Шарикова о текущем политическом моменте и вопли Зины в тот страшный час, когда едва не залили водой весь калабуховский дом.

В общем, если рассуждать по гамбургскому счету — я разочарован. Однако вовсе не потому, что автор пьесы, по слухам, проживает в Гамбурге. Да и в любви племянника к Булгакову я не

сомневаюсь. Любовь любовью, но, даже если сделано так под давлением издательства, надо бы еще иметь и вкус. И хоть немного уважения к читателю, который падок и на дешевую рекламу, и на незатейливый пиар. А впрочем, я, похоже, повторяюсь.

Итак, попробую подвести итог исследованию, предпринятому в двух последних главах книги. Наличие у Булгакова родственников за рубежом, враждебно настроенных к советской власти, — речь и о брате Елены Сергеевны, и о дяде Любови Белозерской, авторитетном белоэмигранте, — никак не повлияло на мое отношение к нему. Да мало ли какие родственники могли быть у жен известного писателя, ведь всех их к делу не подошьешь! Точно так же порочащие связи Василия Солдатёнкова с немецкими или итальянскими фашистами ни в коей мере не способны повредить репутации Базаровых и Хлебниковых, а уж тем более изменить мое восхищение княгиней Кирой Алексеевной Козловской. Правда, несколько смущает роль Витторио Чини в поддержке режима Муссолини. Но ведь богатый промышленник и без того изрядно пострадал и если не искупил вину, то, уж во всяком случае, заслуживает некоторого снисхождения.

Так в чем же дело? Почему возникает ощущение недосказанности, словно бы я намеренно скрыл от читателей ту самую главную, «окончательную» правду?

На самом деле ничего я не скрывал — возможно, просто не во всем удалось в полной мере разобраться. Ну вот, к примеру, очень мне хотелось бы понять, почему внучка княгини Киры Алексеевны вяжет симпатичные коврики вместо того, чтобы сесть за стол и написать воспоминания о бабушке и о других членах своего семейства? Не в том же дело, что плохо обучили грамоте или не владеет русским языком? А может быть, есть в истории их рода такое, что ей хотелось бы скрыть, а вот соврать — просто не поднимется рука?

И тут мне вспомнилось то, что я писал о женских курсах Бобрищевой-Пушкиной в Санкт-Петербурге, которые Кира Алексеевна посещала в 1909 году. Там наряду с «новыми языками» и историей западноевропейской литературы отпрыски дворянских семей обучались «изящным рукоделиям». Неужто будущая княгиня осваивала мастерство вязания изящных ковриков, а вовсе не что-то заумное вроде восточных языков? Напомню содержание отрывка из письма Полины, няни княжеских детей:

«Спускаюсь в столовую, мимоходом заглянув в свою

> комнату… в столовой горит лампада. И почему-то она мне помнится так, как в тот вечер, когда приезжал князь Голицын. Вы с работой в руках, тихо разговариваете с ним, Елена Карловна шила оборочками пан-ны [панталоны], я шила Минины рубашечки, а Георгий Алексеевич дивно играл Листа».

Семейная традиция — от нечего делать вязать коврики и подшивать оборочками панталоны. Это впечатляет! Но вместе с тем задумываешься: а был бы благодарен Михаил Булгаков вот такой судьбе? Хватило бы у него терпения играть заглавную роль в этой деревенской пасторали? Мне остается лишь гадать, что могло быть, а что оказалось бы совершенно невозможным для него.

Все дело в том, что о княгине я знаю очень мало. Кое о чем только догадываюсь, не смея категорично утверждать. Вот потому-то и возникает иногда такое ощущение, что Кира Алексеевна — это всего лишь плод воображения, прекрасная мечта. Напротив, Елена Сергеевна при всей недосказанности, свойственной ее образу, — это та самая желанная, необходимая Булгакову, осознанная и осязаемая им реальность. Ну, правда, не могу себе представить, чтобы княгиня носилась над Москвой верхом на помеле с намерением поквитаться за унижения, перенесенные Булгаковым. Вот тетя ее, Маргарита Карловна, — та совсем другое дело.

Возможно, причина постепенно возникающего разочарования в том образе Киры Алексеевны, который попытался описать, отчасти вызвана заурядностью ее судьбы. Вполне обычный муж, ничем особо не отличившиеся дети… Типичная история известного в прошлом рода, ныне оторванного от своей земли.

С другой стороны, уход Киры из семьи в начале 1909 года — это ли не свидетельство твердого характера. Стоит припомнить и своевременный отъезд Козловских из России в 1918 году, предпринятый, как я по-прежнему уверен, по настоянию княгини. А бегство из Бельгии в Париж после вторжения германских войск? Это при том, что в ее жилах текла немалая толика и немецкой крови. Остается лишь сожалеть, что недостаточное знание не позволяет сделать однозначный вывод. Еще более огорчительно, что американская родня княгини, как я убедился, не знает о ее прошлом даже то немногое, что теперь известно вам.

Осталось только разъяснить одну, чуть ранее сформулированную мысль. Вот вроде бы намеревался написать продолжение истории о несчастной любви, а углубился в дебри политики, экономики, деятельности спецслужб… Ну так ведь

сказано уже — неисповедимы пути!

Глава 4
Сомнительные истины

Считается, что Эйфелева башня притягивает к себе самоубийц. Увы, с некоторых пор это одно из самых популярных мест для тех, кто решил расстаться с жизнью. За годы существования башни здесь погибли, прыгнув с высоты, около четырех сотен человек. Со временем на смотровых площадках были сделаны дополнительные ограждения, однако трагический пример предшественников заставляет вновь и вновь подниматься на верхние этажи, преодолевать ограждения и прыгать вниз. И все только для того, чтобы обрести покой, которого так недоставало в жизни.

В июле 1931 года, в День взятия Бастилия, бросилась вниз с огромной высоты, с верхнего яруса Эйфелевой башни, княгиня Анна Трубецкая. Отец княгини, князь Алексей Александрович Оболенский, со слов своего брата утверждал, будто это был несчастный случай:

> «Она отправилась осматривать Эйфелеву башню вместе со своей подругой Натали Писаррес. Девушки поднялись на четвертый этаж, на самую вершину башни. Этот этаж не огорожен, как другие этажи. Князь Александр сообщил мне, что моя дочь осматривала конструкцию башни и поскользнулась».

Впрочем, скоро выяснилось, что все было не так, поскольку в сумочке княгини нашли предсмертное послание. Содержание его осталось неизвестным, и все же есть основания для того, чтобы предположить причину странной смерти.

Незадолго до этого несчастья княжна Анна Алексеевна Оболенская сочеталась браком с князем Сергеем Григорьевичем Трубецким. Было это в Нью-Йорке, а медовый месяц предстояло провести во Франции. В тот роковой день Анна со своей подругой отправилась осматривать Эйфелеву башню. Никому и в голову не могло прийти, что элегантная женщина, которой от роду было всего лишь двадцать лет, способна задумать вот такое. Уже гораздо позже появилась версия, будто бы причиной самоубийства стала измена ее мужа.

Прошло два года, и князь Сергей Трубецкой сочетался браком с сестрой княгини Анны — Любовью Алексеевной. Скорее всего, медовый месяц решили провести в каком-то другом месте, не в

Париже. Не знаю, ведомы ли были князю угрызения совести, однако для меня вот что очевидно: можно пережить измену мужа, но куда труднее пережить одновременно и измену мужа, и предательство сестры. Видимо, уже тогда, в Париже, Анна узнала то, о чем ей знать не следовало.

Еще через год в семье Трубецких родился сын — князь Алексей Сергеевич, которому, как я уже упоминал, суждено было стать мужем Елены Владимировны Хлебниковой, внучки княгини Киры Алексеевны Козловской. Что ж, высказанные ранее догадки получают подтверждение — Хлебниковым есть что скрывать. Конечно же пятно позора вовсе не ложится на родственников Сергея Трубецкого, однако рано или поздно кому-то приходится расплачиваться за его грехи. Вот и смерть Павла Хлебникова вполне могла стать трагическим отзвуком того, что случилось летним днем 1931 года.

Коль скоро речь опять зашла о Хлебниковых и о Блохиных — напомню, что Кира Алексеевна принадлежала к этому дворянскому роду, — стоило бы припомнить обстоятельства знакомства их семей. Так уж сложилось, что этому способствовало недолгое пребывание Алексея Сергеевича Блохина в должности вице-губернатора Ярославской губернии — с начала 1900 по январь 1902 года. Как я уже писал, Хлебниковы родом из Рыбинского уезда этой губернии. Илиодор Николаевич Хлебников, двоюродный дед зятя Киры Алексеевны, в те самые годы был предводителем уездного дворянства. Немаловажно для судьбы потомков Блохиных и то, что ярославским губернатором в 80-х годах был Владимир Дмитриевич Левшин — с этим семейством Блохины породнятся уже позже. Еще более интересно, что губернским предводителем дворянства был Сергей Владимирович Михалков, прадед всем известных кинорежиссеров Андрея Кончаловского и Никиты Михалкова. Как сообщают современники, Хлебниковы и Михалковы в те времена дружили семьями — имения тех и других располагались по соседству. Говорят, что Илиодор Николаевич Хлебников и Сергей Владимирович Михалков были организаторами велосипедного кружка в уездном Рыбинске. Доподлинно известно, что Надежда Илиодоровна и Агриппина Владимировна частенько совершали велосипедные прогулки в окрестностях имения Михалковых, села Петровского — имение это получил в приданое один из предков Михалковых, женившись на княжне Ухтомской.

Петр Николаевич Трубецкой

Вот стоило упомянуть Михалковых (заметьте, с ударением на втором, а не на третьем слоге!), как сразу же возвращаемся к истории рода Трубецких.

В октябре 1911 года случилась драма, потрясшая в известной мере оба рода — и Михалковых, и Трубецких. Было это в Новочеркасске, где проходили торжества по случаю перенесения праха атамана Орлова-Денисова из Харьковского собора в особый мавзолей, сооруженный по инициативе местного казачества. Вместе с родовитым атаманом накануне празднования столетия войны 1812 года перезахоронили прах других героев — Платова, Бакланова, Ефремова. На это торжество собрались многие родственники покойных, в том числе князь Петр Николаевич Трубецкой, недавно справивший серебряную свадьбу, и его племянник, сын бывшего московского губернатора, Владимир Григорьевич Кристи с молодой женой Марией Александровной Михалковой, племянницей рыбинского землевладельца Сергея Владимировича Михалкова. 4 октября после перенесения праха героев в мавзолей князь Трубецкой вместе с Владимиром Кристи и его женой обедали в ресторане гостиницы «Европейская». Но прежде чем перейти к подробностям этой истории, стоит рассказать о семье Марии Александровны.

Ее отец, Александр Владимирович Михалков, рано потеряв жену, остался с малыми детьми на руках — Марией и

Владимиром. Второй его брак также оказался несчастливым — молодая жена не смогла наладить отношения с детьми, замужество ей стало в тягость, она занемогла и вскоре умерла. Складывалось впечатление, будто некое проклятие преследует семью. Потрясенный этим Михалков заболел психическим расстройством, а над его семьей и имуществом была установлена опека. Уже через несколько лет дети Александра Владимировича стали круглыми сиротами. Мария, чаще ее звали Марицей, отличалась своеобразной красотой, общительным нравом и со временем стала нравиться мужчинам. Много женихов кружилось около нее, а выбор она сделала, следуя одной только ей ведомым соображениям. Нельзя исключать, что замуж вышла по любви, а вовсе не потому, что избранник был сыном тайного советника.

Вот как описывает события, случившиеся осенью 1911 года, тогдашний московский губернатор Владимир Федорович Джунковский:

> «Около 5 часов дня Трубецкой с женой Кристи отправился кататься по Новочеркасску на автомобиле, выехали за город, а в 7-м часу приехали на вокзал, где у князя Трубецкого стоял специальный вагон, в котором он приехал со своей семьей. Они вошли в вагон, чтобы напиться кофе. Когда проводник вагона ходил за кофе на вокзал, и произошла драма.
>
> Оказалось, что В.Г. Кристи, как только его дядя с его женой уехали на автомобиле, пустился на лихаче в погоню за автомобилем Трубецкого и, проследив, как они поехали на вокзал, явился туда, вбежал в вагон и одним выстрелом убил своего дядю. После чего, крикнув: „Сказал — убью и убил“, выскочил из вагона и, явившись в полицию, заявил об убийстве и был арестован.
>
> Несчастная жена Кристи, как только увидела своего мужа с искаженным лицом, бросилась, чтобы остановить его, но тот ее оттолкнул, защитить князя она не успела. Когда проводник принес кофе, то князь Трубецкой был мертв — смерть последовала мгновенно, пуля попала в сердце».

А вот характеристика, которую Джунковский дал участникам трагедии:

> «Она была живой, жизнерадостной, несколько беспечной и, пожалуй, легкомысленной… До боли жаль было бедную женщину, но еще более было жаль князя

Трубецкого, так глупо, так бессмысленно погибшего от шальной пули, пущенной в него под влиянием бредовой идеи недалекого человека».

Есть и другое мнение, принадлежащее перу Татьяны Александровны Аксаковой-Сиверс. Оно относится ко времени, когда молодая вдова нашла утешение в объятиях другого племянника застреленного князя — Петра Глебова:

> «Эта „роковая женщина“ имела *„le physique de l'emploi“*. В годы своей юности я видела Марицу Глебову лишь один раз в Большом театре. Она проходила в первый ряд партера с такой стремительностью, что ее два спутника едва за ней поспевали. Ее гордо закинутая голова была украшена „паради“, в глазах была какая-то доля безумия. Высокая, стройная, одетая во все черное, она напоминала сказочную красивую, но отнюдь не добрую фею…»

Высказывалось мнение, что князь пригласил к себе племянницу, дабы предостеречь ее от пагубного увлечения другим своим племянником, тем самым Петром Глебовым. Как можно убедиться — не помогло. Впрочем, не нам судить, кто больше виноват — пожилой князь, которого потянуло на интрижку, или женщина, проводившая жизнь в праздности и поиске все новых пикантных развлечений. Кстати, к этому времени у нее было уже четверо детей.

Погибший князь был известен тем, что не пытался скрыть своих симпатий к молодым особам из аристократических кругов. Однако многочисленные комплименты и знаки внимания, вроде букета роз на именины, не воспринимались в высшем обществе всерьез — стараниями князя все сводилось к шутке. Во всяком случае, никто не называл его волокитой, даже за глаза. И все же наивно было бы считать, что это было всего лишь романтическое увлечение, основанное на желании вновь ощутить себя молодым в обществе прелестной дамы.

А вот отрывок из поминальной речи, произнесенной на заседании Комитета виноградарства Императорского общества сельского хозяйства Южной России:

> «Князь мгновенно и неожиданно погиб в расцвете сил, знания, энергии и стремления служить еще долго своей родине. Мы потеряли в нем не только выдающегося деятеля государству, обществу, сельскому хозяйству и, в частности, виноделию, — смерть унесла

обаятельного человека, с доброю отзывчивою душою, доброжелательно относившегося ко всем, никому не отказывавшего в помощи!»

Не стоит сомневаться, что некролог был выдержан в тех же тонах.

Дополнила впечатления о происшедшем княгиня Любовь Оболенская — не путать с Любовью Оболенской, позже ставшей Трубецкой, соперницей и сестрой погибшей Анны. Читаем воспоминания одной из дочерей Петра Николаевича Трубецкого:

> «В.Г. Кристи, первоначально арестованному, но вскоре выпущенному на свободу под денежный залог, внесенный его матерью, было предписано не покидать имения Замчежье, находившегося в Кишиневском уезде Бессарабской губернии. По официальной версии, убийство было им совершено в состоянии „умоизступления“».

И далее:

> «Владимир Кристи в 1917 году как лицо, сильно натерпевшееся от царского режима, был назначен комиссаром Временного правительства в Бессарабии, а после образования там своего парламента занимал в местном правительстве должность „директора внутренних дел“».

Это уж и вовсе интересный оборот — убийство любовника жены квалифицировали как борьбу с самодержавием. Чудны дела твои!..

Ранее я выразил свое удивление по поводу того, что князь Юрий Михайлович Козловский занялся предпринимательством. Так вот оказывается — он был не одинок. Еще в начале 90-х годов отец Владимира Кристи записался в купцы второй гильдии — дело невиданное для представителя аристократических кругов. А ведь жена его была дочерью князя Трубецкого. Чего только не сделаешь для обеспечения растущих потребностей своей семьи! Вот и Григорий Иванович приобрел винные погреба и занялся торговлей алкоголем. Но и это еще не все. Родственник Кристи по линии Трубецких, Владимир Петрович Глебов, действительный статский советник, член Госсовета, тоже не побрезговал занятиями, совершенно не свойственными высокопоставленному дворянину. Вино, шерсть, зерно и коневодство — вот перечень его «побочных» увлечений. Правда, ему не пришлось записываться в

купцы — достаточно было состоять членом правления нескольких торговых и промышленных компаний.

Однако возвратимся к виновнику трагедии. Как пишет в своих воспоминаниях Джунковский, убийца «содержался некоторое время в заключении, но, в конце концов, дело его было прекращено», «жена с ним разошлась». Чуть подробнее последствия случившегося были описаны в мемуарах Сергея Петровича Раевского:

> «Кристи судили, признали невменяемым в момент совершения преступления, и суд присяжных оправдал его. Из гвардии он был исключен. Мария Александровна получила официальный развод, а через полтора года Петр Владимирович Глебов сделал ей предложение. Вскоре родились Федя (1914 г.) и Петя (1916 г.) Глебовы».

Кстати, тут речь идет о том самом Петре Петровиче Глебове, замечательном советском актере, который прославился в роли Григория Мелехова из экранизации романа «Тихий Дон».

Если у кого-то есть желание, можно проследить связь между Михалковыми и Блохиными. Дело в том, что Петр Владимирович Глебов, муж Марии Александровны Михалковой, первым браком был женат на дочери московского обер-полицмейстера Дмитрия Федоровича Трепова и Софьи Сергеевны Блохиной, тетушки княгини Киры Алексеевны по отцовской линии. Вскоре после событий 1905 года отправленный в отставку генерал скончался от разрыва сердца и уже никак не мог способствовать карьере своего зятя. Вскоре Глебов и Софья Дмитриевна разошлись, а через несколько лет Петр Владимирович нашел себе другую даму сердца, из рода помещиков Михалковых. Надо полагать, на этот раз не прогадал.

Петр Петрович Глебов

После революции Мария Александровна и ее брат Владимир не эмигрировали, остались в СССР. За это их можно было бы и поблагодарить — надо же иметь в виду, что вряд ли их потомкам удалось бы в эмиграции сделать столь удачную карьеру. Сын Владимира стал известным поэтом — вспомним стихотворный сериал про Дядю Степу — и одним из авторов государственного гимна в трех редакциях, ну а внуки его — не менее известными кинорежиссерами.

Итак, Владимира Кристи оправдали — попробовали бы не оправдать сына егермейстера Высочайшего Двора, сенатора и тайного советника! А вот простили бы Евгения Шиловского, если бы он исполнил свое намерение и застрелил Булгакова, по сути соблазнившего его жену? Шиловский тоже ведь не из крестьян, надо полагать, не забыл о чести дворянина. Кстати, его невестка Дзидра Тубельская, описывая квартиру Шиловских в Большом Ржевском переулке, упомянула и кресло с родовым гербом — в нем любил сиживать сам хозяин дома.

Честно говоря, боюсь даже представить себе, что было бы, застань Шиловский любовника с собственной женой — не важно, в квартире, на скамейке у Патриаршего пруда или же в вагоне поезда. Можно только порадоваться тому, что принципам дворянской чести Шиловский предпочел успешную карьеру, но в еще большей степени — заботу о своих сыновьях. С другой стороны, злые языки утверждают, что в ту пору, в 20-х и в начале 30-х годов, адюльтер вошел в моду среди высшего командного

состава Красной армии.

А вот интересно, может ли у кого-то из читателей появиться мысль застрелить своего отца?.. Господи! Да что я говорю… то есть пишу! Одно дело — застрелить обидчика-прелюбодея, будь он хоть любимым дядюшкой, хоть членом Госсовета и губернским предводителем дворянства. Но тут совсем иной расклад. Разумеется, при условии, что некто застал свою жену с любимым папой в весьма пикантном положении.

Летом 1969 года я отдыхал в Крыму, в компании театральных знакомых. Славное было когда-то местечко — Новый Свет. Уединенная бухта, окруженная живописными горами. Масса достопримечательностей, в их числе замок, построенный по проекту Федора Шехтеля. Напомню, что для себя он выстроил особняк вблизи угла Ермолаевского и Малой Бронной — там жили в 1929 году Шиловские, туда же с Большой Пироговской приезжал Булгаков, чтобы повидаться с будущей женой… Но не будем отвлекаться. Помимо Новосветского замка привлекал внимание своим необычным предназначением грот, вырубленный в скале и формой напоминающий эстраду. В нем располагалась винотека, в основном для заезжих царственных особ, там же своим пением развлекал аристократическую публику Шаляпин — его именем и назван грот. Ну и конечно же завод шампанских вин, основанный тонким ценителем виноградных вин князем Львом Сергеевичем Голицыным. В 60-х годах после выхода на экраны фильма «Три плюс два», созданного по сценарию Сергея Михалкова, поселок Новый Свет на некоторое время стал местом, популярным среди московской артистической богемы. Здесь можно было отдохнуть от «гнета цивилизации» и слишком уж назойливого внимания вездесущей публики. А немногим счастливцам вроде вашего покорного слуги выпала честь накоротке пообщаться со звездами театра и кино. Каюсь — не сумел воспользоваться этой возможностью в полной мере. Впрочем, сразу поясню — в основном то были начинающие звезды либо же дети чем-то знаменитых родителей.

И вот однажды после хорошего подпития один из моих знакомых, позже отличившийся исполнением роли незабвенного Коровьева в инсценировке «Мастера и Маргариты», говорит:

— А ты знаешь…

Поскольку отнесся я к услышанному как к грязной и ничем не подтвержденной сплетне, опущу подробности рассказа, скажу лишь о своей реакции:

— Врешь! Этого не может быть!

Тут следует заметить, что я воспитан был в другой, технократической среде и хотя вовсе не считал себя ханжой,

однако даже для человека без особых предрассудков должны существовать какие-то ограничения.

Если бы мой собеседник не был с «главным пострадавшим» в той истории, что называется, не разлей вода, я бы точно не поверил. Но тут уж столько было им рассказано о юношеских забавах и совместных приключениях сомнительного свойства — хватило бы на целый том воспоминаний в стиле «желтой прессы». Жаль, что в памяти только самое приметное осталось, остальное было вытеснено событиями последующих лет. Важно одно — не приходилось сомневаться в том, что я услышал правду. А возвратившись в Москву, узнал, что Никита Михалков с Анастасией Вертинской после трех лет совместной жизни внезапно разошлись.

Вот представляю, что скажете: на то он и Коровьев, чтобы нагло врать! Все может быть. Однако прежде, чем по этому поводу судить-рядить, я предлагаю прочитать фрагмент из воспоминаний Андрея Кончаловского, опубликованных около пятнадцати лет назад. «Низкие истины» — название уже о многом говорит! Вот как наставляет своего сынишку папа:

> «— Кончай дрочить. Тебе пора женщину. Ты ее должен трахнуть.
>
> Женщина была генеральшей. У нее был шестнадцатилетний сын, которого надо было учить музыке. Я пошел давать ему уроки. Первый раз выступал в качестве репетитора. Женщина была рыжая, белая, даже дебелая, от нее пахло духами „Красная Москва“. Полные икры, огромный бюст. Наверное, во времена, когда ее очаровывал отец, она была очень хороша. На меня она посмотрела влажными темными глазами, говорила почему-то вполголоса…
>
> Не успел свет погаснуть, как ее руки уже проворно расстегивали мою ширинку. Наверное, ее очень возбуждало то, что она имеет дело с девственником. Первым делом я познал блаженство того, что греки называют „фелатье“, а русские — „минет“. Такого поворота событий не ожидал. Если когда-нибудь удастся сделать давно задуманный автобиографический фильм „Воспитание эгоиста“, обязательно введу эту сцену».

И еще цитата:

> «До революции так было принято во многих семьях: отец брал на себя сексуальное образование сына».

Ну да, конечно! Для родовитого потомка губернского предводителя дворянства не годится уличная девка — для первого опыта ему требуется дама аристократических кровей. Ну, скажем, генеральша, даже если ей уже за пятьдесят.

Кстати, если речь идет о половом воспитании собственного сына — это вроде бы еще куда ни шло, но вот «сексуальное образование» снохи…

Да, время летит. Другие времена — другие нравы. Булгакову и в голову не могло прийти, чтобы описывать первые сексуальные забавы, выставляя себя на потеху всем. Вот и княгиня явно замалчивала то, что происходило в их семье. Представьте, как красочно и в каких подробностях можно было бы об этом написать! Но что толку сожалеть о невозможном? Да уж, если не «свезло», так уж не «свезло». Все, что осталось, — это читать воспоминания и попытаться понять их скрытую от посторонних суть.

А вот как прокомментировали книгу «Низкие истины» кумиры моей юности, киноактрисы, близко знакомые с Андроном и когда-то восхищавшиеся им.

Жанна Болотова: «Шукшин таких воспоминаний не написал бы… Если бы мы имели только таких летописцев, как Андрон, то вся наша литература оказалась бы полна похождениями типа: встретил девушку, обесчестил и пошел дальше. Но, слава Богу, у нас есть Толстой… Муж мой эти мемуары не читал. И мне бы не хотелось, чтобы он их прочел. Мне бы не хотелось его огорчать. Как не хотелось бы, чтобы это прочли мои родители, которые уже умерли».

Ирина Купченко: «Книгу Кончаловского я не читала. Но слышала о ней. И комментировать ее не буду. А то, что он написал, — пусть он с этим живет».

Анастасия Вертинская: «Понравилась попытка разобраться в себе самом, в своем прошлом, в собственной вине. До конца у него это не получилось. Наверное, надо быть Достоевским, чтобы осилить такое погружение… А женщины? По-моему, это не самая сильная сторона дарования Андрея».

Ольга Остроумова: «Я считаю, что о женщине, с которой был знаком, можно вспоминать либо восторженно, либо никак».

Алла Демидова: «Я бы никогда не стала предавать гласности свои романы с мужчинами».

Тут можно обойтись без комментариев, однако явно к месту оказывается еще одна цитата из воспоминаний Андрея Кончаловского: «Зов плоти гонит… на поиски приключений».

Это как бы в оправдание.

Пожалуй, отличие интимных откровений Андрея

Кончаловского от истории, которую я здесь пытался рассказать, состоит лишь в том, что мои намеки по поводу нравов в семействе Михалковых-Кончаловских могут быть восприняты как клевета. Исповедь же Андрея Сергеевича клеветой никак не назовешь — его оправдывает очевидное желание попиариться, напомнить публике о когда-то известном кинорежиссере, которого понемногу стали забывать. И между тем, если повезет, можно неплохо заработать на продаже «нижнего белья». Впрочем, стрип-герлз зарабатывают гораздо больше.

А вот интересно, можно ли оклеветать самого себя? Вы скажете — ну что за странный, даже дикий вопрос, такое может прийти в голову разве что с большого перепоя. Однако стоит лишь припомнить «Это я, Эдичка!» Лимонова…

Ясно лишь, что интимные откровения — это стриптиз совсем иного рода, вовсе не сродни сниманию штанов. Ничего общего здесь нет ни с коммерческой, ни с политической нечистоплотностью. Но повторюсь — никто при этом свечку не держал, а потому имя генеральши и обстоятельства возможного инцеста историкам остались неизвестны. Да и что толку по этому поводу переживать? Как говорится, дела давно минувших дней. Тем более что в артистической среде и не такие шалости случались. Надеюсь также, что этот экскурс в прошлое даст кое-кому повод вспомнить о приятных, полных неизгладимых впечатлений временах и в мыслях — только в мыслях! — пережить все то, что с ним когда-то было… Вот и Андрея Кончаловского как тут не понять.

Но вот еще о чем хотелось бы сказать, что называется, вдогонку. Можно лишь посочувствовать человеку, для которого все так началось. Нетрудно предположить, что уже гораздо позже, в самый ответственный момент, то есть в момент наивысшего блаженства, перед его лицом возникало потное лицо дебелой генеральши, обвисшие груди, рыжеватая поросль над верхней губой. Скорее всего, именно поэтому он и бросал одну жену и отправлялся на поиски другой, которая избавит его от наваждения. Уверен, что и книгу по этой причине написал — само собой совершенно неосознанно. Это известный способ, о котором даже Михаил Булгаков знал — писать, избавляясь от дискомфорта в собственной душе, перекладывая душевную боль на героев своих книг… Или, если удастся, на читателей.

Тут самое время обратиться к взаимоотношениям читающих и пишущих. В 1934 году для наиболее известных литераторов был реконструирован дом в Нащокинском переулке, на Пречистенке. Видимо, цель этого строительства была в том, чтобы отделить их от читателей, которые своим недостойным поведением могли

свести на нет вдохновенный творческий порыв. Соседом Михаила Афанасьевича, к несчастью, оказался Сергей Владимирович Михалков. Как пишет известный биограф Алексей Варламов, «обласканный Сталиным молодой поэт… сначала в ужас приводил нижних жильцов своими пирами, отчего у Булгаковых качались люстры и гасли лампочки…».

Судя по всему, со временем соседи притерпелись. Елена Сергеевна так записала в дневнике:

> «Миша пошел наверх к Михалковым, с которыми у нас на почве шума из их квартиры (вследствие чудовищной нашей стройки) началось знакомство. Они оказались очень приятными людьми. Он — остроумен, наблюдателен, по-видимому, талантлив, прекрасный рассказчик, чему, как это ни странно, помогает то, что он заикается. Она — очень живой горячий человек, хороший человек».

И позже, через несколько месяцев:

> «Встретили Михалковых и с ними и с Эль-Регистаном пили кофе. Эль-Регистан рассказывал интересные случаи из своих журналистских впечатлений, а Михалков говорил, как всегда, очень смешные и остроумные вещи. Миша смеялся… до слез».

Можно только порадоваться за семью Булгаковых. Конечно, и за Михалковых тоже. Вот одному вроде бы не везет, другой обласкан властью, всем доволен. Однако жизнь идет своим, заданным кем-то чередом, и за стаканом доброго вина или за чашкой кофе уже не беспокоит мысль, почему таланту на пути к признанию предстоит преодолевать преграды, а людям в общем-то посредственным все достается «просто так».

Кстати, Булгакову на соседство с Михалковыми и Кончаловскими везло. Еще в начале 20-х годов жил он в одном доме с семьей художника Петра Петровича Кончаловского, сына Петра Петровича-старшего, прадеда Никиты Михалкова. Вряд ли кому-то в голову придет, что соседство их было не случайно. Не случайным было лишь то, что и на Большой Садовой, и в Нащокинском переулке Булгаков, по большому счету, был изгоем, так и не сумевшим приспособиться к новым временам.

Сдается мне, что в Нащокинском переулке Сергей Владимирович Михалков поселился неспроста — не только потому, что имел членский билет Союза писателей СССР. Неподалеку от писательского кооператива, в доме № 10, жил

известный терапевт, дядя его жены, Максим Петрович Кончаловский. Впрочем, не исключено, что это простое совпадение. Чего только в жизни не бывает!

Максим Петрович Кончаловский

Но почитаем, что пишет Максим Петрович о своих родителях, Петре Петровиче и Виктории Тимофеевне, небогатых харьковских помещиках:

> «Еще когда молодые супруги жили в Петербурге, они приютили у себя бежавшую туда из Петрозаводска молодую девушку, Акилину Максимовну Купаневу. Она была дочерью заводского рабочего, из большой и бедной семьи. Она ушла из семьи с одной стороны от бедности, а с другой стороны из желания учиться и жить самостоятельно. Кончаловские ее приютили, помогли ей на первых порах, и с ними же она уехала в деревню… Акилина Максимовна стала скоро близким и дорогим членом семьи. В деревне у Виктории Тимофеевны родилась вторая дочь Елена (в 1872 году), а в 1873 году у Акилины Максимовны родилась дочь Виктория, в 1876 году в феврале у Виктории Тимофеевны родился сын Петр (теперь известный художник), а 1-го октября 1875 года у Акилины Максимовны родился я. Последний сын — Дмитрий родился у Виктории Тимофеевны в 1878

году. Вот какой сложный переплет получился в семье. Удивительно, что семья не чувствовала от этого особого травматизма, и дети сохраняли нежную любовь к обеим матерям. Одну они называли „мама родная“, а другую „мама милинина“, происшедшую от „моя милая“».

А так Максим Петрович пишет об отце:

> «По своему идеализму, по своему стремлению к прогрессу и справедливости он был типичным представителем революционной интеллигенции шестидесятых годов („шестидесятники“), но в то же время он был совершенно индивидуален, не принадлежа ни к какой партии, ни к какой группировке. Он не был ни народовольцем, ни народником, ни социалистом-революционером. Но всю жизнь он был в оппозиции и против правительства и против религии, против мракобесия и невежества. Любовь к природе, любовь к людям, к их культуре отражались в нежной любви и к семье, и к детям».

И вот оказывается, что «идеалист», «типичный представитель», выступавший «против мракобесия и невежества», фактически оказался… двоеженцем. Как это может быть? Неужто среди революционной интеллигенции это было типичное явление. О времена! О нравы! Счел бы за неуместную шутку, но против фактов не попрешь. И вместе с тем никаких выводов из этого «переплета» я не делаю — легко осуждать людей, глядя на них со стороны, а окажись я в той же шкуре, да еще в окружении симпатичных молодых дам, вряд ли устоял бы. Разве что недостаточная интеллигентность помешала бы.

Еще один фрагмент из воспоминаний Максима Кончаловского — речь о той поре, когда он становится видным терапевтом:

> «Под влиянием интриг того же Плетнева разыгралась неожиданная для нашего круга история. Кафедра факультетской клиники при Временном Правительстве была отдана, согласно рекомендации, Плетневу, и он ее занимал с 1917 до 1926 года. По непонятным причинам он перешел на Госпитальную клинику, которую занимал Д.А. Бурмин. Таким образом, Д.Д. Плетнев пошел на живое место, а Бурмин для него посторонился и перешел на параллельную кафедру в Ново-Екатерининскую больницу. Как это могло

произойти, трудно оказать».

О профессоре Плетневе и приват-доценте Бурмине, соседе княгини Киры Алексеевны по дому в Обуховом переулке, я уже писал в первой главе. Через двадцать лет после описанных Максимом Петровичем событий «интригана» Плетнева, лечившего когда-то Ленина и Крупскую, начали травить в газетах, а вслед за тем осудили за вредительство, которого на самом деле не было. Бурмин же, якобы пострадавший от интриг Плетнева, а потом свидетельствовавший против него на процессе 1938 года, получил орден Трудового Красного Знамени. Кстати, вместе с ним в 1940 году ордена получили Максим Кончаловский и член ВКП(б) невропатолог Евгений Сепп. Остается развести руками и вслед за Кончаловским повторить: как это могло произойти, трудно сказать. Впрочем, врачебную репутацию Максима Петровича я под сомнение не ставлю.

У Сергея Владимировича Михалкова было два брата — Александр и Михаил. Один по неизвестной мне причине остался как бы на задворках семьи — о нем старались не упоминать, — другой, когда позволили обстоятельства, стал неожиданно героем. Привожу фрагмент из интервью Михаила Владимировича Михалкова, в котором речь идет о его службе в танковой дивизии СС «Мертвая голова»:

«Налегал на политико-воспитательную работу. Даже сочинил песню-гимн танкистов с припевом: „Где Гитлер, там победа!“ Она понравилась командованию, ее подхватили другие подразделения…»

Ну, гимн так гимн. Создание стихов и гимнов — это занятие вполне привычное для Михалковых. Однако удивляет странная и весьма противоречивая история о том, как недавний новобранец войск НКВД, напялив форму офицера СС, бродит по немецким тылам, налаживает связи с партизанским подпольем, сидит за одним столом с Отто Скорцени…

> «Присвоил себе документы убитого офицера… На базаре познакомился с русскими, которые оказались советскими разведчиками…»

Ну, на базаре так на базаре. Честно скажу, очень хотелось бы поверить, без дураков. Но кое-что смущает — дело даже не в явной нелепости описанных событий. Читаю другой отрывок из интервью:

> «До революции наш отец был известным адвокатом и коннозаводчиком. Его даже Ленин вызывал однажды в

Смольный, когда решил расстрелять большую группу бывших царских генералов и сановников. Вождю понравилось, что представитель дворянского сословия Михалков после революции не покинул Россию. Папа сказал Ленину, что уничтожать военных и прочих специалистов — преступление перед Отечеством. Ленин прислушался к мнению отца…»

Никак не могу поверить, чтобы Владимир Александрович, весьма достойный человек, мог произнести такую фразу: «Уничтожать военных и прочих специалистов — преступление». Что ж это получается? Выходит, неспециалистов можно убивать? Сдается мне, что такой «ляп» в своем рассказе мог допустить только человек, который придерживается вполне определенных взглядов.

И вот некстати вспомнилась статья, напечатанная в «Литературке» лет тридцать или двадцать пять назад, — о некоем «ветеране», который присвоил себе ордена, звание, героическую воинскую биографию, ни разу не побывав в боях. Так то ради ветеранских привилегий, ради пенсии! А здесь столько наворочено зачем? Не слишком ли запутанный сюжет для достижения меркантильных целей? Впрочем, не стану ничего категорично утверждать, надо бы для начала разобраться.

Более подробно захватывающая история о героическом разведчике изложена в автобиографической повести «В лабиринтах смертельного риска». Сочинение потрясающее по своей наивности и по обилию всевозможных несуразиц.

Вот лето 1941 года, полная неразбериха, отступление. Главного героя направляют в разведку, предварительно переодевают в штатское. Откуда что взялось? Да и какой смысл солдатика переодевать, если бритый наголо череп сразу выдает в нем принадлежность к армии? Затем, возвращаясь из разведки, он попадает в другую воинскую часть. В гражданской одежде, с пистолетом в кармане.

«— Документы!
— Нет у меня документов!»

Ему верят на слово и снова отправляют в разведку. Надо полагать, больше было некого послать.

А вот уже первый день пребывания в оккупированном Днепропетровске. Наш герой встречает незнакомца:

«Из какой дивизии?.. Рыбак рыбака видит издалека, — улыбается незнакомец… Незнакомец мне

нравился: мужественное лицо, военная выправка… Я доверял своей интуиции, своему чутью, хотя и молодому, незрелому, доверял первому впечатлению о человеке… Я понял, что он из местного подполья, где соблюдается строжайшая конспирация…»

Дальше можно не читать, но если еще не все разобрались, тогда продолжим. Вот уже он в немецком концентрационном лагере. Спешу успокоить — незнакомец подпольщик тут совершенно ни при чем. Просто наш герой попытался выбраться из города и нарвался на немецкий патруль. Интуиции на сей раз не хватило…

«Ночами, лежа на своей жесткой железной кровати, ворочаясь с боку на бок, я непрестанно думал о побеге… Но риск побега должен быть оправдан… Сейчас бежать нельзя. Надо терпеливо готовить побег, постараться вырвать на свободу как можно больше узников. А для этого требуется получше разобраться в обстановке и изучить врага. В госпиталь непрерывно поступали немецкие офицеры. Я наблюдал за ними, стремился изучить характеры, привычки, вкусы… Я обрел цель и готовился стать разведчиком в тылу врага, чтобы бороться с фашизмом во имя Родины, Правды и Справедливости на Земле…»

«Побольше вырвать на свободу» не пришлось. Бежал, но почему-то в одиночку. Потом был снова арест и опять побег. Тухачевский, согласно его собственному признанию, бежал из германского плена пять раз. Михаил Владимирович Михалков — двенадцать! Ну разве не герой?

И опять без документов, правда, с хорошим знанием немецкого языка, да еще в немецкой форме.

«— Документы есть?
— Никак нет, господин капитан».

Снова ему верят на слово — теперь уже не русские, а немцы. Ну прямо сплошное головотяпство, а не мировая война!

«Так я попал во 2-ю штабную роту танковой дивизии СС „Великая Германия“, которой командовал капитан Берш…»

И снова встреча с подпольщиками — надо же, как везет!

«Иные подумают: „Разве мог Афанасьев сразу довериться незнакомцу, да еще одетому в немецкую форму?“»

Да мог же, мог! И не он один. Но только при одном условии — если наш герой обладал талантом Вольфа Мессинга. Не больше, но никак не меньше.

И вот уже где-то в Европе, кажется, в Женеве. Герою едва исполнилось… двадцать один год:

«Безошибочным чутьем Белобородов распознал во мне союзника, которому можно полностью доверять».

Нет, это уже явный перебор! Так нельзя! Но дальше больше — опытный профессионал Белобородов посвящает нашего героя в тайны европейских разведок, рассказывает о составе своей организации (речь чуть ли не о «Красной капелле») и с ходу поручает важное задание…

Но вот возвращение в штабную роту:

«— Ваши документы!
— Я не был аттестован.
— Когда вы отстали от части?
— В середине января.
— А сейчас август. Где вы болтались?»

Это надо же, хоть плачь — опять без документов! Да сколько ж можно?!

Но через некоторое время опять:

«— Потерял офицерскую книжку, куда-то запропастилась, а может быть, осталась в части, в моем личном деле, холера ее возьми!
— А где твоя часть?
— Если б я знал, болтаюсь по лесам, ищу ее…»

Потом все повторяется еще не раз.

«В октябре 1944 года судьба вынесла меня из Курляндского котла, и я покинул Латвию на немецком теплоходе „Герман Геринг“… Генрих Мюллер, капитан танковой дивизии СС „Мертвая голова“, 1919 года рождения, из Дюссельдорфа. Это я!»

Вот в это уже как-то верится. А дальше — переход через линию фронта, Смерш, пять лет тюремного заключения по

приговору суда, несколько лет ссылки, реабилитация в переломный 1956 год и публикация стихов под чужой фамилией, видимо, не без содействия любящего брата. Вот, пожалуй, и все…

Да, чуть не забыл — что-то там было у него по поводу гипноза и Вольфа Мессинга:

> «Читаю лекции: „Разведка и контрразведка“, „Гипноз, телепатия, йога“».

Вот даже как!

> «Я тогда очень интересовался гипнозом, телепатией и йогой и хотел, чтобы Мессинг помог мне разобраться в моей военной судьбе, объяснил, как мне удалось преодолеть, казалось бы, непреодолимые трудности. Он не отказался…»

Так, может, вся эта невероятная история — результат гипноза? Вольф Мессинг помог «разобраться» и «объяснил» Михаилу Михалкову — и все это путем внушения, — что тот был героическим разведчиком во вражеском тылу. Увы, гипнотизер слабо разбирался в специфических деталях, поэтому и возникли кое-какие нестыковки.

Но что произошло на самом деле — вот вопрос! И еще — не эта ли история стала причиной размолвки между Александром Владимировичем и остальными Михалковыми?

Беда с этими историками! То ли большие знания их заставляют делать выводы, которые прочим гражданам оказываются не под силу. То ли мучает ностальгия по прошлому, по благословенным дням, когда приходилось жить в пещерах, а мясо мамонта делили в зависимости от близости к вождям. А то вдруг нелестное мнение о государях и генсеках приводит к мысли, что справиться с насущными проблемами, облагодетельствовать соотечественников сможет только он сам — начитанный, всезнающий и честолюбивый.

Вот и двоюродный дед Андрея Кончаловского, похоже, возомнил. Нет, к власти вроде бы не рвался, хотя в конце последней мировой войны стал одним из лидеров русской национальной партии, точнее говоря, возглавил смоленское отделение Национал-социалистической трудовой партии России, созданной неким Брониславом Каминским, будущим бригадефюрером СС. Ну что ж, опять русский фашист, не много ли? Чтобы разобраться в мотивах поступков одного из Кончаловских, перечитаем его обращение, направленное летом 1943 года в Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга, он

располагался в Минске. К тому времени Дмитрий Петрович уже второй год находился на оккупированной территории, сотрудничая с органами нацистской пропаганды. Вот что он писал:

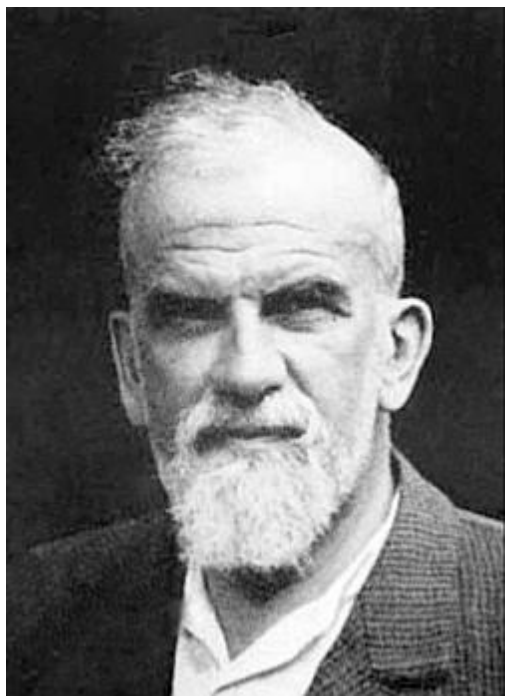
> «Цель нижеследующих размышлений — предельно честно высказать мое мнение по поводу положения на т. н. освобожденных восточных территориях. Это положение является результатом немецкой политики, которая, по моему мнению, абсолютно неверна и наносит вред Германии. Она, если ее не изменить, может сыграть роковую роль. Моей вывод зиждется на общеизвестных объективных фактах и более чем годовом опыте добровольного сотрудничества с немецкой антибольшевистской пропагандой. Я высказываю свою точку зрения не как недоброжелательный критик, а как человек, глубоко и искренне почитающий немецкий народ, преклоняющийся перед его положительными качествами, сочувствовавший его судьбе на протяжении последней четверти века, я говорю как человек, в юности живший в Германии, учившийся в немецком университете, впитавший немецкие культурные ценности и сохранивший в своей душе благодарность за счастие быть воспитанным и идейно, и нравственно по немецкому лекалу».

Если убрать привычное многословие, которым страдают и некоторые другие члены семейства Михалковых-Кончаловских, останутся лишь несколько строк, которые и стоит обсудить:

> «Борьба Германии за возвращение присущего ей места в мире, ее национальный подъем, вылившийся в победу национал-социализма, не только наполняли меня восторгом, но и убеждали, что именно Германия способна взять на себя миссию по установлению того разумного и справедливого мироустройства, с которым победители мировой войны потерпели столь постыдную неудачу».

Ну, так и есть. Если пасует разум, остается только сила — сила подавления, хочу это подчеркнуть. Как бы ни старался автор скрыть эту мысль за рассуждениями о культурном превосходстве немцев, очевидна его уверенность в том, что искоренение условий для «международного грабежа» (тут, видимо, намек на всемогущих банкиров с еврейскими корнями), «справедливое

мироустройство» можно осуществить только военной силой и ничем другим. По меньшей мере странно это звучит из уст гуманиста и историка. Автор верит «в свободный национальный подъем русского народа на основе более или менее равноправного союза и сотрудничества с Германией». Видимо, так и не удосужился познакомиться с расовой теорией Розенберга и не хватило времени, чтобы проштудировать «Майн кампф». Впрочем, куда может завести неутолимая злоба, об этом вряд ли следует напоминать историку.



Дмитрий Петрович Кончаловский

Итак, ко времени написания своего трактата Дмитрий Кончаловский уже более года трудился на ниве антисоветской пропаганды, сотрудничая с немецкими властями. В чем состоял его конкретный вклад в это «благородное» дело, можно лишь предполагать — видимо, писал статьи в жанре агитпропа. Но характерно, что, объясняясь в «подлинной любви к своему Отечеству», Дмитрий Петрович счел необходимым подчеркнуть его «культурную отсталость». Остается загадкой, в чем, по мнению автора, причина такой удручающей отсталости — то ли в презрении властей императорской России к «черни», которая должна была использоваться строго по назначению, на заводе или в поле, то ли в недостаточно активной политике большевиков в деле ликвидации безграмотности и создания рабфаков.

Основным положением этого трактата является убеждение автора в том, что «прочное сплочение Германии и России является исторической необходимостью, и что настанет момент, когда этот союз станет решающим фактором мировой истории». Вот я читаю эти строки и не могу избавиться от ощущения, что видел их, причем читал уже не раз. И правда, разве не о могучем союзе Британии с Германией мечтала Юнити Митфорд, поклонница Адольфа Гитлера? Разве не на перспективу подобного сотрудничества намекал Эрнст Ганфштенгль из тюремного застенка в письмах президенту США?

Далась им эта Германия! Что нашли в ней привлекательного? Сижу, ломаю голову, но ничего подходящего не нахожу. Если речь заходит о культуре, то привлекательнее Франция. Промышленность, наука — здесь предпочтение я бы отдал Американским Штатам. Так в чем же дело, неужели достоин восхищения воинственный дух в сочетании с доведенным до умопомрачения порядком?

Прежде чем делать окончательные выводы, следует принять во внимание, что приведенные цитаты формально принадлежат перу некоего господина Сошальского, который и сотрудничал с органами немецкой пропаганды. Но вот совсем недавно исследователи из Мюнхена нашли в архивах доказательства того, что под этим именем скрывался Дмитрий Петрович Кончаловский. В принципе изменение фамилии понятно — очень уж не хотелось подводить родных, оставшихся в России, и сына, офицера Красной армии.

А кстати, откуда вдруг Сошальский? Дело в том, что в Харьковской губернии, где обитали Кончаловские, проживало и семейство помещиков Розалион-Сошальских. С одним из них отец Дмитрия Петровича вполне мог быть знаком — в то время как штабс-ротмистр Алексей Александрович Розалион-Сошальский был почетным мировым судьей Купянского уезда, Петр Петрович служил в том же уезде в должности уездного мирового судьи. Во всяком случае, фамилия Сошальских была в те годы на слуху, а потому не стоит удивляться, что Дмитрий Петрович воспользовался ею по прошествии времени.

И все же сомнения остаются — вправду ли речь идет о Кончаловском? Можно было бы подумать, что все это проделки западных спецслужб с целью опорочить столпов нынешнего российского режима. Однако вряд ли братьев можно отнести к столпам. Да и ценность их философических суждений о путях развития России, на мой взгляд, весьма сомнительна. Впрочем, фильмы «Первый учитель» и особенно «Дядя Ваня» Андрея Кончаловского вполне можно причислить к классике советского и

мирового кино, да и Никита был весьма интересен как характерный актер. Но вот читаем откровения Дмитрия Петровича в письме сестре в конце 1914 года — так пишет подпоручик артиллерии и вместе с тем историк, получивший образование в Германии:

> «Мы должны позлорадствовать в первую очередь, мы должны насладиться поражением и позором Германии, которое придет рано или поздно. В нашей армии ожесточение растет, теперь все подвергается разрушению. И когда мы снова и окончательно вторгнемся в Пруссию, от нее камня на камне не останется. Немцы ругают нас варварами, такими мы и будем в Германии. Наши солдатики покажут себя».

Как можно так измениться за тридцать лет, из ненавистника став ярым почитателем? Видимо, виноват Октябрь 1917 года, внесший смятение в умы, сказались и годы прозябания в безвестности, когда так и не удалось приспособиться к реалиям сталинской России. А что было делать дипломированному историку, дворянину по происхождению? Не мог же он стать преподавателем истории ВКП(б). История же дооктябрьской эпохи вызывала только ностальгию по прежним временам и ненависть к большевистскому режиму. Андрей Кончаловский так описывает реакцию своего дяди на начало Второй мировой войны:

> «Но когда к 1939 году нацистская Германия уже чувствовала, что будет война, то Дмитрий Кончаловский, к ужасу моего деда, приехал и сказал: „Мы только ждем, когда немцы придут, потому что они освободят Россию от большевиков“. Ну, вы представляете состояние Петра Петровича Кончаловского, когда двоюродный брат такие вещи говорит. Короче говоря, Дмитрий уехал обратно в Минск, началась война, и он там сидел и ждал немцев, собственно, он их встречал. В надежде, что они, наконец, во-первых, освободят Россию от большевиков и дадут ему возможность заниматься научной и педагогической деятельностью. Это была катастрофа для семьи моего деда Кончаловского».

А вот версия о пребывании Дмитрия Петровича в Смоленске, изложенная Андреем Кончаловским:

> «А в 1964-м я открыл для себя Дмитрия Кончаловского и его книгу „Пути России“ — не побоюсь

сказать, великую книгу.

Дмитрий Петрович Кончаловский, доктор *honoris causa* Оксфордского университета, профессор-историк, пятнадцать довоенных лет сидел без работы, большевики не позволяли ему читать лекции. Какое-то время жил изданиями за границей, публиковал в Оксфорде труды о земельных реформах Гракхов, с горизонта практически совсем исчез. В 1939 году приехал в Москву и сказал:

— Война неизбежна.

Потом появился в июне 1941-го, сказал:

— Днями войдут немцы. Я уезжаю в Минск. Буду их ждать. Только они избавят нас от большевиков. Прощайте!

Представляю, что творилось с дедом. Брат уезжает встречать немцев! Со всеми тремя своими детьми. Катастрофа! С тех пор в семье о нем никогда не вспоминали. Кое-что про него знали, но многого и не знали вовсе. Немудрено, что о существовании Дмитрия Кончаловского я узнал только где-то в начале 60-х.

Он действительно дождался немцев, встречал их хлебом-солью, немцы дали ему церковноприходскую школу. Сын его, офицер действующей армии, узнав об этом, бросился под танк с гранатами. Иллюзии моего двоюродного деда очень скоро развеялись. Увидев, как кого-то за волосы тащат в гестапо, он побежал с криком:

— Что вы делаете! Вы нация Шопенгауэра, Ницше и Шпенглера!

Его посадили. Всю жизнь он боялся ГУЛАГа, а оказался в концлагере освободителей от коммунизма. Там он написал свою великую книгу».

По версии же мюнхенских историков, в лагере Кончаловский был, но только в лагере для перемещенных лиц уже после войны, на территории Германии.

Кто тут прав, не берусь судить, поскольку с документами не был ознакомлен. Однако неоднократно повторяемое славословие Андрея Сергеевича в адрес своего дяди после сообщения из Мюнхена больше слышать не пришлось. И кстати, семейной катастрофы так и не случилось — это если иметь в виду катастрофу в общественном положении семьи. А было ли что-либо подобное, если речь зайдет о нравах, пусть каждый сам для себя решает.

Но вот еще о чем следует сказать. В своих интервью Никита Сергеевич Михалков не раз повторял цитату из книги своего

дяди:

> «В государстве, где утеряны понятия стыда и греха, порядок может поддерживаться только полицейским режимом и насилием».

Не знаю, пытался ли таким образом Никита Михалков объяснить то, что происходило в Германии много лет назад, или оправдать своеобразное понимание своим дядей понятия греха — я имею в виду грех перед русскими людьми, многие из которых погибли от рук гитлеровских варваров. Можно предположить, что неосознанное пристрастие его к повторению этих слов как-то связано с книгой брата. Честно скажу, «Низкие истины» Андрея Кончаловского я до конца не дочитал. Искал, искал, но так и не нашел в этих «истинах» свидетельство наличия у автора стыда или же готовности к искреннему покаянию.

Впрочем, есть и другое объяснение смысла упомянутой цитаты. Люди, утратившие стыд, грешившие уже не раз, нередко громче всех кричат о всеобщем «оскотинивании», о необходимости сильной власти. Им, уютно устроившимся наверху, только такая власть может гарантировать забвение их собственного греха, только в таких условиях Латунские могут продолжать травить Булгаковых, а новоявленные Швондеры — распределять недвижимость под звуки хорового пения своих любимых чад и прочих поднадзорных.

А между тем обвинение в потере стыда и в лицемерном толковании понятия греха можно было бы предъявить не только кое-кому из знатных граждан родимого отечества. Вот небольшой пример. Еще полвека назад в Голливуде принято было снимать два варианта постельных сцен. Один, строгий, обязательно в одежде, был предназначен для внутреннего потребления, для американцев. Другой вариант, довольно откровенный, монтировали в фильм, который шел на экспорт. Причина достаточно проста — кинопродюсеры стояли на страже нравственности своих сограждан, этого требовал от них закон. Что будет с иностранцами — законодателям было наплевать. Главное, чтобы экспортируемый товар приносил киноиндустрии прибыль. И смех и грех… Хотя в последнее время уже явно не до смеха.

Понятное дело, что ни сухой закон, ни даже запрет на распространение эротики нужного эффекта не имели — экономическая целесообразность определяет все и сносит напрочь все преграды, будь то полицейские кордоны, «антилиберальные» законы или требования наивных борцов за нравственность. До какой степени «откровенности» дойдет в скором будущем кино,

думаю, угадать никто не сможет. Но что можно этому противопоставить? Цензуру? Вот уже слышу озлобленные голоса и обвинения в покушении на всеобщую свободу. Скажут: «Не хочешь — не смотри! А нам свое ханжеское мнение не навязывай!» Да не навязываю я, вот только удивляюсь. И вспоминаю слова Дмитрия Петровича, цитированные выше. И задаю самому себе вопрос: неужто нравственность придется насаждать насильно?

Но вот что странно — есть в истории пример, когда безнравственное поведение стало средством избавления от насилия. Случилось это во времена царствования Елизаветы Петровны. Ее сноха, Екатерина, пожаловалась канцлеру Бестужеву, будто супруг, Петр Федорович, заставляет по ночам заниматься вовсе не свойственным ей делом — «ружейной экзерсицией». Супруги попеременно стояли на часах у дверей своих покоев, при смене караула выполняя соответствующие упражнения с ружьем, отчего у Екатерины мучительно болели руки. Она не решалась поведать об этом государыне, опасаясь гнева, и потому прибегла к помощи канцлера, которому поверяла некоторые из своих тайн.

Узнавшая об этом безобразии Елизавета была до крайности расстроена и повелела Бестужеву уладить это дело. План канцлера состоял в том, чтобы подставить Екатерине кандидата в фавориты в надежде на то, что любовные упражнения сделают невозможными занятия с ружьем. Следуя его указанию, фрейлина императрицы Мария Симоновна Гендрикова поделилась с Екатериной своим опытом супружеских измен (то ли реальным, то ли выдуманным) и предложила той на выбор двух кандидатов — князя Нарышкина и графа Салтыкова. Как ни странно, великая княгиня выбрала графа, а не князя. Роман был недолгим и бесплодным (выкидыш не в счет), но «экзерсиции» больше не случались. Надо полагать, Петр Федорович осознал вину либо нашел новую подругу для своих занятий.

А вот что произошло со вторым мужем графини Марии Симоновны Гендриковой, Александром Ивановичем Глебовым, — говорят, что он был из поповичей, однако кто знает, может быть, стал основателем то ли ярославского, то ли тульского рода Глебовых. Единственное, что можно утверждать, — только благодаря женитьбе на графине Глебов получил возможность приобщиться к сильным мира сего. Есть мнение, будто брак этот спланировал сам всемогущий граф Шувалов в расчете на милостивое отношение Елизаветы к несчастному вдовцу — оказывается, тот женился, когда Мария Симоновна погибала от чахотки. И вправду, уже через месяц после свадьбы жена Глебова

отправилась в мир иной. Ну что ж, во всяком случае, расчеты оправдались, и Александр Иванович получил желаемую должность — стал обер-прокурором Сената. Стоит только напомнить, что вместе с должностью вдовец получил наследство в виде восьми пасынков и падчериц, детей покойной жены. Но не в этом дело.

А дело в том, что через несколько лет при расследовании случаев казнокрадства и взяточничества чиновников Сената был выявлен ряд случаев получения крупных взяток и самим обер-прокурором. Екатерина II — та самая, что пострадала от «ружейных экзерсиций», — нашла, что Глебов в этом деле оказался «подозрительным и тем самым уже лишил себя доверенности, соединенной с его должностью». Глебова сняли с высокого поста в Сенате, однако к следствию он не привлекался и сохранил должность генерал-кригскомиссара.

Но вот прошло еще несколько лет, и ревизия в Главном комиссариате обнаружила крупные хищения. На этот раз Глебов был отстранен от всех должностей и отдан под суд. По завершении следствия дело было отправлено императрице для вынесения приговора. Екатерина II решила судьбу Глебова. Специальным постановлением он признавался виновным «в небрежении должности» и потворстве казнокрадам, был исключен со службы, ему было запрещено жительство в столицах. Также было постановлено взыскать с Глебова расхищенные средства, а на имущество виновного был наложен секвестр. Впору посочувствовать бывшему обер-прокурору — ясно же, что содержать огромное семейство можно было, только если взятки брать и воровать. Надо полагать, такими же «гуманными» соображениями оправдывают себя и нынешние казнокрады.

Чтобы несколько сгладить неприятные впечатления от перечисления провинностей Александра Николаевича перед законом, упомяну, что на исходе лет опальному сановнику наконец-то повезло, по крайней мере в личной жизни. Женой его стала вдова майора Дарья Николаевна Франц. Ходили слухи, что она была то ли горничной, то ли сиделкой при Марии Симоновне. Вот так все возвращается на круги своя, и высоко поднявшийся вдруг падает с вершины власти вниз. Но можно предположить, что для его потомков все только начинается — и новое восхождение к вершине, и падение. Надеюсь, что не с Эйфелевой башни. Немалый опыт предков все же оставляет слабую надежду, что и на этот раз семейной катастрофы удастся избежать. А между тем мать Сергея Владимировича Михалкова, отца Андрея и Никиты, принадлежала к роду Глебовых.

И снова о делах семейных. В первой главе я уже вскользь

упоминал об удивительных превращениях, случившихся с дедом князя Юрия Михайловича Козловского по материнской линии. Пришла пора рассказать об этом человеке более подробно. Что ж, предоставим слово известному артисту и библиофилу Николаю Павловичу Смирнову-Сокольскому:

> «Михаил Николаевич Лонгинов — библиограф и книголюб, автор множества заметок и статей о книжной старине. В круг литераторов он попал с детства. Его репетитором по русскому языку был молодой Гоголь.
>
> В свое время в обществе его любили. Он был веселый, общительный молодой человек, прославившийся как автор неприличных по содержанию стихотворений. Это было в начале пятидесятых годов. Его называли „поэт не для дам“, и книжку таких „опусов“ он напечатал в Карлсруэ. Позже, став губернатором и сановником, он усердно скупал и уничтожал эти грехи юности.
>
> В свое время Лонгинов был дружен с Некрасовым, хвалил Белинского, сочувственно отзывался о Чернышевском. Журнал „Современник“ охотно печатал его библиографические заметки. Играл он в либерала усерднейшим образом, и в заметках его проскальзывали иногда мотивы защитника свободы печати.
>
> К концу пятидесятых годов он резко порывает связи с демократическим и либеральным лагерями и переходит к Каткову, сотрудничает в „Московских ведомостях“, „Русском вестнике“ и других реакционных органах. Тон его заметок и исследований меняется. По всему видно, что он делает это ради чиновничьей карьеры, которая быстрыми шагами идет в гору. В 1866 году он предводитель дворянства в Крапивенском уезде, в 1867 году — губернатор в Орле и, наконец, в 1871 году — начальник Главного управления по делам печати, главный цензор русской литературы. С яростью ренегата Лонгинов обрушил всю силу своего мракобесия на несчастную печать. Его свирепость удивляла даже видавших виды старых цензоров. Уничтожение книг стало его манией».

Михаил Николаевич Лонгинов

Лично у меня нет никаких сомнений в том, что причина изменения мировоззрения Лонгинова была связана с его намерением обзавестись семьей. Избранницей будущего губернатора стала Александра Дмитриевна Левшина, принадлежавшая к известному дворянскому роду, с которым со временем породнились и потомки княгини Киры Алексеевны Козловской, героини этой книги. Уверен, что брак этот стал бы невозможен, сохрани Лонгинов дружбу с «вольнодумцами». Не думаю, что в либерала он играл, скорее просто не понимал, что это такое, воспринимая либерализм как вседозволенность — достаточно вспомнить увлечение его молодости, сомнительного содержания стишки. Однако делу время, а потехе час. Пришла пора позаботиться и о себе — нельзя же вечно полагаться на обширные связи своего папаши, служившего управляющим учреждениями Марии Федоровны, вдовствующей императрицы. Вот так нежданная любовь, намерение обеспечить в будущем достаток своему потомству способны в корне изменить и круг знакомых, и мировоззрение, и даже повлиять в итоге на характер человека. Могу предположить, что своей «свирепостью» Лонгинов замаливал грехи, ошибки либеральной молодости.

И в завершение еще один отрывок:

«В январе 1875 года Лонгинов умер, и его

> замечательная библиотека (единственное, что у него было замечательного!) в настоящее время находится в Пушкинском доме».

Считаю своим долгом присоединиться к высказанному мнению. Не будь этой библиотеки, не будь собрания редких документов и рукописей, переданных в музей, скорее всего, не сохранились бы и письма к Кире Алексеевне Козловской. И не было бы тогда у меня возможности рассказать более подробно об этой женщине, сыгравшей столь значительную роль в судьбе Булгакова.

Коль скоро снова речь зашла о либералах — ранее мы обсуждали умеренно либеральные взгляды Дмитрия Николаевича Шипова, — попробуем разобраться, что собой представляет настоящий либерал:

> «По моему понятию, слово либерал означает человека, который, считая в теории других людей себе равными, не допускает на практике преобладания своего произвола над другими и не подчиняется сам произволу других, который подчиняется только закону… и жертвует своими выгодами для осуществления своих идей…»

Это определение принадлежит Александру Васильевичу Головнину, в начале 60-х годов XIX века занимавшему пост министра просвещения. Тут вроде бы нечего возразить, даже появляется некая досада по поводу отсутствия повода для спора — ведь хорошо известно, что истина рождается как результат столкновения противоположных мнений. Пожалуй, лишь упоминание жертвы вызывает внутренний протест — куда ни глянь, все делается ради выгоды, даже если на первых порах желаемый результат может быть достигнут лишь ценою жертвы. В истории есть множество примеров, когда отказ от привилегий, принесение себя в жертву — вспомним недавний пример нечаянного купания Бориса Ельцина в ручье — со временем оборачивались щедрой компенсацией и выгодой. Причем не только для себя, но и для семьи, точнее, для людей из ближнего своего, милого сердцу круга.

Вот и Николай Бердяев в письме «О либерализме» высказывал свои сомнения:

> «Слово либерализм давно уже потеряло всякое обаяние, хотя происходит оно от прекрасного слова свобода… Поистине, в свободе есть скорее что-то

аристократическое, чем демократическое. Это ценность — более дорогая человеческому меньшинству, чем человеческому большинству…»

И снова «продвинутое» меньшинство и невежественное большинство! Еще не хватало прочитать, что большинство — это всего лишь «быдло» и «холопы». И все же почему у большинства такое осторожное, я бы сказал, подозрительное отношение к свободе? Ответ находим все у того же Александра Головнина. За несколько лет до реформы 1861 года, отменившей крепостное право, Головнин попробовал освободить своих собственных крестьян. Однако крестьяне отказались:

«Когда ты от нас совсем отступишься, нас всякий теснить будет, а мы твоею милостью много довольны».

Александр Васильевич Головнин

Тут и зарыта собака. Права правами, даже если обеспечено формальное равенство всех прав, однако каким законом можно запретить полезные связи с влиятельными людьми, каким указом уравнять материальные доходы? Что толку, если есть права, однако нет средств, чтобы нанять толкового защитника, и нет возможности переговорить на званом ужине с «нужными людьми»? В этих условиях соревнование «правообладателей» напоминает заезды некоего варианта «Формулы-1» — один вперед несется на новейшем, наисовременнейшем «феррари», ну а другой — на допотопном «москвиче» 1956 года выпуска. Итог легко предугадать. Вот вам источник произвола, притеснения. А при отсутствии собственных средств защиты прав — что

гражданину остается? Придется идти снова на поклон, только уже к другому барину, на этот раз одетому в цивильный сюртук, с красочным значком в петлице — идти в надежде, что уж его-то милостью останемся довольны. Как бы не так!

И в завершение этого «нелирического» отступления вновь приведу слова Бердяева:

> «Права человека предполагают обязанность уважать эти права. В осуществлении прав человека самое важное не собственные правовые притязания, а уважение к правам другого, почитание в каждом человеческого образа, т. е. обязанности человека к человеку… Обязанности человека глубже прав человека, они и обосновывают права человека. Право вытекает из обязанности».

Но вот какой возникает у меня вопрос: какая же это будет свобода, если сплошь обязанности?

Одной из таких обязанностей может стать самоцензура — учет журналистом или литератором не только правовых, но и этических норм, а также интересов государства. Но что поделаешь, если самоцензура нынче не в цене, ну а позиция пишущих и громогласно говорящих не удовлетворяет нуждам большинства людей? Тогда приходится выбирать — либо ограничение свобод, либо плевать на все, и пусть сограждане живут по принципу: если не нравится, тогда переключи канал. Вот и переключаем по возможности…

Кстати, не только Николай Лонгинов к цензуре приобщился. Но если он, по сути, исполнял роль послушного цепного пса, то Александр Головнин, находясь в должности министра, пытался реформировать цензуру на основе самых либеральных правил: «Равенство перед законом вместо привилегий, свободу и простор вместо стеснений, гласность вместо прежней тайны». Нетрудно догадаться, что царь по-иному понимал задачи охранительного ведомства и через некоторое время управление по печати оказалось в структуре МВД.

Увы, прекрасные мечты, как правило, не выдерживают столкновения с прозой жизни. Вот либерал Александр Головнин напрасно размечтался о «свободе и просторе», а Михаил Лонгинов, всласть позабавившись похабными стишками, в итоге осознал, что нам дана только иллюзия свободы и потому рано или поздно придется выбирать, что для кого важнее — приятные грезы о подлунном рае или же реальные наслаждения в том мире, в котором мы живем.

Жил во времена правления императрицы Екатерины II еще

один мечтатель. Сын помещика средней руки, грамоте обучался чуть ли не у деревенского дьячка, не знал иностранных языков, не слушал «школьных философов», был исключен из гимназии «за леность и нехождение в классы», что-то такое там писал, однако многие современники отказывали ему в писательском таланте. И вместе с тем, по словам Белинского, он «распространил изданием книг и журналов всякого рода охоту к чтению и книжную торговлю и через это создал массу читателей».

Речь здесь идет о Николае Ивановиче Новикове, подвижническая деятельность которого приходится на 70 — 80-е годы XVIII века. Им были изданы более тысячи книг по истории, педагогике, медицине, сельскому хозяйству, переводы сочинений отечественных и зарубежных писателей, масса литературы религиозного содержания. Выпускал он и газету «Московские ведомости», а кроме того, одиннадцать журналов. Вот некоторые из его журналов и привлекли особое внимание читателей, создав ему, по словам Лонгинова, репутацию «бойкого журналиста, карающего смешные и гнусные стороны современного ему общества», от взяточничества до «слепого поклонения всему французскому».

Надо заметить, что и Екатерина считала возможным для себя изредка «изъясняться» в этом жанре — ею было написано несколько комедийных пьес, высмеивающих нравы общества. Но вот характерная особенность этого высмеивания: власть поощряла только ту сатиру, которая не затрагивала основ существования самодержавия и не противоречила политическому курсу. Уже гораздо позже, когда Новиков стал владельцем типографии и популярным издателем, несшим просвещение в умы, Екатерина издала указ, которым объявляла ему, что типографии заведены для печатания полезных книг, а не сочинений, «наполненных новым расколом, для обмана и управления невеждами». А через год последовало новое распоряжение, согласно которому книги, касающиеся основ православия, печатать разрешалось лишь в духовных типографиях. Причина недовольства власти была в том, что Новиков к этому времени стал активным масоном, мартинистом, немалую долю его деятельности составляло тайное издание книг с целью популяризации масонства. А вот интересно, в чем причина такого увлечения?

По словам самого Новикова, в масонстве его привлекала главная, декларируемая масонами цель — «просвещение ума и сердца». Среди видных масонов были многие русские князья — Трубецкие, Одоевские, Долгорукие, Щербатовы… Видимо, Новиков рассчитывал на их поддержку в распространении знаний

в обществе, коль скоро трудно было рассчитывать на содействие властей. В отличие от Михаила Булгакова, которому с масонами не повезло, Новиков близко сошелся с влиятельными людьми, особенно с князем Николаем Никитичем Трубецким.

Изданием сатирических журналов Новиков занимался около пяти лет. Популярности он благодаря этому добился, но в обличении нравственных уродств особого смысла он уже не видел. В сущности, Новиков был не первый и, надеюсь, не последний, кто понял — главная задача просветителя заключается не в обличении, а в «улучшении породы». Термина такого никогда не употреблял ни он, ни его последователи, однако целью просвещения должно быть только это — совершенствование нравственных основ на базе прочных и разнообразных знаний, что гарантировало бы эволюционное развитие человечества по самому приемлемому для нас пути. Я повторю, приемлемому для нас, простых людей, а не для тех, кто властвует, предпочитая видеть в нас послушных исполнителей, а то и вовсе — помощников в достижении своих корыстных целей.

История сатирика и просветителя закончилась печально — через несколько лет после того, как впал в немилость, Новиков был заключен в Шлиссельбургскую тюрьму, откуда вышел старым и больным. Однако книги, изданные им, по счастью, послужили многим людям.

Прошло около двух столетий. И вот в 1973 году звание Героя Социалистического Труда получает главный редактор сатирического киножурнала «Фитиль» Сергей Владимирович Михалков. Если кто сомневается в причине столь высокой оценки его трудов, то через пять лет последовало разъяснение — ему была присуждена Государственная премия именно за киножурнал «Фитиль».

Не устаю повторять: другие времена, другие люди. Только в кошмарном сне может привидеться, что Леонид Ильич Брежнев, уподобившись Екатерине, написал сатирическую пьеску. Или хотя бы простенький сценарий для любимого им «Фитиля», в котором бы едко высмеивались нравы продавцов в поселковом магазине — недолив, пересортица, обвес… Можно только порадоваться за Сергея Владимировича — к масонству интереса не проявлял, в просвещении умов также не был никогда замечен. Что уж теперь удивляться, если просветителя направили в тюрьму, сатирик же был обласкан и наградами, и званиями?

Ох, каюсь! Чуть было не забыл! Ведь Михаила Булгакова тоже можно отнести к сатирикам. Не стану напоминать о популярном фельетонисте из «Гудка», однако финал одного из его сочинений приведу дословно. Читаем в газете «Гудок» от 28 мая 1926 года

фельетон «Музыкально-вокальная катастрофа»:

> «Внутри сарая, на эстраде, устроенной в доменной печи, стоял артист во фраке и разливался соловьем:
>
> — Сердце красавицы! Склонно к измене!!!
>
> — Верно! Правильно! — кричали вагонные. — Бис, бис, бис!!!
>
> Уважаемый председатель вагонного месткома Хилякин упал во время исполнения мертвой петли с высоты вагонного сарая и, ударившись головой о публику, умер путем переломления позвоночного столба. Мир твоему праху, неусыпный труженик и организатор».

Не думаю, чтобы за такой сюжет Булгакова могли отправить в каталажку — тем более что выдумки здесь нет, наверняка все взято из жизни, разве что изменил фамилию. И наградить орденом за фантасмагорический сюжет о столкновении банды Воланда с нравами сталинской Москвы — такое тоже представить невозможно. Но почему же так — кому награды, почести, а вот талант пропадает в неизвестности?

И тут вспомнились слова из воспоминаний Андрея Кончаловского: «Большинству людей не нужна истина… Им нужно преподносить возвышающий обман».

Что ж это получается? Значит, просвещение долой? А вместо воспитания нравственных основ демонстрировать в прайм-тайм приятные во всех отношениях сюжеты — тот самый будто бы возвышающий обман?

А что, если в словах Андрея Сергеевича содержится намек на «Мастера и Маргариту»? И впрямь, ведь не было же никакого Воланда, трамвай по Малой Бронной не ходил, среди известных историкам жен Мастера не числилось ни единой Маргариты. Да что уж там говорить, сначала покажите человека, что выиграл по внутреннему займу сто «тыщ» рублей, а уж потом рассказывайте про неземную, нездешнюю любовь, венцом которой стало бегство туда, где есть покой или хотя бы иллюзия покоя. И ощущение свободы, содействующее возвышению в собственных глазах.

Конечно, о «закатном» романе нужен особый разговор. Обман? Да, очевидно, что обман. Однако и в самом деле возвышающий. Речь не о наивных проповедях Иешуа, призванных убедить Понтия Пилата, а заодно и читателя в изначальной доброте людей. И даже не в попытке уверить нас в том, что Зло может стоять на страже справедливости. Дело тут совсем в другом.

1937 год. Бал Сатаны как апофеоз сталинского режима. Гости бала, где перемешаны отравленные с отравителями, жертвы с

палачами. И где за каждой выдуманной фигурой стоит реальный человек, причастный к власти, — чекист, партийный начальник или даже маршал. Кто понял замысел Булгакова, разгадал тайный смысл бала Сатаны, а вместе с ним и московских глав, тот и поднялся на одну ступеньку понимания.

А как вам вот такая мысль? Что, если литература, искусство, газеты, телевидение и Интернет созданы прозорливыми, интеллигентными людьми лишь «для обмана и управления невеждами»? Слукавила Екатерина! А вот Андрей Сергеевич четко разъяснил, хотя могу допустить, что не было у него намерения разъяснять такое даже в мыслях. Однако родовитость, наследие помещичьего прошлого в некоторых людях так и вопиет, даже вопреки желанию. Неужто есть только цель промывать мозги, манипулировать людьми тем или иным способом, причем во благо самому себе или же себе подобным? И в самом деле, можно ли иначе управлять «холопами»?

Не так давно на «Эхе Москвы» произошел любопытный разговор, фрагмент которого с несущественными сокращениями предлагаю вашему вниманию:

> *А. Кончаловский:* …Правосознание российского народа, я считаю, на сегодняшний день равно нулю, кроме… тех людей, которые в страшно ограниченной форме существуют в Москве…
>
> *К. Ларина:* …Правильно ли я понимаю, Андрей Сергеевич, что… за 200 лет наше общество ни в какой степени не изменилось, не выросло, не повзрослело?
>
> *А. Кончаловский:* А я считаю, что за 500 лет. Оно не изменилось за 500 лет… поскольку нет правосознания… Процесс вырастания цивилизованного человека из варвара никогда в России не был осуществлен.

Ну что тут скажешь? Такое впечатление, будто барин, начитавшись Сенеки, Канта и Бердяева, вышел на крыльцо господского дома, чтобы поучать народ. А мужики и бабы, разинув рты, с восторгом ему внемлют, веря, что вот еще чуть-чуть и наступит долгожданное просветление в умах.

Тут самое время снова процитировать Дмитрия Петровича Кончаловского:

> «Во внутреннем своем быту Московская Русь остановилась на ступени варварства».

И далее:

> «Очевидно также, что свобода, самоопределение, самоуправление — не для русского народа. Ибо на всем протяжении своей тысячелетней истории он не сумел развить и упрочить возникавшие в его среде зачатки свободы и общественной самодеятельности».

Вполне очевидно, что Андрей Кончаловский заимствует идеи своего обожаемого родственника, который в свою очередь восхищался германским духом и почитал нацизм как панацею от всех бед.

Честно говоря, нет у меня желания никого опровергать. Позволю себе лишь несколько слов об особенностях русского характера. На мой непросвещенный, может быть, даже холопский взгляд, главная особенность русского человека — здравомыслие. Нередко это можно спутать с ленью. А все потому, что русский человек давно уже нашел ответы на глобальные вопросы, которые мучают ученых. И, отвечая маститым политологам и профессорам, ставит их в тупик.

Зачем мне богатеть, если все равно отберут — начальники, бандиты или кризис?

Зачем мне равноправие, если нет возможностей для защиты своих прав?

Зачем мне власть, если в экономике и политике не смыслю?

Зачем свобода, если свободой прежде всех воспользуется жулик и ловкач?

Конечно, далеко не у всех русских такие «примитивные», «недальновидные» взгляды на жизнь, такие «несвоевременные мысли» — многие уже бегут наперегонки с западной цивилизацией. Ну а российским «варварам» что же остается? Да все то же — строить собственную жизнь, игнорируя назойливый агитпроп, которым обрабатывают нас те, кто на чужом горбу стремится к власти.

А вот интересно, как убежденный монархист относится к свободе? В романе «Мастер и Маргарита» это слово повторяется много раз, начиная с самой первой главы:

> «Да, мы не верим в бога, — чуть улыбнувшись испугу интуриста, ответил Берлиоз. — Но об этом можно говорить совершенно свободно».

Слова эти звучат не слишком убедительно в устах литературного начальника, но сделаем скидку на то, что он беседует с иностранным гражданином. К тому же Берлиоз явно лукавит — декларируемая им «свобода слова» не допускает

возможности говорить о вере в Бога. Нет, говорить разрешается только о неверии.

Совсем другое дело, когда речь идет о Маргарите:

> «Маргарита ощутила себя свободной, свободной от всего. Кроме того, она поняла со всей ясностью, что именно случилось то, о чем утром говорило предчувствие, и что она покидает особняк и прежнюю свою жизнь навсегда. Но от этой прежней жизни все же откололась одна мысль о том, что нужно исполнить только один последний долг перед началом чего-то нового, необыкновенного, тянущего ее наверх, в воздух».

И далее:

> «Невидима и свободна! Невидима и свободна!»

Но вот уже Мастер обращается к Пилату:

> «Свободен! Свободен! Он ждет тебя!»

Так что же это такое? «Новое, необыкновенное, тянущее наверх»? Если свобода — это только то, что дано нам в ощущениях, то стоит ли огород городить? Достаточно убедить себя в том, что ты свободен. У многих это получается — особенно у тех, кто «наверху». Для них степень свободы определяется количеством валюты в банке или должностью.

Новое, необыкновенное… Для писателя, зодчего или художника важна прежде всего возможность выразить себя, при этом избежав жесткой цензуры, злобной и несправедливой критики. Творец пытается создать новое, необыкновенное, рассчитывая на то, что результат его труда по справедливости оценят. Свобода для творца — это возможность творчества. Стремление к свободе — это стимул творчества.

Оказывается, что есть и другое мнение, находим его в тех же «Низких истинах»:

> «Думаю, это великое чувство — страх. Оно заставляет человека напрягать все свои силы, фантазию, изворотливость… Страх… могучий стимулятор творческой энергии… Знание человека о смерти, неминуемый страх смерти — одна из могучих движущих сил человечества. Оставить после себя что-то…»

Не могу поверить — неужели Булгаков написал свой знаменитый роман под гнетом страха? Оставить после себя «что-

то»… Но при чем тут страх? Гораздо чаще происходит обратное — страх лишает человека разума. Тут уж не до романа, не до фильмов, не до стихов. Вот Осип Мандельштам написал свое знаменитое «Мы живем, под собою не чуя страны…» явно не из страха перед всесильным Сталиным и НКВД — напротив, демонстрируя нравственное превосходство. Страшно стало уже потом… Напротив, люди, даже в мыслях своих не допускающие выпадов против начальства, как правило, панически боятся смерти. Этот страх потерять все то, чем удалось обзавестись при жизни. Рабы своего богатства, жертвы собственных желаний, проповедники сомнительных истин, грешники, ищущие оправданий перед приходом палача… Будем надеяться, что каждому воздастся по его заслугам.

Пора подводить промежуточный итог. Что объединило в этой книге самых разных людей — это судьба княгини Киры Алексеевны Козловской и Михаила Булгакова, описание того, что между ними было или же могло быть. Прочие события — необходимый фон, приметы времени, без которых основной сюжет воспринимался бы не вполне реально — было бы что-то вроде Малой Бронной без трамвая. Впрочем, как такового сюжета этой книги нет, есть только несчастная любовь писателя к княгине, есть так или иначе связанные с этим истины, в которых я и попытался разобраться.

Пожалуй, на этом книгу можно было бы закончить. Однако допустимо ли все бросить, так и не разобравшись до конца, так и не обнародовав свои догадки? Вот и решил написать еще одну главу, что называется, дав волю «необузданной фантазии». Не только для того, чтобы удовлетворить любопытство пытливого читателя. Нет, просто очень не хочется с Булгаковым и княгиней расставаться.

Глава 5
Фантазия на заданную тему

Сказать по правде, на авторство этой главы я не претендую. Во всяком случае, на ту небольшую ее часть, которая явилась вольным, а кое-где чуть ли не дословным изложением текстов, принадлежащих перу Михаила Афанасьевича. Теперь, надеюсь, ни у кого не возникнет подозрений, будто пытаюсь заработать литературный капитал путем вульгарного заимствования. Но дело тут совсем в другом. Нет лучшего способа рассказать о жизни литератора, чем сделать это его собственными словами. С другой стороны, было бы наивным ждать от Булгакова признания во всех своих грехах и описания тайных встреч, интимных сцен, написанных в жанре автобиографии. Вот если б исповедь, а так… В общем, рассчитывать можно лишь на то, что ненароком обнаружишь в дневниках, а более всего хотелось бы надеяться, что часть своего «я» писатель передал своим героям. Если такие откровения удалось найти, они, несомненно, могут послужить основой. И все же наиболее дотошных читателей хочу предупредить: если увидите в тексте строки или слегка перефразированные отрывки из его произведений, берите в руки карандаш и смело заключайте их в кавычки. Я от использования цитат не отрекусь, однако и вы должны понять: это всего лишь попытка реконструкции событий, а вовсе не литературное исследование.

Увы, восстановить эту историю в подробностях мне не дано, приходится дать волю и своей фантазии. По правде говоря, все созданные моим воображением мысли, чувства и поступки следовало бы однозначно приписать другим, никогда не существовавшим персонажам. Однако за выходящими из-под пера строками вновь вижу все те же узнаваемые лица — замечательного русского писателя и очаровательной молодой дамы из аристократической семьи.

А между тем вероятность описанных событий не столь уж мизерна, как может показаться. Более того, логически обоснована и подтверждается рядом косвенных свидетельств. Впрочем, каждый может интерпретировать подобные свидетельства по-своему. Ну, вот и я…

Декабрь 1917 года. Где-то под Смоленском

В комнате полумрак. Может показаться, что здесь никого нет, но это совсем не так. Потому что там, на кровати, под грудой

скомканных простыней и одеял — это я. Ни рук, ни ног… Не видно даже головы. Но это точно я. Я это знаю.

Мне плохо. Очень плохо! Так плохо, как только может быть в том состоянии, в котором нахожусь… Кто сможет мне помочь? Я сам? Да что вы, это невозможно… Тася! Тася! Где ты? Ну, в самом деле, сколько еще можно ждать!.. Но вот я слышу ее быстрые шаги.

Тася — это моя несчастная жена. А я врач, обыкновенный сельский врач, богом забытый в этой деревенской глухомани.

— Я не буду больше приготовлять раствор. — Это говорит она.

Вот ведь как! Вместо того чтобы помочь, опять напрашивается на скандал. Я все же пытаюсь уговорить:

— Глупости, Тася. Что я, маленький, что ли?

— Не буду. Ты погибнешь.

— Пойми, что у меня болит в груди!

— Лечись.

— Где? У кого? Да кто меня здесь вылечит?

— Тогда уедем отсюда. Здесь ты пропадешь. Морфием не лечатся. — Потом, видимо, подумала и добавляет: — Простить себе не могу, что приготовила тогда вторую дозу.

— Да что я, наркоман, что ли? Что это тебе взбрело такое в голову? — Честно скажу, я возмущен ее предположением.

— Да, ты становишься морфинистом, — отвечает.

— Так не пойдешь? — Я чувствую, как во мне поднимается, вскипает злость.

— Нет!

Злость стала огромна, невероятно велика. Злость давит, она душит меня. Не в силах ей противостоять, я выхватил револьвер из ящика стола.

— Чего ты ждешь? Стреляй! — Тася удивительно спокойна. Я бы сказал, убийственно спокойна.

Стрелять или не стрелять?

— Себя ты все равно не спасешь, а для меня, наконец, закончится кошмар.

— Тогда я застрелю себя! Смотри! Ну, неужели тебе меня нисколечко не жалко?

— Стреляй…

Я подношу револьвер к виску и думаю: нажать на спусковой крючок или не стоит?

И тут только понимаю, что револьвер-то не заряжен.

— Ах ты дрянь! Ты даже уйти из жизни мне не позволяешь! Гнусная лицемерка! Обманщица!

Схватив револьвер за дуло, я бросаюсь на нее. Вот тут она и

вправду испугалась. Мы боремся. Она оказывается сильнее меня… Изнемогаю… Устал… Сил никаких нет…

И вот я снова на кровати. А Тася здесь же, рядом, гладит меня рукой по голове:

— Бедненький мой! Ну, успокойся.

А как тут успокоишься, когда вся жизнь наперекосяк!

— Тася! Я так больше не могу. Я здесь погибну!

— Давай вернемся в Киев…

Надо признать, что у моей супруги редко, но все же возникают в голове кое-какие мысли. Я, даже несмотря на нынешнее свое состояние, готов их обсудить.

— И что нам делать в Киеве?

— Там твои близкие, там доктора. — Она все о своем, а я уже не могу слушать эти ее убогие советы, эти бабьи причитания.

— Зачем мне доктора? Я сам доктор!

— Не хочешь в Киев? Ну, тогда в Москву поедем. Добьешься перевода в другое место, если жить здесь совсем невмоготу.

Как же я сразу-то не догадался? Ведь она подсказывает выход. Все понимает, только виду не подает.

— Да… да! В Москву! Завтра же и поеду… — Странно, но я чувствую, что мне внезапно полегчало.

— А я?

Ну вот опять! Так вроде начинает хорошо, а потом снова переходит на банальности.

— Зачем тебе? Я вот насчет работы съезжу, договорюсь о переводе, зарплату получу, а уж тогда…

Плачет.

— Я знаю. Ты опять к ней. Зачем я только подсказала?

— Да что ты мелешь ерунду! При чем тут?.. — Разыгрываю возмущение, стараясь не смотреть в ее глаза.

— Это она тебя сгубила! Ты посмотри на свои руки, посмотри.

— Немного дрожат. И что? Это не мешает мне работать.

— Ты посмотри, они прозрачны. Кожа да кости… Взгляни на свое лицо… Ты погибаешь. И все из-за своей княгини. Она тебя довела…

Ну, что мне ей сказать, если я сам в себе не в силах разобраться?

— Успокойся. Спасибо морфию, он меня избавил от нее. Вместо нее — только морфий.

— Ах, боже мой! Что мне делать?

Вижу, что она смирилась. Неужели так любит? Или попросту привыкла? Я до сих пор не понимаю, зачем не ушла еще тогда… Клятва верности перед алтарем? Своеобразно понятый долг перед

своим супругом? Ну что ж, у каждого своя судьба. Свой приговор.

Осень 1916 года

В тот раз я приезжал в Москву за новым назначением. Во фронтовом госпитале толку от меня было мало, а в сельской местности не хватало докторов — опытных врачей отправляли в действующую армию. В принципе я был не прочь потрудиться на ниве оздоровления страждущих от геморроя или инфлуэнции, поскольку отрезание рук, ног и зашивание под гром артиллерийской канонады вспоротых осколками снаряда животов меня уже не увлекало.

Остановился я у дяди, в шикарном доме на Пречистенке. Если быть точным, я стал желанным гостем сразу для обоих дядьев. Ведь как-никак не только близкая родня, но и коллеги по профессии! Один из них занимался женскими болезнями, другой увлекся лечением детей. Шесть комнат, изысканная мебель. Судя по обстановке в доме, врачебная практика была делом очень прибыльным. Впрочем, я так никогда и не осмелился спросить, кому из них больше повезло — то ли педиатру, то ли гинекологу.

В итоге блуждания по инстанциям новое направление я получил. Мне предстояло трудиться в сельской больнице где-то под Смоленском. Испытывая понятное волнение и сохраняя веру в то, что еще удастся сделать что-то стоящее в этой жизни, я направлялся к дому, надо же было успокоить родственников…

И вдруг увидел ее.

Она шла навстречу мне, по тому же тротуару. Изящная молодая дама с благородной осанкой, с красивым, но почему-то очень грустным лицом. Если бы не эта неожиданная грусть, я бы, наверное, ее и не заметил — мало ли красивых женщин можно повстречать в Москве. А тут в моем воображении сразу возник некий, не вполне законченный сюжет. Будто бы муж ушел сражаться на войну, а она осталась совсем одна в этом огромном городе, где нет ни знакомых, ни друзей. И еще показалось, что только я смогу ее утешить. Да, видимо, так было предназначено судьбой.

К моему удивлению, слова незнакомого человека были встречены более чем благосклонно. Видимо, молодая женщина отчаянно нуждалась в друге, способном поддержать в трудную минуту, веселой болтовней отвлечь от наболевшего… Кто знает, о чем она подумала в тот момент, когда взглянула на меня и на ее лице появилась едва заметная улыбка.

Потом мы с ней гуляли по Москве, она рассказывала о себе. Судя по всему, у нее была потребность выговориться, словно бы она напрочь была лишена такой возможности прежде, до того,

как встретила меня. Я чувствовал ее доверие и испытывал такую радость, какая бывает лишь при встрече с близким другом, с которым виделся лишь много лет назад.

И тут она произнесла одно магическое слово — Карачев. Маленький уездный город на Орловщине, где до сих пор живет моя родня. Но по словам новой знакомой, там же, неподалеку от Карачева находится имение ее отца. Вот ведь поворот судьбы! Эдакий замысловатый зигзаг, столкнувший нас в глухом московском переулке. Похоже, и у нее, и у меня одновременно возникла мысль: ах, почему же мы не встретились тогда?! В то дивное время, когда не было войны, когда мы оба томились в ожидании будущего счастья и не было еще ни мужа у нее, ни у меня вконец опостылевшей жены. Впрочем, о своей женитьбе я ей не рассказывал.

На следующий день мы снова были вместе. Снова бродили по Москве. Снова она вспоминала о своих родных, о жизни в Петербурге, о том, как познакомилась с будущим супругом. Это же надо — князь! Впрочем, еще неизвестно, кому из нас больше повезло — дочери статского советника, вышедшей замуж за сиятельного, или же мне, безвестному врачу, сыну небогатых, властью не обласканных родителей. Мог ли я рассчитывать на подобное знакомство? Да ни в жизнь! Остается верить в странные закономерности судьбы и загадочное свойство этого переулка на Пречистенке.

А между тем было у нас еще нечто общее. Оба мы в прежние годы увлеклись театром — в моде тогда были домашние спектакли, что-то легкое, с обилием комических сцен. Я и сам ставил пьески, и даже сочинял — в основном смешное, пародийное… Кстати, ведь и она познакомилась с князем на домашнем представлении. Было это в доме у графини Шуваловой на Фонтанке, в Петербурге. Только представьте исполнителей ролей — княжна Голицына, баронесса Мейендорф, княжна и князь Оболенские! И среди них не столь родовитая, но на редкость привлекательная, чудесная, неповторимая мадемуазель Кира Блохина.

— Вы знаете, все получилось весьма забавно. — Кира улыбнулась. — После спектакля князь подошел ко мне, представился. Похвалил мою игру, хотя сразу вам скажу, что роль у меня была эпизодическая. Однако он, ссылаясь на свой опыт работы в дирекции императорских театров, убеждал, что я была неподражаема, ну просто лучше всех. Потом как бы невзначай выяснил, кто мой отец. И вдруг после этого испросил разрешения нанести визит — мы тогда жили на Бассейной. Я-то рассчитывала, что он мне предложит ангажемент в театре… —

Кира рассмеялась.

А я был рад тому, что мне удалось ее развеселить. Хотя, честно скажу, большой моей заслуги в этом не было. Потому что говорила в основном она, вспоминала смешные случаи из прежней жизни, красочно описывала некоторых персонажей из тогдашней элиты Петербурга. Моя же роль свелась к поддакиванию, к усиленному киванию. Да и что я мог бы рассказать, когда перед глазами, стоило задуматься, возникали распластанные на столах тела в операционной и кровь, кровь, кровь… В общем, кошмарные будни фронтового госпиталя. Кстати, возможно, именно моя шинель военного врача и привлекла внимание княгини. Да, всего-навсего, не более того — надо же иметь в виду, что шла война, а среди дворянской знати были весьма распространены патриотические настроения. И только когда Кира изредка бросала на меня свой нежный взгляд, возникало впечатление, что роль моя в этой пьесе не столь уж незначительна, а финал может оказаться куда более приятным.

О юных годах, о жизни в имении под Карачевом вплоть до отъезда в Петербург Кира вспоминала неохотно. Рассказывала о подругах, но вот об отношениях в семье не хотела вспоминать. Видимо, было что-то такое в эти годы, что способно враз испортить настроение, даже вызвать нервный срыв. Словно бы взяла вот и отрезала, постаралась начисто забыть. Есть такое ценное свойство у нашей памяти — события тягостные, гнетущие ей удается так запрятать, что, если и захочешь, не достать, не отыскать. И опять я ведь тоже без особой радости вспоминаю своего отца. Правду сказать, стараюсь вовсе о том времени не думать.

За несколько лет до знакомства с князем Кира решилась на серьезный шаг. Повторюсь, что причина для меня осталась неизвестна, то есть, конечно, я кое-что подозревал, но утверждать категорически нет у меня ни малейших оснований. Вроде бы что-то произошло у них в семье, в результате чего вдруг обострилась болезнь матери, ну а Кира утратила прежнее доверие к отцу. Во всяком случае, с ее слов именно так мне показалось.

И вот я слушал о том, как Кира покинула имение, где семья в те годы жила почти что постоянно, и неожиданно отправилась в Петербург. Это была попытка начать самостоятельную жизнь, выбраться из омута семейных и бытовых проблем, который затягивал, лишал надежд на личное счастье. Надо полагать, провинциальные ухажеры Киру не устраивали. Была еще одна причина — очень хотелось пополнить свои знания. Девушек тогда в университет не принимали, однако стали появляться учебные заведения именно для них. Вот так она оказалась на курсах,

учрежденных в Петербурге госпожой Бобрищевой-Пушкиной. Ах, мне ли Киру не понять! Собственно говоря, весьма поверхностное образование, полученное Тасей, явилось одной из главных причин наших нынешних размолвок. Каждый согласится со мной, кто по десятку раз на день выслушивал бессмысленный бабий треп, стонал с закрытым ртом, внимая очередному рассказу про сварливую соседку, мысленно бился в истерике, думая о том, что еще предстоит в последующие несколько лет. А уж если учесть полнейшее равнодушие моей Таси и к литературе, и к театру…

Да, не всякой женщине оказывается по нутру жизнь, ограниченная заботами о муже и ежедневными хлопотами по дому. Похоже, Кира была не из таких.

Мы уже свернули с Пречистенки в наш переулок… и тут я вспомнил. В кармане армейской гимнастерки у меня лежал сложенный листок бумаги, на котором раненый офицер там, в госпитале, написал своей жене несколько строк. Помнится, он представился как князь… Ах, да неужто?.. Адрес… Прежде чем достать письмо, я отчаянно пытался вспомнить адрес… Ну конечно! Он назвал переулок на Пречистенке, а я ответил, что в том же переулке живут мои дядья.

— Да где же оно? — Я остановился и стал суетливо шарить по карманам, вызвав беспокойство Киры.

— Вы не здоровы? — участливо спросила она.

— Я?.. Нет-нет, что вы, что вы! Просто чуть не забыл… — Тут, наконец, нашел письмо и протянул его княгине, будучи уже совершенно уверен, что предназначено письмо только для нее. — Это передал мне раненый офицер в госпитале под Каменец-Подольским. Ранение очень легкое, вы не беспокойтесь…

— Да как же оно попало к вам?

— Так уж случилось, что я собирался в Москву за новым назначением. И вот, узнав об этом, князь попросил меня передать письмо. Как можно было отказаться, когда и адрес-то такой знакомый?

Княгиня, близоруко щурясь, читала письмо, а я с интересом наблюдал за ее реакцией. Вот чуть улыбнулась, слегка скривила губы, вздохнула… и быстрым движением сунула лист бумаги в ридикюль.

— Так вы военный врач? — спросила она, словно никакого письма никогда и не было.

— Да… То есть нет, — слегка запнулся я. — Скорее всего, меня отправят работать в уездную больницу где-то неподалеку от Москвы, — сказал, будто наверняка ничего еще не знал. Уж очень непрестижно выглядел адрес деревеньки под Смоленском.

— Как это хорошо! — воскликнула княгиня. — Вы будете

вдали от войны, от этих ужасов. Ах, когда же все это закончится? — Вздохнула, помолчала и затем игриво посмотрела на меня. — А кстати, вы сможете иногда наведываться в Москву. Надеюсь, что работы будет не много, не то что там, в военном госпитале?

— Я тоже надеюсь, — коротко ответил я, поскольку мысли мои в этот момент были заняты совсем другим.

Кира еще что-то говорила, я краем уха слушал, кивая. Возможно, даже отвечал ей невпопад, но, к счастью, она этого не замечала. А перед глазами у меня возникла странная, завораживающая сцена — князь и княгиня в спальне вскоре после сладостных минут любви. Жаль, но самые интересные события остались словно бы за кадром.

Итак, Юрий Михайлович без пиджака, в одной белой зефирной сорочке, сидел на краю кровати и говорил женщине с бледным и матовым лицом такие слова:

— Ну, Кира, я окончательно решил и поступаю в Конный артиллерийский полк.

На это княгиня, еще не вполне пришедшая в себя после недавних объятий, отвечала так:

— Мне очень жаль, но я никогда не могла понять твоих желаний. Не понимаю и сейчас.

Князь опрокинул в рот рюмку коньяку и произнес:

— Да и не нужно.

Через два дня после этого разговора Юрий Михайлович преобразился. Вместо цилиндра на нем оказалась фуражка блином, а вместо штатского платья — длиннополая шинель и какие-то слишком уж нарядные для такого страшного дела, как война, погоны вольноопределяющегося.

Потом сделали фотографию на память, всей семьей посидели за столом, мать Юрия Михайловича всплакнула — все как полагается, — и князь отправился на фронт защищать от бусурманов родимое отечество.

В общем, я уже сказал, что все как у людей. В те дни многие жены провожали мужей на фронт, просили, чтобы муж берег себя и чтобы не забывал писать. Однако вот чего я не могу понять. Почему же Кира никак, то есть никоим образом, не выразила мне благодарность за письмо? Не бросилась на шею, не расцеловала, не расплакалась. На мой взгляд, это было бы вполне естественно. А впрочем, кто их разберет — этих представителей дворянской знати? Чопорные, скупые в выражении своих чувств, они слезинки не уронят на людях. Тем более в присутствии человека низшего сословия. Впрочем, откуда ей про это знать?..

Если же, напротив, ее реакция на письмо была предельно

искренней, это обстоятельство значительно увеличивало мои шансы… На что? В этом я и сам себе признаться не хотел. Попросту гнал, гнал от себя такие мысли…

— А вот интересно было бы узнать, чему нынче учат там, на женских курсах? — поинтересовался я, когда Кира вновь заговорила о жизни в Петербурге. — Кое-что слышал, однако с трудом представляю себе, что вы обучались там «изящным рукоделиям» либо выжиганию по дереву, а то и вовсе рисованию розанчиков и некоего подобия виньеток на фарфоре.

— Вы правы, — рассмеялась Кира. — Стоило ли уезжать из дома, чтобы посвятить себя занятиям совершенно бесполезным? Да-да, вы правы, на курсы меня привлекла возможность изучения новых языков. Немецкий я неплохо знала, поскольку моя мать, она из обрусевших немцев, в некоторых обстоятельствах не могла обойтись без объяснений на этом языке…

Я тут же представил себе, как строгая мамаша учит уму-разуму свое дитя, приучая к немецкому порядку, и мне стало очень жалко Киру. На мой взгляд, даже вульгарный русский мат для нашего слуха куда более приятен, нежели нравоучения на чужеземном языке. Впрочем, повторюсь, это не более чем личное мнение военврача, только что приехавшего с фронта.

— Знанием французского я обязана отцу и гувернантке, — продолжала Кира. — Этот язык давался мне на удивление легко. Вот английского я тогда не понимала, но так хотелось почитать в оригинале Шекспира, Байрона!

А я смотрел на нее и удивлялся. Мало того что из дворян, княгиня. Мало того что на редкость хороша собой. Но вот ведь выясняется, что еще и умница какая! Честно вам скажу, таких слов ни об одной из встреченных мне в жизни женщин я бы не сказал. Ни до, ни после нашего знакомства с Кирой.

Мы уже почти закончили прогулку. Я, как и в прошлый раз, собирался попрощаться, не провожая княгиню до порога дома. Так для нее было бы спокойнее, хотя оба мы казались тогда людьми без предрассудков. Но тут за моей спиной послышалось:

— О-ля-ля! Wie interessant du die Zeit durchführst, Meine nette Fürstin![1]

Кира остановилась, резко обернулась:

— Ах, милая тетушка! Опять ты пытаешься влезть не в свои дела, — и добавила еще что-то по-немецки.

— Ладно, ладно, Кирочка. Ты не сердись, я это не со зла. А кстати, могла бы и познакомить со своим новым кавалером.

— Ну вот опять! Послушайте, Маргарита Карловна, еще чуть-чуть, и я не на шутку рассержусь. Какая вам радость позорить меня перед Михаилом! — И перейдя на ты, добавила: — Тем

более что все ты врешь…

— Ах, значит, прелестного офицерика зовут Мишель? — улыбнулась тетушка. — Да, да, хорош… Твой вкус тебе не изменяет, Кирочка. — Она рассматривала меня так, как выбирают пирожные в кондитерской Филиппова. — Ну, здравствуйте, Михаил. Я Кирина тетя, Маргарита Карловна. Но вот незадача, пока что не графиня, не княгиня и даже не княжна. — Тетя вдруг расхохоталась.

Слегка поклонившись, я представился, не зная, что еще добавить. Собственно говоря, доказывать то, что Кирина тетя не являлась титулованной особой, не было никакой нужды. Это было столь же излишне, сколь и очевидно. Передо мной стояла смуглая женщина с горбатым носом, несколько вертлявая, я бы так сказал. Из-под широкополой шляпки выбивались локоны чуть рыжеватых волос. Я было заподозрил, уж не крашеная ли. Да что гадать — наверняка! В одежде ее чувствовалось пристрастие к последним веяниям моды, возможно даже, намерение эпатировать публику своим внешним видом. Скорее всего, привычным местом обитания тетки были литературные вечера со всякими там футуро… ну и прочими имажинистами. Я даже был готов поверить, что она в близком знакомстве с Давидом Бурлюком. Хотя его стихов я, понятное дело, не любил, но тут почему-то вспомнилось:

Каждый молод, молод, молод,
В животе чертовский голод,
Все, что встретим на пути,
Может в пищу нам идти…

Вот и я, судя по всему, воспринимался ею в кулинарном смысле исключительно.

И еще одно обстоятельство следует отметить. Один глаз у тетушки был зеленый, другой мне показался карим. И оба, что называется, косили кто куда! Я поначалу попытался проследить за ее зрачками, но тут же отказался от этого занятия, поскольку почувствовал, что вот еще чуть-чуть и сам… У меня даже заболела голова.

Сославшись на недомогание, я поспешил откланяться. А вслед мне раздались наверняка какие-то малоприятные слова… По счастью, немецкого я тогда не знал. Да что говорить, и теперь не знаю.

Несколько дней минули незаметно. Дольше я уже не мог затягивать отъезд. Мы договорились, что непременно позвоню,

когда в следующий раз мне удастся вырваться в Москву. Кира призналась, что была бы очень рада, особенно если мы встретимся 20 декабря. Как я узнал потом, это был день ее рождения.

До сих пор не могу себе простить, что не решился тогда бросить все и не остался. Пусть бы меня считали дезертиром, пусть бы я прятался по подвалам, чердакам… Главное, чтобы была возможность видеть ее. Каждый день, каждый час и каждую минуту! Только ее одну и больше никаких Татьян и Маргарит!

Смутило то, что я боялся стать для Киры обузой. Бедный врач и привыкшая к роскоши княгиня. Можно ли представить себе такой фантастический альянс? Разве что в мечтах или во сне. Впрочем, мы тогда ни о чем таком и не задумывались. Хотя, пожалуй, где-то в глубине моей души уже рождалась подобная мечта. Только бы стать прочно на ноги, добиться положения в обществе и славы. И вот тогда… Но о чем же думала она? Этого я до сих пор не знаю.

Так было в прошлом году. И вот я снова в поезде, трясусь в расхлябанном вагоне. В Москву! В Москву!

Весна 1917 года

Была еще одна встреча с ненаглядной моей Кирой. Мы возвращались с Тасей из отпуска. Тася все уговаривала, чтобы поехать с вокзала на вокзал и не задерживаться ни на час в Первопрестольной. Только ведь ей переубедить меня еще не удавалось никогда. Снова едем к моим дядьям в Обухов, на Пречистенку.

Ну вот, наконец, знакомый переулок. Извозчик остановился на углу. Вместе с Тасей я поднимаюсь наверх, а самому не терпится бежать туда, в глубь переулка… А что, если будет снова знак судьбы? Вдруг снова я и она, одни на пустынном тротуаре? Но даже если нет, так хотя бы в окна загляну — может быть, почувствует, отодвинет занавеску, выглянет… Кира! Кира! Нет-нет, я не закричу. Даже камешек в окно не брошу… Так что же делать? Ах да! Нужен телефон.

Я в нетерпении, весь погружен в свои желания, в мечты, а Тася смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Кажется, вот-вот заплачет… Сейчас, сейчас, только дыхание переведу… Ты не мешай…

— Барышня! Тридцать два ноль семь… Да-да… Поскорей, пожалуйста… Да!.. Здравствуйте! Я Михаил, военный врач. Вы помните, вы не забыли меня, Кира?

В ответ слышу знакомый, бесконечно дорогой, но поразительно спокойный голос:

— Я? Как я могла забыть вас? Разве мы знакомы?

Такое впечатление, что это не она. То есть она, конечно, но совсем другая.

— Ну как же! Это было прошлой осенью… — пытаюсь напомнить ей, как все это началось. — Мы шли по скучному, кривому переулку. Я помню, что не было в том переулке ни души. Я пристально следил за вами, пока вы шли, и понял, что нет никого прекраснее на свете. И долго мучился, не зная, как заговорить. И боялся, что вот уйдете, а я никогда вас больше не увижу… Вы помните? Какое было счастье, когда все же решился подойти!

— О чем вы?

Вот те раз! Так Кира это или же не Кира?

— Неужели забыли про Карачев? Там где-то имение вашего отца.

Не помнит или все же притворяется? Зачем?

— Я и рада бы вспомнить, если мы встречались. Но где?

— Да здесь, в Обуховом! — Я уже начинаю сомневаться. — Впрочем, какая разница! Вы помните или же успели все забыть?

— Допустим, помню, — то ли решила уступить, то ли намерена и дальше продолжать жестокую игру. — Так что же между нами было?

Я чувствую, что еле сдерживает смех. Ах, как же они любят подразнить влюбленного мужчину!

— Мне как-то неудобно вам напоминать?

— Ах так! — Чувствую, что снова улыбается.

Пожалуй, стоит еще раз попробовать.

— Как вы прекрасны, Кира!

— Ах, что вы… — Я знаю, что легкий румянец появился на ее щеках.

— Вот только сейчас я шел по переулку мимо дома, но шторы были закрыты… — чуть слукавил.

— Я не люблю дневного света, вечерний сумрак успокаивает меня. — В голосе появляются печальные, волнующие меня нотки.

— Не знаю почему, но каждый раз, как выхожу на улицу, какая-то неведомая сила влечет меня туда, к вашему дому, и я невольно поворачиваю голову и жду, что хоть на мгновение мелькнет в окне знакомое лицо…

— Не говорите так….

— Я, впрочем, понимаю, как надоел вам рой поклонников с бездарными, много раз повторенными комплиментами.

— О ком вы?.. О ком вы говорите? Все не так.

— Но почему же вы одна?

Она ответила как-то напряженно и словно бы отводя глаза от

телефонного аппарата в сторону. Да и ответ был немного невпопад:

— Моего мужа сейчас нет. Он вернулся с фронта и опять уехал. И матери его тоже нет.

— Так, значит, мы можем быть вместе, как тогда?

— Михаил! Вы сознаете опасность, которой меня подвергаете? На что вы рассчитывали, когда позвонили мне?

— Я вас люблю, я звоню только для того, чтобы это вам сказать! Я люблю вас, Кира! Все эти долгие месяцы я мечтал о вас.

— Ради бога, Миша, что вы делаете! Не говорите так, вас могут услышать.

— Я не могу говорить иначе…

— Оставьте меня. Я больше ничего не желаю знать!

— Не вещайте трубку, умоляю!

— Замолчите, ради всего святого… У меня темно в глазах, что со мной будет!

— Успокойтесь, ничего с вами не случится. А вот меня скоро положат на телегу и вывезут прямо на погост. Долго ли подцепить от больных какую-то заразу? И в этом будете виновны вы.

— Миша! Заклинаю вас всем, что у вас есть дорогого, оставьте меня.

— У меня нет ничего дороже вас на этом свете, Кира.

— Я вешаю трубку!

— Нет! Вы причина того, что я готов даже на безумство. Скажите мне только одно слово — и мы бежим.

— И это вы говорите замужней даме? Вы и преступны, и безумны!

— Кира! Я бросил все, пациентов, близких мне людей, ненавистную больницу. Я приехал сюда с одной целью — быть ближе к вам. Да, я готов на преступление. Бежим!

— У меня дети.

— Забудьте.

— Ни за что!

— Я приду к вам этой ночью.

— Не смейте! Неужели вам нужна моя погибель? Зачем только вы появились здесь? Вы хотите заставить меня лгать и вечно трепетать… Боже мой, замолчите, Миша!

— Если вы не позволите мне прийти к вам, я устрою под вашими окнами скандал. Сегодня же! Ах, Кира дайте же мне шанс!..

Она испугана. Мне кажется, что у меня наконец-то получилось. И потому говорю уже более спокойным голосом:

— Кира, нам необходимо поговорить.

— Ну, так и быть… Приходите в полночь, когда все уснут.

Можно представить, что было после того, как я закончил разговор. Я так кричал, что все, наверное, слышали. Однако вот представить можно, но ничего ужасного на самом деле не случилось. Тася закрылась в дальней комнате, не открывает дверь. Дядьев дома нет. Мне только их увещеваний не хватало!

Но что это было? Неужели Кира назначила свидание? Неужели победил? Я плюхаюсь на диван, закидываю руки за голову… Я весь в мечтах… Я снова с моей Кирой! Скорей, скорей бы! Заснуть бы и не просыпаться до полуночи…

И вот сидим в гостиной у нее дома. На столе чашки с нежными цветочками снаружи и золотые внутри. Скатерть белая и накрахмаленная. Узорчатый паркет сияет, отражая свет зажженных свечей. Мы пьем чай с домашними пирожками, надо заметить, очень вкусными. Что ж, самая подходящая обстановка для задушевной, лирической беседы. Только вот как можно о чем-то говорить, когда все мысли о другом?

От рук, от губ ее пахнет дивными духами, слегка напудрено лицо. Изящные пальцы держат чашку, как диковинный цветок. Глаза прикрыты ресницами, как кружевами. Вот о чем-то задумалась…

— Ах, Миша! Я так несчастна. Мой постылый супруг… Я вышла замуж только потому, что могла сойти с ума от одиночества. Если бы не дети…

— Не огорчайте меня такими грустными словами. Вы удивительно красивы. Вы добрая, чудесная… Вы одна на свете. Других таких прекрасных нет.

— Вы искренни? Да! Да! Разве можете вы лгать? Я благодарна вам за эти слова, только вы нашли их для меня… Так хочется верить, что вы желаете добра. Но одно всегда страшит, стоит взглянуть на вас…

— Что же это?

— Ваши глаза. О, как они опасны!

— Верьте мне, Кира, я говорю с чистой душой, с открытым сердцем.

— Достойна ли я такой любви?.. Ах, я пропала…

Я вижу откинутую назад голову и шелковистую волну волос, пронизанную огнем свечи. И брови угольные. И огромные карие глаза. Мне не понять — красив ли ее профиль, этот нос с горбинкой. Так и не разобрал, что у нее в глазах. Вот кажется, испуг, тревога… А может быть, порок?..

По-детски бантиком сложила губы и смотрит в темное окно,

словно бы чего-то ожидает. Когда она вот так сидит, она представляется мне чудесной, лучше всех на свете.

— Иди ко мне, — сказал я. Она повернулась, глаза ее испуганно насторожились. Я обнял ее и поцеловал.

— Нет! Так нельзя, — пытается оттолкнуть меня.

Я снова привлек ее к себе. На этот раз она не сопротивлялась. Я потянул ее за собою на диван. И так притягивал до тех пор, пока она совсем не склонилась и не прилегла со мною рядом. И только тут я ощутил живую и ясную теплоту желанного, волнующего меня тела.

— Лежите и не шевелитесь, — прошептала она.

Она легла рядом со мной, и я почувствовал прикосновение ее коленей…

— Ты чудо как хороша!

— Знаешь, какая в юности я была худышка?

— Знаю. Изящная, грациозная…

— Говорят, с тех пор немного пополнела.

— Это бывает после родов. Но у тебя это заметно лишь чуть-чуть. Тебе даже идет. Во всяком случае, мне нравится.

— Как жаль, что мы тогда не встретились!

— Ну, как ты это представляешь? Дочь камергера и бедный, застенчивый студент…

Тут я немножечко слукавил. Так можно. Почему бы нет?

— А я вообразила себе… Да-да! Ужасно наивно этого желать.

— Но вот теперь я дипломированный врач. Скоро займусь непременно частной практикой. У меня будет много пациентов, появятся деньги. И все можно было бы еще поправить!

— Что? Как? У меня муж и две дочери. Ты тоже, видимо, женат.

— Нет, Кира! Нет! Я верен только тебе!

— Ах, милый! Я без ума от тебя, даже когда ты говоришь неправду!

— Но почему ты мне не веришь?

— Иди ко мне!

Объятия… Объятиям нет числа. Я сбился со счета. Да и кому какое дело… Словно бы стараемся наверстать то, что прежде не сбылось… Или насытиться любовью впрок? Однако странные у меня возникают мысли… Пророчество? Ах, не дай бог!

— Ты знаешь, муж недавно мне прислал письмо, будто бы купил участок на золотоносной речке?

— Где? — Я чувствую, как у меня загораются глаза.

— Там где-то, на севере, в Финляндии.

— А ты говорила, он на войне.

— Он в Петербург по делам поехал и вдруг встречает старого приятеля. А тот знает место, но у него нет денег, чтобы приобрести право на добычу… ну, все как следует устроить.

— И много золота на этой речке?

— Говорит, что жуть!

— Ах, интересно было бы… — Тут я мечтательно закатываю глаза…

Увы, кому везет в любви, как правило, не везет в делах. Мне предстоит еще не раз в этом убедиться. Но как удержать любимую, не имея приличного достатка? Рай с милым в шалаше?

Мы снова обнимаемся…

— С тех пор как муж уехал, здесь немыслимая скука. Недавно сосед является ко мне с цветами и с такой красочно оформленной коробкой. Я от незнакомых людей подарков не принимаю, но тут… Сосед все-таки. Зачем портить отношения?

— А что в коробке?

— Набор дамского белья. — Смеется.

— Я его убью!

— От дома я ему отказала. Ну и подарок конечно же пришлось вернуть.

— Да кто он такой?

— Известный фабрикант, из нуворишей. Рубашечки, бюстгальтеры, пеньюары, панталоны…

Ну вот опять! Словно бы нарочно намекает, что не судьба. Зачем ей бедный врач, если отвергает даже фабриканта?

Объятиям нашим нет конца… Но вот гляжу я на нее… Заплакала.

— Кира! Что с тобой?

— Ну вот, весь вечер думала и думала. Надо же на что-нибудь решиться.

— Не плачь, не плачь, любимая! Мы снова вместе…

— Ну почему ты не писал? Я думала, что ты меня забыл, я так тосковала! Ах, если бы ты знал! — Сквозь слезы улыбается. — Теперь для меня все ясно… Я дождалась. Теперь ты никуда, Миша, не уедешь! Мы уедем вместе!

— Уедем! Уедем, Кира…

— Я так измучилась, я уже два месяца почти не сплю. Как только ты пропал, я опомнилась и не могла простить себе, что отпустила! Все ночи сижу, смотрю в окно… и мне мерещится, что ты лежишь раненый где-то там, на поле битвы, и некому тебе помочь…

Не могу понять, о ком это она? Неужели обо мне? Видимо, о новом назначении забыла. Или переживания о воюющем супруге

неведомым мне образом стали заботой о здоровье сельского врача?

Плачет…

— Не надо, Кирочка, не надо!

— Что это было, Миша? Все эти месяцы? Сны? Объясни мне. Зачем же мы расстались?.. Я так хочу опять туда, вновь пережить наше первое свидание! А все остальное забыть, как будто ничего другого не происходило никогда!

— Ничего, ничего не было, все только померещилось, кроме той первой нашей встречи! Забудь, забудь все остальное! Пройдет время, мы поедем к тебе домой, в имение под Карачевом, и будем собирать майские цветы, и твои волосы будут пахнуть ландышем…

Отпуск закончился, и мы все-таки расстались.

Лето 1917 года

Сидя в дощатой будке на заднем дворе, поодаль от больницы, читаю письмо. Почтальон из рук в руки передал, а мне не хотелось, чтобы Тася знала. Опять эти свои вечные причитания начнет…

Вот же бывают такие письма. Только в руки конверт возьмешь, а уже знаешь, что там. И как оно дошло? Никакие письма не доходят, даже из Москвы, говорят, приходится посылать с оказией. И как все у нас глупо, дико в этой стране! Почему, спрашивается, письма пропадают? А это дошло. Не беспокойтесь, уж такое письмецо дойдет, непременно отыщет адресата… Только открывать это письмо не хочется. Потому что от него холодом и несчастьем веет.

«Милый Михаил! Мне очень трудно было найти в себе силы, чтобы написать это письмо. Но вот, наконец, решилась. Сразу скажу, что я благодарна тебе за все. Не стану доверять свои чувства бумаге, но поверь, что в сердце моем ты навсегда занял самое важное место. Иначе было бы в нем пусто и тоскливо.

Муж вернулся из Петербурга злой, я его никогда таким не видела. Думаю, причина не в том, что случилось в феврале, не в положении на фронте, а только в том, что сорвалась выгоднаясделка, на которую он рассчитывал. Я ведь тебе рассказывала о его поездке в Гельсингфорс. Теперь надежды разбогатеть у него нет, деньги из имения поступают очень редко, там бунтуют крестьяне. В общем, с деньгами стало плохо, но не это главное.

Я вдруг поняла, что больше так не могу. Вот дети, вот муж, дом — это все рядом, здесь. Без этого я своей жизни уже не представляю. И где-то там далеко прекрасные воспоминания о том, что с нами было. Как мне не хочется, чтобы эта память была осквернена семейной ссорой, ненавистью обманутого мужа. Еще, не дай бог, вызовет тебя на дуэль или застрелит в темном переулке, когда ты снова попадешь в Москву. Поверь, я этого не перенесу! Поэтому прошу тебя: прости и помни. Я наше прошлое не забуду никогда!

Кира, навсегда твоя.

P. S. Письмо, пожалуйста, сожги».

— Фельдшер знает. — Еще чуть-чуть, и Тася снова пустит слезу.

— Неужели? Мне все равно.

— Скоро все будут знать, что ты себя травишь морфием.

— Это пустяки…

— Если не уедем отсюда в город, я удавлюсь.

— Делай что хочешь. Только оставь меня в покое.

— Ты изверг! Зачем я полюбила тебя? Ах, боже мой, какая же я дура!

— Ой, ну сколько же можно об одном?! — У меня уже нет сил сдерживать себя.

Странно, но я только сейчас заметил, что Тася некрасива. Чем-то она напоминает мне бродячую собачонку, с которой позабавились, а потом прогнали за порог… И с какой стати я на ней женился? Ведь мог бы и подождать еще чуть-чуть, мог бы тогда встретить барышню, хотя бы чем-то похожую на Киру…

Я снова в забытьи. То ли это сон, то ли опять странное наваждение, вызванное морфием. Только моей милой Киры в этом наваждении больше нет. Есть темные тени, по сумрачным улицам идущие в неизвестность, в никуда. И я, словно бы скованный с ними одной цепью, бреду, бреду за ними следом. Господи! Да сделай же Ты что-нибудь!

Но вот я слышу голоса, вроде бы стою, затаив дыхание, у закрытой двери и стараюсь услышать, что происходит там, в соседней комнате. И слышу разговор:

— Я не могу тебя понять. Неужели ты не видишь, что все эти неприятности из-за того, что я несчастлив? А ты с таким удивительным равнодушием относишься к тому, что может быть причиной нашей общей беды.

— Почему никто и никогда не спросил, счастлива ли я? От меня умеют только требовать. Но кто-нибудь пожалел меня? Что

вам всем нужно? Я родила тебе детей и все последние годы слышу только про театр да про коммерцию… Деньги, деньги, деньги! Где их достать, как, наконец, разбогатеть. И, заимев солидный счет в банке, уехать за границу. Париж — мечта всей твоей жизни. «Комеди Франсез», Пляс Пигаль, посиделки у «Максима»… А я так… необходимый придаток, чтобы не ударить в грязь лицом перед почтенной публикой. Счастлив князь Юсупов, и Голицын тоже счастлив, и ты будешь счастлив… но только не со мной.

— Я вижу, что ты не любишь меня.

— Ничего другого тебе дать не могу.

— Увы, я знаю твои мысли, и мне больно за семью.

— Ну и знай… Знай, что и сегодня мы должны были увидеться, но он не пришел. И мне тоскливо.

— Одумайся, Кира! Я все прощу, только не надо с ним встречаться. Так не должно быть!

— А я хочу! И ничего не могу с собой поделать.

— Я понимаю. Меня так долго не было. Ты оказалась в большом, незнакомом городе совсем одна. Рядом ни друзей, ни подруг… Но почему ты не общаешься с княгиней, с моей матерью?

— Для нее я не слишком родовита. Я выскочка, парвеню, ворона в эдаких павлиньих перьях!

— Ты не права, Кира! Господь с тобой! Мама желает нам добра. Уверен, у нее и в мыслях нет как-нибудь оскорбить тебя, унизить.

— Ты бы видел ее глаза, когда она смотрит на меня…

— Помилуй, Кира! Выдумки! Выдумки все это! — И после паузы вопрос: — Так что же делать?

Долгое молчание. И вот, наконец, я слышу до боли мне знакомый женский голос:

— Давай уедем! Уедем навсегда. Здесь ничего уже не будет.

И снова пауза.

— Возможно, ты права… А что, если все вернется на круги своя? Не знаю, как ты… я еще надеюсь.

— Ты слеп, Юрий! Слеп, как и всегда. Ты и меня не смог понять. Не понял и того, что в России происходит. Открой глаза! Прежнего уже не будет никогда!

— Но как же… Нет, я так сразу не могу… Мне нужно посоветоваться…

— С кем? Завтра всех твоих знакомых по лицею поставят к стенке или же повесят на столбах. Чего ты ждешь? Чтобы твои холопы снова пришли поклониться князю-батюшке, мол, мы никак не можем без тебя?

Тишина. Оба молчат. А может быть, целуются? Тьфу, черт! Опять я о своем. А тут, может быть, решается судьба.

— Что ж, пойду договариваться о паспортах.

Князь уходит, а я остаюсь в отчаянии, в тоске по загубленной любви… Что мне остается? Да только уповать на чью-то милость.

Господи! Прости и помилуй своего раба за все, что я тут натворил. Зачем Ты так жесток? Клянусь Тебе всем дорогим на свете — я достаточно наказан. Знай, что я верю в Тебя! Верю всегда, даже если на время об этом забываю. Верю душой, телом, каждой клеточкой мозга. Верю и прибегаю к Тебе, потому что нигде на свете нет никого, кто бы мог мне помочь. Прости меня и сделай так, чтобы Кира вновь ко мне вернулась. И чтобы я избавился от пристрастия к наркотикам. Я верю, что Ты услышишь мои мольбы и вылечишь. Избавь меня, Господи, от той гнусности, в которую я сам себя низверг. Не дай мне сгинуть, избавь меня от морфия, от кокаина, избавь от слабости духа и дай надежду, что все еще можно изменить. Поверь, Господи, я исправлюсь!

И вот уже сумрак в комнате рассеялся, и кажется, что на душе немного полегчало…

Да, как же! Полегчает тут. А вы попробуйте жить, когда думаешь только об одном — о том, с кем и что она делает там, в своей квартире. Я тихо позвал:

— Кира!

Однако никто не входит в дверь. Никто не сядет на постель и не погладит меня ласково и нежно. Но почему?

Ну как тут не понять — они небось уже собирают свой багаж, а я по-прежнему валяюсь на кровати. Скорей, скорей в Москву!

Декабрь 1917 года

Как ехал в поезде, что говорил, что делал, не в состоянии в точности припомнить. Все было словно бы во сне. Нет, не во сне, а в горячечном бреду, когда перед глазами возникают сцены одна другой ужаснее и отвратительней.

Вот вижу сплетение тел на кровати в спальне… Сдавленные крики, стоны… Князь удовлетворенно улыбается, закуривает папиросу, а Кира гладит его по животу… Смеется…

— Ты знаешь, он такой забавный…

— Кто?

— Да тот офицерик, врач, с которым ты пересылал письмо.

— Знал бы, что он такой ходок, пристрелил бы еще там, в госпитале.

— Ну до чего ты у меня ревнивый! — снова рассмеялась.

— Как ты могла? С любовником на этом самом диване, на

котором я читал тебе стихи.

— Какие еще стихи? Я что-то не припомню.

— Да-с, на этом вот диване…

Сказано это почти трагическим тоном, и вдруг:

— Ну и каков же он в постели?

— Юрий, Господь с тобой! Я не могу тебе рассказывать буквально обо всем.

— Нет, расскажи! — настаивает.

— Да, в сущности, и говорить-то не о чем. Ну нежный, ласковый… Но видимо, после перенесенной болезни… как бы тебе это объяснить…

— Я понял! — Князь поперхнулся дымом и вот оглушительно хохочет…

От этого злобного хохота я снова просыпаюсь. На соседней лавке храпит пьяный штабс-капитан, командир батареи из конной артиллерии. Странный тип. И очень уж назойливый. Припоминаю, что говорил мне накануне… Ну да, все уши прожужжал.

— Открыть фронт немцам! И сейчас же! Только тогда мы будем избавлены от этой жидовской оперетки с трагическим концом, когда от воплей кастрированных теноров и оваций возбужденной публики может рухнуть здание российской государственности…

О чем это он? Какое здание? Какие тенора? Да можно ли так напиваться?

— Что нужно немцам — сахар, сало, хлеб? Да подавитесь, только помогите. Мы все теперь на собственном опыте узнали, что значит демократия со всеми этими гороховыми шутами вроде Керенского.

Опять не понял про шутов… еще про демократию и про «душку» Керенского… Ах, Кира! Как же ты могла?..

— Спасти Россию может исключительно монархия. Пусть кайзер наведет у нас порядок, а дальше уж мы сами как-нибудь…

В мозгах по-прежнему сумбур, но постепенно что-то проясняется. Я пытаюсь возразить:

— Боюсь, что за безумство мартовских дней нам предстоит очень тяжелая расплата.

— А для начала всех этих… с красными бантами… на фонари!

— Я, знаете ли, не настолько кровожаден…

Ощерился. Кровью налилось лицо, рука отчего-то тянется к нагану.

— Да вы социалист, доктор, как я погляжу! — Рот брызжет слюной, меня обволакивает вонючим перегаром. — Знаю я вас,

университетских, все одним миром мазаны, мать вашу так!

Вот не хватало еще в лоб пулю получить от пьяного защитника.

— Нет уж, позвольте, штабс-капитан!

— А не позволю!

— Но я же вовсе не социалист.

— Не ври! По роже сразу видно!

— Я даже слова этого поганого не выношу.

— Так я и поверил!

— Я, как и вы, радею за монархию! — Я встал, для храбрости перекрестился и запел: — Боже, царя храни!..

Дальше в сознании провал. Могу предположить, штабс-капитан пытался задушить меня в объятиях… Ясно лишь, что едва закончится одно кошмарное видение, взамен его непременно начинается другое… И так без конца, без смысла, без надежды…

Только теперь, вспомнив о ночном споре, я осознал весь ужас происшедшего. Кира мне изменила, родину я уже почти что потерял, осталась судорожно бьющаяся жилка у виска. Стоит нажать на спусковой крючок, и вся эта не нужная мне жизнь вытечет за несколько мгновений…

Из коридора просачивается табачный смрад. Доносятся возбужденные голоса — тоже все о чем-то спорят. Мало им того, что было в марте! Бездари! Пропили Россию, продули, проиграли…

Вот и я тоже все, что только можно, проиграл. И нет мне теперь ни пощады, ни прощения… Я снова проваливаюсь в полузабытье.

Только в этой качающейся полутьме она и согласна появиться — порочная, эгоистичная женщина с невиданным, изощренным талантом обольщения. Княгиня! Ее нога в черном шелковом чулке… Халат словно бы случайно распахнулся, и стало видно кружево белья… Я слышу ее призывный шепот, еле различимый среди стука колес и воя ветра за окном…

И этому нежному шепоту ответил храп пьяного в стельку офицера.

Когда очнулся, поезд уже стоял у перрона Брянского вокзала. За окном серый полумрак, а в голове одна-единственная мысль: неужто все на самом деле кончено? Однако так не может быть, так не бывает, чтобы не оставалось никакой надежды. Даже у приговоренного к смерти есть последнее желание…

Только добрался до Обухова, отпустил извозчика и сразу к телефону:

— Барышня! Тридцать два ноль семь… Умоляю, поскорее…

Ах, Кира! Кира, это я… Я только что с вокзала.

В трубке молчание. Потом слышу голос, но совсем чужой.

— Миша, я вас прошу, вы больше не звоните.

— Но почему?

— Мы скоро уедем за границу.

— А как же я?

— Я благодарна вам за все. За то, что помогли мне в трудную минуту. Оказались рядом, когда я умирала от тоски и одиночества… Но ничего уже не будет. Никогда!

— Но так нельзя!

— Господи, Миша! Мне тоже тяжело. Но здесь оставаться невозможно. Вы только посмотрите, что тут делается!.. Бежать, бежать непременно из Москвы!

— Нет!!!

— Миша, смиритесь!.. Все прошло! Забудьте. И я забыла, и вы не вспоминайте.

— Я застрелюсь! И ты будешь в этом виновата.

— Не мучайте меня! Подумайте, что будет, если я останусь. Что будет со мной и с детьми?

— Я буду вас защищать!

— Ради бога! Если вы любите меня, то отпустите!

— Кира! Сжальтесь!

— Если что-нибудь случится с дочерьми, я тебя возненавижу!

— Ты ведьма! Ведьма! Сначала завлекла, а вот теперь…

— Ты болен, Миша. Успокойся! Я верю, что у вас с Татьяной все будет хорошо. Прощай!

Княгиня вешает трубку. А я ошарашен тем, что она знает про жену. Предали!.. Зарезали!!.. Убили!!!..

Я стал умирать днем 22 декабря. День этот был мутноват, бел и насквозь пронизан отблеском грядущего через два дня Рождества. Впрочем, до Рождества ли тогда было?

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной бранью бьют стекла в трамваях. Видел разрушенные и обгоревшие дома. Видел людей, которые осаждали подъезды запертых банков, длинные очереди у хлебных лавок, затравленных и жалких офицеров в шинелях без погон…

Все это я воочию видел и попытался понять, что произошло. Но если голова моя была цела, то сердце было растерзано там, у подъезда дома на Обуховом. Возможно ли все происходящее понять, имея в груди своей израненное сердце?

Ах, право же, какие глупости! Рана не опасна… Пациент будет жить. Но надобно дать еще немного морфию, чтобы прекратить страдания…

По счастью, не так уж трудно раздобыть наркотики в Москве. Конечно, если очень, очень надо. Тем более врачу…

Ну вот… Наконец-то… Полегчало…

Как очутился у Патриаршего пруда, не помню… то есть не пойму… Вроде бы шел от аптеки Рубановского, что на углу Большой Садовой. Только собрался сесть на скамейку в сквере чуть передохнуть, но вот… Но вдруг увидел там, вдали, на Малой Бронной очень знакомый силуэт. Нет, это был не коллега по фронтовому госпиталю, не дядин сосед из дома на Пречистенке и даже не случайный попутчик, с которым я ночь провел в одном вагоне. Самое удивительное, что это была женщина, притом очевидно, что брюнетка. Но кто — я не в силах был понять. Ясно было одно — надо непременно разъяснить себе, кто же такая эта женщина.

Эй, торопись! Тут главное — не мешкать. Да мне ли этого не знать! В мгновение ока я пересек сквер и двинулся за ней по Бронной. Однако странно, я и шагу прибавлял, и попытался бежать, расталкивая по пути прохожих, но ни на сантиметр не приближался к этой женщине. Меня поражала та сверхъестественная, немыслимая скорость, с которой она уходила от меня. Впрочем, я от нее не отставал. И нескольких секунд не прошло, как после Никитских ворот я был на Арбатской площади. Еще мгновения, и вот уже какой-то темный переулок, чуть покосившийся фонарь и нефтяная лавка на углу. Опять шумная, заполненная народом улица — кажется, это Пречистенка. Тут я ее чуть не потерял. Потом снова переулок, унылый, гадкий, ведущий в неведомую тьму. И вот здесь-то женщина окончательно исчезла.

Растерянно гляжу по сторонам, надеясь на помощь дворников, филеров и прохожих. Странно, но никому нет никакого дела до меня… И тут вдруг я сообразил, что женщина должна непременно оказаться вот в этом доме и обязательно на пятом этаже. Надо только подняться по лестнице, а там сразу повернуть направо. Да ясно же, как дважды два! Вбежал в подъезд, взлетел на пятый этаж, нашел нужную квартиру. Звоню… Внутри отозвалось… Но вот ведь стою, стою, а никто не открывает. Стал колотить в дверь кулаками… Сколько можно ждать!

Ну наконец-то дверь отворила горничная и, ни о чем не спрашивая, ушла.

В громадной передней никого. Пусто, как в дождливый день на паперти. Из глубины квартиры послышались детские голоса. И мягкий, успокаивающий голос няни. Эх, мне бы так вот кто-нибудь сказал…

Я рассуждал примерно следующим образом: «Где она может быть? Да где ж еще, если скрыться можно только в спальне?» В передней пусто и в темном коридоре никого. То есть просто некому указать кратчайшую дорогу. Что делать-то?

По счастью, долго плутать мне не пришлось. Предмет своих поисков я обнаружил почти что сразу же. И вот я в спальне. Там, под балдахином, на роскошной, сияющей снежной белизной постели лежала она, почти раздетая, в полупрозрачном пеньюаре. Уже ль та самая брюнетка, за которой я погнался? Мне показалось, что она кого-то ждет. Не знаю, может быть, меня… Поколебавшись немного, я подошел к ней, поклонился и собирался что-нибудь сказать…

Брюнетка вдруг перебила меня и проговорила низким голосом:

— Булгаков, вы ужасны… Из-за вас я не спала всю ночь и вот решилась. Будь по-вашему. Я вам отдамся.

Я посмотрел на смуглое лицо, от которого на меня пахнуло то ли ладаном, то ли ароматом папиросы, взглянул в ее огромные глаза, но так ничего и не сказал. Я все никак не мог понять, та ли это женщина или же совсем другая. Вот иной раз пытаешься найти свой идеал, заранее представив его дивные черты в своем воображении, и вдруг обнаруживаешь что-то вроде бы похожее, но только совсем, совсем иное… Так та или не та?

Видя сомнение в моих глазах, брюнетка решила взять инициативу на себя. Закинула голову, страдальчески оскалив зубы, схватила мои руки, притянула их к себе и зашептала:

— Что же ты молчишь, мой соблазнитель? Ты покорил меня своею храбростью. Целуй же, целуй меня скорее, пока муж со службы не пришел.

Я пошатнулся, ощутив на губах что-то сладкое и мягкое, и ее глаза оказались у самого моего лица.

— Я отдамся тебе… — шептала она, пытаясь стащить с меня пиджак.

Тут что-то стукнуло меня, словно бы я споткнулся о порог, ударившись головой о притолоку… Один глаз женщины, то есть тот, что был зеленый, смотрел мне прямо в лоб, но вот другой… ну просто невпопад, был совершенно карий и что-то высматривал за моей спиною. Да неужели… Господи, подмена! И я прокричал:

— Мадам! Тетушка! Но это невозможно! Я болен. Я безнадежный наркоман!

— Я тебя вылечу, вылечу, — бормотала Маргарита Карловна, впиваясь мне ногтями в плечи. Она оскалилась от ярости, что-то еще произнесла невнятно. А потом…

Потом все кончилось.

Но вот очнулся. Лежа на белой простыне, пытаюсь вспомнить, кто я и откуда. Еще важнее разобраться — где? Нет, это не спальня, не постель… Мне кажется, что это смотровая. Да, да, смотровая моего дяди, гинеколога. Белая, ослепительно-белая, большая комната. Белее бывает только свежевыпавший снег в сельской глуши где-нибудь под Вязьмой или под Смоленском. Но это точно Москва!

Как я попал сюда? Да откуда же мне знать? Помню только, что не повезло с какой-то женщиной… Что там было? Погоня? Или подлая измена? Или просто жестокая расплата за какие-то грехи… Ясно лишь то, что дальше продолжаться так не может… Хотя бы потому, что мне этого не перенести.

Я достал из кармана револьвер, приложил дуло к виску, неверным пальцем нашарил спусковой крючок…

Тут снизу послышались очень знакомые мне звуки, сипло заиграл оркестр, и тенор в граммофоне запел:

«О, час! Мой смертный час! Когда сразишь меня ты?»

Да это «Фауст»! Вот уж действительно, «свезло». Дождусь только арии Мефистофеля. В последний раз. Больше никогда уж не услышу.

Оркестр то пропадал, то появлялся, но тенор продолжал кричать:

«Если медлишь ты, я сам пойду к тебе навстречу!»

Сейчас, сейчас… Однако как быстро он поет!

Дрожащий палец лег на спусковой крючок… и в это мгновение грохот оглушил меня, сердце куда-то провалилось, мне показалось, что на мгновение погас свет. Я уронил револьвер.

Тут грохот повторился. Из прихожей донесся басовитый голос:

— Вот и я!

Я повернулся к двери. Неужто сам Мефистофель пожаловал, собственной персоной?

В комнату вошел солидный господин. Соболья шапка, шуба, подбитая мехом, чуть ли не до пят, трость с набалдашником, на носу золоченое пенсне. В общем, так примерно я себе его и представлял.

— Доктор Кутании, к вашим услугам, — сказал вошедший и поглядел на меня очень дружелюбно. — Ваш дядюшка… мне передали его просьбу, и вот я здесь. Чем могу помочь?

А ну как действительно поможет? Вот снял шубу, уселся со мной рядом и чего-то ждет.

— Дело вот в чем, коллега, — начал я, внезапно почувствовав, что надо бы ему рассказать все, буквально все, как

на духу, — дело в том, что меня в наркоманы записали, а ведь это же совсем не так… Жена твердит, чтобы я лечился. И самое главное, никто не желает меня слушать!..

— Не волнуйтесь, я выслушаю вас очень внимательно, — серьезно и успокоительно сказал Кутании, — и в наркоманы вас рядить ни в коем случае не позволю.

— Так слушайте же: вчера вечером на Патриарших я встретил некую таинственною личность. Вроде женщина, но странная какая-то. Например, за ней погонишься, а догнать нет никакой возможности… Гнался я за ней по арбатским переулкам, по Пречистенке. Но только показалось, что догнал, как она юрк в какой-то дом…

Свой рассказ я сопроводил энергичными жестами, тем самым пытаясь передать врачу свое состояние в пылу погони. Надеялся, что хоть таким образом он меня поймет. Ну а что еще мне оставалось?

— И вот теперь вы добиваетесь, чтобы я помог вам эту даму разыскать? Правильно ли я вас понял? — спросил Кутании, внимательно глядя на меня.

«Он умен, — подумал я. — Впрочем, среди врачей умные граждане совсем не редкость, это всем известно. А этот наверняка доцент… Да что доцент, наверняка уже профессор!» — и ответил так:

— Я сам ее найду. Вы только дайте мне справку, что я не морфинист. Умоляю! А то ведь как можно подойти к приличной даме с таким, как у меня, диагнозом? — Для убедительности сначала я решил пустить слезу, а потом, передумав, стукнул кулаком по столу и закричал: — Нет, даже не прошу, а требую, чтобы меня прямо тут, теперь признали окончательно здоровым!

— Ну что же, славно, славно! — спокойно отозвался Кутании. — Вот все и разъяснилось. Действительно, какой же смысл здорового человека называть больным? Хорошо-с. Я вам сейчас же выпишу такую справку, если вы мне скажете… нет, не докажете, а только скажете, что вы здоровы. Итак, коллега, станете ли вы утверждать, что совершенно здоровы?

Предложение профессора мне очень понравилось, однако прежде, чем ответить, я еще подумал, перебирал кое-какие соображения в уме, наморщив лоб, и, наконец, сказал очень твердо и уверенно:

— Я здоров!

— Ну вот и славно, — проговорил с явным облегчением Кутании. — А если так, то давайте рассуждать логически. Возьмем этот вчерашний случай у Патриаршего пруда. В поисках неизвестной женщины вы произвели такие действия, — тут

Кутании стал загибать длинные пальцы, внимательно глядя на меня, — бегали по улицам, расталкивая прохожих. Было?

— Было, — хмуро согласился я.

— Кричали, чтобы она остановилась? Так? Затем ворвались в дом за нею следом, а потом в квартиру. Так ли это было?

Я не возражал.

— А теперь скажите, — продолжал Кутании, — возможно ли, действуя таким манером, добиться свидания с приличной дамой, не напугав бедняжку до смерти? И если вы человек вполне здоровый, к тому же врач, вы мне ответите сами: да никоим образом!

Тут что-то странное случилось со мной. Моя воля как будто раскололась, и я почувствовал, что слаб, что нуждаюсь в дружеском совете.

— Так что же делать? — спросил я на этот раз уже робко, нерешительно.

— Ну вот и славно! — снова повторил Кутании. — Это резоннейший вопрос. Теперь я расскажу вам, что, собственно, произошло. — Он задумался на мгновение и продолжал: — Какое-то время назад вы познакомились с женщиной. Вы полюбили ее, были с ней близки, но по некоей не зависящей от вас причине вы расстались. Так ли это было?

— Так, профессор, — прошептал я, замирая от нехорошего предчувствия. «Откуда он все знает?»

— И вот с тех пор образ этой женщины преследует вас. Вам и мучительно вспоминать о ней, и сладостно. В итоге тяжесть утраты любимого человека стала для вас невыносима, и вы не нашли другого способа, кроме как прибегнуть к помощи наркотиков. Я прав или не прав?

Молчу, затаив дыхание, и только жду, что еще он скажет.

— Так вот что я бы вам посоветовал, коллега. Все то, что с вами произошло, изложите на бумаге. Все ваши переживания, всю боль, как бы ни трудно было это сделать. Причем пишите так, будто все это случилось не с вами, а с другим. Нет иного способа избавиться от наваждения, как переложить его на кого-нибудь другого. В данном случае на плечи выдуманного вами человека. Пусть он теперь и мучается! И помните, это вам поможет, а без этого у вас не выйдет ничего. Вы меня слышите? — вдруг многозначительно спросил Кутании и завладел обеими моими руками. Взяв их в свои, он долго, в упор глядя мне в глаза, повторял: — Это вам поможет… Вы слышите меня?.. Это вам поможет… Вы получите облегчение…

— Профессор, но смогу ли я?

— Сможете, если жить хотите. — Он отпустил мои руки, но

так же пристально смотрел в глаза. — Однако вот о чем хочу предупредить. Тут либо то, либо другое. Писателю наркотики противопоказаны.

— Но как избавиться от эффекта привыкания? — Я чувствовал, что наконец-то рассуждаю здраво. Во всяком случае, так мне показалось.

— Все очень просто, — пояснил Кутании, — хотя простота эта весьма обманчива, поскольку трудно сделать первое усилие. Так вот, стоит вам начать писать, как в самом скором времени почувствуете, что боль куда-то отступает. Чем больше пишете, тем легче становится на душе. Но лишь одно условие: не напрягайте головы, пишите больше от сердца, от своих переживаний… А там, чем черт не шутит, станете известным писателем, прославитесь. И вот в один прекрасный день та женщина прочитает ваш роман… и тут она поймет, кого когда-то потеряла.

— Профессор! Если получится все так, я вам по гроб жизни буду благодарен.

— Ладно, ладно! Еще успеете отблагодарить. — Кутании еле заметно улыбнулся. — Случится быть в Москве, так непременно заходите. Поужинаем вместе, сходим в оперу…

Ночью, едучи в расхлябанном вагоне обратно к месту службы, под Смоленск, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, я написал первый маленький рассказ. Потом еще и еще. И вот однажды решился и отнес очередной вышедший из-под моего пера рассказ в редакцию газеты. Там его почему-то напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. Вскоре я бросил занятие врача и стал писать.

И вот, наконец, понял, что пришло время. Время покорять Москву…

Так мог бы начинаться роман о Булгакове и о княгине. Мог бы, однако по-прежнему остаюсь в сомнении. А допустимо ли в реальности существовавшим людям приписывать созданные моим воображением поступки и слова? Даже если оговорить заранее, что это всего лишь плод моей фантазии. С другой стороны, представьте, что я дам персонажам другие, выдуманные имена. Ну и зачем все это нужно? Допустим, кому-то будет интересна мелодраматическая история об аристократке и военврачe, будущем писателе. Но при чем тут я? Не вижу никакого смысла в том, чтобы придумывать еще одно занимательное чтиво. В общем, если и смогу роман когда-то написать, то лишь о Булгакове и княгине Кире.

notes

Примечания

1

Как интересно ты проводишь время, моя милая княгиня! *(нем.)*